

ЛИТЕРАТУРА

В. Я. Коровина В. П. Журавлев В. И. Коровин

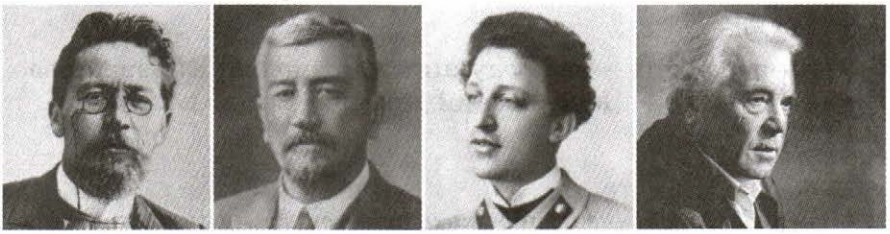
Часть 2

8

PROSV.RU

ПРОСВЕЩЕНИЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

ФГОС

В. Я. Коровина В. П. Журавлев В. И. Коровин

ЛИТЕРАТУРА

8 КЛАСС

Учебник

для общеобразовательных организаций

В двух частях

Часть 2

Рекомендовано
Министерством образования и науки
Российской Федерации

5-е издание

Москва «Просвещение» 2017

УДК 373.167.1:82.09
ББК 83я72
К68

На переплёте — репродукция картины А. К. Саврасова «Вид на Московский Кремль. Весна». 1873

На учебник получены **положительные экспертные заключения** по результатам **научной** (заключение РАН № 10106-5215/650 от 14.10.2011 г.), **педагогической** (заключения РАО № 163 от 29.01.2014 г., № 169 от 05.02.2015 г.) и **общественной** (заключения РКС № 182 от 07.02.2014 г., № 839 от 01.04.2015 г.) экспертиз.

Коровина В. Я.

К68 Литература. 8 класс. Учеб. для общеобразоват. организаций. В 2 ч. Ч. 2 / В. Я. Коровина, В. П. Журавлев, В. И. Коровин. — 5-е изд. — М. : Просвещение, 2017. — 368 с. : ил. — ISBN 978-5-09-046559-5.

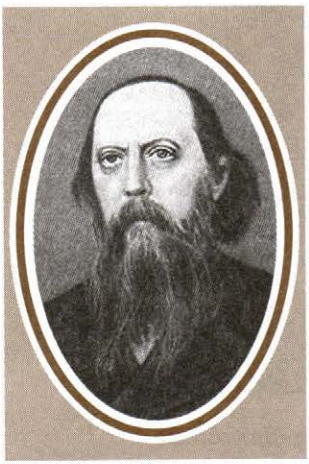
Учебник соответствует Федеральному государственному образовательному стандарту основного общего образования, «Примерным программам по учебным предметам. Литература. 5—9 классы» и «Рабочим программам. Литература. Предметная линия учебников / Под редакцией В. Я. Коровиной. 5—9 классы».

УДК 373.167.1:82.09
ББК 83я72

ISBN 978-5-09-046559-5(2)
ISBN 978-5-09-046561-8(общ.)

© Издательство «Просвещение», 2014
© Художественное оформление. Издательство «Просвещение», 2014
Все права защищены

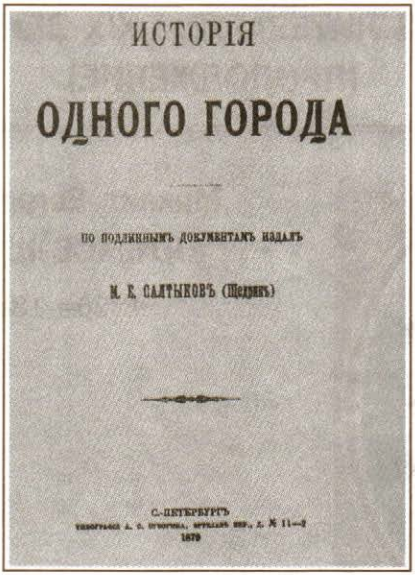
ИЗ ЛИТЕРАТУРЫ XIX ВЕКА (ПРОДОЛЖЕНИЕ)

Михаил Евграфович САЛТЫКОВ-ЩЕДРИН

1826—1889

М. Е. Салтыков, взявший литературный псевдоним Щедрин, происходил из старинного дворянского рода. Детские годы он провёл в помещичьей усадьбе, где и познакомился с ужасами крепостного права. Впоследствии, окончив привилегированное учебное заведение — Царскосельский лицей, писатель занимал крупные и важные должности в русском государстве. Он вполне познал, как действует государственная чиновничье-бюрократическая машина, как неправедно творится суд, как слагается психология чиновников, занимающих незначительные и значительные места. Этот жизненный и служебный опыт привёл Салтыкова-Щедрина к мысли о том, что главное бедствие русской действительности — крепостное право. Но оно держится на двух основаниях — рабской покорности народа, его психологии при всей ценности замечательных качеств русских людей и на силе круговой поруки, общих корыстных интересов правящих слоёв, создавших сложную, прочную систему обмана, грабежа и полной бесконтрольности. В государственном механизме и во всех деяниях высших чиновников от императора и губернаторов до каких-нибудь мелких делопроизводителей царствовал один и тот же порядок. Во-первых, они не опасались ответственности и получали возможность творить что хотели, не ожидая наказания или возмездия. Лишь на короткие мгновения им угрожали

ИСТОРІЯ

ОДНОГО ГОРОДА

ПО ПОДЛИННЫМЪ ДОКУМЕНТАМЪ ИЗДАЛЪ

М. Е. САЛТЫКОВЪ (Щедринъ)

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

1870

М. Е. Салтыков-Щедрин. «История одного города».
Титульный лист

бессмысленные бунты, которые легко подавлялись. Во-вторых, в основе всех действий по управлению страной, министерством, департаментом или другим казённым учреждением лежал личный произвол, каприз, принцип «что хочу, то и ворочу». При разности характеров, умственных способностей, образования и настроя души правители весьма отличались друг от друга, и потому капризы их были несходны. Это чрезвычайно разнообразило русскую жизнь вообще и жизнь обывателей одного и того же города или губернии. Но вместе с тем произвол всегда оставался основным и единственным способом управления.

Именно в таком свете Салтыкову-Щедрину открылась русская история на протяжении веков, которую он в фантастической форме изобразил в знаменитой **«Истории одного города»**, конечно преувеличив и сатирически заострив свои наблюдения над русской жизнью. В этом произведении, пародируя летописцев, историков и исторические труды, писатель высказал несколько принципиальных мыслей об устройстве государства. Он нашёл, что в русской жизни существует некий неизменный общий принцип произвола при многообразии капризов и вздорных притязаний. Этот принцип опирался не на силу закона, твёрдых установок и правил, не на живой и быстрый порядок течения дел, а на мощь власти, владеющей оружием, органами принуждения, и на сложное, за-

путанное, недоступное простым людям, придуманное чиновниками ведение дел. Согласно русской пословице «Сила есть — ума не надо», губернаторам и градоначальникам совсем не обязательно быть просвещёнными, умными и душевно отзывчивыми людьми. У них в ходу краткие и выразительные формулы: «Не потерплю», «Раззорю!» И все жители на опыте предков и на своём собственном давно убедились, что так и будет. Поэтому они всегда пребывают в страхе и каждый раз надеются, что новый градоначальник окажется лучше прежнего, и непременно ошибаются. Силу градоначальникам придаёт не только страх обывателей, народа, но и их рабское терпение. Салтыков-Щедрин, в отличие от других писателей, не поэтизировал терпение, молчание, смирение русского человека, а считал его крайне вредным свойством национального характера, которое ведёт к темноте, забитости, непросвещённости, забвению своих интересов.

«История одного города» убеждала, что так дальше продолжаться не может: либо Россия прекратит своё существование, либо наступит такой перелом, который сметёт с лица русской земли существующий государственный строй.

?! Проверьте себя

1. Что вам известно о детстве писателя? Какие новые сведения о нём вы почерпнули из статьи?
2. Какие произведения Щедрина вы читали?
3. Вам предстоит познакомиться с отрывком из сложного произведения «История одного города». И в нём вы найдёте сатиру на существовавшие во времена писателя порядки.
4. Используя статью учебника и ресурсы Интернета, подготовьте устное сообщение о писателе.

История одного города

Отрывок

О корени происхождения глуповцев

«Не хочу я, подобно Костомарову[1], серым волком рыскать по земли, ни, подобно Соловьёву[2], шизым орлом

---

[1] *Н. И. Костома́ров* (1817—1885) — историк, писатель, автор известных исследований по истории России и Украины.

[2] *С. М. Соловьёв* (1820—1879) — историк, академик, автор многотомной «Истории России с древнейших времён».

ширять под облаки, ни, подобно Пыпину[1], растекаться мыслью по древу, но хочу ущекотать прелюбезных мне глуповцев, показав миру их славные дела и предобрый тот корень, от которого знаменитое сие древо произросло и ветвями своими всю землю покрыло»[2].

Так начинает свой рассказ летописец, и затем, сказав несколько слов в похвалу своей скромности, продолжает.

Был, говорит он, в древности народ, головотяпами именуемый, и жил он далеко на севере, там, где греческие и римские историки и географы предполагали существование Гиперборейского моря. Головотяпами же прозывались эти люди оттого, что имели привычку «тяпать» головами обо всё, что бы ни встретилось на пути. Стена попадётся — об стену тяпают; Богу молиться начнут — об пол тяпают. По соседству с головотяпами жило множество независимых племён, но только замечательнейшие из них поименованы летописцем, а именно: моржееды, лукоеды, гущееды, клюковники, куралесы, вертячие бобы, лягушечники, лапотники, чёрнонёбые, долбёжники, проломленные головы, слепороды, губошлёпы, вислоухие, кособрюхие, ряпушники, заугольники, крошевники и рукосуи. Ни вероисповедания, ни образа правления эти племена не имели, заменяя всё сие тем, что постоянно враждовали между собою. Заключали союзы, объявляли войны, мирились, клялись друг другу в дружбе и верности, когда же лгали, то прибавляли «да будет мне стыдно», и были наперёд уверены, что «стыд глаза не выест». Таким образом взаимно разорили они свои земли, взаимно надругались над своими жёнами и девами и в то же время гордились тем, что радушны и гостеприимны. Но когда дошли до того, что ободрали на лепёшки кору с последней сосны, когда не стало ни жён, ни дев и нечем было «людской завод» продолжать, тогда головотяпы первые взялись за ум. Поняли, что кому-нибудь да надо верх

---

[1] *А. Н. Пы́пин* (1833—1904) — литературовед, академик, глава культурно-исторической школы в русском литературоведении.

[2] Очевидно, летописец подражает здесь «Слову о полку Игореве»: «Боян бо вещий, аще кому хотяше песнь творити, то растекаешеся мыслью по древу, серым вълком по земли, шизым орлом под облакы». И далее: «О, Бояне! соловию старого времени! Абы ты сии пълки ущекотал» и т. д. — *Изд.*

взять, и послали сказать соседям: будем друг с дружкой до тех пор головами тяпаться, пока кто кого перетяпает. «Хитро это они сделали, — говорит летописец, — знали, что головы у них на плечах растут крепкие — вот и предложили». И действительно, как только простодушные соседи согласились на коварное предложение, так сейчас же головотяпы их всех, с Божью помощью, перетяпали. Первые уступили слепороды и рукосуи; больше других держались гущееды, ряпушники и кособрюхие. Чтобы одолеть последних, вынуждены были даже прибегнуть к хитрости. А именно: в день битвы, когда обе стороны встали друг против друга стеной, головотяпы, неуверенные в успешном исходе своего дела, прибегли к колдовству: пустили на кособрюхих солнышко. Солнышко-то и само по себе так стояло, что должно было светить кособрюхим в глаза, но головотяпы, чтобы придать этому делу вид колдовства, стали махать в сторону кособрюхих шапками: вот, дескать, мы каковы, и солнышко заодно с нами. Однако кособрюхие не сразу испугались, а сначала тоже догадались: высыпали из мешков толокно и стали ловить солнышко мешками. Но изловить не изловили, и только тогда, увидев, что правда на стороне головотяпов, принесли повинную.

Собрав воедино куралесов, гущеедов и прочие племена, головотяпы начали устраиваться внутри, с очевидною целью добиться какого-нибудь порядка. Истории этого устройства летописец подробно не излагает, а приводит из неё лишь отдельные эпизоды. Началось с того, что Волгу толокном замесили, потом телёнка на баню тащили, потом в кошеле кашу варили, потом козла в соложёном тесте утопили, потом свинью за бобра купили, да собаку за волка убили, потом лапти растеряли да по дворам искали: было лаптей шесть, а сыскали семь; потом рака с колокольным звоном встречали, потом щуку с яиц согнали, потом комара за восемь вёрст ловить ходили, а комар у пошехонца на носу сидел, потом батьку на кобеля променяли, потом блинами острог конопатили, потом блоху на цепь приковали, потом беса в солдаты отдавали, потом небо кольями подпирали, наконец, утомились и стали ждать, что из этого выйдет.

Но ничего не вышло. Щука опять на яйца села; блины, которыми острог конопатили, арестанты съели; ко-

шели, в которых кашу варили, сгорели вместе с кашею. А рознь да галденье пошли пуще прежнего: опять стали взаимно друг у друга земли разорять, жён в плен уводить, над девами ругаться. Нет порядку, да и полно. Попробовали снова головами тяпаться, но и тут ничего не доспели. Тогда надумали искать себе князя.

— Он нам всё мигом предоставит, — говорил старец Добромысл, — он и солдатов у нас наделает, и острог, какой следовает, выстроит! Айда, ребята!

Искали, искали они князя и чуть-чуть в трёх соснах не заблудилися, да спасибо случился тут пошехонец-слепород, который эти три сосны как свои пять пальцев знал. Он вывел их на торную дорогу и привёл прямо к князю на двор.

— Кто вы такие? и зачем ко мне пожаловали? — вопросил князь посланных.

— Мы головотяпы! нет нас в свете народа мудрее и храбрее! Мы даже кособрюхих и тех шапками закидали! — хвастали головотяпы.

— А что вы ещё сделали?

— Да вот комара за семь вёрст ловили, — начали было головотяпы, и вдруг им сделалось так смешно, так смешно... Посмотрели они друг на дружку и прыснули.

— А ведь это ты, Пётра, комара-то ловить ходил! — насмехался Ивашка.

— Ан ты!

— Нет, не я! у тебя он и на носу-то сидел!

Тогда князь, видя, что они и здесь, перед лицом его, своей розни не покидают, сильно распалился и начал учить их жезлом.

— Глупые вы, глупые! — сказал он, — не головотяпами следует вам, по делам вашим, называться, а глуповцами! Не хочу я володеть глупыми! а ищите такого князя, какого нет в свете глупее — и тот будет володеть вами.

Сказавши это, ещё маленько поучил жезлом и отослал головотяпов от себя с честию.

Задумались головотяпы над словами князя; всю дорогу шли и всё думали.

— За что он нас раскастил? — говорили одни, — мы к нему всей душой, а он послал нас искать князя глупого!

Но в то же время выискались и другие, которые ничего обидного в словах князя не видели.

— Что же! — возражали они, — нам глупый-то князь, пожалуй, ещё лучше будет! Сейчас мы ему коврижку в руки: жуй, а нас не замай!

— И то правда, — согласились прочие.

Воротились добры молодцы домой, но сначала решили опять попробовать устроиться сами собою. Петуха на канате кормили, чтоб не убежал, божку съели... Однако толку всё не было. Думали-думали и пошли искать глупого князя.

Шли они по ровному месту три года и три дня, и всё никуда прийти не могли. Наконец, однако, дошли до болота. Видят, стоит на краю болота чухломец-рукосуй, рукавицы торчат за поясом, а он других ищет.

— Не знаешь ли, любезный рукосуюшко, где бы нам такого князя сыскать, чтобы не было его в свете глупее? — взмолились головотяпы.

— Знаю, есть такой, — отвечал рукосуй, — вот идите прямо через болото, как раз тут.

Бросились они все разом в болото, и больше половины их тут потопло («Многие за землю свою поревновали», — говорит летописец); наконец вылезли из трясины и видят: на другом краю болотины, прямо перед ними, сидит сам князь да глупый-преглупый! Сидит и ест пряники писаные. Обрадовались головотяпы: вот так князь! лучшего и желать нам не надо!

— Кто вы такие? и зачем ко мне пожаловали? — молвил князь, жуя пряники.

— Мы головотяпы! нет нас народа мудрее и храбрее! Мы гущеедов — и тех победили! — хвастались головотяпы.

— Что же вы ещё сделали?

— Мы щуку с яиц согнали, мы Волгу толокном замесили... — начали было перечислять головотяпы, но князь не захотел и слушать их.

— Я уж на что глуп, — сказал он, — а вы ещё глупее меня! Разве щука сидит на яйцах? или можно разве вольную реку толокном месить? Нет, не головотяпами следует вам называться, а глуповцами! Не хочу я володеть вами, а ищите вы себе такого князя, какого нет в свете глупее, — и тот будет володеть вами!

И, наказав жезлом, отпустил с честию.

Задумались головотяпы: надул курицын сын рукосуй! Сказывал, нет этого князя глупее — ан он умный! Однако воротились домой и опять стали сами собой устраиваться. Под дождём онучи сушили, на сосну Москву смотреть лазили. И всё нет как нет порядку, да и полно. Тогда надоумил всех Пётра Комар.

— Есть у меня, — сказал он, — друг-приятель, по прозванию вор-новото́р, уж если экая выжига князя не сыщет, так судите вы меня судом милостивым, рубите с плеч мою голову бесталанную!

С таким убеждением высказал он это, что головотяпы послушались и призвали новотора-вора. Долго он торговался с ними, просил за розыск алтын да деньгу, головотяпы же давали грош да животы свои в придачу. Наконец, однако, кое-как сладились и пошли искать князя.

— Ты нам такого ищи, чтоб немудрый был! — говорили головотяпы новотору-вору, — на что нам мудрого-то, ну его к ляду!

И повёл их вор-новотор сначала всё ельничком да березничком, потом чащей дремучею, потом перелесочком, да и вывел прямо на поляночку, а посередь той поляночки князь сидит.

Как взглянули головотяпы на князя, так и обмерли. Сидит, это, перед ними князь да умной-преумной; в ружьецо попаливает да сабелькой помахивает. Что ни выпалит из ружьеца, то сердце насквозь прострелит, что ни махнёт сабелькой, то голова с плеч долой. А вор-новотор, сделавши такое пакостное дело, стоит, брюхо поглаживает да в бороду усмехается.

— Что ты! с ума, никак, спятил! пойдёт ли этот к нам? во сто раз глупее были, — и те не пошли! — напустились головотяпы на новотора-вора.

— Ни́што! обладим! — молвил вор-новотор, — дай срок, я глаз на глаз с ним слово перемолвлю.

Видят головотяпы, что вор-новотор кругом на кривой их объехал, а на попятный уж не смеют.

— Это, брат, не то, что с кособрюхими лбами тяпаться! нет, тут, брат, ответ подай: каков таков человек? какого чину и звания? — гуторят они меж собой.

А вор-новотор этим временем дошёл до самого князя, снял перед ним шапочку соболиную и стал ему тайные слова на ухо говорить. Долго они шептались, а про

что — не слыхать. Только и почуяли головотяпы, как вор-новотор говорил: «Драть их, ваша княжеская светлость, завсегда очень свободно».

Наконец и для них настал черёд встать перед ясные очи его княжеской светлости.

— Что вы за люди? и зачем ко мне пожаловали? — обратился к ним князь.

— Мы головотяпы! нет нас народа храбрее, — начали было головотяпы, но вдруг смутились.

— Слыхал, господа головотяпы! — усмехнулся князь («и таково ласково усмехнулся, словно солнышко просияло!» — замечает летописец), — весьма слыхал! И о том знаю, как вы рака с колокольным звоном встречали — довольно знаю! Об одном не знаю, зачем же ко мне-то вы пожаловали?

— А пришли мы к твоей княжеской светлости вот что объявить: много мы промеж себя убивств чинили, много друг дружке разорений и надругательств делали, а всё правды у нас нет. Иди и володей нами!

— А у кого, спрошу вас, вы допрежь сего из князей, братьев моих, с поклоном были?

— А были мы у одного князя глупого, да у другого князя глупого ж — и те володеть нами не похотели!

— Ладно. Володеть вами я желаю, — сказал князь, — а чтоб идти к вам жить — не пойду!.. А вот посылаю к вам, заместо себя, самого этого новотора-вора: пущай он вами дома правит, а я отсель и им и вами помыкать буду!

Понурили головотяпы головы и сказали:

— Так!

— И будете вы платить мне дани многие, — продолжал князь, — у кого овца ярку принесёт, овцу на меня отпиши, а ярку себе оставь; у кого грош случится, тот разломи его на́четверо: одну часть мне отдай, другую мне же, третью опять мне, а четвёртую себе оставь. Когда же пойду на войну — и вы идите! А до прочего вам ни до чего дела нет!

— Так! — отвечали головотяпы.

— И тех из вас, которым ни до чего дела нет, я буду миловать; прочих же всех — казнить.

— Так! — отвечали головотяпы.

— А как не умели вы жить на своей воле и сами, глупые, пожелали себе кабалы, то называться вам впредь не головотяпами, а глуповцами.

— Так! — отвечали головотяпы.

Затем приказал князь обнести послов водкою да одарить по пирогу, да по платку алому, и, обложив данями многими, отпустил от себя с честию.

Шли головотяпы домой и воздыхали. «Воздыхали неослабляючи, вопияли сильно!» — свидетельствует летописец. «Вот она, княжеская правда какова!» — говорили они. И ещё говорили: «Та́кали мы, та́кали, да и прота́кали!» Один же из них, взяв гусли, запел:

Не шуми, мати зелена дубровушка!
Не мешай добру молодцу думу думати,
Как заутра мне, добру молодцу, на допрос идти
Перед грозного судью, самого царя...

Чем далее лилась песня, тем ниже понуривались головы головотяпов. «Были между ними, — говорит летописец, — старики седые и плакали горько, что сладкую волю свою прогуляли; были и молодые, кои той воли едва отведали, но и те тоже плакали. Тут только познали все, какова такова прекрасная воля есть». Когда же раздались заключительные стихи песни:

Я за то тебя, детинушку, пожалую
Среди поля хоромами высокими,
Что двумя столбами с перекладиною... —

то все пали ниц и зарыдали.

Но драма уже совершилась бесповоротно. Прибывши домой, головотяпы немедленно выбрали болотину и, заложив на ней город, назвали Глуповым, а себя по тому городу глуповцами. «Так и процвела сия древняя отрасль», — прибавляет летописец.

Но вору-новотору эта покорность была не по нраву. Ему нужны были бунты, ибо усмирением их он надеялся и милость князя себе снискать, и собрать хабару с бунтующих. И начал он донимать глуповцев всякими неправдами, и действительно, не в долгом времени возжёг бунты. Взбунтовались сперва заугольники, а потом сычужники. Вор-новотор ходил на них с пушечным снарядом, палил неослабляючи и, перепалив всех, заклю-

чил мир, то есть у заугольников ел палтусину, у сычужников — сычуги. И получил от князя похвалу великую. Вскоре, однако, он до того проворовался, что слухи об его несытом воровстве дошли даже до князя. Распалился князь крепко и послал неверному рабу петлю. Но новотор, как сущий вор, и тут извернулся: предварил казнь тем, что, не выждав петли, зарезался огурцом.

После новотора-вора пришёл «заместь князя» одоевец, тот самый, который «на грош постных яиц купил». Но и он догадался, что без бунтов ему не жизнь, и тоже стал донимать. Поднялись кособрюхие, калашники, соломатники — все отстаивали старину да права свои. Одоевец пошёл против бунтовщиков, и тоже начал неослабно палить, но, должно быть, палил зря, потому что бунтовщики не только не смирялись, но увлекли за собой чёрнонёбых и губошлёпов. Услыхал князь бестолковую пальбу бестолкового одоевца и долго терпел, но напоследок не стерпел: вышел против бунтовщиков собственною персоною и, перепалив всех до единого, возвратился восвояси.

— Посылал я сущего вора — оказался вор, — печаловался при этом князь, — посылал одоевца по прозванию «продай на грош постных яиц» — и тот оказался вор же. Кого пошлю ныне?

Долго раздумывал он, кому из двух кандидатов отдать преимущество: орловцу ли — на том основании, что «Орёл да Кромы — первые воры» — или шуянину, на том основании, что он «в Питере бывал, на полу сыпáл и тут не упал», но, наконец, предпочёл орловца, потому что он принадлежал к древнему роду «Проломленных Голов». Но едва прибыл орловец на место, как встали бунтом старичане и, вместо воеводы, встретили с хлебом с солью петуха. Поехал к ним орловец, надеясь в Старице стерлядями полакомиться, но нашёл, что там «только грязи довольно». Тогда он Старицу сжёг, а жён и дев старицких отдал самому себе на поругание. «Князь же, уведав о том, урезал ему язык».

Затем князь ещё раз попробовал послать «вора попроще» и в этих соображениях выбрал калязинца, который «свинью за бобра купил», но этот оказался ещё пущим вором, нежели новотор и орловец. Взбунтовал семендяевцев и заозерцев и, «убив их, сжёг».

Тогда князь выпучил глаза и воскликнул:

— Несть глупости горшия, яко глупость!
И прибых собственною персоною в Глупов и возопи:
— Запорю!
С этим словом начались исторические времена.

Размышляем о прочитанном

1. Чем характеры героев этого произведения напоминают некоторых сказочных персонажей?
2. Какие сатирические приёмы помогают понять реальную сущность «деяний» градоначальников?
3. Подумайте, как мог страдать город от «деятельности» глуповских градоначальников. Какими пословицами оправдывали они свою деятельность? Какого «порядка» добивались головотяпы, когда собрали воедино соседние племена? Каким словом начались «исторические времена»?

4★. Чего хочет достичь Щедрин сатирическим изображением чиновников и градоначальников тогдашней России? Что предполагает писатель «разбудить» в обществе?

5. С помощью каких художественных средств удаётся Щедрину показать глуповцев? Почему народ, о котором рассказывается в романе, называют головотяпами? Как называются соседние народы? Перечислите их. Как можно объяснить их названия?
6. Вспомните определения гиперболы, гротеска, сравнения. Какие из этих художественных средств, т. е. тропов [1], используются Щедриным? Как вы думаете, с какой целью? Приведите примеры.
7. Какие произведения (басни, сказки) напоминает вам эта глава из романа М. Е. Салтыкова-Щедрина «История одного города»? Чем?

Учимся читать выразительно

Подготовьте подробный пересказ одного фрагмента произведения или чтение по ролям, подчеркнув сатирическое изображение персонажей.

Творческое задание

Литературоведы считают Щедрина наиболее актуальным и современным из русских писателей, согласны ли вы с этим утверждением? Дайте развёрнутый ответ на этот вопрос.

---

[1] *Трон* (гр. tropos — оборот) — употребление слова в переносном значении для характеристики какого-либо явления. К тропам относятся эпитет, сравнение, гипербола, гротеск, ирония и др.

★ Звёздочкой отмечены вопросы и задания повышенной сложности.

Обогащаем свою речь

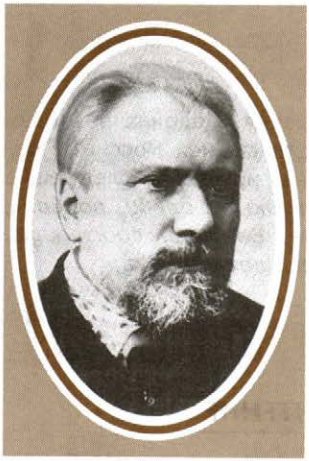
Могли ли влиять сатирические произведения Щедрина на общественное мнение и общественные порядки тогдашней России? Подготовьте небольшое сообщение-рассуждение, используя следующие слова и словосочетания: *растекаться мыслию по древу, похвала, скромность, древность, вероисповедание, воедино, простодушные соседи, изловить, надумали, мудрость, понуриться.*

Фонохрестоматия

СЛУШАЕМ АКТЁРСКОЕ ЧТЕНИЕ

«История одного города» — сатирическое произведение М. Е. Салтыкова-Щедрина. Это сатира на все бывшие, современные и будущие незадачливые государственные устройства.

1. Как звучат в чтении актёра Леонида Кулагина гипербола и гротеск?
2. Как передаются действия и преобразования градоначальников в актёрском чтении?
3. Какие сатирические приёмы автора и актёра делают поступки и деяния героев абсурдными и парадоксальными? Как они передаются в чтении?
4. Как называются соседние с глуповцами народы? Объясните происхождение их названий.
5. Что предполагает писатель «разбудить» в обществе?
6. Почему звучит в сатире народная песня «Не шуми ты, мати зелена дубровушка»? В чём смысл её использования?
7. Как произносит Леонид Кулагин названия племён и характеры их взаимоотношений — спокойно, строго, иронически? Почему?
8. Какие мысли и чувства вызвало у вас произведение М. Е. Салтыкова-Щедрина и его актёрское прочтение?

Николай Семёнович ЛЕСКОВ

1831—1895

Николай Семёнович Лесков родился в семье мелкого чиновника, выходца из духовного сословия, в селе Горохово Орловской губернии. Первоначальное образование получил в семье богатых родственников. Затем продолжил обучение в Орловской гимназии, но курса не окончил. В шестнадцать лет ему пришлось поступить на службу писцом в суд. Криминальная сторона жизни, которая открылась ему в суде, потом часто становилась предметом художественного осмысления в повестях и романах писателя, в том числе в таких известных, как «Леди Макбет Мценского уезда», «На ножах». С 1857 года Лесков служит агентом одной из коммерческих фирм. По делам этой фирмы изъездил всю Россию. Впечатления от этих поездок стали бесценным материалом для творчества писателя.

С 1861 года Лесков — сотрудник московских газет, сначала «Русской речи», а позднее «Северной пчелы». Писатель пробует свои силы в художественном очерке, рассказе, романе, хрониках. В мае 1862 года в передовой статье «Северной пчелы», посвящённой пожарам в Петербурге, требует от власти открыть народу «поджигателей», «адских злодеев». Статья совпала по времени с новой волной репрессий против революционеров и была воспринята как открытое публичное выступление охранителя режима, реакционера. Не понятый ни властями, ни революционерами-демократами, ни либералами, разочарованный в реформах царского правительства, не принимая революционной перспективы для России, Лесков называл народ «хранителем отечественного предания» в искусстве, труде, в повседневном укладе жизни. В круг школьного чтения давно и прочно вошли такие известные про-

изведения Н. С. Лескова, как «Левша» и «Тупейный художник», повествующие о трагической участи талантливых людей из народа. Предлагаем вам познакомиться с рассказом «Старый гений», прочитав который вы сможете узнать новые черты таланта выдающегося русского писателя — Николая Семёновича Лескова.

?! Проверьте себя

Используя материалы статьи учебника и биографического словаря «Русские писатели XIX века», подготовьте устное сообщение о писателе.

Старый гений

Гений лет не имеет — он преодолевает всё, что останавливает обыкновенные умы.

Ларошфуко[1]

Глава первая

Несколько лет назад в Петербург приехала маленькая старушка-помещица, у которой было, по её словам, «вопиющее дело». Дело это заключалось в том, что она по своей сердечной доброте и простоте, чисто из одного участия, выручила из беды одного великосветского франта, — заложив для него свой домик, составлявший всё достояние старушки и её недвижимой, увечной дочери да внучки. Дом был заложен в пятнадцати тысячах, которые франт полностию взял, с обязательством уплатить в самый короткий срок.

Добрая старушка этому верила, да и не мудрено было верить, потому что должник принадлежал к одной из лучших фамилий, имел перед собою блестящую карьеру и получал хорошие доходы с имений и хорошее жалование по службе. Денежные затруднения, из которых старушка его выручила, были последствием какого-то мимолётного увлечения или неосторожности за картами в дворянском клубе, что поправить ему было, конечно, очень легко, — «лишь бы только доехать до Петербурга».

Старушка знавала когда-то мать этого господина и, во имя старой приязни, помогла ему; он благополучно уехал в Питер, а затем, разумеется, началась довольно

[1] *Ларошфуко́ Франсуа* (1613—1680) — герцог, французский писатель, автор знаменитой книги афоризмов «Максимы».

обыкновенная в подобных случаях игра в кошку и мышку. Приходят сроки, старушка напоминает о себе письмами — сначала самыми мягкими, потом немножко пожёстче, а наконец, и бранится — намекает, что «это нечестно», но должник её был зверь травленый и всё равно ни на какие её письма не отвечал. А между тем время уходит, приближается срок закладной — и перед бедной женщиной, которая уповала дожить свой век в своём домишке, вдруг разверзается страшная перспектива холода и голода с увечной дочерью и маленькою внучкою.

Старушка в отчаянии поручила свою больную и ребёнка доброй соседке, а сама собрала кое-какие крохи и полетела в Петербург «хлопотать».

Глава вторая

Хлопоты её вначале были очень успешны: адвокат ей встретился участливый и милостивый, и в суде ей решение вышло скорое и благоприятное, но как дошло дело до исполнения — тут и пошла закорюка, да такая, что и ума к ней приложить было невозможно. Не то чтобы полиция или иные какие пристава должнику мирволили — говорят, что тот им самим давно надоел и что они все старушку очень жалеют и рады ей помочь, да *не смеют*... Было у него какое-то такое могущественное родство или свойство, что нельзя было его приструнить, как всякого иного грешника.

О силе и значении этих связей достоверно не знаю, да думаю, что это и не важно. Всё равно — какая бабушка ему ни ворожила и всё на милость преложила.

Не умею тоже вам рассказать в точности, что над ним надо было учинить, но знаю, что нужно было «вручить *должнику* с распискою» какую-то бумагу, и вот этого-то никто — никакие лица никакого уряда[1] — не могли сделать. К кому старушка ни обратится, все ей в одном роде советуют:

— Ах, сударыня, и охота же вам! Бросьте лучше! Нам очень вас жаль, да что делать, когда он никому не платит... Утешьтесь тем, что не вы первая, не вы и последняя.

— Батюшки мои, — отвечает старушка, — да какое же мне в этом утешение, что не мне одной худо будет? Я бы,

[1] *Уря́д* — здесь: ранг, положение, должность.

голубчики, гораздо лучше желала, чтобы и мне и всем другим хорошо было.

— Ну, — отвечают, — чтоб всем-то хорошо — вы уж это оставьте, — это специалисты[1] выдумали, и это невозможно.

А та, в простоте своей, пристаёт:

— Почему же невозможно? У него состояние во всяком случае больше, чем он всем нам должен, и пусть он должное отдаст, а ему ещё много останется.

— Э, сударыня, у кого «много», тем никогда много не бывает, а им всегда недостаточно, но главное дело в том, что он платить не привык, и если очень докучать станете — может вам неприятность сделать.

— Какую неприятность?

— Ну, что вам расспрашивать: гуляйте лучше тихонько по Невскому проспекту, а то вдруг уедете.

— Ну извините, — говорит старушка, — я вам не поверю: он замотался, но человек хороший.

— Да, — отвечают, — конечно, он барин хороший, но только дурной платить; а если кто этим занялся, тот и всё дурное сделает.

— Ну, так тогда употребите меры.

— Да вот тут-то, — отвечают, — и точка с запятою: мы не можем против всех «употреблять меры». Зачем с такими знались.

— Какая же разница?

А вопрошаемые на неё только посмотрят да отвернутся или даже предложат идти высшим жаловаться.

Глава третья

Ходила она и к высшим. Там и доступ труднее и разговору меньше, да и отвлечённее.

Говорят: «Да где он? о нём доносят, что его нет!»

— Помилуйте, — плачет старушка, — да я его всякий день на улице вижу — он в своём доме живёт.

— Это вовсе и не его дом. У него нет дома: это дом его жены.

— Ведь это всё равно: муж и жена — одна сатана.

— Да это вы так судите, но закон судит иначе. Жена на него тоже счёты предъявляла и жаловалась суду, и он

[1] *Специали́сты* — вместо: *социалисты*.

у неё не значится... Он, чёрт его знает, он всем нам надоел, — и зачем вы ему деньги давали! Когда он в Петербурге бывает — он прописывается где-то в меблированных комнатах, но там не живёт. А если вы думаете, что мы его защищаем или нам его жалко, то вы очень ошибаетесь: ищите его, поймайте, — это ваше дело, — тогда ему *«вручат»*.

Утешительнее этого старушка ни на каких высотах ничего не добилась, и, по провинциальной подозрительности, стала шептать, будто всё это «оттого, что сухая ложка рот дерёт».

— Что ты, — говорит, — мне ни уверяй, а я вижу, что всё оно от того же самого движет, что *надо смазать*.

Пошла она «мазать» и пришла ещё более огорчённая. Говорит, что «прямо с целой тысячи начала», то есть обещала тысячу рублей из взысканных денег, но её и слушать не хотели, а когда она, благоразумно прибавляя, насулила до трёх тысяч, то её даже попросили выйти.

— Трёх тысяч не берут за то только, чтобы бумажку вручить! Ведь это что же такое?.. Нет, прежде лучше было.

— Ну, тоже, — напоминаю ей, — забыли вы, верно, как тогда хорошо шло: кто больше дал, тот и прав был.

— Это, — отвечает, — твоя совершенная правда, но только между старинными чиновниками бывали отчаянные доки. Бывало, его спросишь: «Можно ли?» — а он отвечает: «В России невозможности нет», и вдруг выдумку выдумает и сделает. Вот мне и теперь один такой объявился и пристаёт ко мне, да не знаю: верить или нет? Мы с ним вместе в Мариинском пассаже у саечника Василья обедаем, потому что я ведь теперь экономлю и над каждым грошем трясусь — горячего уже давно не ем, всё на дело берегу, а он, верно, тоже по бедности или питущий... но преубедительно говорит: «дайте мне пятьсот рублей — *я вручу*». Как ты об этом думаешь?

— Голубушка моя, — отвечаю ей, — уверяю вас, что вы меня своим горем очень трогаете, но я и своих-то дел вести не умею и решительно ничего не могу вам посоветовать. Расспросили бы вы по крайней мере о нём кого-нибудь: кто он такой и кто за него поручиться может?

— Да уж я саечника расспрашивала, только он ничего не знает. «Так, говорит, надо думать, или купец притишил торговлю, или подупавший из каких-нибудь своих благородий».

— Ну, самого его прямо спросите.

— Спрашивала — кто он такой и какой на нём чин? «Это, говорит, в нашем обществе рассказывать совсем лишнее и не принято; называйте меня Иван Иваныч, а чин на мне из четырнадцати овчин, — какую захочу, ту вверх шерстью и выворочу».

— Ну вот видите, — это, выходит, совсем какая-то тёмная личность.

— Да, тёмная... «Чин из четырнадцати овчин» — это я понимаю, так как я сама за чиновником была. Это значит, что он четырнадцатого класса[1]. А насчёт имени и рекомендаций прямо объявляет, что «насчёт рекомендаций, говорит, я ими пренебрегаю и у меня их нет, а я гениальные мысли в своём лбу имею и знаю достойных людей, которые всякий мой план готовы привести за триста рублей в исполнение».

«Почему же, батюшка, непременно *триста*?»

«А так — уж это у нас такой прификс[2], с которого мы уступать не желаем и больше не берём».

«Ничего, сударь, не понимаю».

«Да и не надо. Нынешние ведь много тысяч берут, а мы сотни. Мне двести за мысль и за руководство да триста исполнительному герою, в соразмере, что он может за исполнение три месяца в тюрьме сидеть, и конец дело венчает. Кто хочет — пусть нам верит, потому что я всегда берусь за дела только за невозможные; а кто веры не имеет, с тем делать нечего», — но что до меня касается, — прибавляет старушка, — то, представь ты себе моё искушение: я ему почему-то верю...

— Решительно, — говорю, — не знаю, отчего вы ему верите?

— Вообрази — предчувствие у меня, что ли, какое-то, и сны я вижу, и всё это как-то так тепло убеждает довериться.

— Не подождать ли ещё?

— Подожду, пока возможно.

Но скоро это сделалось невозможно.

---

[1] «*...Он четы́рнадцатого кла́сса*» — согласно Табели о рангах, введённой Петром I, чины в России делились на 14 классов; 14-й (коллежский регистратор) был самым низшим.

[2] *Прифи́кс* (фр.) — твёрдая цена.

Глава четвёртая

Приезжает ко мне старушка в состоянии самой трогательной и острой горести: во-первых, настаёт Рождество; во-вторых, из дому пишут, что дом на сих же днях поступает в продажу; и в-третьих, она встретила своего должника под руку с дамой и погналась за ними, и даже схватила его за рукав, и взывала к содействию публики, крича со слезами: «Боже мой, он мне должен!» Но это повело только к тому, что её от должника с его дамою отвлекли, а привлекли к ответственности за нарушение тишины и порядка в людном месте. Ужаснее же этих трёх обстоятельств было четвёртое, которое заключалось в том, что должник старушки добыл себе заграничный отпуск и не позже как завтра уезжает с роскошною дамою своего сердца за границу — где наверно пробудет год или два, а может быть, и совсем не вернётся, «потому что она очень богатая».

Сомнений, что всё это именно так, как говорила старушка, не могло быть ни малейших. Она научилась зорко следить за каждым шагом своего неуловимого должника и знала все его тайности от подкупленных ею слуг.

Завтра, стало быть, конец этой долгой и мучительной комедии: завтра он несомненно улизнёт, и надолго, а может быть, и навсегда, потому что его компаньонка, всеконечно, не желала афишировать себя за миг иль краткое мгновенье.

Старушка всё это во всех подробностях повергла уже обсуждению дельца, имеющего чин из четырнадцати овчин, и тот там же, сидя за ночвами[1] у саечника в Мариинском пассаже, отвечал ей:

«Да, дело кратко, но помочь ещё можно: сейчас пятьсот рублей на стол, и завтра же ваша душа на простор; а если не имеете ко мне веры — ваши пятнадцать тысяч пропали».

— Я, друг мой, — рассказывает мне старушка, — уже решилась ему довериться... Что же делать: всё равно ведь никто не берётся, а он берётся и твёрдо говорит: «Я вручу». Не гляди, пожалуйста, на меня так, глаза испытуючи. Я нимало не сумасшедшая, — а и сама ничего не понимаю, но только имею к нему какое-то таинственное

[1] *Ночвы* — широкие лотки для валяния теста и для укладки булочных изделий.

доверие в моём предчувствии, и сны такие снились, что я решилась и увела его с собою.

— Куда?

— Да видишь ли, мы у саечника ведь только в одну пору, всё в обед встречаемся. А тогда уже поздно будет, — так я его теперь при себе веду и не отпущу до завтрего. В мои годы, конечно, уже об этом никто ничего дурного подумать не может, а за ним надо смотреть, потому что я должна ему сейчас же все пятьсот рублей отдать, и без всякой расписки.

— И вы решаетесь?

— Конечно, решаюсь. — Что же ещё сделать можно? Я ему уже сто рублей задатку дала, и он теперь ждёт меня в трактире, чай пьёт, а я к тебе с просьбою: у меня ещё двести пятьдесят рублей есть, а полутораста нет. Сделай милость, ссуди меня, — я тебе возвращу. Пусть хоть дом продадут — всё-таки там полтораста рублей ещё останется.

Знал я её за женщину прекрасной честности, да и горе её такое трогательное, — думаю: отдаст или не отдаст — Господь с ней, от полутораста рублей не разбогатеешь и не обеднеешь, а между тем у неё мучения на душе не останется, что она не все средства испробовала, чтобы «вручить» бумажку, которая могла спасти её дело.

Взяла она просимые деньги и поплыла в трактир к своему отчаянному дельцу. А я с любопытством дожидал её на следующее утро, чтобы узнать: на какое ещё новое штукарство изловчаются плутовать в Петербурге?

Только то, о чём я узнал, превзошло мои ожидания: пассажный гений не постыдил ни веры, ни предчувствий доброй старушки.

Глава пятая

На третий день праздника она влетает ко мне в дорожном платье и с саквояжем, и первое, что делает, — кладёт мне на стол занятые у меня полтораста рублей, а потом показывает банковую, переводную расписку с лишком на пятнадцать тысяч...

— Глазам своим не верю! Что это значит?

— Ничего больше, как я получила все свои деньги с процентами.

— Каким образом? Неужто всё это четырнадцатиовчинный Иван Иваныч устроил?

— Да, он. Впрочем, был ещё и другой, которому он от себя триста рублей дал — потому что без помощи этого человека обойтись было невозможно.

— Это что же ещё за деятель? Вы уж расскажите всё, как они вам помогали!

— Помогли очень честно. Я как пришла в трактир и отдала Ивану Иванычу деньги — он сосчитал, принял и говорит: «Теперь, госпожа, поедем. Я, говорит, гений по мысли моей, но мне нужен исполнитель моего плана, потому что я сам таинственный незнакомец и своим лицом юридических действий производить не могу». Ездили по многим низким местам и по баням — всё искали какого-то «сербского сражателя» [1], но долго его не могли найти. Наконец нашли. Вышел этот сражатель из какой-то ямки, в сербском военном костюме, весь оборванный, а в зубах пипочка из газетной бумаги, и говорит: «Я всё могу, что кому нужно, но прежде всего надо выпить». Все мы трое в трактире сидели и торговались, и сербский сражатель требовал «по сту рублей на месяц, за три месяца». На этом решили. Я ещё ничего не понимала, но видела, что Иван Иваныч ему деньги отдал, стало быть, он верит, и мне полегче стало. А потом я Ивана Иваныча к себе взяла, чтобы в моей квартире находился, а сербского сражателя в бани ночевать отпустили с тем, чтобы утром явился. Он утром пришёл и говорит: «Я готов!» А Иван Иваныч мне шепчет: «Пошлите для него за водочкой: от него нужна смелость. Много я ему пить не дам, а немножко необходимо для храбрости: настаёт самое главное его исполнение».

Выпил сербский сражатель, и они поехали на станцию железной дороги, с поездом которой старушкин должник и его дама должны были уехать. Старушка всё ещё ничего не понимала, что такое они замыслили и как исполнят, но сражатель её успокоивал и говорил, что «всё будет честно и благородно». Стала съезжаться к поезду публика, и должник явился тут, как лист перед травою, и с ним дама; лакей берёт для них билеты, а он сидит с своей дамой, чай пьёт и тревожно осматривается на всех. Старушка спряталась за Ивана Иваныча и указывает на должника — говорит: «Вот — он!»

---

[1] *«Се́рбский сража́тель»* — участник войн Сербии с Турцией 1876—1878 гг.

Сербский воитель увидал, сказал «хорошо» и сейчас же встал и прошёл мимо франта раз, потом во второй, а потом в третий раз, прямо против него остановился и говорит:

— Чего это вы на меня так смотрите?

Тот отвечает:

— Я на вас вовсе никак не смотрю, я чай пью.

— А-а! — говорит воитель, — вы не смотрите, а чай пьёте? так я же вас заставлю на меня смотреть, и вот вам от меня к чаю лимонный сок, песок и шоколаду кусок!.. — Да с этим — хлоп, хлоп, хлоп! его три раза по лицу и ударил.

Дама бросилась в сторону, господин тоже хотел убежать и говорил, что он теперь не в претензии; но полиция подскочила и вмешалась: «Этого, говорит, нельзя: это в публичном месте», — и сербского воителя арестовали, и побитого тоже. Тот в ужасном был волнении — не знает: не то за своей дамой броситься, не то полиции отвечать. А между тем уже и протокол готов, и поезд отходит... Дама уехала, а он остался... и как только объявил своё звание, имя и фамилию, полицейский говорит: «Так вот у меня кстати для вас и бумажка в портфеле есть для вручения». Тот — делать нечего — при свидетелях поданную ему бумагу принял и, чтобы освободить себя от обязательств о невыезде, немедленно же сполна и с процентами уплатил чеком весь долг свой старушке.

Так были побеждены неодолимые затруднения, правда восторжествовала, и в честном, но бедном доме водворился покой, и праздник стал тоже светел и весел.

Человек, который нашёлся — как уладить столь трудное дело, кажется, вполне имеет право считать себя в самом деле гением.

Н. С. ЛЕСКОВ И ЕГО ГЕРОИ, ЕГО ОТНОШЕНИЕ К РОССИИ

У Лескова Россия — страна праведников, странников, умелых и талантливых людей, которые большей частью необразованны и непросвещённы. Другая Россия — страна господ, начальников, чиновников. Они образованны, но бесчестны и, как правило, глупы. Одна Россия не понимает другую, и потому многие слова, которые употребляет образованная Россия, невольно искажаются Россией необразованной и непросвещённой. Лесков не отдаёт предпочтения ни той ни другой. Он скорбит о том, что природный талант русского человека не сопряжён с образованностью.

Размышляем о прочитанном

1. В чём смысл эпиграфа к рассказу? Какие чувства вызвало у вас прочитанное произведение?
2. Почему рассказ назван «Старый гений»?
3. Как вы думаете, только ли со временем Лескова может быть связан случай, о котором рассказал читателям автор?
4. В каких произведениях Лескова проявляется историзм писателя? Какие проблемы общества затрагиваются в рассказе «Старый гений»?

Развиваем дар слова

1. Подготовьте рассуждение на тему «Кто виноват в страданиях героини?».
2. Подготовьте пересказ всего текста рассказа «Старый гений», постарайтесь сохранить особенности языка автора.
3. Постарайтесь проследить, какие инстанции пришлось посетить старушке помещице, чтобы добиться справедливости? Почему? Какие советы ей давали? Подготовьте рассуждения на эту тему.
4. Как вы понимаете слово «штукарство»? Каким синонимом можно его заменить?
5. Объясните слова и словосочетания, подумайте, какие из них хорошо бы ввести в собственную речь: *скорбит, сопряжён, искажаются, неодолимые затрудненья, сполна, гений, не в претензии, воитель, хлопоты, могущественное родство, талант, волнение, образованность, франт.*

Литература и другие виды искусства

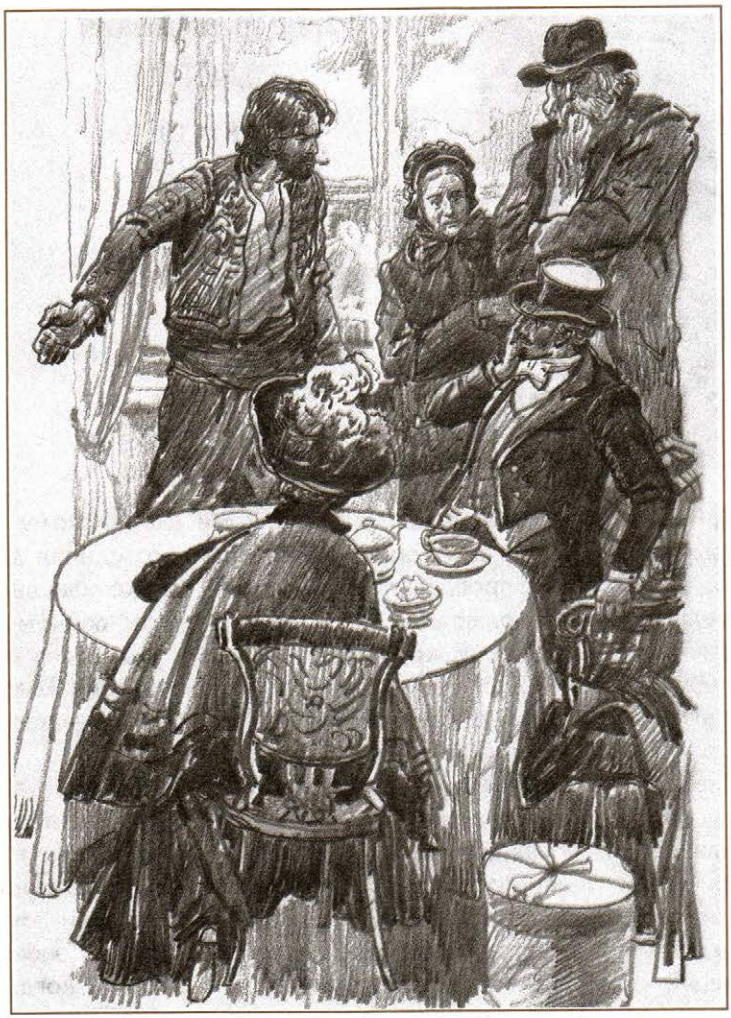
Рассмотрите иллюстрацию И. Пчелко. Такими ли вы представляли себе героев рассказа «Старый гений»? Что вы изменили бы в иллюстрации?

Фонохрестоматия

СЛУШАЕМ АКТЁРСКОЕ ЧТЕНИЕ

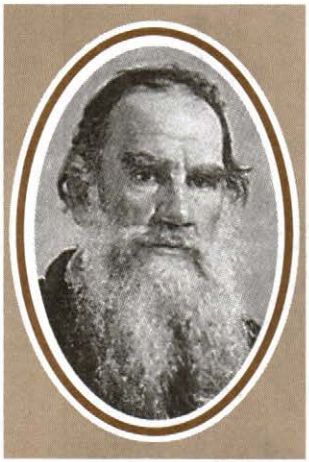
В шестом классе вы читали «Левшу». Сейчас обсуждаем рассказ «Старый гений».

1. Можно ли сказать, что рассказ «Старый гений» Н. С. Лескова всегда современен? И если да, то почему? Как объяснить название рассказа? Какие проблемы затрагиваются в произведении?

Н. С. Лесков. «Старый гений». *Художник И. Пчелко*

2. Кто виноват в страданиях героини? Какие интонации преобладают в рассказе — иронические, юмористические, горестные? Как помогает ответить на эти вопросы чтение актёра Алексея Колгана?
3. Что отвечают просительнице в канцеляриях и соглашается ли она с чиновниками?
4. Что придумал «старый гений» и почему его так называет автор?
5. Какие риторические вопросы и восклицания чтеца помогают выразить победу над «неодолимыми затруднениями»?
6. Как разрешилось «дело» и как рассказчик выражает своё удивление?
7. Подготовьте ответ-рассуждение на вопрос: кто виноват в страданиях героини рассказа?

Лев Николаевич ТОЛСТОЙ

1828—1910

Л. Н. Толстой принадлежал к старинному дворянскому роду, который давно вошёл в историю России и много сделал для её блага. Сам Толстой прославил свой род не только как великий писатель, но и как гражданин, на военном, общественном и педагогическом поприще. В круг его ближайших интересов всегда входила история. Среди художественных произведений Толстого, запечатлевших исторические события, выделяются «Севастопольские рассказы», «Война и мир», «Хаджи-Мурат».

Известно, что художественный историзм проявляется не только в исторических сочинениях, но и во всём творчестве писателя. Произведения, посвящённые современности, также могут быть историчными и неисторичными, то есть правильно воспроизводящими суть времени, в которое живёт писатель, или эту суть искажающими. Толстой очень остро чувствовал свою эпоху. Он сознавал, что жил в момент исторического перелома, когда уходила в прошлое старая дворянская и крестьянская Русь, когда исчезали признаки патриархального строя, на котором покоился русский мир, русское общество и нравственные ценности, созданные на протяжении веков. Вместе с ним исчезала крепостная Россия, личная зависимость крестьянина от барина-помещика. Крестьянин становился свободным.

На смену патриархальным и крепостным отношениям приходили отношения зависимости людей от капитала, от денег, от земли, которая тоже превращалась в товар. Люди одновременно и объединялись на больших производствах, на фабриках и заводах, в земельных хозяйствах, и отъединялись друг от друга: крестьянин уже не был прикреплён к помещику, не был для него

«своим человеком» и сам не считал нужным быть обязанным бывшему господину. Если раньше дворянин-помещик и крестьянин составляли некое целое, хотя их отношения были, конечно, далеко не благополучными, то теперь, после реформы 1861 года, их единство окончательно распалось.

Однако писатель не оставляет попытки найти в жизни опору своим мечтам о соединении людей в общую семью. Он предлагает свой путь обретения национальной и всечеловеческой общности, в которой не было бы жестоких противоречий, смертельных схваток, господства личных корыстных интересов.

Толстой выдвигает в качестве основы человеческого общежития христианскую любовь, которую понимает как любовное отношение одного человека к другому независимо от расовых, национальных, религиозных различий. Для того чтобы такая любовь победила на земле, мало одного желания. Необходимо, чтобы люди воспитывали себя в духе такой любви и несли её свет другим. Толстой требовал от человека огромного духовного и душевного напряжения всех его способностей, воли и ума. Он ждал от человека желания самовоспитываться, самосовершенствоваться, чтобы изменить условия своего существования в духе высокой и всеобщей любви к ближним. Герои Толстого часто рассуждают и спорят со своими противниками на тему самовоспитания и изменения жизни в лучшую сторону.

Так начинается и рассказ Толстого «После бала», в котором Иван Васильевич сразу отдаётся своим мыслям о том, знает ли человек, что хорошо и что дурно, отвечает ли он за свои мысли и поступки, или во всём виновата среда, общество, в котором человек рос и воспитывался. Во времена Толстого многие люди думали так: среда, общество несовершенны, в них нет условий для личного самовоспитания, и надо изменить жизнь, общественные отношения, затем приступать к личному самоусовершенствованию. Толстой был с этим решительно не согласен. Он полагал, что никто не снимал с человека ответственности за свои мысли, чувства, желания, поступки, что в глубине души человек всегда точно знает, хорошо или дурно он ведёт себя. И не надо ждать, когда создадутся условия для самовоспитания, нужно готовить их сейчас, причём готовить личным примером, то есть стремлением стать лучше, чище, нравственнее в каждую следующую минуту по сравнению с предыдущей.

Решающий момент в намерении переделать себя может наступить всегда, в любой час. Вот такому случаю, который помог герою решиться начать собственное воспитание, и посвящён рассказ «После бала». В нём исторически точно и художественно убеди-

тельно воспроизведены условия, при которых возникает разное отношение к человеку со стороны людей одного сословного круга.

?! Проверьте себя

1. Что вы знаете о детстве и жизни Л. Н. Толстого и что нового вы узнали, прочитав статью о писателе?
2. Какие произведения, прочитанные вами ранее, рассказывали об исторических событиях, происходивших в России?
3. О чём мечтал писатель для совершенствования общества?

4★. Используя материалы статьи учебника и биографического словаря «Русские писатели XIX века», подготовьте устное сообщение о жизни и творчестве писателя.

После бала

— Вот вы говорите, что человек не может сам по себе понять, что хорошо, что дурно, что всё дело в среде, что среда заедает. А я думаю, что всё дело в случае. Я вот про себя скажу.

Так заговорил всеми уважаемый Иван Васильевич после разговора, шедшего между нами о том, что для личного совершенствования необходимо прежде изменить условия, среди которых живут люди. Никто, собственно, не говорил, что нельзя самому понять, что хорошо, что дурно, но у Ивана Васильевича была такая манера отвечать на свои собственные, возникающие вследствие разговора мысли и по случаю этих мыслей рассказывать эпизоды из своей жизни. Часто он совершенно забывал повод, по которому он рассказывал, увлекаясь рассказом, тем более что рассказывал он очень искренно и правдиво.

Так он сделал и теперь.

— Я про себя скажу. Вся моя жизнь сложилась так, а не иначе, не от среды, а совсем от другого.

— От чего же? — спросили мы.

— Да это длинная история. Чтобы понять, надо много рассказывать.

— Вот вы и расскажите.

Иван Васильевич задумался, покачал головой.

— Да, — сказал он. — Вся жизнь переменилась от одной ночи или, скорее, утра.

— Да что же было?

— А было то, что был я сильно влюблён. Влюблялся я много раз, но это была самая моя сильная любовь. Дело прошлое, у неё уже дочери замужем... Это была Б..., да, Варенька Б... — Иван Васильевич назвал фамилию. — Она и в пятьдесят лет была замечательная красавица. Но в молодости, восемнадцати лет, была прелестна: высокая, стройная, грациозная[1] и величественная, именно величественная. Держалась она всегда необыкновенно прямо — как будто не могла иначе, — откинув немного назад голову, и это давало ей, с её красотой и высоким ростом, несмотря на её худобу, даже костлявость, какой-то царственный вид, который отпугивал бы от неё, если бы не ласковая, всегда весёлая улыбка и рта, и прелестных, блестящих глаз, и всего её милого, молодого существа.

— Каково Иван Васильевич расписывает.

— Да как ни расписывай, расписать нельзя так, чтобы вы поняли, какая она была. Но не в том дело: то, что я хочу рассказать, было в сороковых годах. Был я в то время студентом в провинциальном университете. Не знаю, хорошо ли или дурно, но не было у нас в то время в нашем университете никаких кружков, никаких теорий, а были мы просто молоды и жили, как свойственно молодости: учились и веселились. Был я очень весёлый и бойкий малый, да ещё и богатый. Был у меня иноходец[2] лихой, катался с гор с барышнями (коньки ещё не были в моде), кутил с товарищами (в то время мы ничего, кроме шампанского, не пили; не было денег — ничего не пили, но не пили, как теперь, водку). Главное же моё удовольствие составляли вечера и балы. Танцевал я хорошо и был не безобразен.

— Ну, нечего скромничать, — перебила его одна из собеседниц. — Мы ведь знаем ваш ещё дагерротипный[3] портрет. Не то, что не безобразен, а вы были красавец.

— Красавец так красавец, да не в этом дело. А дело в том, что во время этой моей самой сильной любви к ней был я в последний день Масленицы на бале у губернского

---

[1] *Грацио́зная* — изящная.

[2] *Иноходец* — лошадь, которая бежит *и́ноходью* — выносит сначала обе правые, затем обе левые ноги.

[3] *Дагерроти́пный* — от *дагерроти́п* — старинная фотография, выполненная на металлической пластинке.

предводителя, добродушного старичка, богача-хлебосола и камергера[1]. Принимала такая же добродушная, как и он, жена его, в бархатном пюсовом[2] платье, в брильянтовой фероньерке[3] на голове и с открытыми старыми, пухлыми, белыми плечами и грудью, как портреты Елизаветы Петровны[4]. Бал был чудесный: зала прекрасная с хорами[5], музыканты — знаменитые в то время крепостные помещика-любителя, буфет великолепный и разливанное море шампанского. Хоть я и охотник был до шампанского, но не пил, потому что без вина был пьян любовью, но зато танцевал до упаду — танцевал и кадрили, и вальсы, и польки, разумеется, насколько возможно было, всё с Варенькой. Она была в белом платье с розовым поясом и в белых лайковых перчатках, немного не доходивших до худых, острых локтей, и в белых атласных[6] башмачках. Мазурку отбили у меня: препротивный инженер Анисимов — я до сих пор не могу простить это ему — пригласил её, только что она вошла, а я заезжал к парикмахеру и за перчатками и опоздал. Так что мазурку я танцевал не с ней, а с одной немочкой, за которой я немножко ухаживал прежде. Но, боюсь, в этот вечер был очень неучтив с ней, не говорил с ней, не смотрел на неё, а видел только высокую, стройную фигуру в белом платье с розовым поясом, её сияющее, зарумянившееся с ямочками лицо и ласковые, милые глаза. Не я один, все смотрели на неё и любовались ею, любовались и мужчины и женщины, несмотря на то, что она затмила их всех. Нельзя было не любоваться.

По закону, так сказать, мазурку я танцевал не с нею, но в действительности танцевал я почти всё время с ней. Она, не смущаясь, через всю залу шла прямо ко мне, и я вскакивал, не дожидаясь приглашения, и она улыбкой благодарила меня за мою догадливость. Когда нас под-

---

[1] *Камерге́р* — почётное придворное звание.

[2] *Пю́совый* (устар.) — тёмно-коричневый.

[3] *Фероньёрка* — женское украшение с драгоценными камнями, надеваемое на лоб.

[4] *Елизаве́та* (старинное произношение *Елисаве́та*) *Петровна* (1709—1761) — русская императрица.

[5] *Хо́ры* — открытая галерея, балкон в верхней части зала.

[6] *Атла́сный* — сделанный из *атла́са* — шёлковой гладкой блестящей ткани.

водили к ней и она не угадывала моего качества[1], она, подавая руку не мне, пожимала худыми плечами и, в знак сожаления и утешения, улыбалась мне. Когда делали фигуры мазурки вальсом, я подолгу вальсировал с нею, и она, часто дыша, улыбалась и говорила мне: «encore»[2]. И я вальсировал ещё и ещё и не чувствовал своего тела. <...>

— Да. Так вот танцевал я больше с нею и не видал, как прошло время. Музыканты уж с каким-то отчаянием усталости, знаете, как бывает в конце бала, подхватывали всё тот же мотив мазурки, из гостиных поднялись уже от карточных столов папаши и мамаши, ожидая ужина, лакеи чаще забегали, пронося что-то. Был третий час. Надо было пользоваться последними минутами. Я ещё раз выбрал её, и мы в сотый раз прошли вдоль залы.

— Так после ужина кадриль моя? — сказал я ей, отводя её к её месту.

— Разумеется, если меня не увезут, — сказала она, улыбаясь.

— Я не дам, — сказал я.

— Дайте же веер, — сказала она.

— Жалко отдавать, — сказал я, подавая ей белый дешёвенький веер.

— Так вот вам, чтоб вы не жалели, — сказала она, оторвала пёрышко от веера и дала мне.

Я взял пёрышко и только взглядом мог выразить весь свой восторг и благодарность. Я был не только весел и доволен, я был счастлив, блажен, я был добр, я был не я, а какое-то неземное существо, не знающее зла и способное на одно добро. Я спрятал пёрышко в перчатку и стоял, не в силах отойти от неё.

— Смотрите, папа́ просят танцевать, — сказала она мне, указывая на высокую, статную фигуру её отца, полковника с серебряными эполетами[3], стоявшего в дверях с хозяйкой и другими дамами.

---

[1] *Ка́чество* — двое молодых людей задумывали названия предметов или разные качества характера (гордость, нежность и т. д.) — каждый своё. Девушка должна была отгадать задуманное. Тот, качество которого было угадано, становился в пару. Точно так же избирали себе дам кавалеры.

[2] Ещё (фр.).

[3] *Эполе́ты* — парадные офицерские погоны.

— Варенька, подите сюда, — услышали мы громкий голос хозяйки в брильянтовой фероньерке и с елисаветинскими плечами.

Варенька подошла к двери, и я за ней.

— Уговорите, ma chére[1], отца пройтись с вами. Ну, пожалуйста, Пётр Владиславович, — обратилась хозяйка к полковнику.

Отец Вареньки был очень красивый, статный, высокий и свежий старик. Лицо у него было очень румяное, с белыми, à la Nicolas I[2] подвитыми усами, белыми же, подведёнными к усам бакенбардами и с зачёсанными вперёд височками, и та же ласковая, радостная улыбка, как и у дочери, была в его блестящих глазах и губах. Сложён он был прекрасно, с широкой, небогато украшенной орденами, выпячивающейся по-военному грудью, с сильными плечами и длинными, стройными ногами. Он был воинский начальник типа старого служаки николаевской выправки.

Когда мы подошли к дверям, полковник отказывался, говоря, что он разучился танцевать, но всё-таки, улыбаясь, закинув на левую сторону руку, вынул шпагу из портупеи[3], отдал её услужливому молодому человеку и, натянув замшевую перчатку на правую руку, — «надо всё по закону», — улыбаясь, сказал он, взял руку дочери и стал в четверть оборота, выжидая такт.

Дождавшись начала мазурочного мотива, он бойко топнул одной ногой, выкинул другую, и высокая, грузная фигура его то тихо и плавно, то шумно и бурно, с топотом подошв и ноги об ногу, задвигалась вокруг залы. Грациозная фигура Вареньки плыла около него, незаметно, вовремя укорачивая или удлиняя шаги своих маленьких белых атласных ножек. Вся зала следила за каждым движением пары. Я же не только любовался, но с восторженным умилением смотрел на них. Особенно умилили меня его сапоги, обтянутые штрипками[4], — хорошие

---

[1] Моя милая (фр.).

[2] Как у Николая I (фр.).

[3] *Портупе́я* — ременная перевязь, перекинутая через плечо, для ношения оружия.

[4] *Штри́пка* — тесьма, пришитая к концу брюк и охватывающая ступню под башмаком.

Л. Н. Толстой. «После бала». Бал. *Художник В. Гильберт*

опойковые[1] сапоги, но не модные, с острыми, а старинные, с четвероугольными носками и без каблуков. Очевидно, сапоги были построены батальонным сапожником. «Чтобы вывозить и одевать любимую дочь, он не покупает модных сапог, а носит домодельные», — думал я, и эти четвероугольные носки сапог особенно умиляли меня. Видно было, что он когда-то танцевал прекрасно, но теперь был грузен, и ноги уже не были достаточно упруги для всех тех красивых и быстрых па, которые он старался выделывать. Но он всё-таки ловко прошёл два круга. Когда же он, быстро расставив ноги, опять соединил их и, хотя и несколько тяжело, упал на одно колено, а она,

[1] *Опóйковые сапоги́* — сапоги из *опóйка* — тонкой кожи, выделанной из кожи молодых телят.

улыбаясь и поправляя юбку, которую он зацепил, плавно прошла вокруг него, все громко зааплодировали. С некоторым усилием приподнявшись, он нежно, мило обхватил дочь руками за уши и, поцеловав в лоб, подвёл её ко мне, думая, что я танцую с ней. Я сказал, что не я её кавалер.

— Ну всё равно, пройдитесь теперь вы с ней, — сказал он, ласково улыбаясь и вдевая шпагу в портупею.

Как бывает, что вслед за одной вылившейся из бутылки каплей содержимое её выливается большими струями, так и в моей душе любовь к Вареньке освободила всю скрытую в моей душе способность любви. Я обнимал в то время весь мир своей любовью. Я любил и хозяйку в фероньерке, с её елисаветинским бюстом, и её мужа, и её гостей, и её лакеев, и даже дувшегося на меня инженера Анисимова. К отцу же её, с его домашними сапогами и ласковой, похожей на неё улыбкой, я испытывал в то время какое-то восторженно-нежное чувство.

Мазурка кончилась, хозяева просили гостей к ужину, но полковник Б. отказался, сказав, что ему надо завтра рано вставать, и простился с хозяевами. Я было испугался, что и её увезут, но она осталась с матерью.

После ужина я танцевал с нею обещанную кадриль, и, несмотря на то что был, казалось, бесконечно счастлив, счастье моё всё росло и росло. Мы ничего не говорили о любви. Я не спрашивал ни её, ни себя даже о том, любит ли она меня. Мне достаточно было того, что я любил её. И я боялся только одного, чтобы что-нибудь не испортило моего счастья.

Когда я приехал домой, разделся и подумал о сне, я увидал, что это совершенно невозможно. У меня в руке было пёрышко от её веера и целая её перчатка, которую она дала мне, уезжая, когда садились в карету и я подсаживал её мать и потом её. Я смотрел на эти вещи и, не закрывая глаз, видел её перед собой то в минуту, когда она, выбирая из двух кавалеров, угадывает моё качество, и слышу её милый голос, когда она говорит: «*Гордость*? да?» — и радостно подаёт мне руку, или когда за ужином пригубливает бокал шампанского и исподлобья смотрит на меня ласкающими глазами. Но больше всего я вижу её в паре с отцом, когда она плавно двигается около него и с гордостью и радостью и за себя и за него взглядывает на любующихся зрителей. И я невольно соединяю его и её в одном нежном, умилённом чувстве.

Жили мы тогда одни с покойным братом. Брат и вообще не любил света и не ездил на балы, теперь же готовился к кандидатскому экзамену[1] и вёл самую правильную жизнь. Он спал. Я посмотрел на его уткнутую в подушку и закрытую до половины фланелевым одеялом голову, и мне стало любовно жалко его, жалко за то, что он не знал и не разделял того счастья, которое я испытывал. Крепостной наш лакей Петруша встретил меня со свечой и хотел помочь мне раздеваться, но я отпустил его. Вид его заспанного лица с спутанными волосами показался мне умилительно трогательным. Стараясь не шуметь, я на цыпочках прошёл в свою комнату и сел на постель. Нет, я был слишком счастлив, я не мог спать. Притом мне жарко было в натопленных комнатах, и я, не снимая мундира, потихоньку вышел в переднюю, надел шинель, отворил наружную дверь и вышел на улицу.

С бала я уехал в пятом часу, пока доехал домой, посидел дома, прошло ещё часа два, так что, когда я вышел, уже было светло. Была самая масленичная погода, был туман, насыщенный водою снег таял на дорогах, и со всех крыш капало. Жили Б. тогда на конце города, подле большого поля, на одном конце которого было гулянье, а на другом — девический институт[2]. Я прошёл наш пустынный переулок и вышел на большую улицу, где стали встречаться и пешеходы и ломовые[3] с дровами на санях, достававших полозьями до мостовой. И лошади, равномерно покачивающие под глянцевитыми дугами мокрыми головами, и покрытые рогожками извозчики, шлёпавшие в огромных сапогах подле возов, и дома улицы, казавшиеся в тумане очень высокими, — всё было мне особенно мило и значительно.

Когда я вышел на поле, где был их дом, я увидал в конце его, по направлению гулянья, что-то большое, чёрное и услыхал доносившиеся оттуда звуки флейты и барабана. В душе у меня всё время пело и изредка слышался мотив мазурки. Но это была какая-то другая, жёсткая, нехорошая музыка.

---

[1] *Кандида́тский экза́мен* — здесь: экзамен на степень кандидата, присуждавшуюся выпускникам университета.

[2] *Деви́ческий институ́т* — Институт благородных девиц — закрытое учебно-воспитательное учреждение для дочерей дворян.

[3] *Ломовы́е* — ломовые извозчики (занимавшиеся перевозкой тяжестей).

«Что это такое?» — подумал я и по проезженной посередине поля, скользкой дороге пошёл по направлению звуков. Пройдя шагов сто, я из-за тумана стал различать много чёрных людей. Очевидно, солдаты. «Верно, ученье», — подумал я и вместе с кузнецом в засаленном полушубке и фартуке, нёсшим что-то и шедшим передо мной, подошёл ближе. Солдаты в чёрных мундирах стояли двумя рядами друг против друга, держа ружья к ноге, и не двигались. Позади их стояли барабанщик и флейтщик и не переставая повторяли всё ту же неприятную, визгливую мелодию.

— Что это они делают? — спросил я у кузнеца, остановившегося рядом со мною.

— Татарина гоняют за побег, — сердито сказал кузнец, взглядывая в дальний конец рядов.

Я стал смотреть туда же и увидал посреди рядов что-то страшное, приближающееся ко мне. Приближающееся ко мне был оголённый по пояс человек, привязанный к ружьям двух солдат, которые вели его. Рядом с ним шёл высокий военный в шинели и фуражке, фигура которого показалась мне знакомой. Дёргаясь всем телом, шлёпая ногами по талому снегу, наказываемый, под сыпавшимися с обеих сторон на него ударами, подвигался ко мне, то опрокидываясь назад — и тогда унтер-офицеры, ведшие его за ружья, толкали его вперёд, то падая наперёд — и тогда унтер-офицеры, удерживая его от падения, тянули его назад. И, не отставая от него, шёл твёрдой, подрагивающей походкой высокий военный. Это был её отец, с своим румяным лицом и белыми усами и бакенбардами.

При каждом ударе наказываемый, как бы удивляясь, поворачивал сморщенное от страдания лицо в ту сторону, с которой падал удар, и, оскаливая белые зубы, повторял какие-то одни и те же слова. Только когда он был совсем близко, я расслышал эти слова. Он не говорил, а всхлипывал: «Братцы, помилосердуйте. Братцы, помилосердуйте». Но братцы не милосердовали, и, когда шествие совсем поравнялось со мною, я видел, как стоявший против меня солдат решительно выступил шаг вперёд и, со свистом взмахнув палкой, сильно шлёпнул ею по спине татарина. Татарин дёрнулся вперёд, но унтер-офицеры удержали его, и такой же удар упал на него с другой стороны, и опять с этой, и опять с той. Полковник шёл подле и, поглядывая то себе под ноги, то на наказываемого,

Л. Н. Толстой. «После бала». Сквозь строй. *Художник Е. Лансере*

втягивал в себя воздух, раздувая щёки, и медленно выпускал его через оттопыренную губу. Когда шествие миновало то место, где я стоял, я мельком увидал между рядов спину наказываемого. Это было что-то такое пёстрое, мокрое, красное, неестественное, что я не поверил, чтобы это было тело человека.

— О Господи, — проговорил подле меня кузнец.

Шествие стало удаляться, всё так же падали с двух сторон удары на спотыкающегося, корчившегося человека, и всё так же били барабаны и свистела флейта, и всё так же твёрдым шагом двигалась высокая, статная фигура полковника рядом с наказываемым.

Вдруг полковник остановился и быстро приблизился к одному из солдат.

— Я тебе помажу, — услыхал я его гневный голос. — Будешь мазать? Будешь?

И я видел, как он своей сильной рукой в замшевой перчатке бил по лицу испуганного малорослого, слабосильного солдата за то, что он недостаточно сильно опустил свою палку на красную спину татарина.

— Подать свежих шпицрутенов[1]! — крикнул он, оглядываясь, и увидал меня. Делая вид, что он не знает меня, он, грозно и злобно нахмурившись, поспешно отвернулся. Мне было до такой степени стыдно, что, не зная, куда смотреть, как будто я был уличён в самом постыдном поступке, я опустил глаза и поторопился уйти домой. Всю дорогу в ушах у меня то била барабанная дробь и свистела флейта, то слышались слова: «Братцы, помилосердуйте»,

[1] *Шпицру́тены* — прутья или палки, которыми били наказываемых.

то я слышал самоуверенный, гневный голос полковника, кричащего: «Будешь мазать? Будешь?» А между тем на сердце была почти физическая, доходившая до тошноты тоска, такая, что я несколько раз останавливался, и мне казалось, что вот-вот меня вырвет всем тем ужасом, который вошёл в меня от этого зрелища. Не помню, как я добрался домой и лёг. Но только стал засыпать, услыхал и увидал опять всё и вскочил.

«Очевидно, он что-то знает такое, чего я не знаю, — думал я про полковника. — Если бы я знал то, что он знает, я бы понимал и то, что я видел, и это не мучило бы меня». Но сколько я ни думал, я не мог понять того, что знает полковник, и заснул только к вечеру, и то после того, как пошёл к приятелю и напился с ним совсем пьян.

Что ж, вы думаете, что я тогда решил, что то, что я видел, было — дурное дело? Ничуть. «Если это делалось с такой уверенностью и признавалось всеми необходимым, то, стало быть, они знали что-то такое, чего я не знал», — думал я и старался узнать это. Но сколько ни старался — и потом не мог узнать этого. А не узнав, не мог поступить в военную службу, как хотел прежде, и не только не служил в военной, но нигде не служил и никуда, как видите, не годился.

— Ну, это мы знаем, как вы никуда не годились, — сказал один из нас. — Скажите лучше: сколько бы людей никуда не годились, кабы вас не было.

— Ну, это уж совсем глупости, — с искренней досадой сказал Иван Васильевич.

— Ну, а любовь что? — спросили мы.

— Любовь? Любовь с этого дня пошла на убыль. Когда она, как это часто бывало с ней, с улыбкой на лице, задумывалась, я сейчас же вспоминал полковника на площади, и мне становилось как-то неловко и неприятно, и я стал реже видаться с ней. И любовь так и сошла на нет. Так вот какие бывают дела и от чего переменяется и направляется вся жизнь человека. А вы говорите... — закончил он.

Размышляем о прочитанном

1. Какие впечатления, чувства и размышления возникли у вас в связи с чтением рассказа? Кто его главные герои? От чьего лица ведётся рассказ? О каком периоде своей жизни повествует Иван Васильевич? Как рассказчик описывает Вареньку? Что рассказывает Иван Ва-

сильевич об обстановке бала, о своём настроении на балу? Чем можно объяснить это настроение? Как изображается отец Вареньки? Какое чувство испытывает к нему рассказчик? Что изменило настроение Ивана Васильевича? Каким показан полковник в сцене на площади? Какое же лицо полковника истинное? Как вы восприняли характеры и поступки героев? Расскажите об этом.

2. Почему рассказ назван автором не «Бал», а «После бала», хотя описание бала занимает бóльшую часть произведения?
3. Как объяснить поведение отца Вареньки после бала — его человеческими качествами или порядками в тогдашней армии?
4. Можно ли сказать, что рассказ Л. Н. Толстого открывает нам одну из страниц исторического прошлого России? Какую именно?
5. Против чего направлен рассказ «После бала»? От чего зависят, по мысли автора, перемены в человеческих отношениях?
6. Чего достигает Л. Н. Толстой композиционным приёмом контраста событий? Подготовьте развёрнутый ответ на этот вопрос, для аргументации своих утверждений используйте цитаты из текста рассказа.

Опыт литературоведческого исследования

★ В процессе создания художественного произведения Л. Н. Толстой говорил: «...художник не рассуждает, а непосредственным чувством угадывает типы». Следовательно, у Толстого интуиция — это способ «угадывания». В то же время Толстой, опираясь на реальный прообраз, писал: «Я бы стыдился печататься, если бы весь мой труд состоял в том, чтобы списать портрет, разузнать, запомнить».

Что это значит? Как вы понимаете это высказывание великого писателя?

Толстой говорил Гольденвейзеру[1]: «Я не понимаю, как можно писать и не переделывать всё множество раз. Я почти никогда не прочитываю своих уже напечатанных вещей, но если мне попадётся случайно какая-нибудь страница, мне всегда кажется: это всё надо переделывать». Как вы объясните эти слова? О какой черте характера писателя они говорят?

Подготовьте письменный ответ на эти вопросы в форме рассуждения.

Творческое задание

По убеждению Толстого, в ходе русской истории возникло две России — Россия образованная, далёкая от природы, и Россия мужицкая, близкая к природе. В этом для писателя состояла драма

[1] *Гольденвéйзер А. Б.* (1875—1961) — пианист, музыкант, композитор.

русской жизни. Он мечтал, чтобы эти два начала соединились, чтобы Россия стала единой. Но, будучи писателем-реалистом, он изображал ту действительность, которую видел и которую оценивал с точки зрения своих художественно-исторических взглядов. Как же отразились исторические взгляды писателя в рассказе «После бала»?

Литература и другие виды искусства

Рассмотрите иллюстрации к рассказу Л. Н. Толстого «После бала». Найдите в тексте рассказа эпизоды, изображённые художниками. Как вы думаете, удалось ли им передать настроение и пафос рассказа?

Развиваем дар слова

1. Для подтверждения ваших суждений о том или ином персонаже произведения подготовьте характеристики героев с введением портретов, диалогов, описаний бала, экзекуции.
2. Подготовьте устный отзыв на рассказ «После бала».
3. Выпишите из текста слова, незаслуженно забытые и редко использующиеся в современной разговорной речи, например: *чудный, затмила, утешение, сострадание, очевидно, милосердствовали, жёсткая (музыка), мазурка, грациозная и т. д.*

Фонохрестоматия

СЛУШАЕМ АКТЁРСКОЕ ЧТЕНИЕ

Вы читали рассказы Л. Н. Толстого и раньше. Вспомните их названия и имена героев. Кто они? Вы прочитали и обсудили рассказ «После бала». Почему он так назван автором?

1. Менялось ли ваше отношение к героям во время чтения рассказа и прослушивания актёрского исполнения? Почему?
2. Какие интонации были использованы актёром, чтобы показать характеры героев рассказа?
3. Против чего направлен рассказ Л. Н. Толстого и как это показывает в чтении Николай Лазарев?
4. Как настраивает музыка на прослушивание контрастных событий?
5. Почему рассказчик так подробно описывает Вареньку, её отца?
6. Какая музыка звучит во время танца? Какое настроение создаётся ею? Почему рассказчику казалось, что он любит «всех»?
7. Что случилось после бала? Какая новая музыка послышалась рассказчику? Как он назвал её?
8. Почему любовь рассказчика «пошла на убыль»?

ПОЭЗИЯ РОДНОЙ ПРИРОДЫ

Русских поэтов всегда привлекала родная природа, лишённая ярких, броских, бьющих в глаза экзотических красок. Она пленяет и трогает милой прелестью настоянного на полевых травах летнего дня, морозного осеннего, «ядреного», как сказал Некрасов, воздуха, белой бескрайней пустыни до горизонта тянущихся снегов, живостью журчащих весенних ручьёв и разливающихся в половодье рек с туманами над водой. Она дорога каждому большому поэту своей непосредственной жизнью, скромной простотой, в которой много красоты внутренней, раздолья, спокойствия, степенности и величия, взывающих к нравственной строгости и чистоте.

Она возвышала и призывала забыть перед её лицом о всякой суете и эгоизме. Русская поэзия стремилась соединить гуманные принципы, выработанные лучшими умами человечества, с природными законами, которые представлялись ей справедливыми и разумными. Наконец, природа в сравнении с жестокими официальными и неправедными устоями выступала искусным «врачом», укрепляющим дух, исцеляющим от душевных недугов и вносящим в него успокоение и гармонию.

Одни поэты черпают в ней силы для борьбы и веры в лучшее будущее народа, другие, обращаясь к ней, задумываются о философских противоречиях бытия, третьи находят в ней источник разрешения противоречий собственного сознания, четвёртых она побуждает проникнуться светлым оптимизмом. Так или иначе, русская природа в изображении наших поэтов самостоятельная и очень важная тема, благодаря которой в поэзии были совершены значительные художественные открытия в познании человеческого характера, психологических мотивов общественного поведения. И даже само поэтическое творчество — дар природы, такой же естественный акт, как произрастание злака, течение воды, рождение цветка.

Природа изображалась в лирике не просто фоном, на котором проходит жизнь и деятельность человека, но неотъемлемой частью его души, одним из самых глубоких и значимых переживаний, связывающих его с землёй, с «малым домом» родного края и с «большим домом» — Отчизной. Чувство родимой земли неотделимо от восприятия природы, от бережливого и рачительного пользования её дарами.

А. С. Пушкин

* * *

Цветы последние милей
Роскошных первенцев полей.
Они унылые мечтанья
Живее пробуждают в нас.
Так иногда разлуки час
Живее сладкого свиданья.

М. Ю. Лермонтов

Осень

Листья в поле пожелтели,
И кружатся, и летят;
Лишь в бору поникши ели
Зелень мрачную хранят.
Под нависшею скалою
Уж не любит меж цветов
Пахарь отдыхать порою
От полуденных трудов.
Зверь отважный поневоле
Скрыться где-нибудь спешит.
Ночью месяц тускл и поле
Сквозь туман лишь серебрит.

Фонохрестоматия

СЛУШАЕМ АКТЁРСКОЕ ЧТЕНИЕ

Михаил Юрьевич Лермонтов. «Осень»

М. Ю. Лермонтов передаёт в лирике свои настроения в образах природы, временах года.

1. Как интонацией, тембром голоса Елена Габец показывает преображение природы?
2. Как ритм, рифмы стихотворения помогают чтецу передать настроения поэта?
3. Настраивает ли музыка В.-А. Моцарта на осенний пейзаж, на созерцание природы и на печальное состояние души поэта?
4. Как ведут себя люди и звери («уж не любит меж цветов Пахарь отдыхать порою...», «зверь... Скрыться где-нибудь спешит...»)? Переда-

ёт ли всё это вместе настроение поэта? Какое же оно? Угадывается ли оно в связи с тем, как М. Ю. Лермонтов описывает окружающий мир природы?

Ф. И. Тютчев

Осенний вечер

Есть в светлости осенних вечеров
Умильная, таинственная прелесть:
Зловещий блеск и пестрота дерев,
Багряных листьев томный, лёгкий шелест,
Туманная и тихая лазурь
Над грустно-сиротеющей землёю,
И, как предчувствие сходящих бурь,
Порывистый, холодный ветр порою,
Ущерб, изнеможенье — и на всём
Та кроткая улыбка увяданья,
Что в существе разумном мы зовём
Божественной стыдливостью страданья.

Фонохрестоматия

СЛУШАЕМ АКТЁРСКОЕ ЧТЕНИЕ

Фёдор Иванович Тютчев. «Осенний вечер»

1. Какие чувства передаёт Ф. И. Тютчев, описывая осенний вечер (радости, грусти, умиления)?
2. В чём сходство и различие восприятия осенней природы у М. Ю. Лермонтова и Ф. И. Тютчева?
3. Какова эмоциональная окраска звучания эпитетов в чтении Алины Покровской?
4. Как вы объясните слова: *умильная, таинственная, ущерб, изнеможенье, кроткая*? Можете ли подобрать к ним синонимы? Как эти слова прозвучали в чтении актрисы?
5. Подумайте, как усиливает восприятие чтения музыка П. И. Чайковского.
6. Можно ли сказать, что, рисуя осенний вечер, поэт открывает нам собственное переживание тихой радости, грусти, умиления, спокойствия, умиротворения перед тем, что он видит вокруг?
7. Подготовьте чтение стихотворения наизусть, постарайтесь запомнить особенно выразительные интонации актёрского чтения.

А. А. Фет

Первый ландыш

О первый ландыш! Из-под снега
Ты просишь солнечных лучей:
Какая девственная нега
В душистой чистоте твоей!

Как первый луч весенний ярок!
Какие в нём нисходят сны!
Как ты пленителен, подарок
Воспламеняющей весны!

Так дева в первый раз вздыхает
О чём — неясно ей самой, —
И робкий вздох благоухает
Избытком жизни молодой.

Фонохрестоматия

СЛУШАЕМ АКТЁРСКОЕ ЧТЕНИЕ

Афанасий Афанасьевич Фет. «Первый ландыш»

1. Какие сравнения использует А. А. Фет при описании первого ландыша?
2. Как звучит настроение радости поэта от созерцания первого ландыша в чтении актрисы Елены Габец?
3. Какие интонации актрисы сопровождают слова и словосочетания: *девственная нега, первый луч, воспламеняющей весны, избыток жизни молодой*?
4. Что добавляет к чтению актрисы музыка В.-А. Моцарта?
5. Подготовьте выразительное чтение стихотворения «Первый ландыш».

А. Н. Майков

* * *

Поле зыблется цветами...
В небе льются света волны...
Вешних жаворонков пенья
Голубые бездны полны.

Взор мой тонет в блеске полдня...
Не видать певцов за светом...
Так надежды молодые
Тешат сердце мне приветом...

И откуда раздаются
Голоса их, я не знаю...
Но, им внемля, взоры к небу,
Улыбаясь, обращаю.

Развиваем дар слова

1. Передайте кратко содержание статьи, предваряющей тексты стихотворных произведений. Прочитайте стихотворения и подумайте, какая мысль поэта воплощена в каждом из них.
2. Обратите внимание на эпитеты в стихотворениях разных поэтов об осени. Какие чувства подчёркивают они? Как вы думаете, почему последние цветы кажутся поэту милее? Каковы наблюдения Лермонтова над поведением людей, жизнью природы в осеннюю пору? Что изменяется в его собственном настроении?
3. Что, по мнению Тютчева, происходит в природе с приходом осени? Как вы понимаете слова и словосочетания: *ущерб, изнеможенье, божественной стыдливостью страданья*?
4. Как оживает природа весной? Как это отражается на настроении человека? Понаблюдайте, вслушайтесь в перемены, замеченные Майковым и Фетом.

Учимся читать выразительно

Подготовьте выразительное чтение всех стихотворений, а одно из них выучите наизусть для чтения в классе или на школьном вечере поэзии.

Проект

Подготовьте вечер на тему: «Стихотворения русских поэтов о родной природе с привлечением материалов книги «Читаем, думаем, спорим. 8 класс» и фонохрестоматии.

Антон Павлович ЧЕХОВ

1860—1904

В октябре 1888 года Чехов писал поэту А. Н. Плещееву: «Я ненавижу ложь и насилие во всех их видах... Моё святая святых — это человеческое тело, здоровье, ум, талант, вдохновение, любовь, абсолютнейшая свобода, свобода от силы и лжи, в чём бы последние две ни выражались. Вот программа, которой я держался бы, если бы был большим художником».

Письмо это замечательно. В нём действительно заключена выстраданная писателем программа, которая исподволь созревала и наконец излилась страстным, искренним, приподнятым слогом.

Чехов страстно хотел исключить из современной ему действительности насилие, фальшь, «заточение» в разнообразные «футляры». Он мечтал о том, чтобы между людьми установились простые, чистые, добрые и гармоничные отношения. Своеобразной проверкой жизненных связей между людьми у Чехова не однажды служила любовь. Включённые в учебник-хрестоматию рассказы, в которых тема любви выдвинута на первый план, появились в окружении таких известных произведений, как «Душечка», «Ариадна», «Дама с собачкой», «Чайка». В них любовь также сопряжена с волнующими Чехова общественными страстями. Писатель видел в любви могучую силу, способную всколыхнуть душу человека, побудить его заново посмотреть на свою порой скучную и неприглядную до встречи со своей любовью судьбу и открыть более широкие, чем прежде, горизонты жизни.

Писатель Л. В. Никулин в книге «Чехов, Бунин, Куприн» пишет:

«Чехов близок нам, он вошёл в наше время, имя его упоминают в наших литературных спорах; нелегко осознать, что он ро-

дился в тот последний год, когда ещё существовало крепостное право. Род Чеховых был старый крестьянский, в пяти поколениях Чеховы были хлебопашцами, дед писателя был крепостным, отец выкупился из крепостной неволи. Семья Чеховых отличалась способностями к искусству, литературе (брат Николай был „прекрасный художник, подававший большие надежды", старший, Александр, „одарён во всех отношениях, чтоб отдаться чему-нибудь одному", Иван был образцовым педагогом, Михаил писал рассказы). Но только одному А. П. Чехову досталась заслуженная слава великого русского писателя.

Детство Антона Чехова было полным лишений, о чём он сам с горечью говорил: „В детстве у меня не было детства". Отец писателя, в своё время претерпевший многие трудности, был жесток с детьми. Таганрогскую гимназию, где учился Антоша Чехов, сверстники называли арестантскими ротами, но домашний быт был ещё суровее. Нужду, лишения, унизительный труд — всё это знал Чехов, прежде чем открылся ему путь в большую литературу.

Писателя А. П. Чехова интересовали только люди. Разные характеры, разные натуры — люди хорошие и дурные, добрые, злые, умные и глупые. Чехов никогда не был бесстрастным художником. Чехов — писатель и врач — не мог мириться с бедствиями народа, которые он видел на каждом шагу.

Помимо юмористических рассказов, у Чехова есть много произведений о любви. „Удивительно знал он женское сердце, тонко и сильно чувствовал женственность", — сказал о нём Бунин. Какие пленительные и тонкие женские образы рисовал он в рассказах „Дама с собачкой", „Жена" и др.

Никакие испытания не мешали писателю мечтать о счастливом будущем человечества. Он описывал жизнь, которую видел по-своему, как отзывчивый, наблюдательный свидетель, не навязывая своих суждений. Он предоставлял читателю делать выводы, и это были именно такие выводы, каких ожидал от него „художник жизни", несравненный русский писатель Антон Чехов. Вся Россия его времени, от петербургской гостиной до деревенской избы, отображена в его произведениях.

„Я глубоко убеждён, — писал Григоровичу[1] Чехов, — что, пока на Руси существуют леса, овраги, летние ночи, пока ещё кричат кулики и плачут чибисы, не забудут ни Вас, ни Тургенева, ни Толстого, как не забудут Гоголя. Вымрут и забудутся люди,

[1] *Григоро́вич Д. В.* (1822—1899/1900) — русский писатель.

которых Вы изображали, но Вы останетесь целы и невредимы. Такова Ваша сила и таково, значит, и счастье“».

Таковы сила и счастье Чехова.

?! Проверьте себя

Что вам известно о жизни А. П. Чехова? Какие чеховские рассказы вы читали? О чём они? Расскажите об одном из них.

Прочитайте рассказ А. П. Чехова «О любви». Сопоставьте свои впечатления с размышлениями литературоведа.

О любви

На другой день к завтраку подавали очень вкусные пирожки, раков и бараньи котлеты; и, пока ели, приходил наверх повар Никанор справиться, что гости желают к обеду. Это был человек среднего роста, с пухлым лицом и маленькими глазами, бритый, и казалось, что усы у него были не бриты, а выщипаны.

Алёхин рассказал, что красивая Пелагея была влюблена в этого повара. Так как он был пьяница и буйного нрава, то она не хотела за него замуж, но соглашалась жить так. Он же был очень набожен, и религиозные убеждения не позволяли ему жить так; он требовал, чтобы она шла за него, и иначе не хотел, и бранил её, когда бывал пьян, и даже бил. Когда он бывал пьян, она пряталась наверху и рыдала, и тогда Алёхин и прислуга не уходили из дому, чтобы защитить её в случае надобности.

Стали говорить о любви.

— Как зарождается любовь, — сказал Алёхин, — почему Пелагея не полюбила кого-нибудь другого, более подходящего к ней по её душевным и внешним качествам, а полюбила именно Никанора, этого мурло, — тут у нас все зовут его мурлом, — поскольку в любви важны вопросы личного счастья — всё это неизвестно и обо всём этом можно трактовать как угодно. До сих пор о любви была сказана только одна неоспоримая правда, а именно, что «тайна сия велика есть», всё же остальное, что писали и говорили о любви, было не решением, а только постановкой вопросов, которые так и оставались неразрешёнными. То объяснение, которое, казалось бы, годится для одного случая, уже не годится для десяти других, и самое луч-

шее, по-моему, — это объяснять каждый случай в отдельности, не пытаясь обобщить. Надо, как говорят доктора, индивидуализировать каждый отдельный случай.

— Совершенно верно, — согласился Буркин.

— Мы, русские порядочные люди, питаем пристрастие к этим вопросам, остающимся без разрешения. Обыкновенно любовь поэтизируют, украшают её розами, соловьями, мы же, русские, украшаем нашу любовь этими роковыми вопросами, и притом выбираем из них самые неинтересные. В Москве, когда я ещё был студентом, у меня была подруга жизни, милая дама, которая всякий раз, когда я держал её в объятиях, думала о том, сколько я буду выдавать ей в месяц и почём теперь говядина за фунт. Так и мы, когда любим, то не перестаём задавать себе вопросы: честно это или нечестно, умно или глупо, к чему поведёт эта любовь и так далее. Хорошо это или нет, я не знаю, но что это мешает, не удовлетворяет, раздражает — это я знаю.

Было похоже, что он хочет что-то рассказать. У людей, живущих одиноко, всегда бывает на душе что-нибудь такое, что они охотно бы рассказали. В городе холостяки нарочно ходят в баню и в ресторан, чтобы только поговорить, и иногда рассказывают банщикам или официантам очень интересные истории, в деревне же обыкновенно они изливают душу перед своими гостями. Теперь в окна было видно серое небо и деревья, мокрые от дождя, в такую погоду некуда было деваться и ничего больше не оставалось, как только рассказывать и слушать.

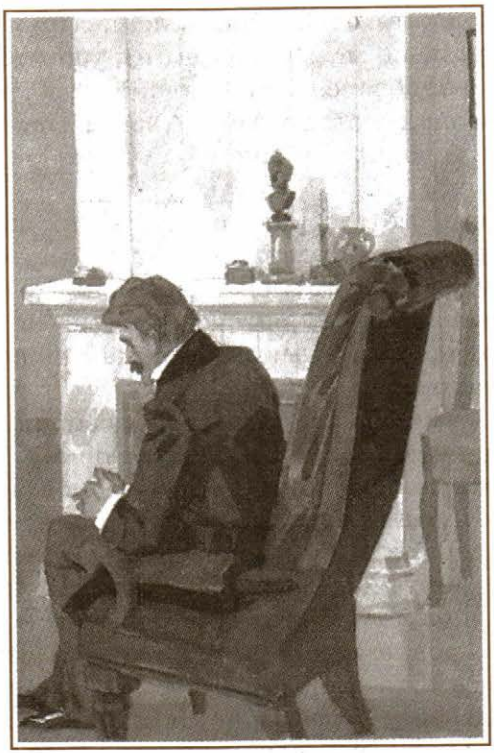
— Я живу в Софьине и занимаюсь хозяйством уже давно, — начал Алёхин, — с тех пор как кончил в университете. По воспитанию я белоручка, по наклонностям — кабинетный человек, но на имении, когда я приехал сюда, был большой долг, а так как отец мой задолжал отчасти потому, что много тратил на моё образование, то я решил, что не уеду отсюда и буду работать, пока не уплачу этого долга. Я решил так и начал тут работать, признаюсь, не без некоторого отвращения. Здешняя земля даёт немного, и, чтобы сельское хозяйство было не в убыток, нужно пользоваться трудом крепостных или наёмных батраков, что почти одно и то же, или же вести своё хозяйство на крестьянский лад, то есть работать в поле самому, со своей семьёй. Середины тут нет. Но я

тогда не вдавался в такие тонкости. Я не оставлял в покое ни одного клочка земли, я сгонял всех мужиков и баб из соседних деревень, работа у меня тут кипела неистовая; я сам тоже пахал, сеял, косил и при этом скучал и брезгливо морщился, как деревенская кошка, которая с голоду ест на огороде огурцы; тело моё болело, и я спал на ходу. В первое время мне казалось, что эту рабочую жизнь я могу легко помирить со своими культурными привычками; для этого стоит только, думал я, держаться в жизни известного внешнего порядка. Я поселился тут наверху, в парадных комнатах, и завёл так, что после завтрака и обеда мне подавали кофе с ликёрами, и, ложась спать, я читал на ночь «Вестник Европы». Но как-то пришёл наш батюшка, отец Иван, и в один присест выпил все мои ликёры; и «Вестник Европы» пошёл тоже к поповнам, так как летом, особенно во время покоса, я не успевал добраться до своей постели и засыпал в сарае, в санях или где-нибудь в лесной сторожке, — какое уж тут чтение? Я мало-помалу перебрался вниз, стал обедать в людской кухне, и из прежней роскоши у меня осталась только вся эта прислуга, которая ещё служила моему отцу и которую уволить мне было бы больно.

В первые же годы меня здесь выбрали в почётные мировые судьи. Кое-когда приходилось наезжать в город и принимать участие в заседаниях съезда и окружного суда, и это меня развлекало. Когда поживёшь здесь безвыездно месяца два-три, особенно зимой, то в конце концов начинаешь тосковать по чёрном сюртуке. А в окружном суде были и сюртуки, и мундиры, и фраки, все юристы, люди, получившие общее образование; было с кем поговорить. После спанья в санях, после людской кухни сидеть в кресле в чистом белье, в лёгких ботинках, с цепью на груди — это такая роскошь!

В городе меня принимали радушно, я охотно знакомился. И из всех знакомств самым основательным и, правду сказать, самым приятным для меня было знакомство с Лугановичем, товарищем председателя окружного суда. Его вы знаете оба: милейшая личность. Это было как раз после знаменитого дела поджигателей; разбирательство продолжалось два дня, мы были утомлены. Луганович посмотрел на меня и сказал:

— Знаете что? Пойдёмте ко мне обедать.

А. П. Чехов. «О любви». *Художник В. Панов*

Это было неожиданно, так как с Лугановичем я был знаком мало, только официально, и ни разу у него не был. Я только на минуту зашёл к себе в номер, чтобы переодеться, и отправился на обед. И тут мне представился случай познакомиться с Анной Алексеевной, женой Лугановича. Тогда она была ещё очень молода, не старше двадцати двух лет, и за полгода до того у неё родился первый ребёнок. Дело прошлое, и теперь бы я затруднился определить, что, собственно, в ней было такого необыкновенного, что мне так понравилось в ней, тогда же за обедом для меня всё было неотразимо ясно; я видел женщину молодую, прекрасную, добрую, интеллигентную, обаятельную, женщину, какой я раньше никогда не встречал; и сразу я почувствовал в ней существо близкое, уже знакомое, точно это лицо, эти приветливые, умные глаза я видел уже когда-то в детстве, в альбоме, который лежал на комоде у моей матери.

В деле поджигателей обвинили четырёх евреев, признали шайку, и, по-моему, совсем неосновательно. За обедом я очень волновался, мне было тяжело, и уж не помню, что я говорил, только Анна Алексеевна всё покачивала головой и говорила мужу:

— Дмитрий, как же это так?

Луганович — это добряк, один из тех простодушных людей, которые крепко держатся мнения, что раз человек попал под суд, то, значит, он виноват, и что выражать сомнение в правильности приговора можно не иначе, как в законном порядке, на бумаге, но никак не за обедом и не в частном разговоре.

— Мы с вами не поджигали, — говорил он мягко, — и вот нас же не судят, не сажают в тюрьму.

И оба, муж и жена, старались, чтобы я побольше ел и пил; по некоторым мелочам, по тому, например, как оба они вместе варили кофе, и по тому, как они понимали друг друга с полуслова, я мог заключить, что живут они мирно, благополучно и что они рады гостю. После обеда играли на рояле в четыре руки, потом стало темно, и я уехал к себе. Это было в начале весны. Затем всё лето провёл я в Софьине безвыездно, и было мне некогда даже подумать о городе, но воспоминание о стройной белокурой женщине оставалось во мне все дни; я не думал о ней, но точно лёгкая тень её лежала на моей душе.

Позднею осенью в городе был спектакль с благотворительной целью. Вхожу я в губернаторскую ложу (меня пригласили туда в антракте), смотрю — рядом с губернаторшей Анна Алексеевна, и опять то же самое неотразимое, бьющее впечатление красоты и милых ласковых глаз, и опять то же чувство близости.

Мы сидели рядом, потом ходили в фойе.

— Вы похудели, — сказала она. — Вы были больны?

— Да. У меня простужено плечо, и в дождливую погоду я дурно сплю.

— У вас вялый вид. Тогда, весной, когда вы приходили обедать, вы были моложе, бодрее. Вы тогда были воодушевлены и много говорили, были очень интересны, и, признаюсь, я даже увлеклась вами немножко. Почему-то часто в течение лета вы приходили мне на память, и сегодня, когда я собиралась в театр, мне казалось, что я вас увижу.

И она засмеялась.

— Но сегодня у вас вялый вид, — повторила она. — Это вас старит.

На другой день я завтракал у Лугановичей; после завтрака они поехали к себе на дачу, чтобы распорядиться там насчёт зимы, и я с ними. С ними же вернулся в город и в полночь пил у них чай в тихой, семейной обстановке, когда горел камин, и молодая мать всё уходила взглянуть, спит ли её девочка. И после этого в каждый свой приезд я непременно бывал у Лугановичей. Ко мне привыкли, и я привык. Обыкновенно входил я без доклада, как свой человек.

— Кто там? — слышался из дальних комнат протяжный голос, который казался мне таким прекрасным.

— Это Павел Константинович, — отвечала горничная или няня.

Анна Алексеевна выходила ко мне с озабоченным видом и всякий раз спрашивала:

— Почему вас так долго не было? Случилось что-нибудь?

Её взгляд, изящная, благородная рука, которую она подавала мне, её домашнее платье, причёска, голос, шаги всякий раз производили на меня всё то же впечатление чего-то нового, необыкновенного в моей жизни и важного. Мы беседовали подолгу и подолгу молчали, думая каждый о своём, или же она играла мне на рояле. Если же никого не было дома, то я оставался и ждал, разговаривал с няней, играл с ребёнком или же в кабинете лежал на турецком диване и читал газету, а когда Анна Алексеевна возвращалась, то я встречал её в передней, брал от неё все её покупки, и почему-то всякий раз эти покупки я нёс с такою любовью, с таким торжеством, точно мальчик.

Есть пословица: не было у бабы хлопот, так купила порося. Не было у Лугановичей хлопот, так подружились они со мной. Если я долго не приезжал в город, то, значит, я был болен или что-нибудь случилось со мной, и они оба сильно беспокоились. Они беспокоились, что я, образованный человек, знающий языки, вместо того чтобы заниматься наукой или литературным трудом, живу в деревне, верчусь как белка в колесе, много работаю, но всегда без гроша. Им казалось, что я страдаю, и если

я говорю, смеюсь, ем, то только для того, чтобы скрыть свои страдания, и даже в весёлые минуты, когда мне было хорошо, я чувствовал на себе их пытливые взгляды. Они были особенно трогательны, когда мне в самом деле приходилось тяжело, когда меня притеснял какой-нибудь кредитор или не хватало денег для срочного платежа; оба, муж и жена, шептались у окна, потом он подходил ко мне и с серьёзным лицом говорил:

— Если вы, Павел Константинович, в настоящее время нуждаетесь в деньгах, то я и жена просим вас не стесняться и взять у нас.

И уши краснели у него от волнения. А случалось, что точно так же, пошептавшись у окна, он подходил ко мне, с красными ушами, и говорил:

— Я и жена убедительно просим вас принять от нас вот этот подарок.

И подавал запонки, портсигар или лампу; и я за это присылал им из деревни битую птицу, масло и цветы. Кстати сказать, оба они были состоятельные люди. В первое время я часто брал взаймы и был не особенно разборчив, брал, где только возможно, но никакие силы не заставили бы меня взять у Лугановичей. Да что говорить об этом!

Я был несчастлив. И дома, и в поле, и в сарае я думал о ней, я старался понять тайну молодой, красивой, умной женщины, которая выходит за неинтересного человека, почти старика (мужу было больше сорока лет), имеет от него детей, — понять тайну этого неинтересного человека, добряка, простака, который рассуждает с таким скучным здравомыслием, на балах и вечеринках держится около солидных людей, вялый, ненужный, с покорным, безучастным выражением, точно его привели сюда продавать, который верит, однако, в своё право быть счастливым, иметь от неё детей; и я всё старался понять, почему она встретилась именно ему, а не мне, и для чего это нужно было, чтобы в нашей жизни произошла такая ужасная ошибка.

А приезжая в город, я всякий раз по её глазам видел, что она ждала меня; и она сама признавалась мне, что ещё с утра у неё было какое-то особенное чувство, она угадывала, что я приеду. Мы подолгу говорили, молчали, но мы не признавались друг другу в нашей любви и скрывали её робко, ревниво. Мы боялись всего, что могло бы открыть нашу тайну нам же самим. Я любил неж-

А. П. Чехов. «О любви». *Художник В. Панов*

но, глубоко, но я рассуждал, я спрашивал себя, к чему может повести наша любовь, если у нас не хватит сил бороться с нею; мне казалось невероятным, что эта моя тихая, грустная любовь вдруг оборвёт счастливое течение жизни её мужа, детей, всего этого дома, где меня так любили и где мне так верили. Честно ли это? Она пошла бы за мной, но куда? Куда бы я мог вести её? Другое дело, если бы у меня была красивая, интересная жизнь, если б я, например, боролся за освобождение родины или был знаменитым учёным, артистом, художником, а то ведь из одной обычной, будничной обстановки пришлось бы увлечь её в другую такую же или ещё более будничную. И как бы долго продолжалось наше счастье? Что было бы с ней в случае моей болезни, смерти, или, просто, если бы мы разлюбили друг друга?

И она, по-видимому, рассуждала подобным же образом. Она думала о муже, о детях, о своей матери, которая любила её мужа, как сына. Если б она отдалась своему

чувству, то пришлось бы лгать или говорить правду, а в её положении то и другое было бы одинаково страшно и неудобно. И её мучил вопрос: принесёт ли мне счастье её любовь, не осложнит ли она моей жизни, и без того тяжёлой, полной всяких несчастий? Ей казалось, что она уже недостаточно молода для меня, недостаточно трудолюбива и энергична, чтобы начать новую жизнь, и она часто говорила с мужем о том, что мне нужно жениться на умной, достойной девушке, которая была бы хорошей хозяйкой, помощницей, — и тотчас же добавляла, что во всём городе едва ли найдётся такая девушка.

Между тем годы шли. У Анны Алексеевны было уже двое детей. Когда я приходил к Лугановичам, прислуга улыбалась приветливо, дети кричали, что пришёл дядя Павел Константиныч, и вешались мне на шею; все радовались. Не понимали, что делалось в моей душе, и думали, что я тоже радуюсь. Все видели во мне благородное существо. И взрослые и дети чувствовали, что по комнате ходит благородное существо, и это вносило в их отношения ко мне какую-то особую прелесть, точно в моём присутствии и их жизнь была чище и красивее. Я и Анна Алексеевна ходили вместе в театр, всякий раз пешком; мы сидели в креслах рядом, плечи наши касались, я молча брал из её рук бинокль и в это время чувствовал, что она близка мне, что она моя, что нам нельзя друг без друга, но, по какому-то странному недоразумению, выйдя из театра, мы всякий раз прощались и расходились, как чужие. В городе уже говорили о нас бог знает что, но из всего, что говорили, не было ни одного слова правды.

В последние годы Анна Алексеевна стала чаще уезжать то к матери, то к сестре; у неё уже бывало дурное настроение, являлось сознание неудовлетворённой, испорченной жизни, когда не хотелось видеть ни мужа, ни детей. Она уже лечилась от расстройства нервов.

Мы молчали, и все молчали, а при посторонних она испытывала какое-то странное раздражение против меня; о чём бы я ни говорил, она не соглашалась со мной, и если я спорил, то она принимала сторону моего противника. Когда я ронял что-нибудь, то она говорила холодно:

— Поздравляю вас.

Если, идя с ней в театр, я забывал взять бинокль, то потом она говорила:

— Я так и знала, что вы забудете.

К счастью или к несчастью, в нашей жизни не бывает ничего, что не кончалось бы рано или поздно. Наступило время разлуки, так как Лугановича назначили председателем в одной из западных губерний. Нужно было продавать мебель, лошадей, дачу. Когда ездили на дачу и потом возвращались и оглядывались, чтобы в последний раз взглянуть на сад, на зелёную крышу, то было всем грустно, и я понимал, что пришла пора прощаться не с одной только дачей. Было решено, что в конце августа мы проводим Анну Алексеевну в Крым, куда посылали её доктора, а немного погодя уедет Луганович с детьми в свою западную губернию.

Мы провожали Анну Алексеевну большой толпой. Когда она уже простилась с мужем и детьми и до третьего звонка оставалось одно мгновение, я вбежал к ней в купе, чтобы положить на полку одну из её корзинок, которую она едва не забыла; и нужно было проститься. Когда тут, в купе, взгляды наши встретились, душевные силы оставили нас обоих, я обнял её, она прижалась лицом к моей груди, и слёзы потекли из глаз; целуя её лицо, плечи, руки, мокрые от слёз, — о, как мы были с ней несчастны! — я признался ей в своей любви, и со жгучей болью в сердце я понял, как ненужно, мелко и как обманчиво было всё то, что нам мешало любить. Я понял, что когда любишь, то в своих рассуждениях об этой любви нужно исходить от высшего, от более важного, чем счастье или несчастье, грех или добродетель в их ходячем смысле, или не нужно рассуждать вовсе.

Я поцеловал в последний раз, пожал руку, и мы расстались — навсегда. Поезд уже ушёл. Я сел в соседнем купе, — оно было пусто, — и до первой станции сидел тут и плакал. Потом пошёл к себе в Софьино пешком...

Пока Алёхин рассказывал, дождь перестал и выглянуло солнце. Буркин и Иван Иваныч вышли на балкон; отсюда был прекрасный вид на сад и на плёс, который теперь на солнце блестел, как зеркало. Они любовались и в то же время жалели, что этот человек с добрыми, умными глазами, который рассказывал им с таким чистосердечием, в самом деле вертелся здесь, в этом громадном имении как белка в колесе, а не занимался наукой или чем-нибудь другим, что делало бы его жизнь более при-

ятной; и они думали о том, какое, должно быть, скорбное лицо было у молодой дамы, когда он прощался с ней в купе и целовал ей лицо и плечи. Оба они встречали её в городе, а Буркин был даже знаком с ней и находил её красивой.

О ГЕРОЯХ РАССКАЗА А. П. ЧЕХОВА «О ЛЮБВИ»

Герой рассказа «О любви» Алёхин утверждает: «...мы, когда любим, то не перестаём задавать себе вопросы: честно это или нечестно, умно или глупо, к чему поведёт эта любовь и так далее. Хорошо это или нет, я не знаю, но что это мешает, не удовлетворяет, раздражает — это я знаю».

В доказательство герой рассказывает историю своей любви. Но, перед тем как изложить её, он говорит о себе несколько слов, бросающих свет на его характер и на образ русского интеллигента вообще.

Алёхин кончил курс в университете, и, судя по всему, ему очень хотелось заняться науками. Он склонен к кабинетной работе. Однако случилось так, что герой поселился в имении, начал вести хозяйство, отнимавшее у него всё время, и постепенно забыл и о науке, и о привычках культурного, образованного человека. Испытывая невыносимую скуку и брезгливость оттого, что занимается нелюбимым делом, которое — он чувствует — ему не нужно и которое, кроме душевной пустоты, ничего ему не приносит, он всё-таки не бросает имения. Что же мешает ему уехать и начать жизнь, более соответствующую его склонностям и способностям? Долг отца? Но продай Алёхин имение, он погасил бы долг, стал бы свободен.

Что же изменилось, когда герой полюбил? Какие вопросы тревожили его?

Чеховские герои, полюбив, не возвысили свои души. Их неизменно тянет вниз груз серьёзных нравственных сомнений. Запоздалое объяснение, пропущенное счастье! Алёхин позднее понимает, как обманчиво было всё то, что мешало любить. «Высший, более важный» смысл остался для Алёхина недоступным.

Чехов отвергает тезис Алёхина о специфичности русской любви... Писатель поведал о скорбной доле русского интеллигента, который не только по чужой, но и по собственной воле истощает чувства и убивает здоровые порывы и стремления.

В. Коровин

Размышляем о прочитанном

1. В чём суть рассказа? О чём он? Кто его герои?
2. Можно ли было предположить, как будут развиваться события? По каким приметам вы сделали такие выводы?
3. Какое значение для развития действия имел рассказ о красивой Пелагее и поваре Никаноре?
4. Каково ваше отношение к героям и их поступкам? Что хотел сказать читателям автор? Как вы понимаете финал рассказа?
5. Какие размышления у вас вызвал рассказ? Осуждаете или одобряете вы поступки героев? Согласны ли вы с рассуждениями о рассказе литературоведа В. И. Коровина? Аргументируйте свой ответ цитатами из текста рассказа.

А. П. ЧЕХОВ И ЕГО ПОНИМАНИЕ ИСТОРИЗМА

Историзм А. П. Чехова связан прежде всего с русской культурой в широком понимании этого слова: культурой чувств, ума, общения, психологии, бытовых, служебных и общественных отношений. Например, тип «маленького человека» у Чехова переосмысливается. Русская литература всегда сострадала и сочувствовала «маленькому человеку», понимая крах его надежд и мечтаний, его ничтожное социальное положение (например, «Станционный смотритель» А. С. Пушкина). Писатели обвиняли сильных мира сего и всё общественное устройство в жестоком отношении к обыкновенному человеку. Чехов считает иначе: в ходе исторического развития «маленький человек» превратился в «мелкого человека». Теперь он нуждается не в сочувствии, а в осмеянии: покорность, приниженность, рабство служат причиной торжествующего зла. И если о чём и сожалеет автор, то только о незыблемости рабской натуры, в которой живёт страх и таится собственная гибель (вспомним рассказы «Хамелеон», «Размазня»).

Опыт литературоведческого исследования

Подтвердите мысль об эволюции «маленького человека» у Чехова примерами из прочитанных в 5, 6 и 7 классах рассказов писателя.

Подготовьте доклад на тему: «Маленький человек в произведениях А. П. Чехова».

Фонохрестоматия

СЛУШАЕМ АКТЁРСКОЕ ЧТЕНИЕ

1. Какими чувствами пронизан рассказ А. П. Чехова «О любви»?
2. Что хотел сказать своим рассказом автор? Передал ли эту мысль в своём чтении актёр?
3. Какие мысли и настроения рассказчика передаются музыкой старинного романса?
4. Как вы понимаете слова: *здравомыслие*, *вялость*? К какому герою они относятся?
5. Как вы понимаете выражения: *благородное существо*, *дурное настроение*? С какими героями связаны эти выражения?
6. Как понять концовку рассказа? Соответствует ли ей музыка и чтение актёра?

Развиваем дар слова

Объясните слова, введите их в собственную разговорную речь:

— *пристрастие,*
— *порядочные люди,*
— *белоручка,*
— *здешний,*
— *безвыездно,*
— *утомлён,*
— *обаятельная,*
— *благотворно.*

Иван Алексеевич БУНИН

1870—1953

Прошли годы, о которых Бунин писал:

В чужом мне мире, сложном и огромном,
Я молод был, безвестен, одинок...

Литературная судьба писателя складывалась счастливо, критики в общем похвально отзывались о нём, после первой книжки рассказов его называли «певцом осени, грусти и дворянских гнёзд», хвалили за прекрасный язык. В конце века особенно чувствовалась нарастающая тревога. Уже не одно только разорение дворянских гнёзд, но и рост революционного движения тревожили ту среду, в которой вырос Бунин.

Рассказы Бунина, меланхолические, с грустью повествующие о прошлом, нравились. Единодушно хвалили его как даровитейшего художника слова, мастера психологического портрета, новеллиста, тонко чувствующего русскую природу, чудесно передающего пейзаж. В более поздние годы он пишет о русской песне, о её прелести в сочетании с трудом косарей («Косцы»). Пишет страстно и поэтично, как великий художник, заставляя нас вспомнить Тургенева и его рассказ «Певцы».

«Ничего лишнего» — это своего рода вечный завет писателя самому себе. Он следовал ему упорно, вымарывая иногда то, чем другой беллетрист, вероятно, гордился бы: подробности, детали, которые легко запоминались. Например, в рассказе «Кав-

каз» он вычёркивает: «Я налил ей белого вина в вагонный стакан с голубой надписью „Одоль“».

Литература о любви, высоком и прекрасном чувстве, дарованном человеку, неисчерпаема. Если обратиться к мировой литературе всех времён, то убедишься, что некоторые прекрасные произведения написаны главным образом о несчастной любви. И. А. Бунин много писал о любви. Обманутая любовь — одна из постоянных тем Бунина, она есть и в рассказах «Сны Чанга», «Кавказ», «При дороге» и др. Сила воображения писателя рисовала ему сложные столкновения характеров, оригинальные сюжеты произведений.

Критика часто отмечала влияние Чехова на Бунина. Сближало их «выдумывание жизненных подробностей». Они часто беседовали об этом. В открытии таких ценных для писателя находок Бунин достиг высокого совершенства. Чехов угадал в Бунине большого художника с редкой памятью и зорким глазом, схватывавшим жизненные чёрточки, умевшим видеть и наблюдать жизнь.

Нет сомнения в том, что Бунин заслужил признание как даровитейший художник слова, писатель, который умел передать тончайшие чувства человека, как наблюдатель жизни, обладавший острейшей зоркостью глаза.

По книге Л. Никулина «Чехов, Бунин, Куприн»

?! Проверьте себя

1. Что вы знаете о жизни и творчестве И. А. Бунина? Как проходило его детство? Кто, по словам писателя, оказал на него особенно благотворное влияние?
2. Что вы можете рассказать о творческой лаборатории писателя?
3. Какие произведения И. А. Бунина были прочитаны вами в классе и самостоятельно? Какое впечатление произвели на вас рассказы «Косцы» и «Цифры»? Расскажите об одном из героев рассказа «Цифры».
4. Используя статьи учебника (раздел «Литературные места России») и ресурсы Интернета, подготовьте заочную экскурсию в музей И. А. Бунина в Орле.

Кавказ

Приехав в Москву, я воровски остановился в незаметных номерах в переулке возле Арбата и жил томительно, затворником — от свидания до свидания с нею. Была она у меня за эти дни всего три раза и каждый раз входила поспешно, со словами:

— Я только на одну минуту...

Она была бледна прекрасной бледностью любящей взволнованной женщины, голос у неё срывался, и то, как она, бросив куда попало зонтик, спешила поднять вуальку и обнять меня, потрясало меня жалостью и восторгом.

— Мне кажется, — говорила она, — что он что-то подозревает, что он даже знает что-то, — может быть, прочитал какое-нибудь ваше письмо, подобрал ключ к моему столу... Я думаю, что он на всё способен при его жестоком, самолюбивом характере. Раз он мне прямо сказал: «Я ни перед чем не остановлюсь, защищая свою честь, честь мужа и офицера!» Теперь он почему-то следит буквально за каждым моим шагом, и, чтобы наш план удался, я должна быть страшно осторожна. Он уже согласен отпустить меня, так внушила я ему, что умру, если не увижу юга, моря, но, ради Бога, будьте терпеливы!

План наш был дерзок: уехать в одном и том же поезде на кавказское побережье и прожить там в каком-нибудь совсем диком месте три-четыре недели. Я знал это побережье, жил когда-то некоторое время возле Сочи, — молодой, одинокий, — на всю жизнь запомнил те осенние вечера среди чёрных кипарисов, у холодных серых волн... И она бледнела, когда я говорил: «А теперь я там буду с тобой, в горных джунглях, у тропического моря...» В осуществление нашего плана мы не верили до последней минуты — слишком великим счастьем казалось нам это.

В Москве шли холодные дожди, похоже было на то, что лето уже прошло и не вернётся, было грязно, сумрачно, улицы мокро и чёрно блестели раскрытыми зонтами прохожих и поднятыми, дрожащими на бегу верхами извозчичьих пролёток. И был тёмный, отвратительный вечер, когда я ехал на вокзал, всё внутри у меня замирало от тревоги и холода. По вокзалу и по платформе я пробежал бегом, надвинув на глаза шляпу и уткнув лицо в воротник пальто.

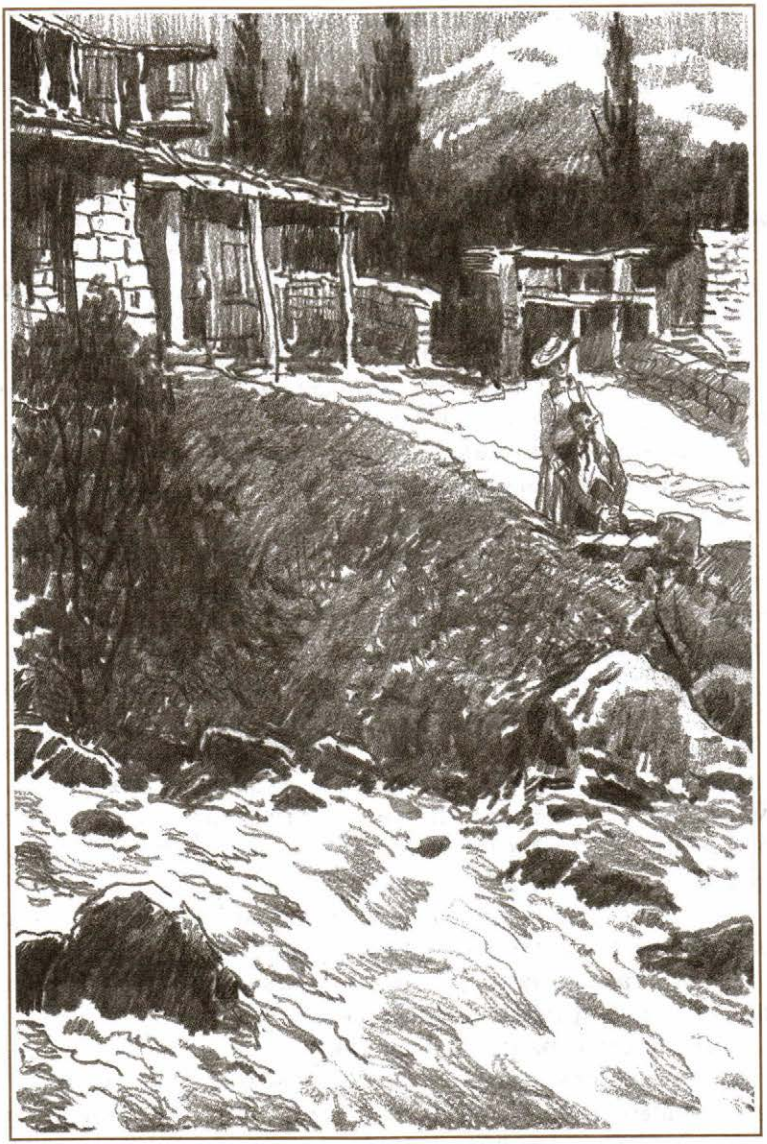
В маленьком купе первого класса, которое я заказал заранее, шумно лил дождь по крыше. Я немедля опустил оконную занавеску и, как только носильщик, обтирая мокрую руку о свой белый фартук, взял на чай и вышел, на замок запер дверь. Потом чуть приоткрыл занавеску и замер, не сводя глаз с разнообразной толпы, взад

и вперёд сновавшей с вещами вдоль вагона в тёмном свете вокзальных фонарей. Мы условились, что я приеду на вокзал как можно раньше, а она как можно позже, чтобы мне как-нибудь не столкнуться с ней и с ним на платформе. Теперь им уже пора было быть. Я смотрел всё напряжённее — их всё не было. Ударил второй звонок — я похолодел от страха: опоздала или он в последнюю минуту вдруг не пустил её! Но тотчас вслед за тем был поражён его высокой фигурой, офицерским картузом, узкой шинелью и рукой в замшевой перчатке, которой он, широко шагая, держал её под руку. Я отшатнулся от окна, упал в угол дивана. Рядом был вагон второго класса — я мысленно видел, как он хозяйственно вошёл в него вместе с нею, оглянулся, — хорошо ли устроил её носильщик, — и снял перчатку, снял картуз, целуясь с ней, крестя её... Третий звонок оглушил меня, тронувшийся поезд поверг в оцепенение... Поезд расходился, мотаясь, качаясь, потом стал нести ровно, на всех парах... Кондуктору, который проводил её ко мне и перенёс её вещи, я ледяной рукой сунул десятирублёвую бумажку...

Войдя, она даже не поцеловала меня, только жалостно улыбнулась, садясь на диван и снимая, отцепляя от волос шляпку.

— Я совсем не могла обедать, — сказала она. — Я думала, что не выдержу эту страшную роль до конца. И ужасно хочу пить. Дай мне нарзану, — сказала она, в первый раз говоря мне ты. — Я убеждена, что он поедет вслед за мною. Я дала ему два адреса, Геленджик и Гагры. Ну вот, он и будет дня через три-четыре в Геленджике... Но Бог с ним, лучше смерть, чем эти муки...

Утром, когда я вышел в коридор, в нём было солнечно, душно, из уборных пахло мылом, одеколоном и всем, чем пахнет людный вагон утром. За мутными от пыли и нагретыми окнами шла ровная выжженная степь, видны были пыльные широкие дороги, арбы, влекомые волами, мелькали железнодорожные будки с канареечными кругами подсолнечников и алыми мальвами в палисадниках... Дальше пошёл безграничный простор нагих равнин с курганами и могильниками, нестерпимое сухое солнце, небо, подобное пыльной туче, потом призраки первых гор на горизонте...

И. А. Бунин. «Кавказ». *Художник И. Пчелко*

Из Геленджика и Гагр она послала ему по открытке, написала, что ещё не знает, где останется.

Потом мы спустились вдоль берега к югу.

Мы нашли место первобытное, заросшее чинаровыми лесами, цветущими кустарниками, красным деревом,

магнолиями, гранатами, среди которых поднимались веерные пальмы, чернели кипарисы...

Я просыпался рано и, пока она спала, до чая, который мы пили часов в семь, шёл по холмам в лесные чащи. Горячее солнце было уже сильно, чисто и радостно. В лесах лазурно светился, расходился и таял душистый туман, за дальними лесистыми вершинами сияла предвечная белизна снежных гор... Назад я проходил по знойному и пахнущему из труб горящим кизяком[1] базару нашей деревни: там кипела торговля, было тесно от народа, от верховых лошадей и осликов, — по утрам съезжалось туда на базар множество разноплемённых горцев, — плавно ходили черкешенки в чёрных длинных до земли одеждах, в красных чувяках[2], с закутанными во что-то чёрное головами, с быстрыми взглядами, мелькавшими порой из этой траурной закутанности.

Потом мы уходили на берег, всегда совсем пустой, купались и лежали на солнце до самого завтрака. После завтрака — всё жаренная на шкаре рыба, белое вино, орехи и фрукты — в знойном сумраке нашей хижины под черепичной крышей тянулись через сквозные ставни горячие, весёлые полосы света.

Когда жар спадал и мы открывали окно, часть моря, видная из него между кипарисов, стоявших на скате под нами, имела цвет фиалки и лежала так ровно, мирно, что, казалось, никогда не будет конца этому покою, этой красоте.

На закате часто громоздились за морем удивительные облака; они пылали так великолепно, что она порой ложилась на тахту, закрывала лицо газовым шарфом и плакала: ещё две-три недели — и опять Москва!

Ночи были теплы и непроглядны, в чёрной тьме плыли, мерцали, светили топазовым светом огненные мухи, стеклянными колокольчиками звенели древесные лягушки. Когда глаз привыкал к темноте, выступали вверху звёзды и гребни гор, над деревней вырисовывались деревья, которых мы не замечали днём. И всю ночь слышался оттуда, из духана[3], глухой стук в барабан и горловой,

---

[1] *Кизя́к* — сухой навоз.

[2] *Чувя́ки* — обувь из мягкой кожи.

[3] *Духа́н* — небольшой трактир, ресторан.

заунывный, безнадёжно-счастливый вопль как будто всё одной и той же бесконечной песни.

Недалеко от нас, в прибрежном овраге, спускавшемся из лесу к морю, быстро прыгала по каменистому ложу мелкая, прозрачная речка. Как чудесно дробился, кипел её блеск в тот таинственный час, когда из-за гор и лесов, точно какое-то дивное существо, пристально смотрела поздняя луна!

Иногда по ночам надвигались с гор страшные тучи, шла злобная буря, в шумной гробовой черноте лесов то и дело разверзались волшебные зелёные бездны и раскалывались в небесных высотах допотопные удары грома. Тогда в лесах просыпались и мяукали орлята, ревел барс, тявкали чекалки[1]. Раз к нашему освещённому окну сбежалась целая стая их, — они всегда сбегаются в такие ночи к жилью, — мы открыли окно и смотрели на них сверху, а они стояли под блестящим ливнем и тявкали, просились к нам... Она радостно плакала, глядя на них.

Он искал её в Геленджике, в Гаграх, в Сочи. На другой день по приезде в Сочи он купался утром в море, потом брился, надел чистое бельё, белоснежный китель, позавтракал в своей гостинице на террасе ресторана, выпил бутылку шампанского, пил кофе с шартрёзом[2], не спеша выкурил сигару. Возвратясь в свой номер, он лёг на диван и выстрелил себе в виски из двух револьверов.

ИСТОРИЗМ И. А. БУНИНА

Историзм Бунина отличается проникновенным вниманием к чувственной, ощущаемой, инстинктивной стороне жизни. Писатель описывает прошлое, воссоздавая атмосферу усадьбы, уединённой сельской жизни, тёмной аллеи, песен косцов, памятной сердцу комнаты. Его повествование включает чувственное ощущение времени, пространства, звука. Тут всё имеет значение: и общая атмосфера, и любая подробность. История как бы живёт в душе, и, когда настанет час, она вдруг явится в окружении

---

[1] *Чека́л<ка>* — земляной зайчик или мышь (словарь Даля).

[2] *Шартрёз* — сорт французского ликёра.

таких её свойств, которые воспринимаются не только органами чувств, но и настроением, движением сердца: особое освещение природы, блики на лице любимой женщины, шелест её платья, едва уловимый шорох её шагов.

Найдите эти качества бунинской прозы и бунинского историзма в прочитанных вами произведениях.

Размышляем о прочитанном

1. И. А. Бунин прожил бóльшую часть своей жизни в эмиграции, но сердцем всегда был в России, интересовался всем, что происходит на родине. Рассказы его посвящены многим темам: вечным темам — любви и состраданию, жизни и смерти. Вы прочитали небольшой рассказ, который назван «Кавказ». Какой теме он посвящён? Каким настроением пронизан?
2. Как проявился историзм И. А. Бунина в рассказе «Кавказ»? Какое время отражено писателем? Какие приметы времени заметили вы в тексте бунинского произведения?
3. Проследите, как автор вводит в рассказ описания природы. Что этим достигается? Как меняется настроение героев?
4. В чём несчастье и счастье героев? Что говорят об этом начало и концовка рассказа? В начале рассказа героиня сообщает, что её муж заявил: «Я ни перед чем не остановлюсь, защищая свою честь, честь мужа и офицера!» Исполнил ли он свою угрозу? Как вы считаете, кто главный герой этого рассказа? Почему?

Развиваем дар слова

Чем кончается рассказ и что он оставляет в душе читателя? Виноват ли кто-нибудь из героев в разыгравшейся трагедии? Подготовьте ответ-рассуждение на этот вопрос.

Учимся читать выразительно

Подготовьте выразительное чтение этого рассказа, передав нарастание тревоги в состоянии героев.

Творческое задание

1. И. А. Бунин считал важным для себя найти «звук» для того, чтобы сложилось новое произведение. Какой «звук» мог явиться истоком рассказа «Кавказ»? Подготовьте ответ-рассуждение.

2. Подготовьте устную или письменную рецензию на прочитанное произведение.

Фонохрестоматия

СЛУШАЕМ АКТЁРСКОЕ ЧТЕНИЕ

1. В рассказе И. А. Бунина «Кавказ» мы встречаемся с совершенно иными, чем в чеховском рассказе, проявлениями любви. Как мы можем их назвать — трагическими, бурными, эгоистическими?
2. Какими средствами художественного чтения актёр Юрий Васильев передал особенности черт характера каждого персонажа?
3. Сочувствие или осуждение вызывает у вас каждый из героев? Как относится к персонажам сам автор?
4. Какое настроение поддерживается звуками природы?
5. Каково ваше отношение к трагической концовке рассказа И. А. Бунина и как она звучит в чтении актёра?

Александр Иванович КУПРИН

1870—1938

Родился Александр Иванович Куприн в небольшом городке Наровчате. Много лет спустя, будучи уже известным писателем, Куприн с добрым юмором писал о родном городе: «Наровчат есть крошечный уездный городишко Пензенской губернии, никому не известный, ровно ничем не замечательный. Соседние городки, по русской охальной привычке, дразнят его: „Наровчат, одни колышки торчат“. И правда, все наровчатские дома и пристройки построены исключительно из дерева, без малейшего намёка на камень; река Безымянка протекает от города за версту; лето всегда бывает жаркое да сухое, а народ — ротозей. Долго ли тут до Божьего попущения? Так и выгорал из года в год славный город...»

Отца Куприн не помнил. Когда тот умер, будущему писателю было около года. Детские годы Куприна прошли в Москве в сиротском пансионе. Затем кадетский корпус, военное училище, офицерская служба в армии. Но армейская служба продолжалась недолго. Двадцатичетырёхлетний поручик уходит в отставку. Сотрудничает в киевских газетах, получает признание читателей. Вскоре Куприн становится одним из лучших русских писателей-прозаиков. Во время Гражданской войны писатель, отступая вместе с войсками белых, оказывается за границей — сначала в Эстонии, затем в Финляндии, а с 1920 года живёт в Париже.

Юношеские, «юнкерские» впечатления, воспоминания о недолгой офицерской службе подсказали многие сюжеты, образы, характеры персонажей рассказов и повестей А. И. Куприна. Целостную, обобщающую картину состояния русской армии писатель воссоздаёт в одном из самых известных своих произве-

дений — повести «Поединок». После «Поединка» писатель надолго оставляет армейскую тематику. Он пишет замечательные повести о любви — «Гранатовый браслет» и «Олеся», рассказы для детей и о детях, психологически тонкие бытовые зарисовки. Героями последнего крупного произведения А. И. Куприна — романа «Юнкера», опубликованного в Париже в тридцатые годы, — вновь становятся будущие русские офицеры, воспитанники военного училища. «Я хотел бы, чтобы прошлое, которое ушло навсегда, наши училища, наши юнкера, наша жизнь, наши обычаи, традиции остались хотя бы на бумаге и не исчезли не только из мира, но даже из памяти людей. „Юнкера“ — это моё завещание русской молодёжи», — говорил о романе автор.

«Куст сирени» — одно из ранних произведений писателя, но лучшие качества прозы Куприна — психологизм, многозначность художественной детали, увлекательность сюжета — в полной мере присущи этому рассказу.

Проверьте себя

1. Вспомните, какие рассказы А. И. Куприна вы уже читали в классе или самостоятельно. Чем они вам запомнились?
2. Назовите основные этапы жизни писателя.
3. Какие темы затрагивал А. И. Куприн в своих произведениях?

Творческое задание

Используя материал статьи в учебнике и сведения из энциклопедий или биографических словарей, подготовьте устный рассказ о жизни и творчестве А. И. Куприна.

Куст сирени

Николай Евграфович Алмазов едва дождался, пока жена отворила ему двери, и, не снимая пальто, в фуражке прошёл в свой кабинет. Жена, как только увидела его насупившееся лицо со сдвинутыми бровями и нервно закушенной нижней губой, в ту же минуту поняла, что произошло очень большое несчастие... Она молча пошла следом за мужем. В кабинете Алмазов простоял с минуту на одном месте, глядя куда-то в угол. Потом он выпустил из рук портфель, который упал на пол и раскрылся, а

сам бросился в кресло, злобно хрустнув сложенными вместе пальцами...

Алмазов, молодой небогатый офицер, слушал лекции в Академии генерального штаба и теперь только что вернулся оттуда. Он сегодня представлял профессору последнюю и самую трудную практическую работу — инструментальную съёмку местности...

До сих пор все экзамены сошли благополучно, и только одному Богу да жене Алмазова было известно, каких страшных трудов они стоили... Начать с того, что самое поступление в академию казалось сначала невозможным. Два года подряд Алмазов торжественно проваливался и только на третий упорным трудом одолел все препятствия. Не будь жены, он, может быть, не найдя в себе достаточно энергии, махнул бы на всё рукою. Но Верочка не давала ему падать духом и постоянно поддерживала в нём бодрость... Она приучилась встречать каждую неудачу с ясным, почти весёлым лицом. Она отказывала себе во всём необходимом, чтобы создать для мужа хотя и дешёвый, но всё-таки необходимый для занятого головной работой человека комфорт. Она бывала, по мере необходимости, его переписчицей, чертёжницей, чтицей, репетиторшей и памятной книжкой.

Прошло минут пять тяжёлого молчания, тоскливо нарушаемого хромым ходом будильника, давно знакомым и надоевшим: раз, два, три-три: два чистых удара, третий с хриплым перебоем. Алмазов сидел, не снимая пальто и шапки и отворотившись в сторону... Вера стояла в двух шагах от него также молча, с страданием на красивом, нервном лице. Наконец она заговорила первая, с той осторожностью, с которой говорят только женщины у кровати близкого труднобольного человека...

— Коля, ну как же твоя работа?.. Плохо?

Он передёрнул плечами и не отвечал.

— Коля, забраковали твой план? Ты скажи, всё равно ведь вместе обсудим.

Алмазов быстро повернулся к жене и заговорил горячо и раздражённо, как обыкновенно говорят, высказывая долго сдержанную обиду.

— Ну да, ну да, забраковали, если уж тебе так хочется знать. Неужели сама не видишь? Всё к чёрту пошло!.. Всю эту дрянь, — и он злобно ткнул ногой портфель с

чертежами, — всю эту дрянь хоть в печку выбрасывай теперь! Вот тебе и академия! Через месяц опять в полк, да ещё с позором, с треском. И это из-за какого-то поганого пятна... О, чёрт!

— Какое пятно, Коля? Я ничего не понимаю.

Она села на ручку кресла и обвила рукой шею Алмазова. Он не сопротивлялся, но продолжал смотреть в угол с обиженным выражением.

— Какое же пятно, Коля? — спросила она ещё раз.

— Ах, ну, обыкновенное пятно, зелёной краской. Ты ведь знаешь, я вчера до трёх часов не ложился, нужно было окончить. План прекрасно вычерчен и иллюминован. Это все говорят. Ну, засиделся я вчера, устал, руки начали дрожать — и посадил пятно... Да ещё густое такое пятно... жирное. Стал подчищать и ещё больше размазал. Думал я, думал, что теперь из него сделать, да и решил кучу деревьев на том месте изобразить... Очень удачно вышло, и разобрать нельзя, что пятно было. Приношу нынче профессору. «Так, так, н-да. А откуда у вас здесь, поручик, кусты взялись?» Мне бы нужно было так и рассказать, как всё было. Ну, может быть, засмеялся бы только... Впрочем, нет, не рассмеётся, — аккуратный такой немец, педант. Я и говорю ему: «Здесь действительно кусты растут». А он говорит: «Нет, я эту местность знаю, как свои пять пальцев, и здесь кустов быть не может». Слово за слово, у нас с ним завязался крупный разговор. А тут ещё много наших офицеров было. «Если вы так утверждаете, говорит, что на этой седловине есть кусты, то извольте завтра же ехать туда со мной верхом... Я вам докажу, что вы или небрежно работали, или счертили прямо с трёхвёрстной карты...»

— Но почему же он так уверенно говорит, что там нет кустов?

— Ах, Господи, почему? Какие ты, ей-богу, детские вопросы задаёшь. Да потому, что он вот уже двадцать лет местность эту знает лучше, чем свою спальню. Самый безобразнейший педант, какие только есть на свете, да ещё немец вдобавок... Ну и окажется в конце концов, что я лгу и в препирательство вступаю... Кроме того...

Во всё время разговора он вытаскивал из стоявшей перед ним пепельницы горелые спички и ломал их на мелкие кусочки, а когда замолчал, то с озлоблением швыр-

нул их на пол. Видно было, что этому сильному человеку хочется заплакать.

Муж и жена долго сидели в тяжёлом раздумье, не произнося ни слова. Но вдруг Верочка энергичным движением вскочила с кресла.

— Слушай, Коля, нам надо сию минуту ехать! Одевайся скорей.

Николай Евграфович весь сморщился, точно от невыносимой физической боли.

— Ах, не говори, Вера, глупостей. Неужели ты думаешь, я поеду оправдываться и извиняться. Это значит над собой прямо приговор подписать. Не делай, пожалуйста, глупостей.

— Нет, не глупости, — возразила Вера, топнув ногой. — Никто тебя не заставляет ехать с извинением... А просто, если там нет таких дурацких кустов, то их надо посадить сейчас же.

— Посадить?.. Кусты?.. — вытаращил глаза Николай Евграфович.

— Да, посадить. Если уж сказал раз неправду, — надо поправлять. Собирайся, дай мне шляпку... Кофточку... Не здесь ищешь, посмотри в шкапу... Зонтик!

Пока Алмазов, пробовавший было возражать, но невыслушанный, отыскивал шляпку и кофточку, Вера быстро выдвигала ящики столов и комодов, вытаскивала корзины и коробочки, раскрывала их и разбрасывала по полу.

— Серьги... Ну, это пустяки... За них ничего не дадут... А вот это кольцо с солитером[1] дорогое... Надо непременно выкупить... Жаль будет, если пропадёт. Браслет... тоже дадут очень мало. Старинный и погнутый... Где твой серебряный портсигар, Коля?

Через пять минут все драгоценности были уложены в ридикюль. Вера, уже одетая, последний раз оглядывалась кругом, чтобы удостовериться, не забыто ли что-нибудь дома.

— Едем, — сказала она наконец решительно.

— Но куда же мы поедем? — пробовал протестовать Алмазов. — Сейчас темно станет, а до моего участка почти десять вёрст.

---

[1] *Солите́р* — крупный бриллиант, вправленный в брошь или перстень отдельно, без других камней.

— Глупости... Едем!

Раньше всего Алмазовы заехали в ломбард. Видно было, что оценщик так давно привык к ежедневным зрелищам человеческих несчастий, что они вовсе не трогали его. Он так методично и долго рассматривал привезённые вещи, что Верочка начинала уже выходить из себя. Особенно обидел он её тем, что попробовал кольцо с брильянтом кислотой и, взвесив, оценил его в три рубля.

— Да ведь это настоящий брильянт, — возмущалась Вера, — он стоит тридцать семь рублей, и то по случаю.

Оценщик с видом усталого равнодушия закрыл глаза.

— Нам это всё равно-с, сударыня. Мы камней вовсе не принимаем, — сказал он, бросая на чашечку весов следующую вещь, — мы оцениваем только металлы-с.

Зато старинный и погнутый браслет, совершенно неожиданно для Веры, был оценён очень дорого. В общем, однако, набралось около двадцати трёх рублей. Этой суммы было более чем достаточно.

Когда Алмазовы приехали к садовнику, белая петербургская ночь уже разлилась по небу и в воздухе синим молоком. Садовник, чех, маленький старичок в золотых очках, только что садился со своей семьёю за ужин. Он был очень изумлён и недоволен поздним появлением заказчиков и их необычной просьбой. Вероятно, он заподозрил какую-нибудь мистификацию и на Верочкины настойчивые просьбы отвечал очень сухо:

— Извините. Но я ночью не могу посылать в такую даль рабочих. Если вам угодно будет завтра утром — то я к вашим услугам.

Тогда оставалось только одно средство: рассказать садовнику подробно всю историю с злополучным пятном, и Верочка так и сделала. Садовник слушал сначала недоверчиво, почти враждебно, но когда Вера дошла до того, как у неё возникла мысль посадить куст, он сделался внимательнее и несколько раз сочувственно улыбался.

— Ну, делать нечего, — согласился садовник, когда Вера кончила рассказывать, — скажите, какие вам можно будет посадить кусты?

Однако из всех пород, какие были у садовника, ни одна не оказывалась подходящей: волей-неволей пришлось остановиться на кустах сирени.

Напрасно Алмазов уговаривал жену отправиться домой. Она поехала вместе с мужем за город, всё время, пока сажали кусты, горячо суетилась и мешала рабочим и только тогда согласилась ехать домой, когда удостоверилась, что дёрн около кустов совершенно нельзя отличить от травы, покрывавшей всю седловинку.

На другой день Вера никак не могла усидеть дома и вышла встретить мужа на улицу. Она ещё издали, по одной только живой и немного подпрыгивающей походке, узнала, что история с кустами кончилась благополучно... Действительно, Алмазов был весь в пыли и едва держался на ногах от усталости и голода, но лицо его сияло торжеством одержанной победы.

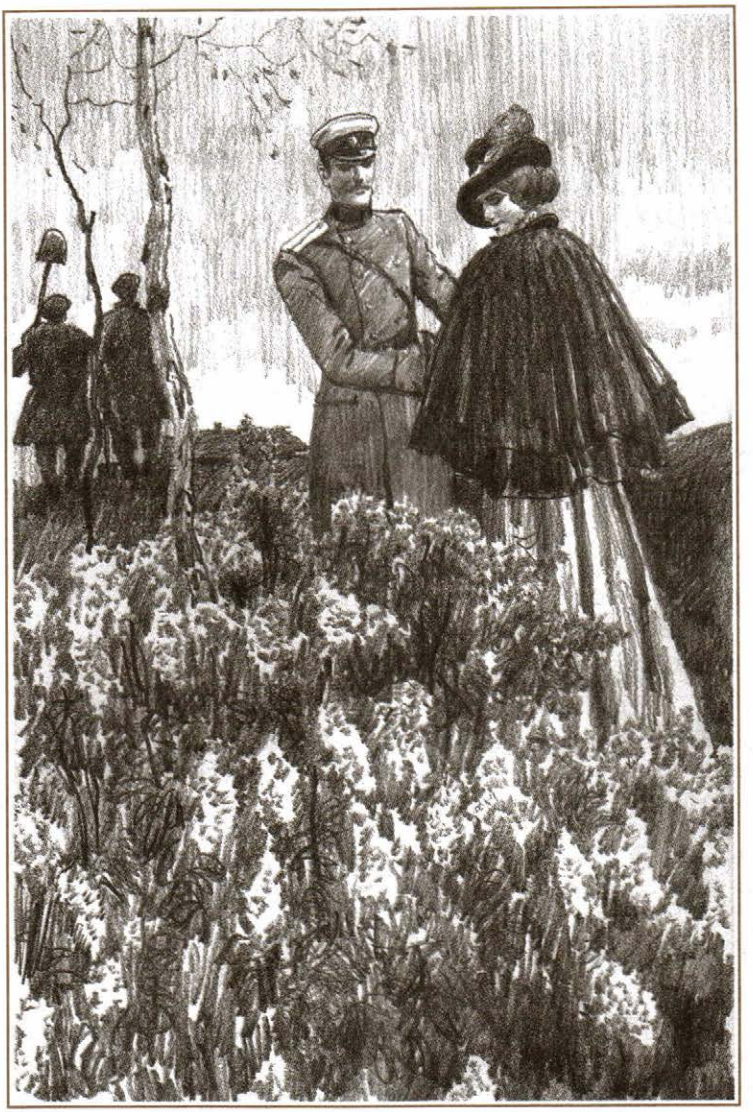
— Хорошо! Прекрасно! — крикнул он ещё за десять шагов в ответ на тревожное выражение женина лица. — Представь себе, приехали мы с ним к этим кустам. Уж глядел он на них, глядел, даже листочек сорвал и пожевал. «Что это за дерево?» — спрашивает. Я говорю: «Не знаю, ваше-ство». — «Берёзка, должно быть?» — говорит. Я отвечаю: «Должно быть, берёзка, ваше-ство». Тогда он повернулся ко мне и руку даже протянул. «Извините, говорит, меня, поручик. Должно быть, я стареть начинаю, коли забыл про эти кустики». Славный он, профессор, и умница такой. Право, мне жаль, что я его обманул. Один из лучших профессоров у нас. Знания — просто чудовищные. И какая быстрота и точность в оценке местности — удивительно!

Но Вере было мало того, что он рассказал. Она заставляла его ещё и ещё раз передавать ей в подробностях весь разговор с профессором. Она интересовалась самыми мельчайшими деталями: какое было выражение лица у профессора, каким тоном он говорил про свою старость, что чувствовал при этом сам Коля...

И они шли домой так, как будто бы, кроме них, никого на улице не было: держась за руки и беспрестанно смеясь. Прохожие с недоумением останавливались, чтобы ещё раз взглянуть на эту странную парочку...

Николай Евграфович никогда с таким аппетитом не обедал, как в этот день... После обеда, когда Вера принесла Алмазову в кабинет стакан чаю, — муж и жена вдруг одновременно засмеялись и поглядели друг на друга.

— Ты — чему? — спросила Вера.

А. И. Куприн. «Куст сирени». *Художник И. Пчелко*

— А ты чему?

— Нет, ты говори первый, а я потом.

— Да так, глупости. Вспомнилась вся эта история с сиренью. А ты?

— Я тоже глупости, и тоже — про сирень. Я хотела сказать, что сирень теперь будет навсегда моим любимым цветком...

Размышляем о прочитанном

1. Понравился ли вам рассказ «Куст сирени»? Что, кроме занимательного сюжета, привлекло вас в этом произведении А. И. Куприна?
2. Какое произведение зарубежной литературы, прочитанное вами в 7 классе, напоминает этот рассказ? Можно ли сказать о чувстве самоотверженности и любви героев этих рассказов?
3. Как вы полагаете, можно ли считать рассказ «Куст сирени» ещё одним произведением о любви? Подготовьте развёрнутый устный ответ на этот вопрос.
4. Какой из рассказов о любви (Чехова, Бунина, Куприна) вам показался наиболее интересным? Аргументируйте свой ответ.

Творческое задание

Напишите сочинение-рассуждение на тему «Счастлива ли Вера Алмазова?» или подготовьте устный или письменный отзыв на прочитанный рассказ А. И. Куприна «Куст сирени».

Развиваем дар слова

1. Объясните смысл эпитетов и подберите синонимы: *сдвинутые* брови, *насупившееся* лицо, *тяжёлое* молчание, *нервное* лицо.
2. Объясните слова и словосочетания, введите их в свои рассуждения о прочитанном: *беспрестанно, недоумение, падать духом, переписчица, чертёжница, чтица, злополучный, сдержанный, аккуратный, извольте, тяжёлое раздумье, комод, сударь, сударыня.*

Проект

Внимательно выбирая цитаты из текста рассказа, подготовьте материалы к сравнительной характеристике Николая и Веры Алмазовых, продолжив в тетради следующую таблицу:

Николай	Вера
«...Он выпустил из рук портфель, который упал на пол и почти раскрылся, а сам бросился в кресло, злобно хрустнув сложенными вместе пальцами...»	«Она научилась встречать каждую неудачу с ясным, почти весёлым лицом».

Перечитайте выписанные вами цитаты, сделайте вывод о характерах героев рассказа.

СЛУШАЕМ АКТЁРСКОЕ ЧТЕНИЕ

1. Это третий рассказ о любви в вашем учебнике. Какой из них понравился вам больше всего (серьёзностью взаимоотношений, теплотой, нежностью, сердечностью, уважением героев друг к другу, самоотверженностью, преданностью и т. д.)?
2. Различные отношения между людьми, разные чувства... Каждый из писателей обращает ваше внимание на те ситуации, в которых оказываются люди (влюблённые, любящие, охваченные страстью, легкомысленные и т. д.). Какие выходы из сложных отношений они находят?
3. Послушайте, на какие качества характера героев обращает ваше внимание актёр Алексей Колган в своём чтении рассказа «Куст сирени».
4. В чём причина расстройства Алмазова? Какой выход предложила жена? Что она для этого сделала?
5. Почему жена заставляла мужа вновь и вновь пересказывать его разговор с профессором?
6. Как прочитал актёр финал рассказа?
7. Почему А. И. Куприн ни разу не произнёс слова «любовь», «любили», а весь рассказ посвящён настоящей любви?

Александр Александрович БЛОК

1880—1921

Я много пережил лично и был участником нескольких, быстро сменивших друг друга, эпох русской жизни.

А. Блок

Александр Александрович Блок прошёл недолгий, но сложный творческий путь, заполненный большими историческими событиями и явлениями. На глазах у Блока происходили никогда не слыханные ранее исторические перемены. Старая и новая Россия, её прошлое, настоящее и будущее, история и современность — это вопросы, которые всю жизнь волновали Блока и на которые он искал ответ. Один из исследователей его творчества, В. Орлов, назвал его «самым историческим поэтом в литературе XX века, ибо всё, что он писал, исторично, проникнуто духом живой, каждодневно творимой истории».

Впервые интерес к истории пробудился у Блока, вероятно, в семье его деда, ректора Петербургского университета А. Н. Бекетова. Здесь, по словам писателя, господствовал «дух русского гуманизма». Идейное воспитание Блока проходило в традициях передовой интеллигенции.

Дальнейшее развитие интерес к истории у Блока получил в университетские годы. В 1898 году он поступил на юридический факультет Петербургского университета. Блок писал отцу, что его особенно интересует история русского права. Впоследствии он перешёл с юридического на филологический факультет.

В печати Блок начал выступать с поэтическими произведениями и с научными статьями. Его интересовала прежде всего жизнь народа. История господствующего класса представлялась ему скучной и «безóбразной». Блок пишет отцу, что никогда не станет ни «революционером», ни «строителем жизни», и не потому, что не видит «в том и другом смысла, а просто по природе, качеству и теме душевных переживаний»...

После революции 1905 года в творчестве Блока всё более вырисовывается тема двух России: России официальной, самодержавной, бюрократической и России народной.

Россия для Блока — это прежде всего родина, а родина для поэта — это «огромное, родное, дышащее существо, подобное человеку, но бесконечно более уютное, ласковое».

Из произведений исторического характера, написанных Блоком до революции 1917 года, лучшими являются стихотворный цикл «На поле Куликовом» и поэма «Возмездие». В первом цикле, созданном в 1908 году и посвящённом Куликовской битве 1380 года, поднята большая патриотическая тема борьбы русского народа за национальную независимость своей родины. Куликовская битва для поэта — исторический факт, дающий повод для размышлений о настоящем и будущем России.

В народе, говорит Блок, «царствует как будто сон и тишина». «Но и над станом Дмитрия Донского стояла тишина», однако над ним «полыхает далёкая и зловещая зарница». Эту «зарницу» будущего народного движения как бы мысленно видит поэт. Он верит, что народный «стан» выступит и победит «стан», ему противостоящий...

Свойственным Блоку чувством историзма он пытается определить место совершившихся перемен в общем историческом процессе.

Л. Черепнин

?! Проверьте себя

1. Какие стихотворения А. Блока вам знакомы? О чём они?
2★. Когда впервые у Блока появился интерес к истории? Какой представлялась ему Россия? Прочитайте главы из книги Д. Лихачёва о Куликовской битве, затем цикл стихотворений «На поле Куликовом». Какие картины рисует поэт и какие мысли его волнуют?

Мир на Куликовом поле

Чужеземное иго

...Когда в результате Калкской битвы и нашествия орд Батыя были потеряны не только единство Русской земли, но и независимость разрозненных русских княжеств, сознание единства всей Русской земли стало ещё острее ощущаться в литературе. Бессознательным выражением

русского единства стал единый на всей территории Русской земли русский язык, а сознательным — вся русская литература. «Слово о погибели Русской земли», «Житие Александра Невского», цикл рязанских повестей и особенно русские летописи напоминали о былом историческом единстве Русской земли и тем самым как бы призывали вновь обрести это единство и независимость.

Битва

Восьмого сентября 1380 г. соединённые силы русских княжеств одержали решительную победу над огромным войском Золотой Орды, двигавшейся на Русь под предводительством хана Мамая. Произошло это на Куликовом поле около реки Непрядвы за Доном. Воины обеих сторон сражались с неслыханным упорством. Люди гибли не только от ран, но и задыхались от великой тесноты. «Всюду бо множество мёртвых лежаху, и не можаху кони ступати по мёртвым, не токмо же оружием убивахуся, но сами себя бьюще и под коньскими ногами умираху, от великиа тесноты задыхахуся, яко немощно бо вместитися на поле Куликово между Доном и Мечи (рекой), множества ради многих сил сошедшеся».

Первым павшим на Куликовом поле был Александр Пересвет, что перед изготовившимися к бою ратями принял вызов Толубея и погиб, сразив врага... Пересвет и Ослябя для множества поколений были и остаются символом ратного подвига.

Войско Мамая наступало первым, устремившись в атаку с высокого места. Вслед за конницей шла пехота тесным строем, «ибо несть, где им расступитися». Шли с копьями наперевес; задние ряды клали свои копья на плечи передних. У передних были более короткие копья, у задних — длинные. Рать Мамая ощетинилась копьями.

Не выдержав натиска, русские войска стали отступать. Победа, казалось, была на стороне Мамая: «Грозно и жалостно в то время бяше тогда слышати, зане же трава кровик пролита бысть, а древеса тугою (скорбью. — *Д. Л.*) к земле приклонишася», но тут выступил из леса хорошо спрятанный засадный полк под опытным предводительством двоюродного брата Дмитрия — князя Владимира

Андреевича Серпуховского и Дмитрия Боброка Волынского и ударил в тыл и фланг войскам Мамая. Выдержка, с которой русские в засадном полку дождались нужного момента, не выдав своего присутствия, решила многое. Победа была полная, и войско Дмитрия далеко преследовало Мамая.

После победы и заупокойного богослужения на Куликовом поле Дмитрий Донской провозгласил тут же, «став на костех», вечную память всем погибшим.

С обеих сторон полегло более половины воинов. Значит, сражаясь, оба войска понимали, что от исхода битвы зависит многое. Что же такое было это «многое»? Получили ли русские княжества какое-то существенное преимущество? Ведь всего лишь через два года после Куликовской победы — в 1382 г. преемнику разбитого Мамая хану Тохтамышу удалось организовать новый поход на Москву, но взять Москву удалось только «изгоном» (внезапным набегом) — потому что поход был организован в глубокой тайне и осуществлён с необычайной быстротой. Москва была разграблена, и прежняя зависимость от Орды восстановлена.

В 1385 г. на Москву идёт походом знаменитый завоеватель всей Передней Азии Тамерлан (Темир Аксак — как называют его русские летописи). Московский князь Василий Дмитриевич готовится к отпору и собирает войско. В Москву переносится главная святыня Владимирского княжества — икона Владимирской Божьей Матери.

Тамерлан не решился напасть на русское войско и от города Ельца повернул обратно. Василий Дмитриевич прекратил снова уплату дани. Тогда хан Золотой Орды Едигей снова тайно подготовленным и внезапным набегом вторгся на Русь и осадил Москву. Взяв «откуп», он удалился. Но переход от покорности к сопротивлению стал уже совершившимся фактом. Неизбежность освобождения Руси от Золотой Орды стала ясна для обеих сторон.

Куликовская победа была величайшим переломом в русской истории. В чём же заключался этот перелом?

Это был перелом в сознании, в самосознании русского народа, в появлении острой потребности в государственном единстве и государственной независимости.

«Похвала и жалость»

Почему такая тоска и боль в гениальном цикле стихотворений А. Блока «На поле Куликовом»? Почему так тесно сопряжены для Блока его современность и события на Непрядве? Почему чувствует Блок самого себя как бы участником Куликовской битвы?

Мы, сам-друг, над степью в полночь стали:
Не вернуться, не взглянуть назад.
За Непрядвой лебеди кричали,
И опять, опять они кричат...

Из всех циклов стихотворений Блока именно этот — «На поле Куликовом» — самый народный, самый национальный. И не потому народный и национальный, что в нём встречаются образы русской народной поэзии, а потому, что в течение шестисот лет, прошедших со времени величайшей в русской истории Куликовской победы, отношение к ней русского народа было именно таким, каким его выразил Блок в своих пяти стихотворениях.

«Мамаевым побоищем» назвал народ Куликовскую битву. «Жалостью и похвалой» назвал автор «Задонщины» в XV в. свою поэму о битве за Доном на Непрядве. И древнерусские повести о Куликовской битве, и цикл стихов Блока «На поле Куликовом» объединены общим настроением — настроением не только похвалы победе, но и жалостью по погибшим.

Пожалуй, нет события в русской истории, которое вызвало бы такое количество монументальных и одновременно столь лирических литературных откликов. Две поэтические летописные повести, знаменитая «Задонщина», цикл произведений, объединяемых названием «Сказание о Мамаевом побоище», и десятки, а может быть, и сотни других произведений, в которых говорится о Куликовской битве, на протяжении шести столетий! И всюду Куликовская победа выступает в лирическом ореоле задушевной похвалы победителям и глубокой жалости о погибших, — погибших не только в самой битве, но и за десятилетия «иссушающего душу народа» чужеземного ига, когда, по словам летописца, «и хлеб не шёл в рот от страха».

Д. С. Лихачёв

Размышляем о прочитанном

1. Какую роль отводит исследователь древнерусской литературы Д. С. Лихачёв русской литературе в осознании необходимости единства Русской земли?
2. Сопоставьте впечатления от чтения стихотворного цикла А. Блока «На поле Куликовом» и рассуждений Д. С. Лихачёва.

На поле Куликовом

1

Река раскинулась. Течёт, грустит лениво
И моет берега.
Над скудной глиной жёлтого обрыва
В степи грустят стога.

О, Русь моя! Жена моя! До боли
Нам ясен долгий путь!
Наш путь — стрелой татарской древней воли
Пронзил нам грудь.

«Стихи о России». Сборник стихов А. Блока.
Обложка работы Г. Нарбута

Наш путь — степной, наш путь —
в тоске безбрежной,
В твоей тоске, о, Русь!
И даже мглы — ночной и зарубежной —
Я не боюсь.

Пусть ночь. Домчимся. Озарим кострами
Степную даль.
В степном дыму блеснёт святое знамя
И ханской сабли сталь...

И вечный бой! Покой нам только снится
Сквозь кровь и пыль...
Летит, летит степная кобылица
И мнёт ковыль...

И нет конца! Мелькают вёрсты, кручи...
Останови!
Идут, идут испуганные тучи,
Закат в крови!

Закат в крови! Из сердца кровь струится!
Плачь, сердце, плачь...
Покоя нет! Степная кобылица
Несётся вскачь!

7 июня 1908

2

Мы, сам-друг, над степью в полночь стали:
Не вернуться, не взглянуть назад.
За Непрядвой лебеди кричали,
И опять, опять они кричат...

На пути — горючий белый камень.
За рекой — поганая орда.
Светлый стяг над нашими полками
Не взыграет больше никогда.

И, к земле склонившись головою,
Говорит мне друг: «Остри свой меч,
Чтоб недаром биться с татарвою,
За святое дело мёртвым лечь!»

Я — не первый воин, не последний,
Долго будет родина больна.

Помяни ж за раннею обедней
Мила друга, светлая жена!

8 июня 1908

3

В ночь, когда Мамай залёг с ордою
Степи и мосты,
В тёмном поле были мы с Тобою, —
Разве знала Ты?

Перед Доном тёмным и зловещим,
Средь ночных полей,
Слышал я Твой голос сердцем вещим
В криках лебедей.

С полуно́чи тучей возносилась
Княжеская рать,
И вдали, вдали о стремя билась,
Голосила мать.

И, чертя круги, ночные птицы
Реяли вдали.
А над Русью тихие зарницы
Князя стерегли.

Орлий клёкот над татарским станом
Угрожал бедой,
А Непрядва убралась туманом,
Что княжна фатой.

И с туманом над Непрядвой спящей,
Прямо на меня
Ты сошла в одежде, свет струящей,
Не спугнув коня.

Серебром волны блеснула другу
На стальном мече,
Освежила пыльную кольчугу
На моём плече.

И когда, наутро, тучей чёрной
Двинулась орда,
Был в щите Твой лик нерукотворный
Светел навсегда.

14 июня 1908

4

Опять с вековою тоскою
Пригнулись к земле ковыли.
Опять за туманной рекою
Ты кличешь меня издали́...

Умчались, пропали без вести
Степных кобылиц табуны,
Развязаны дикие страсти
Под игом ущербной луны.

И я с вековою тоскою,
Как волк под ущербной луной,
Не знаю, что делать с собою,
Куда мне лететь за тобой!

Я слушаю рокоты сечи
И трубные крики татар,
Я вижу над Русью далече
Широкий и тихий пожар.

Объятый тоскою могучей,
Я рыщу на белом коне...
Встречаются вольные тучи
Во мглистой ночной вышине.

Вздымаются светлые мысли
В растерзанном сердце моём,
И падают светлые мысли,
Сожжённые тёмным огнём...

«Явись, моё дивное диво!
Быть светлым меня научи!»
Вздымается конская грива...
За ветром взывают мечи...

31 июля 1908

5

И мглою бед неотразимых
Грядущий день заволокло.
Вл. Соловьёв

Опять над полем Куликовым
Взошла и расточилась мгла,
И, словно облаком суровым,
Грядущий день заволокла.

За тишиною непробудной,
За разливающейся мглой
Не слышно грома битвы чудной,
Не видно молньи боевой.

Но узнаю тебя, начало
Высоких и мятежных дней!
Над вражьим станом, как бывало,
И плеск и трубы лебедей.

Не может сердце жить покоем,
Недаром тучи собрались.
Доспех тяжёл, как перед боем.
Теперь твой час настал. — Молись!

23 декабря 1908

Россия

Опять, как в годы золотые,
Три стёртых треплются шлеи,
И вязнут спицы расписные
В расхлябанные колеи...

Россия, нищая Россия,
Мне избы серые твои,
Твои мне песни ветровые —
Как слёзы первые любви!

Тебя жалеть я не умею
И крест свой бережно несу...
Какому хочешь чародею
Отдай разбойную красу!

Пускай заманит и обманет, —
Не пропадёшь, не сгинешь ты,
И лишь забота затуманит
Твои прекрасные черты...

Ну что ж? Одной заботой боле —
Одной слезой река шумней,
А ты всё та же — лес, да поле,
Да плат узорный до бровей...

И невозможное возможно,
Дорога долгая легка,

Когда блеснёт в дали дорожной
Мгновенный взор из-под платка,
Когда звенит тоской острожной
Глухая песня ямщика!..

18 октября 1908

Фонохрестоматия

СЛУШАЕМ АКТЁРСКОЕ ЧТЕНИЕ

1. Литературоведы утверждают, что в творчестве А. А. Блока вырисовывается тема двух России — России официальной, чиновной, мещанской и России народной, а также России современной и России древней, дохристианской. О какой России идёт речь в этом стихотворении?
2. Что преобладает в стихотворении — тревога, горестное чувство, любовь? Как удаётся это донести Алине Покровской чтением?
3. Почему слышится мелодия песни «Вот мчится тройка почтовая»? Что она символизирует?
4. Подготовьте выразительное чтение стихотворения А. А. Блока «Россия» наизусть.

Размышляем о прочитанном

1. О чём повествует Блок в цикле «На поле Куликовом»? Как передаётся поэтом историческое событие — битва на поле Куликовом? Почему Блок сравнивает Русь с женой? Как вы понимаете строки: «*О, Русь моя! Жена моя! До боли / Нам ясен долгий путь! ...И вечный бой! Покой нам только снится...*»?
2. Какое настроение преобладает в произведении? Каким образом оно достигается? С какими произведениями сближается текст поэмы в словах: «*На пути — горючий белый камень...*»?
3. Как можно объяснить строки?

Я — не первый воин, не последний,
Долго будет родина больна.
Помяни ж за раннею обедней
Мила друга, светлая жена!

4. Какие художественные средства (тропы) используются поэтом в словосочетаниях: *река раскинулась, течёт, грустит лениво, скудная глина жёлтого обрыва, грустят стога, идут испуганные тучи, горючий белый камень, долго будет родина больна, вековая тоска, ущербная луна?*
5. Как вы понимаете концовку в стихотворении «Россия»?
6. Чем объединены стихотворения А. Блока в цикле «На поле Куликовом» (жанром, темой, единым замыслом, исторической эпохой, единым поэтическим настроением, местом действия)?

Учимся читать выразительно

Подготовьте выразительное чтение цикла или одного из стихотворений, подчеркнув пафос произведения. Обратите внимание, что поэт повторяет одно слово в строках: «*Опять* с вековою тоскою...», «*Опять* на поле Куликовом..», даже в стихотворении «Россия» — «*Опять*, как в годы золотые...». Что подчёркивается поэтом?

Цикл (*гр.* kyklos — круг, колесо) — несколько художественных произведений, объединённых общим жанром, темой, главными героями, единым замыслом, иногда рассказчиком, исторической эпохой, единым поэтическим настроением, местом действия (например: былины об Илье Муромце, цикл повестей М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени», циклы стихотворений А. Блока «Вольные мысли», «На поле Куликовом» и др.).

Опыт литературоведческого исследования

Литературовед А. С. Елеонская в статье «Куликовская битва и русская литература» пишет:

«Горячей любовью к родине пронизан цикл стихотворений „На поле Куликовом“, где история и современность также даны в неразрывном художественном переплетении. Судьба России — вечный бой:

И вечный бой! Покой нам только снится
Сквозь кровь и пыль...
Летит, летит степная кобылица
И мнёт ковыль...

Образная система цикла „На поле Куликовом“ несёт на себе следы влияния древнерусской и фольклорной поэтики: образ реки; именование Руси женой (по-древнерусски жена — и супруга, и просто женщина); формула „сам-друг“; противопоставление света и тьмы; включение в действие высших сил — в данном случае Богородицы, образ которой сливается с образом Прекрасной Дамы».

Найдите в тексте цикла «На поле Куликовом» следы влияния древнерусской и фольклорной поэтики. Прочитайте эти фрагменты.

Подумайте, какое значение они имеют для воспроизведения картин далёкого исторического прошлого.

Развиваем дар слова

Объясните слова и словосочетания, введите их в свою разговорную речь: *скудный, пронзил, тоска, блеснёт, испуганные тучи, мелькают вёрсты, святое дело, родина больна, помяни, сердцем вещим, глухая песня, мгновенный взор, и невозможное возможно, прекрасные черты, дивное диво, забота, узорный плат, песни ветровые.*

Сергей Александрович ЕСЕНИН

1895—1925

Сергей Есенин — самый популярный русский поэт XX века. Многие литературоведы и писатели пытались понять секрет непреходящей всероссийской любви к поэзии Есенина. Иногда на страницах печати появлялись предположения, что любовь эта — результат невзыскательности и неискушённости массового читателя. Но вряд ли можно всерьёз воспринимать такие доводы. Более убедительными представляются суждения людей, которых никак не заподозришь в неискушённости в делах поэтических,— Бориса Пастернака и Марины Цветаевой. «Со времени Кольцова земля Русская не производила ничего более коренного, естественного, уместного и родового, чем Сергей Есенин... Вместе с тем Есенин был живым, бьющимся комком той артистичности, которую вслед за Пушкиным мы зовём высшим моцартовским началом, моцартовской стихией»,— писал Пастернак в очерке «Люди и положения». Это о характере самого поэта, о кажущейся артистической лёгкости его труда, об удивительной ясности, прозрачности и ошеломляющей искренности его поэзии.

А вот слова Марины Цветаевой о Есенине:

И не жалость — мало жил,
И не горечь — мало дал, —
Много жил — кто в наши жил
Дни, всё дал — кто песню дал.

«...Песню дал» — а ведь на Руси для поэта дать песню, не однодневку, а на многие десятилетия, — заслужить высшее признание. Так было с Пушкиным и Лермонтовым, Кольцовым и Не-

красовым. И сегодня наравне с «Узником», «Хуторком», «Коробейниками» и «Тройкой» звучат по всей стране «Не жалею, не зову, не плачу...», «Отговорила роща золотая...», «Клён ты мой опавший...», «Ты жива ещё, моя старушка...».

Есенин известен прежде всего как поэт-лирик. Его пейзажная и любовная лирика светла, задушевна, музыкальна. Но самая главная тема есенинской поэзии — Россия, любовь к родному краю. И потому в своей поэзии он часто обращается к истории родины: поэмы «Марфа-посадница» и «Песнь о великом походе». Тревожит и мучает поэта современность.

Он пытается угадать будущее страны. То надеясь, то впадая в отчаяние, поэт признаётся:

С того и мучаюсь,
Что не пойму,
Куда несёт нас рок событий...

И вновь обращается к истории, стремясь понять настоящее, напряжённо изучает судьбы людей, живших в переломные эпохи. Одно из таких обращений — драматическая поэма «Пугачёв».

Проверьте себя

1. Вспомните, какие произведения С. А. Есенина вы уже читали в классе, с какими познакомились самостоятельно? Узнали бы вы стихотворения С. А. Есенина, если бы вам их прочитали, не назвав имени автора? По каким «приметам» узнаются стихи поэта?
2. Какие характерные черты таланта С. Есенина отметили Б. Пастернак и М. Цветаева?

Учимся читать выразительно

Подготовьте выразительное чтение наизусть одного из стихотворений Есенина, сохранив при чтении напевность есенинского стиха.

Литература и другие виды искусства

Какие песни и романсы на стихи С. Есенина вы слышали? Как вы думаете, почему многие есенинские стихотворения стали песнями?

Пугачёв

Отрывки

I

Появление Пугачёва в Яицком городке

Пугачёв

Ох, как устал и как болит нога!..
Ржёт дорога в жуткое пространство.
Ты ли, ты ли, разбойный Чаган,
Приют дикарей и оборванцев?
Мне нравится степей твоих медь
И пропахшая солью почва.
Луна, как жёлтый медведь,
В мокрой траве ворочается.
Наконец-то я здесь, здесь!
Рать врагов цепью волн распалась,
Не удалось им на осиновый шест
Водрузить головы моей парус.
Яик, Яик, ты меня звал
Стоном придавленной черни!
Пучились в сердце жабьи глаза
Грустящей в закат деревни.
Только знаю я, что эти избы —
Деревянные колокола,
Голос их ветер хмарью съел.
О, помоги же, степная мгла,
Грозно свершить мой замысел!

Сторож

Кто ты, странник? Что бродишь долом?
Что тревожишь ты ночи гладь?
Отчего, словно яблоко тяжёлое,
Виснет с шеи твоя голова?

Пугачёв

В солончаковое ваше место
Я пришёл из далёких стран —
Посмотреть на золото телесное,
На родное золото славян.
Слушай, отче! Расскажи мне нежно,
Как живёт здесь мудрый наш мужик?

Так же ль он в полях своих прилежно
Цедит молоко соломенное ржи?
Так же ль здесь, сломав зари застенок,
Гонится овёс на водопой рысцой,
И на грядках, от капусты пенных,
Челноки ныряют огурцов?
Так же ль мирен труд домохозяек,
Слышен прялки ровный разговор?

Сторож

Нет, прохожий! С этой жизнью Яик
Раздружился с самых давних пор.
С первых дней, как оборвались вожжи,
С первых дней, как умер третий Пётр,
Над капустой, над овсом, над рожью
Мы задаром проливаем пот.
Нашу рыбу, соль и рынок,
Чем сей край богат и рьян,
Отдала Екатерина
Под надзор своих дворян.
И теперь по всем окраинам
Стонет Русь от цепких лапищ.
Воском жалоб сердце Каина
К состраданью не окапишь.

Всех связали, всех вневолили,
С голоду хоть жри железо.
И течёт заря над полем
С горла неба перерезанного.

Пугачёв

Невесёлое ваше житьё.
Но скажи мне, скажи,
Неужель в народе нет суровой хватки
Вытащить из сапогов ножи
И всадить их в барские лопатки?

Сторож

Видел ли ты,
Как коса в лугу скачет,
Ртом железным перекусывая ноги трав?
Оттого, что стоит трава на корячках,

Под себя коренья подобрав.
И никуда ей, траве, не скрыться
От горячих зубов косы,
Потому что не может она, как птица,
Оторваться от земли в синь.
Так и мы! Вросли ногами крови в избы,
Что нам первый ряд подкошенной травы?
Только лишь до нас не добрались бы,
Только нам бы,
Только б нашей
Не скосили, как ромашке, головы.
Но теперь как будто пробудились,
И берёзами заплаканный наш тракт
Окружает, как туман от сырости,
Имя мёртвого Петра.

Пугачёв

Как Петра? Что ты сказал, старик?
. . . . . .
Иль это взвыли в небе облака?

Сторож

Я говорю, что скоро грозный крик,
Который избы словно жаб влакал,
Сильней громов раскатится над нами.
Уже мятеж вздымает паруса.
Нам нужен тот, кто б первый бросил камень.

Пугачёв

Какая мысль!

Сторож

О чём вздыхаешь ты?

Пугачёв

Я положил себе зарок молчать до срока.
. . . . . .
Клещи рассвета в небесах
Из пасти темноты
Выдергивают звёзды, словно зубы,
А мне ещё нигде вздремнуть не удалось.

Сторож

Я мог бы предложить тебе
Тюфяк свой грубый,
Но у меня в дому всего одна кровать,
И четверо на ней спят ребятишек.

Пугачёв

Благодарю! Я в этом граде гость.
Дадут приют мне под любою крышей.
Прощай, старик!

Сторож

Храни тебя Господь!
. . . . . .
. . . . . .
Русь, Русь! И сколько их таких,
Как в решето просеивающих плоть,
Из края в край в твоих просторах шляется?
Чей голос их зовёт,
Вложив светильником им посох в пальцы?
Идут они, идут! Зелёный славя гул,
Купая тело в ветре и в пыли,
Как будто кто сослал их всех на каторгу
Вертеть ногами
Сей шар земли.

Но что я вижу?
Колокол луны скатился ниже,
Он, словно яблоко увянувшее, мал.
Благовест лучей его стал глух.

Уж на нашесте громко заиграл
В куриную гармонику петух. <...>

V

Уральский каторжник

Хлопуша

Сумасшедшая, бешеная кровавая муть!
Что ты? Смерть? Иль исцеленье калекам?
Проведите, проведите меня к нему,
Я хочу видеть этого человека.

Я три дня и три ночи искал ваш умёт,
Тучи с севера сыпались каменной грудой.
Слава ему! Пусть он даже не Пётр,
Чернь его любит за буйство и удаль.
Я три дня и три ночи блуждал по тропам,
В солонце рыл глазами удачу,
Ветер волосы мои, как солому, трепал
И цепами дождя обмолачивал.
Но озлобленное сердце никогда не заблудится.
Эту голову с шеи сшибить нелегко.
Оренбургская заря красношерстной
верблюдицей
Рассветное роняла мне в рот молоко.
И холодное корявое вымя сквозь тьму
Прижимал я, как хлеб, к истощённым векам.
Проведите, проведите меня к нему,
Я хочу видеть этого человека. <...>

VIII

Конец Пугачёва

Пугачёв

Вы с ума сошли! Вы с ума сошли! Вы с ума сошли!
Кто сказал вам, что мы уничтожены?
Злые рты, как с протухшею пищей кошли,
Зловонно рыгают бесстыдной ложью.
Трижды проклят тот трус, негодяй и злодей,
Кто сумел окормить вас такою дурью.
Нынче ж в ночь вы должны оседлать лошадей
И попасть до рассвета со мною в Гурьев.
Да, я знаю, я знаю, мы в страшной беде,
Но затем-то и злей над туманною вязью
Деревянными крыльями по каспийской воде
Наши лодки заплещут, как лебеди, в Азию.
О Азия, Азия! Голубая страна,
Обсыпанная солью, песком и известкой.
Там так медленно по небу едет луна,
Поскрипывая колёсами, как киргиз с повозкой.
Но зато кто бы знал, как бурливо и гордо
Скачут там шерстожёлтые горные реки!
Не с того ли там свищут монгольские орды
Всем тем диким и злым, что сидит в человеке?

Уж давно я, давно я скрывал тоску
Перебраться туда к их кочующим станам,
Чтоб разящими волнами их сверкающих скул
Стать к преддверьям России, как тень Тамерлана.
Так какой же мошенник, прохвост и злодей
Окормил вас бесстыдной трусливой дурью?
Нынче ж в ночь вы должны оседлать лошадей
И попасть до рассвета со мною в Гурьев.

Размышляем о прочитанном

1. В чём принципиальное различие в оценке бунта Пушкиным и Есениным? О чём говорит Пугачёв? К чему призывает? О чём горюет? Как вы понимаете строки: *Я положил себе зарок молчать до срока, Ржёт дорога в жуткое пространство; Луна, как жёлтый медведь, / В мокрой траве ворочается; Яик, Яик, ты меня звал / Стоном придавленной черни!..* ?
2. Обратите внимание на художественные особенности поэмы, определите виды тропов (олицетворения, сравнения, метафоры и т. д.) в следующих цитатах: *Ржёт дорога в жуткое пространство, Мне нравится степей твоих медь, Луна, как жёлтый медведь, Ты меня звал Стоном придавленной черни, Словно яблоко тяжёлое... / Виснет с шеи твоя голова, Родное золото славян, Слышен прялки ровный разговор, Стонет Русь от цепких лапищ, Всех связали, всех вневолили, И берёзами запачканный наш тракт, Уж мятеж вздымает паруса, Из пасти темноты... / Выдёргивают звёзды, словно зубы, Колокол луны скатился ниже.* Как вы считаете, чем объясняется столь насыщенное, обильное употребление эпитетов, сравнений, олицетворений, метафор в тексте поэмы? Подготовьте развёрнутый ответ на этот вопрос, аргументируя свои суждения примерами из текста поэмы.
3. Летом 1922 года Есенин читал поэму М. Горькому в Берлине. Горький вспоминал об этом так: «Взволновал он меня до спазмы в горле, рыдать хотелось. Помнится, я не мог сказать ему никаких похвал, да он — я думаю — и не нуждался в них».
   Какое настроение вызвала у вас поэма Есенина «Пугачёв»?

Опыт литературоведческого исследования

Вы знакомились ранее с романом А. С. Пушкина «Капитанская дочка», преданиями, песнями, рассказывающими о Пугачёве и пугачёвском восстании, с документами об этих событиях. Теперь вы прочитали фрагменты поэмы С. Есенина «Пугачёв». Каким предстаёт предводитель восстания в этом произведении? В чём различие и в

чём сходство между героем Есенина и Пугачёвым в текстах преданий и в романе А. С. Пушкина «Капитанская дочка»?

Учимся читать выразительно

Подготовьте выразительное чтение отрывка из поэмы Есенина «Пугачёв», отразив пафос поэмы, характер героя (монолог Пугачёва или Хлопуши — на выбор).

Развиваем дар слова

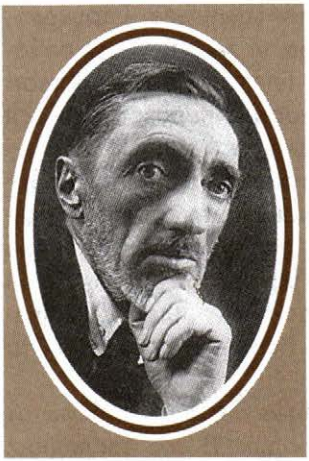
Объясните значение слов и словосочетаний, введите их в свою устную и письменную речь: *разящие волны, бесстыдный, трусливый, рать врагов, стон придавленной черни, грустящие деревни, замысел, странник, стонет Русь, сострадание, подкошенная трава, вещий, озарить.*

Фонохрестоматия

СЛУШАЕМ АКТЁРСКОЕ ЧТЕНИЕ

1. В чём смысл стихотворного отрывка из поэмы «Пугачёв»? Каковы герои С. А. Есенина? Можно ли их сравнить с героями пушкинской «Капитанской дочки»?
2. Какие характерные черты есенинских героев выявляются в актёрском чтении Сергея Сазонтьева?
3. Слышали ли вы запись чтения самого Сергея Есенина? Если слышали то попробуйте определить, какие интонации Сергея Сазонтьева близки есенинскому чтению?

Иван Сергеевич ШМЕЛЁВ

1873—1950

Иван Сергеевич Шмелёв родился в Замоскворечье в 1873 году. Москвич, выходец из торгово-промысловой среды, Шмелёв великолепно знал этот город и любил его нежно, преданно, страстно... Детские впечатления навсегда заронили в его душу и мартовскую капель, и Вербную неделю, и «стояние» в церкви, и путешествие по старой Москве. Самые поэтичные книги — «Родное», «Богомолье», «Лето Господне» — о Москве, Замоскворечье.

Родственница писателя рассказывала, что Шмелёв был среднего роста, худощавый, с большими серыми глазами, владеющими всем лицом, склонными к ласковой усмешке, но чаще серьёзными и грустными. Дед Шмелёва — государственный крестьянин, старовер. Кто-то из предков был борцом за веру. Прадед писателя жил в Москве уже в 1812 году. Отец Шмелёва был подрядчиком — строил на Москве-реке мосты, купальни, паромы, бани, иллюминировал город в большие праздники... «Последним его делом, — вспоминал писатель, — был подряд по постройке трибун для публики на открытии памятника Пушкину» в 1880 году.

Семи лет Шмелёв остался сиротой. Семья отличалась патриархальностью, истовой религиозностью. Патриархальны и религиозны, как хозяева, были и слуги. Совсем иной дух царил, однако, в замоскворецком дворе, куда со всех концов России стекались рабочие-строители («Здесь я слушал летними вечерами, после работы, рассказы о деревне, сказки... Двор наш для меня явился первой школой жизни — самой важной и мудрой...»). Первый печатный опыт Шмелёва — зарисовка «из народной жизни» «У мельницы». Выход в литературу оказался для Шмелёва неудачным. Перерыв затянулся почти на десятилетие. 1910 год

стал переломным в писательской биографии Шмелёва. Горькому, его поддержке и помощи обязан Шмелёв в завершении работы над повестью «Человек из ресторана». Главным новаторством писателя было то, что Шмелёв сумел полностью перевоплотиться в своего героя, увидеть мир глазами официанта.

Февральскую революцию 1917 года писатель принял восторженно. Октябрь и другие события, приведшие к власти пролетариат, Шмелёв не принял. В 1922 году по приглашению И. Бунина Шмелёв выезжает в Берлин, затем — в Париж. На чужбине он говорил А. Куприну: «Я не на шутку по вас соскучился. Доживаем свои дни в стране роскошной, чужой. Всё — чужое. Души-то родной нет, а вежливости много...»

До конца своих дней чувствовал Шмелёв саднящую боль от воспоминаний о России, её природе, её людях. В его последних книгах — крепчайший настой первородных русских слов, пейзажи-настроения, поражающие высокой лирикой.

Совсем недавно прах Ивана Шмелёва, по его завещанию, был перевезён на дорогую ему родину — в Россию.

О. Михайлов

?! Проверьте себя

1. Где родился Шмелёв и о чём вспоминал впоследствии?
2. Знакомы ли вы с рассказами Шмелёва?
   Прочитайте его рассказ «Как я стал писателем». Обратите внимание на то, как воспринимаются окружающие его в детстве предметы.
3. Используя статью О. Н. Михайлова и ресурсы Интернета, подготовьте устное сообщение о жизни и творчестве И. С. Шмелёва.

Как я стал писателем

С сокращениями

Вышло это так просто и неторжественно, что я и не заметил. Можно сказать, вышло непредумышленно.

Теперь, когда это вышло на самом деле, кажется мне порой, что я не делался писателем, а будто всегда им был, только — писателем «без печати».

Помнится, нянька, бывало, говорила:

— И с чего ты такая балаболка? Мелет-мелет невесть чего... как только язык у тебя не устаёт, балаболка!..

Живы во мне доныне картинки детства, обрывки, миги. Вспомнится вдруг игрушка, кубик с ободранной

картинкой, складная азбучка с буквой, похожей на топорик или жука, солнечный луч на стенке, дрожащий зайчиком... Ветка живой берёзки, выросшей вдруг в кроватке у образка, зелёной такой, чудесной. Краска на дудочке из жести, расписанной ярко розами, запах и вкус её, смешанный с вкусом крови от расцарапанной острым краем губки, чёрные тараканы на полу, собравшиеся залезть ко мне, запах кастрюльки с кашкой... Боженька в уголке с лампадкой, лепет непонимаемой молитвы, в которой светится «деворадуйся»...

Я говорил с игрушками — живыми, с чурбачками и стружками, которые пахли «лесом» — чем-то чудесно-страшным, в котором «волки». <...>

Но и «волки» и «лес» — чудесные. Они у меня — мои.

Я говорил с белыми звонкими досками — горы их были на дворе, с зубастыми, как страшные «звери», пилами, с блиставшими в треске топорами, которые грызли брёвна. На дворе были плотники и доски. Живые, большие плотники, с лохматыми головами, и тоже живые доски. Всё казалось живым, моим. Живая была метла, — бегала по двору за пылью, мёрзла в снегу и даже плакала. И половая щётка была живая, похожая на кота на палке. Стояла в углу — «наказана». Я утешал её, гладил её волосики.

Всё казалось живым, всё мне рассказывало сказки, — о, какие чудесные! <...>

Должно быть, за постоянную болтовню прозвали меня в первом классе гимназии «римский оратор», и кличка эта держалась долго. В балльниках[1] то и дело отмечалось: «Оставлен на полчаса за постоянные разговоры на уроках».

Это был, так сказать, «дописьменный» век истории моего писательства. За ним вскоре пришёл и «письменный».

В третьем, кажется, классе я увлёкся романами Жюля Верна и написал — длинное и в стихах! — путешествие наших учителей на Луну, на воздушном шаре, сделанном из необъятных штанов нашего латиниста Бегемота. «Поэма» моя имела большой успех, читали её даже и восьмиклассники, и она наконец попала в лапы к инспектору. Помню пустынный зал, иконостас у окон, в углу налево, — шестая

[1] *Ба́лльник* — дневник.

моя гимназия! — благословляющего детей Спасителя — и высокий, сухой Баталин, с рыжими бакенбардами, трясёт над моей стриженой головой тонким костлявым пальцем с отточенным остро ногтем, и говорит сквозь зубы — ну прямо цедит! — ужасным, свистящим голосом, втягивая носом воздух, — как самый холодный англичанин:

— И ссто-с такое... и сс... таких лет, и сс... так неуваззытельно отзываесса, сс... так пренебреззытельно о сстарссых... о наставниках, об учителях... нашего посстенного Михаила Сергеевича, сына такого нашего великого историка позволяесс себе называть... Мартысской!.. По решению педагогического совета...

Гонорар за эту «поэму» я получил высокий — на шесть часов «на воскресенье», на первый раз.

Долго рассказывать о первых моих шагах. Расцвёл я пышно на сочинениях. С пятого класса я до того развился, что к описанию храма Христа Спасителя как-то приплёл... Надсона[1]! Помнится, я хотел выразить чувство душевного подъёма, которое охватывает тебя, когда стоишь под глубокими сводами, где парит Саваоф[2], «как в небе», и вспоминаются ободряющие слова нашего славного поэта и печальника Надсона:

Друг мой, брат мой... усталый, страдающий брат,
Кто б ты ни был — не падай душой:
Пусть неправда и зло полновластно царят
Над омытой слезами землёй...

Баталин вызвал меня под кафедру и, потрясая тетрадкой, начал пилить со свистом:

— Ссто-с такое?! Напрасно сситаете книзки, не включённые в усенисескую библиотеку! У нас есть Пускин, Лермонтов, Дерзавин... но никакого вашего Надсона... нет! Сто такой и кто такой... На-дсон. Вам дана тема о храме Христа Спасителя, по плану... а вы приводите ни к сселу ни к городу какого-то «страдающего брата»... какие-то вздорные стихи! Было бы на четвёрку, но я вам ставлю три с минусом. И зачем только тут какой-то «философ»... с «в» на конце! — «филосов-в Смальс»! Слово «философ» не умеете написать, пишете через «в», а в философию пускаетесь? И во-вторых, был Смайс, а не

[1] *На́дсон С. Я.* (1862—1887) — русский поэт.

[2] *Сава́оф* — одно из имён Яхве, бога в иудаизме.

Смальс, что значит — свиное сало! И никакого отношения он, как и ваш Надсон, — он говорил, ударяя на первый слог, — ко храму Христа Спасителя не имели! Три с минусом! Ступайте и задумайтесь.

Я взял тетрадку и попробовал отстоять своё:

— Но это, Николай Иваныч... тут лирическое отступление у меня, как у Гоголя, например.

Николай Иваныч потянул строго носом, отчего его рыжие усы поднялись и показались зубки, а зеленоватые и холодные глаза так уставились на меня, с таким выражением усмешки и даже холодного презрения, что во мне всё похолодело. Все мы знали, что это — его улыбка: так улыбается лисица, перегрызая горлышко петушку.

— Ах, во-от вы ка-ак... Гоголь!.. или, может быть, гоголь-моголь? — Вот как... — и опять страшно потянул носом. — Дайте сюда тетрадку...

Он перечеркнул три с минусом и нанёс сокрушительный удар — колом! Я получил кол и — оскорбление. С тех пор я возненавидел и Надсона и философию. Этот кол испортил мне пересадку и средний балл, и меня не допустили к экзаменам: я остался на второй год. Но всё это было к лучшему.

Я попал к другому словеснику, к незабвенному Фёдору Владимировичу Цветаеву. И получил у него свободу: пиши как хочешь!

И я записал ретиво, — «про природу». Писать классные сочинения на поэтические темы, например, — «Утро в лесу», «Русская зима», «Осень по Пушкину», «Рыбная ловля», «Гроза в лесу»... — было одно блаженство. Это было совсем не то, что любил задавать Баталин: не «Труд и любовь к ближнему, как основы нравственного совершенствования», не «Чем замечательно послание Ломоносова к Шувалову „О пользе стекла“» и не «Чем отличаются союзы от наречий». Плотный, медлительный, как будто полусонный, говоривший чуть-чуть на «о», посмеивающийся чуть глазом, благодушно, Фёдор Владимирович любил «слово»: так, мимоходом будто, с ленцою русской, возьмёт и прочтёт из Пушкина... Господи, да какой же Пушкин! Даже Данилка, прозванный Сатаной, и тот проникнется чувством.

Имел он песен дивный дар
И голос, шуму вод подобный, —

певуче читал Цветаев, и мне казалось, что — для себя.

Он ставил мне за «рассказы» пятёрки с тремя иногда крестами, — такие жирные! — и как-то, тыча мне пальцем в голову, словно вбивал в мозги, торжественно изрёк:

— Вот что, муж-чи-на... — а некоторые судари пишут «муш-чи-на», как, например, зрелый му-жи-чи-на Шкробов! — у тебя есть что-то... некая, как говорится, «шишка». Притчу о талантах... пом-ни!

С ним, единственным из наставников, поменялись мы на прощанье карточками. Хоронили его — я плакал. И до сего дня — он в сердце.

И вот — третий период, уже «печатный».

От «Утра в лесу» и «Осени по Пушкину» я перешёл незаметно к «собственному».

Случилось это, когда я кончил гимназию. Лето перед восьмым классом я провёл на глухой речушке, на рыбной ловле. Попал на омут, у старой мельницы. Жил там глухой старик, мельница не работала. Пушкинская «Русалка» вспоминалась. Так меня восхитило запустенье, обрывы, бездонный омут «с сомом», побитые грозою, расщеплённые вётлы, глухой старик — из «Князя Серебряного»[1] мельник!.. Как-то на ранней зорьке, ловя подлещиков, я тревожно почувствовал — что-то во мне забилось, заспешило, дышать мешало. Мелькнуло что-то неясное. И — прошло. Забыл. До глубокого сентября я ловил окуней, подлещиков. В ту осень была холера, и ученье было отложено. Что-то — не приходило. И вдруг, в самую подготовку на аттестат зрелости, среди упражнений с Гомером, Софоклом[2], Цезарем[3], Вергилием[4], Овидием Назоном[5]... — что-то опять явилось! Не Овидий ли натолкнул меня? не его ли «Метаморфозы»[6] — чудо!

---

[1] *«Князь Серебряный»* — исторический роман А. К. Толстого.

[2] *Софокл* (ок. 496—406 гг. до н. э.) — древнегреческий поэт-драматург.

[3] *Цезарь Гай Юлий* (102 г. или 100—44 гг. до н. э.) — римский диктатор, полководец.

[4] *Вергилий Марон Публий* (70—19 гг. до н. э.) — римский поэт.

[5] *Овидий Назон (Публий Овидий Назон)* (43 г. до н. э. — ок. 18 г. н. э.) — римский поэт.

[6] *«Метаморфозы»* — поэма Овидия, которая содержит 250 мифологических и фольклорных сказаний о превращении людей в животных, растения, созвездия и т. д.

Я увидел мой омут, мельницу, разрытую плотину, глинистые обрывы, рябины, осыпанные кистями ягод, деда... Помню, — я отшвырнул все книги, задохнулся... и написал — за вечер — большой рассказ. Писал я «с маху». Правил и переписывал, — и правил. Переписывал отчётливо и крупно. Перечитал... — и почувствовал дрожь и радость. Заглавие? Оно явилось само, само очертилось в воздухе, зелёно-красное, как рябина — там. Дрожащей рукой я вывел:

У мельницы

Это было мартовским вечером 1894 года. Но и теперь ещё помню я первые строчки первого моего рассказа:

«Шум воды становился всё отчётливей и громче: очевидно, я подходил к запруде. Вокруг рос молодой, густой осинник, и его серые стволики стояли передо мною, закрывая шумевшую неподалёку речку. С треском я пробирался чащей, спотыкался на остренькие пеньки осинового сухостоя, получал неожиданные удары гибких веток...»

Рассказ был жуткий, с житейской драмой, от «я». Я сделал себя свидетелем развязки, так ярко, казалось, сделал, что поверил собственной выдумке. Но что же дальше? Литераторов я совсем не знал. В семье и среди знакомых было мало людей интеллигентных. Я не знал и «как это делается» — как и куда послать. Не с кем мне было посоветоваться: почему-то и стыдно было. Скажут ещё: «Э, пустяками занимаешься!» Газет я ещё не читал тогда, — «Московский листок» разве, но там было смешное только или про «Чуркина». Сказать по правде, я считал себя выше этого. «Нива» не пришла в голову. И вот вспомнилось мне, что где-то я видел вывесочку, узенькую совсем: «Русское обозрение», ежемесячный журнал. Буквы были — славянские? вспоминал-вспоминал... — и вспомнил, что на Тверской. Об этом журнале я ничего не знал. Восьмиклассник, почти студент, я не знал, что есть «Русская мысль», в Москве. С неделю я колебался: вспомню про «Русское обозрение» — так и похолодею и обожгусь. Прочитаю «У мельницы» — ободрюсь. И вот я пустился на Тверскую — искать «Русское обозрение». Не сказал никому ни слова.

Помню, прямо с уроков, с ранцем, в тяжёлом ватном пальто, сильно повыгоревшем и пузырившемся к по-

лам, — я его всё донашивал, поджидая студенческого, чудесного! — приоткрыл огромную, под орех, дверь и сунул голову в щель, что-то проговорил кому-то. Там скучно крякнуло. Сердце во мне упало: крякнуло будто строго?.. Швейцар медленно шёл ко мне.

— Пожалуйте... желают вас сами видеть.

Чудесный был швейцар, с усами, бравый! Я сорвался с диванчика и, как был, — в грязных, тяжёлых ботинках, с тяжёлым ранцем, ремни которого волоклись со звоном, — всё вдруг отяжелело! — вступил в святилище.

Огромный, очень высокий кабинет, огромные шкафы с книгами, огромный письменный стол, исполинская над ним пальма, груды бумаг и книг, а за столом, широкий, красивый, грузный и строгий — так показалось мне, — господин, профессор, с седеющими по плечам кудрями. Это был сам редактор, приват-доцент Московского университета Анатолий Александров. Он встретил меня мягко, но с усмешкой, хотя и ласково:

— Ага, принесли рассказ?.. А в каком вы классе? Кончаете... Ну, что же... поглядим. Многонько написали... — взвесил он на руке тетрадку. — Ну, зайдите месяца через два...

Я зашёл в самый разгар экзаменов. Оказалось, что надо «заглянуть месяца через два». Я не заглянул. Я уже стал студентом. Другое пришло и захватило — не писанье. О рассказе я позабыл, не верил. Пойти? Опять: «Месяца через два зайдите».

Уже в новом марте я получил неожиданно конверт — «Русское обозрение» — тем же полуцерковным шрифтом. Анатолий Александров просил меня «зайти переговорить». Уже юным студентом вошёл я в чудесный кабинет. Редактор учтиво встал и через стол протянул мне руку, улыбаясь.

— Поздравляю вас, ваш рассказ мне понравился. У вас довольно хороший диалог, живая русская речь. Вы чувствуете русскую природу. Пишите мне.

Я не сказал ни слова, ушёл в тумане. И вскоре опять забыл. И совсем не думал, что стал писателем.

В первых числах июля 1895 года я получил по почте толстую книгу в зелёно-голубой ... обложке — «Русское обозрение», июль. У меня тряслись руки, когда раскрывал её. Долго не находил, — всё прыгало. Вот

оно: «У мельницы», — самое то, моё! Двадцать с чем-то страниц — и, кажется, ни одной поправки! ни пропуска! Радость? Не помню, нет... Как-то меня пришибло... поразило? Не верилось.

Счастлив я был — два дня. И — забыл. Новое приглашение редактора— «пожаловать». Я пошёл, не зная, зачем я нужен.

— Вы довольны? — спросил красивый профессор, предлагая кресло. — Ваш рассказ многим понравился. Будем рады дальнейшим опытам. А вот и ваш гонорар... Первый? Ну, очень рад.

Он вручил мне... во-семь-де-сят рублей! Это было великое богатство: за десять рублей в месяц я ходил на урок через всю Москву. Я растерянно сунул деньги за борт тужурки, не в силах промолвить ни слова.

— Вы любите Тургенева? Чувствуется, у вас несомненное влияние «Записок охотника», но это пройдёт. У вас и своё есть. Вы любите наш журнал?

Я что-то прошептал, смущённый. Я и не знал журнала: только «июль» и видел.

— Вы, конечно, читали нашего основателя, славного Константина Леонтьева... что-нибудь читали?..

— Нет, не пришлось ещё, — проговорил я робко.

Редактор, помню, выпрямился и поглядел под пальму, — пожал плечами. Это его, кажется, смутило.

— Теперь... — посмотрел он грустно и ласково на меня, — вы обязаны его знать. Он откроет вам многое. Это, во-первых, большой писатель, большой художник... — Он стал говорить-говорить... — не помню уже подробности — что-то о «красоте», о Греции... — Он великий мыслитель наш, русский необычайный! — восторженно заявил он мне. — Видите — этот стол?.. Это его стол! — И он благоговейно погладил стол, показавшийся мне чудесным. — О, какой светлый дар, какие песни пела его душа! — нежно сказал он в пальму. И вспомнилось мне недавнее:

Имел он песен дивный дар,
И голос, шуму вод подобный.

— И эта пальма — его!

Я посмотрел на пальму, и она показалась мне особенно чудесной.

— Искусство, — продолжал говорить редактор, — прежде всего — благо-говение! Искусство... ис-кус! Искусство — молитвенная песнь. Основа его — религия. Это всегда, у всех. У нас — Христово слово! «И Бог бе слово». И я рад, что вы начинаете в его доме... в его журнале. Как-нибудь заходите, я буду давать вам его творения. Не во всякой они библиотеке... Ну-с, молодой писатель, до сви-да-ния. Желаю вам...

Я пожал ему руку, и так мне хотелось целовать его, послушать о нём, неведомом, сидеть и глядеть на стол. Он сам проводил меня.

Я ушёл опьянённый новым, чувствуя смутно, что за всем этим моим — случайным? — есть что-то великое и священное, незнаемое мною, необычайно важное, к чему я только лишь прикоснулся.

Шёл я как оглушённый. Что-то меня томило. Прошёл Тверскую, вошёл в Александровский сад, присел. Я — писатель. Ведь я же выдумал весь рассказ!.. Я обманул редактора, и за это мне дали деньги!.. Что я могу рассказывать? Ничего. А искусство — благоговение, молитва... А во мне ничего-то нет. Деньги, во-семь-десят рублей... за это!.. Долго сидел я так, в раздумье. И не с кем поговорить... У Каменного моста зашёл в часовню, о чём-то помолился. Так бывало перед экзаменом.

Дома я вынул деньги, пересчитал. Во-семьдесят рублей... Взглянул на свою фамилию под рассказом, — как будто и не моя! Было в ней что-то новое, совсем другое. И я — другой. Я впервые тогда почувствовал, что — другой. Писатель? Это я не чувствовал, не верил, боялся думать. Только одно я чувствовал: что-то я должен сделать, многое узнать, читать, вглядываться и думать... — готовиться. Я — другой, другой.

Размышляем о прочитанном

1. Рассказ назван «Как я стал писателем». Как вы думаете, к чему он ближе: к воспоминаниям, дневниковым записям или к обычному рассказу?
2. Что открывал главный герой в людях? Что ему нравилось в них? Какими виделись ему в детстве окружающие предметы?
3. Какой герой одного из рассказов А. Платонова так же воспринимал окружающий его мир и предметы? О каких чертах характера это свидетельствует?

4. Как пришло к И. Шмелёву умение писать? Чем заканчивается рассказ? Почему главный герой почувствовал, что он «другой»? Известны ли вам рассказы или повести о том, как человек становится писателем (например, у А. Чехова, И. Бунина, М. Горького)?
5. В какое историческое время происходит становление писателя? По каким приметам мы можем об этом догадаться?
6. Вспомните, какие произведения называются автобиографическими. Можно ли к ним отнести рассказ И. С. Шмелёва?

Развиваем дар слова

1. Пробовали ли вы сами создать оригинальный рассказ, очерк, басню, рецензию? Что вам в этом помогало?
2. В ваши учебники литературы с 5 по 9 класс введена рубрика «Развиваем дар слова». Авторы учебных книг надеются, что вы, читая произведения русских писателей, будете постепенно обогащать свою речь, замечать особенности речи окружающих вас людей.

   Приводим небольшой отрывок «Московский говор» из книги К. Стародуб «Литературная Москва» [1]. Прочитайте и перескажите его.
3. Есть ли особенности говора в вашем крае, области, городе? Чем он отличается от говора московского? Расскажите об этом.
4. Объясните слова, включите их в свою речь: *непредумышленно, доныне, оратор, благословляющий, пренебрежительно, возненавидел, нравственное совершенствование, проникнуться чувством, наставник, мыслитель, творение, благоговение, благодушие, смущённый.*

Творческое задание

Напишите сочинение-эссе на одну из тем: «Как я готовился к сочинению», «Как я написал своё первое сочинение», «Отзыв на рассказ И. Шмелёва „Как я стал писателем“».

МОСКОВСКИЙ ГОВОР

На протяжении жизни каждого поколения москвичей хоть и немного, но менялся их язык, и, конечно, в последние десятилетия ушли из него мягкость, благодушие, неторопливость, какая-то, если можно сказать, уютная округлость, столь присущие старомосковскому говору. Резкий, стремительный, требующий бескомпромиссности ритм времени менял и язык. Обороты

[1] См.: Стародуб К. Литературная Москва: Историко-краеведческая энциклопедия для школьников. — М., 1997.

стали более категоричными, речь менее плавной, образность более ироничной. Потому-то ныне нам ещё милее живое напоминание о старой московской речи, которая нет-нет да и проявит себя каким-то оборотом или интонацией. Не потому ли такой невиданной популярностью пользуется книга Евгения Платоновича Иванова «Меткое московское слово» [1], выдержавшая уже три издания? В ней запечатлена живая московская речь первых двух десятилетий XX века. Раскроем её...

Проверьте себя

1. О каких качествах московской речи, которые уходят из сегодняшнего говора, жалеет Е. Иванов? Согласны ли вы с ним?
2. Какие свойства московского говора сохранились в вашей речи и речи ваших близких (плавность, образность, мягкость, неторопливость...)?

Творческое задание

Найдите и прочитайте книгу Евгения Иванова «Меткое московское слово». Подготовьте рецензию на неё.

Фонохрестоматия

СЛУШАЕМ АКТЁРСКОЕ ЧТЕНИЕ

1. Что в рассказе И. С. Шмелёва вас особенно удивило, поразило?
2. Как способствовало этому чтение актёра? Какие интонации преобладали в его чтении (грустные, радостные, игровые, юмористические)?
3. И. С. Шмелёв рассказывал о рыбалке и неожиданно пришёл ему на ум сюжет «Мельницы». Почему?
4. Как он решил послать рассказ в журнал? Что он при этом думал? Как, с какими чувствами и интонациями об этом читает Алексей Колган?
5. Почему актёр особо торжественно произносит слова редактора?
6. Как И. С. Шмелёв решил готовить себя к писательскому труду (читать, писать, слушать...)?

[1] См.: Иванов Евг. Меткое московское слово. — М., 1982.

Михаил Андреевич ОСОРГИН

1878—1942

Михаил Андреевич Ильин (Осоргин — псевдоним писателя) родился в Перми. Его воспоминания о детстве были светлыми, их он призывал в самые трудные минуты — они помогали жить. Навсегда остались с ним доброта близких людей и картины природы, целиком заполнявшие его мир в детские годы. Мальчик рано полюбил книги, рано пришло время самостоятельных поисков. Он был гимназистом 7 класса, когда газета «Пермские губернские ведомости» опубликовала его первую статью, а журнал «Для всех» — рассказ «Отец».

В студенческие годы началась постоянная журналистская работа, он много писал для уральских газет. С 1902 года работал адвокатом. Он участвовал в революционной деятельности, оказался в тюрьме. В мае 1906 году был освобождён, бежал в Италию, поселившись близ Генуи, позже отошёл от эмигрантских кругов.

Осоргин сотрудничал в журнале «Вестник Европы», много путешествовал. «Города Италии были моими комнатами: Рим — рабочим кабинетом, Флоренция — библиотекой, Неаполь — террасой, с которой открывается такой прекрасный вид», — шутил писатель. Одна из книг Осоргина называется «Там, где был счастлив». В ней немало страниц, посвящённых итальянским впечатлениям.

В послереволюционные годы Осоргин был первым председателем Всероссийского союза журналистов. В 1921 году в России свирепствовал голод. По предложению Горького был организован комитет помощи голодающим. От имени Международного Красного Креста велись переговоры о помощи голодающим, но

под надзором за распределением продуктов. Ленин был оскорблён этим. Осоргин, как один из участников общества, был арестован, отправлен в ссылку, затем выслан из страны. На вопрос анкеты: «Как вы относитесь к советской власти?» — Осоргин ответил: «С удивлением». В Берлине Осоргин прожил зиму, осенью 1923 года уехал в Париж, мечтал о возвращении на родину. Мечта так и осталась с ним до конца его дней.

После смерти Осоргина были опубликованы его письма «Старому другу в Москве».

С юных лет Осоргин был большим тружеником, он много печатался в берлинских, пражских, рижских, парижских журналах и газетах. Работой «для души» стало для него осуществление замысла его первого романа. «Сивцев Вражек» — роман о трагедии русской интеллигенции в переломные, смутные времена. Критики писали об иронии Осоргина, были в романе и мрачные предвидения.

Писатель несколько раз просил Горького помочь ему напечататься в России: «...невыносимо обидно совсем не быть читаемым... на родине...» «Моё счастье не в том, чтобы я, чтобы мы увидели Россию возрождённой и свободной, — писал он, — а в том, чтобы таково было её будущее».

Время возвращения книг Михаила Андреевича Осоргина пришло.

О. Авдеева

?! Проверьте себя

1. Расскажите, что вы узнали об Осоргине, прочитав статью.

2★. Используя ресурсы Интернета и материалы словаря «Русские писатели. XX век», подготовьте устное сообщение о жизни и творчестве писателя.

* * *

Познакомьтесь с рассказом Осоргина «Пенсне». Подумайте, какими представляются писателю окружающие его предметы. Случались ли с вами подобные истории? Расскажите об этом.

Пенсне

Что вещи живут своей особой жизнью — кто же сомневается? Часы шагают, хворают, кашляют, печка мыслит, запечатанное письмо подмигивает и рисуется, раздвину-

тые ножницы кричат, кресло сидит, с точностью копируя старого толстого дядю, книги дышат, ораторствуют, перекликаются на полках. Шляпа, висящая на гвозде, непременно передразнивает своего владельца, — но лицо у неё своё, забулдыжно-актёрское. У висящего пальто всегда жалкая душонка и лёгкая нетрезвость. Что-то паразитическое чувствуется в кольце и особенно в серьгах, — и к ним с заметным презрением относятся вещи-труженики: демократический стакан, реакционная стеариновая свечка, интеллигент-термометр, неудачник из мещан — носовой платок, вечно юная и суетливая сплетница — почтовая марка.

Отрицать, что чайник, этот добродушный комик, — живое существо, может только совершенно нечуткий человек; именно чайник, так как кофейник, например, живёт жизнью менее индивидуальной и заметной.

Но особенно меня всегда занимала одна любопытная чёрточка в жизни вещей — не всех, а некоторых. Это — страсть к путешествиям. Таковы: коробка спичек, карандаш, мундштук, гребёнка, шейная запонка, ещё некоторые. Много лет внимательно и любовно изучая их жизнь, я сначала предположил, а впоследствии убедился, что эти вещи время от времени уходят гулять — на минуту, на час, иногда на очень долгий срок. Есть случаи исторические (семисвечник, голубой бриллиант, исторический труд Тита Ливия[1] и пр.), но в таких исчезновениях отчасти замешана человеческая воля, случай, злой умысел; на примере мелких вещиц легче установить полнейшую самостоятельность поступков.

Обычно такие исчезновения мы объясняем то своей рассеянностью, то чужой неаккуратностью, а нередко и кражей. Раньше я и сам так думал, и, не приди мне в голову понаблюдать жизнь вещей без предвзятого представления об их пассивности и «неодушевлённости», — я бы и посейчас думал так элементарно.

Все читающие в постели знают, с какой настойчивостью «теряется» в складках одеяла карандаш, разрезной ножик, коробка спичек. Привычным жестом вы кладёте на одеяло карандаш. Через минуту — карандаша нет. Вы

---

[1] *Тит Ли́вий* (59 г. до н. э. — 17 г. н. э.) — римский историк, автор труда «Римская история от основания города».

шарите, ищете, злитесь: нет и нет. Откидываете простыни, смотрите под подушкой, на коврике, на столике: нет нигде. Ворча встаёте, лезете в туфли, заглядываете под постель, находите там спички, запонку, открытое письмо — но карандаша нет. Ежась от холода, вы плетётесь к столу, берёте другой карандаш (обычно он оказывается неочинённым), чините его, возвращаетесь. Подоткнув под себя одеяло, чтобы согреться, вы наконец берёте книжку, отложенную потому, что нечем было отчеркнуть нужное место. Раскрываете книжку — карандаш в ней.

Ясно, что сам попасть он в неё не мог, — но не менее ясно, что вы его туда не положили, не могли положить.

Обычно мимо таких фактов проходят, не придавая им значения. Напрасно! Вглядывайтесь внимательнее, и вам откроется целый новый мир вещей, живущих параллельно той жизни, которую мы для них выдумали.

Я помню поразительный случай с моим пенсне: простое пенсне, без оправы — два стекла и лёгкая дужка.

Сидя в кресле у стены, я читал; на новой главе хотел протереть стёкла, вынул платок, и вдруг — пенсне исчезло. Опытный в этих делах, я обыскал не только все карманы, складки одежды, щели в кресле, маленький столик рядом, листы книжки — всё решительно. Пенсне не было нигде; не быть и раньше не могло, так как я очень дальнозорок и мелкой печати без стёкол не разбираю.

Не подумайте, что пенсне моё оказалось на носу; в таких случаях я прежде всего ощупываю переносицу; на ней были две свежие ямки — и ничего больше. Я отодвинул кресло, осмотрел на нём все кисточки и пуговки, о которых Козьма Прутков[1] сказал, что они выдуманы самым глупым на свете человеком, — и всё бесплодно.

Это было настолько чудовищно и нелепо, что я разделся, встряхнул одежду, сам подмёл паркет от стены до самой середины комнаты. Усомнившись в себе, я обыскал письменный стол в соседней комнате, заглянул на вешалку, стыдливо пробежал глазом по ванной — всё было напрасно.

---

[1] *Козьма́ Пруткóв* — коллективный псевдоним, под которым выступали в 50—60-е гг. XIX столетия А. К. Толстой и братья Жемчужниковы с сатирическими стихами и афоризмами.

Тогда я вспомнил, что ясно слышал звук падения пенсне; я ещё порадовался, что — судя по звуку — оно не разбилось. И вот я снова ползаю по полу, смотрю сбоку, смотрю снизу, смотрю сверху, топаю ногами — чтобы хоть раздавить его, проклятое, и наконец успокаиваюсь. Ни-ка-ких!

Так и исчезло — как провалилось. Но в паркете не было ни единой щёлочки.

Прошла неделя или больше. Про этот случай я не забыл и много раз о нём рассказывал, показывая и место происшествия. Как обычно, скептики смеялись, практики перещупывали кресло и осматривали пол, прислуга перетёрла тряпочкой все предметы, вымела пылинки и даже вымыла чёрную лестницу (до следующего этажа). Вся квартира обновилась, посвежела — но пенсне не было.

Один мой знакомый, заинтересовавшись случаем, хотел дойти до разгадки индуктивным способом. Он записал номер пенсне, начертил план комнаты, отметив расставленную мебель, спросил, нет ли у меня в квартире обезьяны, кошки или сороки, где я провёл вечер накануне, — и целый день мыслил, пользуясь главным образом методом исключения. К вечеру, недоверчиво и недружелюбно подав мне руку, он ушёл. Жена его рассказывала потом, что он стонал всю ночь. Раньше это был спокойный человек, умеренных политических убеждений, знаток испанской литературы.

И вот сидел я однажды в том же кресле у той же стены, лишь с другой книжкой, по обыкновению отчёркивая карандашом наиболее умные и наиболее глупые места. На носу у меня было уже другое пенсне, новенькое, тугое, раздражающее. И вдруг — раз! — и падает карандаш. Перепуганный (не шутя! тут любопытнейшее психическое переживание!), я бросаюсь вдогонку. Мне почему-то представилось, что и карандаш должен бесследно исчезнуть. Но он лежал спокойно у стены, и... рядом с ним, смирненько, плотно прижавшись стоймя к стене, блеснули два стекла с тоненькой дужкой.

Вы можете, конечно, смеяться и утверждать, что я слеп (это неправда! я дальнозорок, но вижу отлично), что слепы все мои знакомые, слепа прислуга, ежедневно подметавшая каждый вершок пола, что это просто курьёзный случай и прочее. Реалистически мыслящий

человек имеет на всё готовый ответ. Но нужно было видеть физиономию моего пенсне, вернувшегося из дальней прогулки, чтобы понять, что это — не случай и не недоглядка.

Ещё поблёскивая мутными, запылёнными стёклами, жалкое, виноватое, словно вдавленное в стенку, оно являло картину такого рабского смирения, такой трусости, точно не оно — наездник моего носа, точно не я без него, а оно без меня не может существовать.

Где оно шлялось? Что оно перевидало (конечно, в преувеличенном виде!)? И чем объяснить такую странную привязанность вещей к человеку, заставляющую их возвращаться, хотя бы им удалось так ловко обмануть его бдительность?

На все эти вопросы ответить трудно. Но что пенсне моё гуляло, и гуляло долго, до изнеможения, до пресыщения и страшной душевной усталости, — в этом я, свидетель его возвращения, сомневаться не могу.

Я сильно наказал гуляку. Я заставил его простоять у стены ещё несколько часов, показал его прислуге, знакомым, от которых, впрочем, не услыхал ничего, кроме плоских рационалистических рассуждений о том, как оно «странно упало». Действительно, странно! Почему-то с людьми этого никогда не случается!

Мой знакомый, знаток испанской литературы, несколько позже довёл до моего сведения, что в цепи его логических рассуждений была допущена ошибка: он искал пенсне, как предмет плоский (?!), лишь в двух измерениях, между тем как оказалось оно именно в третьем. По-моему, это — чепуха.

Между прочим, кончило это пенсне трагически. В тот же вечер, сняв с верхней полки пыльную папку рукописей, я чихнул; пенсне упало плашмя на пол и разбилось в мельчайшие осколки.

Пусть это будет случайностью — мне так легче думать. Я был глубоко огорчён, если бы были объективные данные считать этот «случай» самоубийством. И что могло побудить эту в сущности своей кристальную душу на роковой шаг? Прогулка по свету? Преувеличенный на одну диоптрию взгляд на мир? Или тот публичный позор, которым я обставил возвращение моих загулявших стёклышек?

Мне жаль бедняжку! Мы долго жили дружно и вместе прочли много добрых и глупых книг, в которых людям приписываются и страсти, и разум, и сознательность поступков, а вещам отказывается в праве на малейшее волеизъявление, на мельчайшее проявление индивидуальности.

Размышляем о прочитанном

1. Рассказ М. Осоргина вызывает удивление с самого первого вопроса автора. Каков этот вопрос? В чём никто не должен сомневаться? В чём хочет нас убедить рассказчик?
2. Кто же является героем этого рассказа? Как вы понимаете строки авторского текста: «...пенсне моё гуляло, и гуляло долго, до изнеможения, до пресыщения и страшной душевной усталости, — в этом я, свидетель его возвращения, сомневаться не могу»?
3. Кто из писателей XIX века использовал приёмы, которые есть в рассказе Осоргина? Приведите примеры.
4. Вспомним определения метафоры и олицетворения:

> **Метафора** (*гр.* metaphora — перенос) — вид тропа, в котором отдельные слова или выражения сближаются по сходству их значений или по контрасту. Метафора образуется по принципу олицетворения (вода бежит), овеществления (стальные нервы), отвлечения (род деятельности).
> **Олицетворение** — изображение неодушевлённых или абстрактных предметов, при котором они наделяются свойствами живых существ («О чём ты воешь, ветр ночной?..»).

Использует ли Осоргин в своём рассказе олицетворения и метафоры? Приведите примеры.

Развиваем дар слова

Будьте внимательны к слову и к тому, как автор говорит о «жизни» вещей: *часы шагают, хворают, кашляют, печка мыслит, письмо подмигивает и рисуется, раздвинутые ножницы кричат, кресло сидит, с точностью копируя старого толстого дядю, книги дышат, ораторствуют, перекликаются на полках.* Какой приём используется автором, чтобы показать необычную «жизнь» вещей? Почему именно эти глаголы поставлены рядом с каждой из названных вещей?

СЛУШАЕМ АКТЁРСКОЕ ЧТЕНИЕ

1. Небольшой юмористический рассказ М. А. Осоргина повествует о простой забавной истории, которая может произойти с каждым человеком. Послушайте его.
2. Какие интонации мы слышим в чтении Сергея Сазонтьева — иронические, комические, повествовательные, сатирические?
3. Что в чтении актёра вам хотелось бы изменить? Почему?
4. Помогает ли музыка Э. Грига лучше понять рассказ?
5. Какой художественный приём мы используем, когда говорим: пенсне моё гуляло, часы шагают, хворают, кашляют, печка мыслит, письмо подмигивает, книги дышат, ораторствуют, перекликаются на полках? Как звучит этот приём в актёрском чтении?
6. Согласны ли вы с автором, размышляющим о «путешествии вещей»?
7. Как заканчивается рассказ? С какой интонацией финал был прочитан актёром?

Журнал «Сатирикон»

Как много забытых страниц в истории отечественной литературы! И как хочется задержать движение времени! Такая возможность есть у читателей «Всеобщей истории, обработанной „Сатириконом“».

Это удивительное издание. История человечества — от древнейших времён до начала XIX века — рассказана не учёными мужами, черпающими знания из старинных книг, изучающими письмена и манускрипты, а весёлыми и остроумными людьми — писателями-сатириками.

Обращение к давно ушедшим событиям и людям для авторов было лишь поводом, чтобы с юмором взглянуть на современную жизнь. Само решение не было оригинальным. В 1868 году А. К. Толстой создал сатирическое произведение «История государства Российского от Гостомысла до Тимашева», где поведал читателю, что «Земля наша богата, / Порядка в ней лишь нет». Правда, автору не удалось увидеть стихотворение напечатанным, видимо, такие исторические параллели пришлись не по вкусу издателям.

Создателям «Всеобщей истории...» повезло больше. Их детище увидело свет в 1910 году. Книга была выпущена как бесплатное приложение к журналу «Сатирикон».

Несмотря на свой юный, трёхлетний возраст, «Сатирикон» был известен и имел своего читателя. И это было непросто, так как в России в первое десятилетие XX века появилось много юмористических журналов. «В то смутное, неустойчивое, гиблое время „Сатирикон“ был чудесной отдушиной, откуда лил свежий воздух», — вспоминал А. Куприн.

Журнал объединил молодых талантливых писателей: Арк. Аверченко, Сашу Чёрного, Тэффи, О. Дымова, А. Бухова и др. В нём печатались А. Куприн, Л. Андреев, А. Н. Толстой... В 1913 году, после раскола редакции, «Сатирикон» перестал существовать. Было ещё одно его рождение — в Париже. К участию в издании были привлечены И. Бунин, Саша Чёрный, Б. Зайцев, А. Куприн, художники А. Бенуа, М. Добужинский, К. Коровин. В третьем «Сатириконе» был перепечатан роман И. Ильфа и Е. Петрова «Золотой телёнок», и это было отмечено читателями. Вскоре из-за недостатка средств и острых сатирических матери-

алов журнал перестал выходить в свет. Так закрылась ещё одна страница отечественной литературной летописи.

В 1911 году выходит «Всеобщая история, обработанная „Сатириконом“». Казалось бы, что можно найти смешного в государственных переворотах, в многочисленных войнах, эпидемиях и тому подобных событиях былых времён, сведения о которых дошли до нас?

Познакомьтесь с отрывком из «Всеобщей истории, обработанной „Сатириконом“», подготовленной Тэффи (1872—1952), урождённой Лохвицкой Надеждой Александровной, — прозаиком, поэтом, драматургом.

Перу **Тэффи** принадлежит раздел «Древняя история», открывающий книгу. Она с азартом включается в общую «клоунаду», создавая остроумную историю Древнего мира. Тэффи иронически обыгрывает логические построения псевдонаучных трудов («Воспитание детей было очень суровое. Чаще всего их сразу убивали. Это делало их мужественными и стойкими»); гиперболизирует штампы («Древняя история есть такая история, которая произошла чрезвычайно давно»)...

Древняя история

Спарта

Лакония составляла юго-восточную часть Пелопоннеса и получила название от манеры тамошних жителей выражаться лаконически.

Летом в Лаконии было жарко, зимою холодно. Эта необычайная для других стран система климата, по свидетельству историков, способствовала развитию жестокости и энергии в характере жителей.

Главный город Лаконии без всякой причины назывался Спартой.

В Спарте был ров, наполненный водою, чтобы жители могли упражняться в сбрасывании друг друга в воду. Сам город не был ограждён стенами: мужество граждан должно было служить ему защитой. Это, конечно, стоило местным отцам города дешевле самого плохого частоколишки.

Спартанцы, хитрые по природе, устроили так, что у них царствовали всегда два царя зараз. Цари грызлись

между собою, оставляя народ в покое. Конец этой вакханалии положил законодатель Ликург.

Ликург был царского рода и опекал своего племянника. При этом он всё время тыкал всем в глаза своей справедливостью. Когда терпение окружающих наконец лопнуло, Ликургу посоветовали отправиться путешествовать. Думали, что путешествие разовьёт Ликурга и так или иначе повлияет на его справедливость.

Но, как говорится, вместе тошно, а врозь скучно. Не успел Ликург освежиться в обществе египетских жрецов, как соотечественники потребовали его возвращения. Ликург вернулся и утвердил в Спарте свои законы.

После этого, — опасаясь слишком горячей благодарности со стороны экспансивного народа, — он поспешил сам себя уморить голодом.

— Зачем предоставлять другим то, что можешь сделать сам! — были его последние слова.

Спартанцы, увидя, что с него взятки гладки, стали воздавать его памяти божеские почести.

Население Спарты делилось на три сословия: спартиатов, периэков и илотов.

Спартиаты были местные аристократы, занимались гимнастикой, ходили голые и вообще задавали тон.

Периэкам гимнастика была запрещена. Вместо того они платили подати.

Хуже всех приходилось илотам, или, по выражению местных остряков, «недоэкам». Они обрабатывали поля, ходили воевать и часто восставали на своих господ. Последние, чтобы склонить их на свою сторону, придумали так называемую криптию, то есть, попросту, в известный час убивали всех встречных илотов. Это средство быстро заставило илотов одуматься и зажить в полном довольстве.

Спартанские цари пользовались большим уважением, но небольшим кредитом. Народ верил им только на месяц, затем заставлял снова присягать законам республики.

Так как в Спарте царствовало всегда два царя и была притом ещё и республика, то всё это вместе называлось республикой аристократической.

По законам этой республики спартанцам был предписан самый скромный, по их понятиям, образ жизни. Например, мужчины не имели права обедать дома; они

собирались весёлой компанией в так называемых ресторанах — обычай, соблюдаемый многими людьми аристократической складки и в наше время как пережиток седой старины.

Любимое кушанье их составляла чёрная похлёбка, приготовлявшаяся из свиного отвара, крови, уксуса и соли. Похлёбку эту как историческое воспоминание славного прошлого и доселе ещё приготовляют у нас в греческих кухмистерских[1], где она известна под названием «брандахлыста».

В одежде спартанцы были также очень скромны и просты. Только перед битвою наряжались они в более сложный туалет, состоявший из венка на голове и флейты в правой руке. В обычное же время отказывали себе в этом.

Воспитание детей

Воспитание детей было очень суровое. Чаще всего их сразу убивали. Это делало их мужественными и стойкими.

Образование они получали самое основательное: их учили не кричать во время порки. В двадцать лет спартиат сдавал экзамен по этому предмету на аттестат зрелости. В тридцать он делался супругом, в шестьдесят освобождался от этой обязанности.

Девушки спартанские занимались гимнастикой и были столь прославлены своей скромностью и добродетелью, что везде богатые люди старались заполучить спартанскую девушку в кормилицы для своих детей.

Скромность и уважение к старшим было первым долгом молодых людей.

Самым неприличным у спартанского молодого человека считались его руки. Если он был в плаще, он прятал руки под плащ. Если он был голым, то засовывал их куда ни попало: под скамейку, под куст, под собеседника или, наконец, садился на них сам (900 г. до Р. Х.).

Они с детства приучались говорить лаконически, то есть коротко и сильно. На длинную витиеватую ругань врага спартанец отвечал только: «От дурака слышу».

Женщина в Спарте пользовалась уважением, и ей разрешалось изредка тоже поговорить лаконически, чем она

[1] *Кухми́стерская* — небольшая столовая.

пользовалась, воспитывая детей и заказывая обед кухарке-илотке. Так, одна спартанка, отдавая щит сыну, сказала лаконически: «С ним или на нём». А другая, отдавая кухарке петуха для жарения, сказала лаконически: «Пережаришь — вздую».

Как высокий пример мужественности спартанской женщины приводится следующая история.

Однажды женщина по имени Лэна, знавшая о противозаконном заговоре, чтобы не выдать случайно имени заговорщиков, откусила себе язык и, выплюнув его, сказала лаконически:

— Милостивые государи и милостивые государыни! Я, нижеподписавшаяся спартанская женщина, имею честь сказать вам, что если вы думаете, что мы, спартанские женщины, способны на низкие поступки, как то:

а) доносы,
б) сплетню,
в) выдачу своих сообщников и
г) клевету,

то вы сильно ошибаетесь и ничего подобного от меня не дождётесь. И пусть странник передаст Спарте, что я выплюнула здесь свой язык, верная законам о гимнастике своего отечества.

Ошеломлённые враги вставили в Лэну ещё одно «э», и она стала Лээна, что значит «львица».

Учимся воспринимать юмористическое произведение

1. Как создаётся юмор Тэффи? Проследите за построением предложений: «Летом в Лаконии было жарко, зимою холодно», «Главный город Лаконии без всякой причины назывался Спартой». Какие особенности построения фразы помогают сатирическому изображению исторических событий?
2. Прочитайте тексты, подчеркнув интонацией юмористическое и сатирическое направление рассказов.

Познакомьтесь с ещё одним отрывком из этой книги, подготовленным **О. Дымовым** (настоящее имя — Осип Исидорович Перельман) — прозаиком, драматургом, журналистом. До отъезда в США в 1913 году он выпустил сборники рассказов: «Солнцеворот», «Весенняя печаль» и др. Его любимым писателем был А. П. Чехов, свой псевдоним он взял из чеховского рассказа «Попрыгунья».

Тридцатилетняя война (1618—1648)

Как это ни скучно, но нам приходится опять возвращаться к борьбе католиков с протестантами.

Человеку нашего времени решительно непонятно: как можно воевать из-за религиозных убеждений?

Ведь в таком случае человечество могло пойти дальше: брюнеты резали бы блондинов, высокие — маленьких, умные — глупых...

А в те времена религиозные войны были обычным и привычным делом. Целые полки под командой глупых, с тупыми физиономиями полководцев носились из страны в страну, орали, молились, поджигали, разоряли, славили Бога (своего собственного), грабили, горланили гнусавыми голосами псалмы[1] и вешали пойманных иноверцев с таким хладнокровием, как теперь вешают собственное пальто на гвоздик.

История говорит, что после Тридцатилетней войны Германия пришла в такой упадок, возник такой голод, что жители некоторых мест принуждены были питаться человеческим мясом... Жаль, что этим кончили: с этого нужно было начать — переловить до войны всех этих тупоголовых полководцев, курфюрстов, ландграфов[2] и, сделав над собой усилие, поесть их. И страна бы не разорилась, и ни в чём не повинные люди остались бы несъеденными.

До чего раньше одна часть человечества была проста и доверчива, видно из следующего: в сущности, ни немецкие католики ничего не имели против протестантов, ни немецкие протестанты против католиков.

Но появились за спиной герцога Фердинанда иезуиты и шепнули сладким голосом:

— Ка-ак? Чехи протестанты? Какое безобразие! Чего же вы смотрите? Бейте их!

А кардинал Ришелье с другой стороны обрушился на протестантов:

— Чего вы смотрите, дурачьё! Бейте католиков по чём попало! Всыпьте им хорошенько.

---

[1] *Псало́м* — религиозное песнопение.

[2] *Ландгра́ф* — титул некоторых влиятельных князей в Германии.

Теперь таким образом можно стравить только две пьяные компании в трактире, причём драка может продолжаться максимум полчаса. А в те времена столь примитивный приём был действителен на тридцать лет, и уменьшил он народонаселение Германии на пятьдесят процентов.

И Господь жестоко покарал протестантов и католиков за эту тридцатилетнюю глупость: предводитель католиков Валленштейн был убит в своей спальне, предводитель протестантов Густав Адольф убит на поле битвы, а разные Фридрихи, Фердинанды и курфюрсты тоже поумирали от разных причин — и ни одного не осталось до наших дней, чтобы поведать нам об этой бестактной войне.

Результаты

Изголодавшиеся страны в конце концов съехались и заключили мир в Вестфалии, на родине знаменитых окороков.

Летописец того времени утверждает, что воюющие стороны набросились прежде всего не друг на друга, а на окорока, и впервые за тридцать лет поели как следует...

А потом, когда стали делиться землями, глупые немецкие католики и протестанты, конечно, остались с носом: самые лакомые куски забрали французы и шведы.

Рассказывают, что, разобрав, в чём дело, один курфюрст почесал затылок и воскликнул:

— Да! Теперь, когда я кончил войну, я вижу, что я старый дурак.

— А когда вы её начинали, — засмеялся француз, — вы были молодым дураком.

И все присутствующие иностранцы долго и раскатисто хохотали...

?! Проверьте себя

1. Что внёс в свои рассказы о событиях Средних веков О. Дымов? При помощи каких слов, сравнений автор придаёт юмористическое звучание рассказам об истории?
2. Подготовьте чтение вслух одного из этих отрывков, постарайтесь при чтении передать юмористический характер произведений.

Последняя глава произведения посвящена Новой истории, она подготовлена Аркадием **Аверченко** (1881—1925). Аркадий Тимофеевич Аверченко — писатель, журналист, театральный критик. Его первый рассказ «Как мне пришлось застраховать свою жизнь» появился в 1903 году. В 1920 году он эмигрировал в Константинополь, с 1922 года жил в Праге.

Новая история

Введение

История Средних веков постепенно и незаметно переходила в Новую историю. Различие между этими двумя периодами заключается в том, что человечество, покончив со Средними веками, сразу как-то поумнело и, устыдившись своей средневековой дикости, поспешило сделать ряд шагов, которым нельзя отказать в сообразительности и здравом смысле.

В Средние века поступательное развитие культуры измерялось лишь количеством сожжённых на площадях колдунов да опытами над превращением живых людей в кошек, волков и собак (опытами, принёсшими учёным того времени полное разочарование). Новая история пошла по другому, более просвещённому пути. Правда, колдунов на кострах всё ещё продолжали сжигать, но делали это уже безо всякого одушевления и подъёма, с единственной целью заполнить хоть каким-нибудь развлечением зияющую пустоту пробуждающегося ума и души.

Таким образом, великие люди, положившие своим гением начало Новой истории, имели уже благодарную почву в жаждущих чего-то нового душах простых людей. <...>

Эпоха изобретений, открытий и завоеваний

Книгопечатание и бумага

Раньше, до изобретения книгопечатания, люди писали чёрт знает на чём: на коже животных, листьях, кирпичах — одним словом, на первом, что подвёртывалось под руку.

Сношения между людьми были очень затруднительны... Для того чтобы возлюбленный мог изложить как следует предмету своей любви волнующие его чувства, ему приходилось отправлять ей целую подводу кирпичей. Прочесть написанное представляло такую неблагодарную работу, что терпение девицы лопалось, и она на десятом кирпиче выходила замуж за другого.

Кожа животных (пергамент) тоже была неудобна, главным образом своей дороговизною. Если один приятель просил у другого письменно на пергаменте взаймы до послезавтра сумму в два-три золотых, то он тратил на эту просьбу всю полученную заимообразно сумму, так как стоимость пергамента поглощала заём. Отношения портились, и происходили частые драки и войны, что ожесточало нравы.

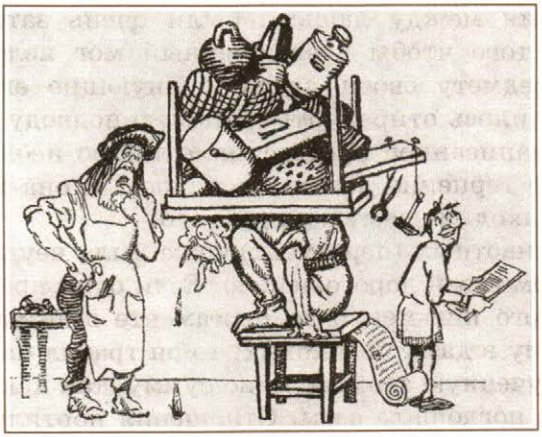
Таким образом, можно с полным основанием сказать, что появление на рынке тряпичной бумаги смягчило нравы.

Первыми, кто научил европейцев делать бумагу, были — как это ни удивительно — арабы, народ, прославившийся до того лишь чёрным цветом лица и необузданным, лишённым логики поведением.

Кстати, у арабов же европейцы позаимствовались и другой, очень остроумной штукой: арабскими цифрами. До этого позаимствования в ходу были лишь римские цифры, очень неудобные и громоздкие. Способ начертания их был насколько прост, настолько же и неуклюж. Если нужно было написать цифру один, писали I, два — II, три — III и так далее, по величине цифры количество палочек. Оперирование с однозначными цифрами ещё не представляло затруднений... Но двузначные и трёхзначные занимали целую страницу единиц, и, чтобы сосчитать их, приходилось тратить непроизвольно уйму времени. А цифру «миллион» и совсем нельзя было написать: она занимала место, равное расстоянию от Парижа до Марселя.

Таким образом, ясно, какое громадное значение для культуры и торговли имели арабские цифры, и можно вообразить, как гордились своей выдумкой арабы, задирая кверху свои чёрные, сожжённые солнцем носы...

Книгопечатание на первых порах стояло на самой жалкой, низкой ступени. Если бы Иоганна Гутенберга, изобретателя книгопечатания, привести теперь в самую ординарную типографию, печатающую свадебные пригла-

«Новая история». *Рисунок художника А. Радакова*

шения и меню, и показать ему обыкновенную типографскую машину, он ничего бы в ней не понял и, пожалуй, выразил бы желание «покататься» на маховом колесе...

Во времена Гутенберга печатали книги так: на деревянной доске вырезывали выпуклые буквы, намазывали чёрной краской и, положив на бумагу доску, садились на неё в роли подвижного энергичного пресса. От тяжести типографа и зависела чистота и чёткость печати.

Вся заслуга Гутенберга заключалась в том, что он напал на мысль вырезывать каждую букву отдельно и уже из этих подвижных букв складывать слова для печати. Кажется, мысль пустяковая, а не приди она Гутенбергу в голову, книгопечатание застряло бы на деревянных досках и человечество до сих пор сидело бы в каком-нибудь семнадцатом веке, не догадываясь о причине своей отсталости. Ужас!

Будучи сообразительным человеком по части книгопечатания, Гутенберг в жизни был сущим ребёнком, и его не обманывал и не обсчитывал только ленивый... История говорит, что он вошёл в компанию с каким-то золотых дел мастером Фаустом. Тот типографию забрал себе, а Гутенберга прогнал. Гутенберг опять нашёл какого-то, как гласит история, «очень богатого отзывчивого человека». Отзывчивый человек тоже присвоил себе типографию, а Гутенберга прогнал. В это время нашёлся ещё более отзывчивый человек — архиепископ Майнцский Адольф. Он принял Гутенберга к себе, но не платил ему ни копей-

ки жалованья, так что Гутенберг избавился от голодной смерти только поспешным бегством. Так до конца жизни Гутенберг бродил от одного мошенника к другому, пока не умер в бедности.

Размышляем о прочитанном

1. О каких событиях Новой истории рассказали сатириконцы?
2★. Какие художественные приёмы создают юмористическое освещение прошедших событий? В чём комичность фразы: «История Средних веков постепенно и незаметно переходила в Новую историю»? Прочитайте внимательно «Введение» и главку о книгопечатании. Найдите приметы юмора в описании исторических событий.
3. Какие рассказы Арк. Аверченко вам известны? Чем они вам запомнились? Расскажите о них.
4. Проследите, как начинается рассказ о книгопечатании и бумаге, чем он завершается и почему в него входят словосочетания «чёрт знает на чём», «что подвёртывалось под руку». Какой художественный эффект достигается использованием таких выражений в «историческом труде»?
5. Как сатириконцы рассказывали об истории? Какие художественные средства помогали сатириконцам передавать исторические события юмористически (неожиданные сравнения, эпитеты, сочетания несочетаемых слов и т. д.)?

Учимся читать выразительно

Постарайтесь подготовить выразительное чтение или пересказ, близкий к тексту, одного из отрывков (истории Древнего мира, Средних веков, Новой истории), подчеркнув юмористическую и сатирическую направленность произведений.

Творческое задание

Напишите отзыв на один из отрывков, обратив особое внимание на художественные средства создания юмористических ситуаций.

Обогащаем свою речь

Объясните слова и словосочетания, введите их в свою разговорную речь: *лаконично, ограждён, почести, склонять к чему-то, кампания, неприлично, уважение, лакомый кусочек, изобретение, доверчиво.*

СЛУШАЕМ АКТЁРСКОЕ ЧТЕНИЕ

1. Юмористический журнал «Сатирикон» демонстрировал настоящий, искромётный юмор. Удивительно тонко, в надежде на серьёзного, грамотного читателя написаны рассказы этого журнала. В самом деле, вчитаемся и вслушаемся внимательно:

   ...Лакония... получила название от манеры тамошних жителей *выражаться лаконически...*

   ...*Летом* в Лаконии было *жарко, зимою холодно...*

   ...Главный город Лаконии *без всякой причины* назывался Спартой...

   ...В Спарте был ров, наполненный водою, чтобы жители могли упражняться в *сбрасывании друг друга в воду...*
2. Найдём другие слова и выражения, которые делают произведение юмористическим. Как звучит текст Тэффи в исполнении актрисы Елены Габец?
3. Соответствует ли музыка В.-А. Моцарта чтению актрисы?
4. Каков был главный город Лаконии? Почему у них было два царя? Почему Ликург уморил себя голодом? На какие сословия делилось население Спарты и какие особенности были у каждого сословия?
5. Постарайтесь прочитать выразительно текст, обращая внимание на то, как создаются автором комические ситуации, юмористическая словесная игра.

ТЭФФИ

1872—1952

Было время, когда книги Тэффи пользовались необыкновенной популярностью. «Её считают самой занимательной и „смешной“ писательницей и в длинную дорогу непременно берут томик её рассказов», — писал М. М. Зощенко.

Тэффи — псевдоним Надежды Александровны Лохвицкой, родившейся в Петербурге в семье известного адвоката, автора нескольких книг по юриспруденции и множества статей. С юных лет Тэффи увлекается литературой. Среди её любимых книг — произведения А. Пушкина, Л. Толстого. Девочкой она даже ходила к Толстому в Хамовники (Москва) — хотела попросить «не убивать» князя Болконского, но испугалась и не решилась заговорить с писателем. Ещё в гимназии она и её сестры начинают писать стихи.

С детства любившая рисовать карикатуры и сочинять сатирические стихотворения, Тэффи начинает писать фельетоны. Очень популярный в начале прошлого века жанр привлекал публику злободневностью, чётко выраженной авторской позицией,

полемичностью, остроумием. С 1904 года Тэффи сотрудничает в литературных журналах.

Слава к писательнице, по её же утверждению, пришла в 1910 году, после издания первой книги юмористических рассказов. Лучшие произведения её отличает предельная жизнерадостность.

Уделяя внимание комической стороне, писательница хочет не только рассмешить, но и показать всю несуразицу и пустоту того, что персонажи считают жизнью, обнажить несоответствие между высшим предназначением человека и бессмысленностью его существования.

В августе 1918 года Тэффи вместе с Аверченко уезжает в Киев, затем в Константинополь и, наконец, обосновывается в Париже, где работает в газетах Парижа, Берлина, Стокгольма, Праги, Нью-Йорка, становится одной из крупнейших фигур русского зарубежья.

Тэффи прожила долгую жизнь: на её глазах совершились три революции, две мировые войны. За более чем пятьдесят лет она опубликовала огромное количество рассказов и фельетонов, её перу принадлежат стихи, песни, либретто, пьесы, рецензии. Она выпустила свыше тридцати книг.

Д. Николаев

?! Проверьте себя

Используя материалы статьи Д. Николаева и словаря «Русские писатели. XX век», подготовьте устное сообщение о жизни и творчестве писательницы.

Жизнь и воротник

Человек только воображает, что беспредельно властвует над вещами. Иногда самая невзрачная вещица вотрётся в жизнь, закрутит её и перевернёт всю судьбу не в ту сторону, куда бы ей надлежало идти.

Олечка Розова три года была честной женой честного человека. Характер имела тихий, застенчивый, на глаза не лезла, мужа любила преданно, довольствовалась скромной жизнью.

Но вот как-то пошла она в Гостиный двор и, разглядывая витрину мануфактурного магазина, увидела крахмальный дамский воротничок с продёрнутой в него жёлтой ленточкой.

Как женщина честная, она сначала подумала: «Ещё что выдумали!» Затем зашла и купила.

Примерила дома перед зеркалом. Оказалось, что если жёлтую ленточку завязать не спереди, а сбоку, то получится нечто такое необъяснимое, что, однако, скорее хорошо, чем дурно.

Но воротничок потребовал новую кофточку. Из старых ни одна к нему не подходила.

Олечка мучилась всю ночь, а утром пошла в Гостиный двор и купила кофточку из хозяйственных денег.

Примерила всё вместе. Было хорошо, но юбка портила весь стиль. Воротничок ясно и определённо требовал круглую юбку с глубокими складками.

Свободных денег больше не было. Но не останавливаться же на полпути?

Олечка заложила серебро и браслетку.

На душе у неё было беспокойно и жутко, и, когда воротничок потребовал новых башмаков, она легла в постель и проплакала весь вечер.

На другой день она ходила без часов, но в тех башмаках, которые заказал воротничок.

Вечером, бледная и смущённая, она, заикаясь, говорила своей бабушке:

— Я забежала только на минутку. Муж очень болен. Ему доктор велел каждый день натираться коньяком, а это так дорого.

Бабушка была добрая, и на следующее же утро Олечка смогла купить себе шляпу, пояс и перчатки, подходящие к характеру воротничка.

Следующие дни были ещё тяжелее.

Она бегала по всем родным и знакомым, лгала и выклянчивала деньги, а потом купила безобразный полосатый диван, от которого тошнило и её, и честного мужа, и старую вороватую кухарку, но которого уже несколько дней настойчиво требовал воротничок.

Она стала вести странную жизнь. Не свою. Воротничковую жизнь. А воротничок был какого-то неясного, путаного стиля, и Олечка, угождая ему, совсем сбилась с толку.

— Если ты английский и требуешь, чтоб я ела сою, то зачем же на тебе жёлтый бант? Зачем это распутство, которого я не могу понять и которое толкает меня по наклонной плоскости?

Как существо слабое и бесхарактерное, она скоро опустила руки и поплыла по течению, которым ловко управлял подлый воротник.

Она обстригла волосы, стала курить и громко хохотала, если слышала какую-нибудь двусмысленность.

Где-то в глубине души ещё теплилось в ней сознание всего ужаса её положения, и иногда по ночам или даже днём, когда воротничок стирался, она рыдала и молилась, но не находила выхода.

Раз даже она решилась открыть всё мужу, но честный малый подумал, что она просто глупо пошутила, и, желая польстить, долго хохотал.

Так дело шло всё хуже и хуже.

Вы спросите, почему не догадалась она просто-напросто вышвырнуть за окно крахмальную дрянь?

Она не могла. Это не странно. Все психиатры знают, что для нервных и слабосильных людей некоторые страдания, несмотря на всю мучительность их, становятся необходимыми. И не променяют они эту сладкую муку на здоровое спокойствие ни за что на свете.

Итак, Олечка слабела всё больше и больше в этой борьбе, а воротник укреплялся и властвовал.

Однажды её пригласили на вечер.

Прежде она нигде не бывала, но теперь воротничок напялился на её шею и поехал в гости. Там он вёл себя развязно до неприличия и вертел её головой направо и налево.

За ужином студент, Олечкин сосед, пожал ей под столом ногу.

Олечка вся вспыхнула от негодования, но воротник за неё ответил:

— Только-то?

Олечка со стыдом и ужасом слушала и думала: «Господи! Куда я попала?!»

После ужина студент вызвался проводить её домой. Воротник поблагодарил и радостно согласился, прежде чем Олечка успела сообразить, в чём дело.

Едва сели на извозчика, как студент зашептал страстно:

— Моя дорогая!

А воротник пошло захихикал в ответ.

Тогда студент обнял Олечку и поцеловал прямо в губы. Усы у него были мокрые, и весь поцелуй дышал маринованной корюшкой, которую подавали за ужином.

Олечка чуть не заплакала от стыда и обиды, а воротник ухарски повернул её голову и снова хихикнул:

— Только-то?

Потом студент с воротником поехали в ресторан слушать румынов. Пошли в кабинет.

— Да ведь здесь нет никакой музыки! — возмущалась Олечка.

Но студент с воротником не обращали на неё никакого внимания. Они пили ликёр, говорили пошлости и целовались.

Вернулась Олечка домой уже утром. Двери ей открыл сам честный муж.

Он был бледен и держал в руках ломбардные квитанции, вытащенные из Олечкина стола.

— Где ты была? Я не спал всю ночь! Где ты была?

Вся душа у неё дрожала, но воротник ловко вёл свою линию.

— Где была? Со студентом болталась!

Честный муж пошатнулся.

— Оля! Олечка! Что с тобой! Скажи, зачем ты закладывала вещи? Зачем занимала у Сатовых и у Яниных? Куда ты девала деньги?

— Деньги? Профукала!

И, заложив руки в карманы, она громко свистнула, чего прежде никогда не умела. Да и знала ли она это дурацкое слово — «профукала»? Она ли это сказала?

Честный муж бросил её и перевёлся в другой город.

Но что горше всего, так это то, что на другой же день после его отъезда воротник потерялся в стирке.

Кроткая Олечка служит в банке.

Она так скромна, что краснеет даже при слове «омнибус», потому что оно похоже на «обнимусь».

— А где воротник? — спросите вы.

— А я-то почём знаю, — отвечу я. — Он был отдан прачке, с неё и спрашивайте.

Эх, жизнь!

Размышляем о прочитанном

1. Понравился ли вам рассказ «Жизнь и воротник» Тэффи?
2. Реалистична ли ситуация в рассказе?
3. На чём основывается юмор рассказа?

4. Рассмотрите страницы, посвящённые юмору, в книге «Читаем, думаем, спорим...» для 8 класса, расскажите о самых запоминающихся рисунках, историях, анекдотах.
5. Прочитайте самостоятельно рассказ Тэффи «Ностальгия» в книге «Читаем, думаем, спорим...» для 8 класса.

Творческое задание

Подготовьте художественный пересказ с включением лексики, диалогов, описания «поведения» воротника. Подумайте, в каких ещё рассказах вам встречалось такое «активное», человеческое поведение неодушевлённых предметов.

Фонохрестоматия

СЛУШАЕМ АКТЁРСКОЕ ЧТЕНИЕ

«Жизнь и воротник»

1. За счёт чего создаётся юмористическая ситуация в рассказе Тэффи «Жизнь и воротник»?
2. Какие интонации, паузы, логические ударения использует актриса Алина Покровская, чтобы подчеркнуть юмористический характер рассказа?
3. Почему воротник «требовал» всё новых и новых вещей? Как это объяснить?
4. Как дополняет рассказ музыка Ларисы Казаковой?
5. Что можно сказать о героине рассказа?
6. Как вы оцениваете финал рассказа?
7. Понравился ли вам юмор Тэффи? Помогло ли вам чтение актрисы Алины Покровской глубже прочувствовать иронию и грусть этого, казалось бы, смешного рассказа?

МИХАИЛ МИХАЙЛОВИЧ ЗОЩЕНКО

1894—1958

М. М. Зощенко родился в Полтаве в семье художника, окончил гимназию, поступил в Петербургский университет на юридический факультет, но, не закончив курса, отправился на фронт начавшейся Первой мировой войны. Литературной работой занялся с 1920 года. Он стоял за жизнеутверждающее искусство,

показывающее гармоничного, сильного и красивого человека. Его обращение к юмористическим рассказам было продиктовано необходимостью борьбы за такого человека. Разоблачение мещанства, пошлости, скудоумия, духовной нищеты стало главной целью его творчества. Маска простодушного, невежественного рассказчика создана Зощенко с поистине великим искусством. Из «литературных традиций» критика неизменно выделяла гоголевскую, но при этом имелся в виду Гоголь «Вечеров на хуторе близ Диканьки».

Среди произведений Зощенко — рассказы, повести, пьесы. Лучшая часть обширного наследия Зощенко, в особенности его юмористическая и сатирическая новеллистика, принадлежит к литературной классике.

А. Павловский

Творческое задание

★ Используя материалы биографических словарей и ресурсы Интернета, подготовьте сообщение о жизни и творчестве М. М. Зощенко.

* * *

Прочитайте самостоятельно рассказ М. Зощенко «История болезни». Подумайте, что высмеивает писатель. Какие приёмы помогают обнажить абсурдность происходящего с героем произведения? Подготовьте художественный пересказ, т. е. пересказ с максимальным использованием художественных особенностей произведения.

История болезни

Откровенно говоря, я предпочитаю хворать дома.

Конечно, слов нет, в больнице, может быть, светлей и культурней. И калорийность пищи, может быть, у них более предусмотрена. Но, как говорится, дома и солома едома.

А в больницу меня привезли с брюшным тифом. Домашние думали этим облегчить мои неимоверные страдания.

Но только этим они не достигли цели, поскольку мне попалась какая-то особенная больница, где мне не всё понравилось.

Всё-таки только больного привезли, записывают его в книгу, и вдруг он читает на стене плакат: «Выдача трупов от 3-х до 4-х».

Не знаю, как другие больные, но я прямо закачался на ногах, когда прочёл это воззвание. Главное, у меня высокая температура, и вообще жизнь, может быть, еле теплится в моём организме, может быть, она на волоске висит — и вдруг приходится читать такие слова.

Я сказал мужчине, который меня записывал:

— Что вы, говорю, товарищ фельдшер, такие пошлые надписи вывешиваете? Всё-таки, говорю, больным не доставляет интереса это читать.

Фельдшер, или как там его — лекпом, удивился, что я ему так сказал, и говорит:

— Глядите: больной, и еле он ходит, и чуть у него пар изо рту не идёт от жара, а тоже, говорит, наводит на всё самокритику. Если, говорит, вы поправитесь, что вряд ли, тогда и критикуйте, а не то мы действительно от трёх до четырёх выдадим вас в виде того, что тут написано, вот тогда будете знать.

Хотел я с этим лекпомом схлестнуться, но поскольку у меня была высокая температура, 39 и 8, то я с ним спорить не стал. Я только ему сказал:

— Вот погоди, медицинская трубка, я поправлюсь, так ты мне ответишь за своё нахальство. Разве, говорю, можно больным такие речи слушать? Это, говорю, морально подкашивает их силы.

Фельдшер удивился, что тяжелобольной так свободно с ним объясняется, и сразу замял разговор. И тут сестричка подскочила.

— Пойдёмте, говорит, больной, на обмывочный пункт.

Но от этих слов меня тоже передёрнуло.

— Лучше бы, говорю, называли не обмывочный пункт, а ванна. Это, говорю, красивей и возвышает больного. И я, говорю, не лошадь, чтоб меня обмывать.

Медсестра говорит:

— Даром что больной, а тоже, говорит, замечает всякие тонкости. Наверно, говорит, вы не выздоровеете, что во всё нос суёте.

Тут она привела меня в ванну и велела раздеваться.

И вот я стал раздеваться и вдруг вижу, что в ванне над водой уже торчит какая-то голова. И вдруг вижу, что

это как будто старуха в ванне сидит, наверно, из больных.

Я говорю сестре:

— Куда же вы меня, собаки, привели — в дамскую ванну? Тут, говорю, уже кто-то купается.

Сестра говорит:

— Да это тут одна больная старуха сидит. Вы на неё не обращайте внимания. У неё высокая температура, и она ни на что не реагирует. Так что вы раздевайтесь без смущения. А тем временем мы старуху из ванны вынем и набуровим вам свежей воды.

Я говорю:

— Старуха не реагирует, но я, может быть, ещё реагирую. И мне, говорю, определённо неприятно видеть то, что там у вас плавает в ванне.

Вдруг снова приходит лекпом.

— Я, говорит, первый раз вижу такого привередливого больного. И то ему, нахалу, не нравится, и это ему нехорошо. Умирающая старуха купается, и то он претензию выражает. А у неё, может быть, около сорока температуры, и она ничего в расчёт не принимает и всё видит как сквозь сито. И, уж во всяком случае, ваш вид не задержит её в этом мире лишних пять минут. Нет, говорит, я больше люблю, когда к нам больные поступают в бессознательном состоянии. По крайней мере тогда им всё по вкусу, всем они довольны и не вступают с нами в научные пререкания.

Тут купающаяся старуха подаёт голос:

— Вынимайте, говорит, меня из воды, или, говорит, я сама сейчас выйду и всех тут вас распатроню.

Тут они занялись старухой и мне велели раздеваться.

И пока я раздевался, они моментально напустили горячей воды и велели мне туда сесть.

И, зная мой характер, они уже не стали спорить со мной и старались во всём поддакивать. Только после купанья они дали мне огромное, не по моему росту, бельё. Я думал, что они нарочно от злобы подбросили мне такой комплект не по мерке, но потом я увидел, что у них это — нормальное явление. У них маленькие больные, как правило, были в больших рубахах, а большие — в маленьких.

И даже мой комплект оказался лучше, чем другие. На моей рубахе больничное клеймо стояло на рукаве и не портило общего вида, а на других больных клейма стояли у кого на спине, а у кого на груди, и это морально унижало человеческое достоинство.

Но поскольку у меня температура всё больше повышалась, то я и не стал об этих предметах спорить.

А положили меня в небольшую палату, где лежало около тридцати разного сорта больных. И некоторые, видать, были тяжелобольные. А некоторые, наоборот, поправлялись. Некоторые свистели. Другие играли в пешки. Третьи шлялись по палатам и по складам читали, чего написано над изголовьем.

Я говорю сестрице:

— Может быть, я попал в больницу для душевнобольных, так вы так и скажите. Я, говорю, каждый год в больницах лежу, и никогда ничего подобного не видел. Всюду тишина и порядок, а у вас что базар.

Та говорит:

— Может быть, вас прикажете положить в отдельную палату и приставить к вам часового, чтоб он от вас мух и блох отгонял?

Я поднял крик, чтоб пришёл главный врач, но вместо него вдруг пришёл этот самый фельдшер. А я был в ослабленном состоянии. И при виде его я окончательно потерял своё сознание.

Только очнулся я, наверно, так думаю, дня через три.

Сестричка говорит мне:

— Ну, говорит, у вас прямо двужильный организм. Вы, говорит, скрозь все испытания прошли. И даже мы вас случайно положили около открытого окна, и то вы неожиданно стали поправляться. И теперь, говорит, если вы не заразитесь от своих соседних больных, то, говорит, вас можно будет чистосердечно поздравить с выздоровлением.

Однако организм мой не поддался больше болезням, и только я единственно перед самым выходом захворал детским заболеванием — коклюшем.

Сестричка говорит:

— Наверно, вы подхватили заразу из соседнего флигеля. Там у нас детское отделение. И вы, наверно, неосторожно покушали из прибора, на котором ел коклюшный ребёнок. Вот через это вы и прихворнули.

В общем, вскоре организм взял своё, и я снова стал поправляться. Но когда дело дошло до выписки, то я и тут, как говорится, настрадался и снова захворал, на этот раз нервным заболеванием. У меня на нервной почве на коже пошли мелкие прыщики вроде сыпи. И врач сказал: «Перестаньте нервничать, и это у вас со временем пройдёт».

А я нервничал просто потому, что они меня не выписывали. То они забывали, то у них чего-то не было, то кто-то не пришёл и нельзя было отметить. То, наконец, у них началось движение жён больных, и весь персонал с ног сбился. Фельдшер говорит:

— У нас такое переполнение, что мы прямо не поспеваем больных выписывать. Вдобавок у вас только восемь дней перебор, и то вы поднимаете тарарам. А у нас тут некоторые выздоровевшие по три недели не выписываются, и то они терпят.

Но вскоре они меня выписали, и я вернулся домой.

Супруга говорит:

— Знаешь, Петя, неделю назад мы думали, что ты отправился в загробный мир, поскольку из больницы пришло извещение, в котором говорится: «По получении сего срочно явитесь за телом вашего мужа».

Оказывается, моя супруга побежала в больницу, но там извинились за ошибку, которая у них произошла в бухгалтерии. Это у них скончался кто-то другой, а они почему-то подумали на меня. Хотя я к тому времени был здоров, и только меня на нервной почве закидало прыщами. В общем, мне почему-то стало неприятно от этого происшествия, и я хотел побежать в больницу, чтоб с кем-нибудь там побраниться, но как вспомнил, что у них там бывает, так, знаете, и не пошёл.

И теперь хвораю дома.

Размышляем о прочитанном

1. Против чего направлен пафос рассказа «История болезни»?
2. Найдите эпизоды, показывающие абсурдность происходящего.
3★. Подумайте, как правильнее назвать рассказ М. Зощенко — юмористическим или сатирическим. Обоснуйте свою точку зрения.

Творческое задание

1. Попробуйте написать небольшой рассказ на любую тему из школьной жизни, используя особенности юмора Зощенко или Тэффи.
2. Подготовьте отзыв на рассказ Зощенко или Тэффи (на выбор).
3. Рассмотрите рисунки датского художника Х. Бидструпа в книге «Читаем, думаем, спорим...» для 8 класса, напишите рассказы к его графическим сюжетам «Криминальный роман», «Бацилла смеха», «Поэт», «Комикс» (на выбор).

Обогащаем свою речь

Объясните слова и словосочетания, введите их в свою разговорную речь: *властвуй, застенчивый характер, преданно, бесхарактерный, теплилось сознание, негодование, хворать.*

Фонохрестоматия

СЛУШАЕМ АКТЁРСКОЕ ЧТЕНИЕ

Грустная история — герой рассказа заболел, попал в больницу, где всё странно и печально...

1. Как вы думаете, чего больше — грустного или смешного — в рассказе?
2. На что особенно обращают внимание писатель М. Зощенко и чтец Анатолий Вологдин?
3. Чем возмущается герой рассказа «История болезни»? Каких интонаций требуют его вопросы — возмущения, недоумения? Как они звучат в чтении актёра?
4. С каким заболеванием привезли рассказчика в больницу и что постоянно удивляло его там?
5. Как читает Анатолий Вологдин вопросы, обращённые к медицинским работникам, и как актёр воспроизводит их ответы? Почему медработники недовольны больным?
6. К какому выводу пришёл наш герой? Как вы считаете, что преобладает в рассказе — юмор или сатира?
7. Постарайтесь подготовить выразительное чтение рассказа, интонационно выделив юмористические, сатирические и драматические эпизоды.

Александр Трифонович ТВАРДОВСКИЙ

1910—1971

Жизнь народа на крутых переломах и поворотах его истории — основное содержание творчества Твардовского. Поэт всюду идёт по горячим следам современности. В его «простых и грешных» героях проступают черты характера народа: его простота и трудолюбие, общительность и гуманность, острый ум и меткая речь, неафишируемая готовность к подвигу, духовное здоровье... Все эти качества внушают поэту и читателям прочную веру в этот народ, составляют основу того исторического оптимизма, которым просветлена вся поэзия Твардовского. Из всех произведений поэта именно «Василий Тёркин» полнее всего воплощает в себе эти качества...

Большие эпические произведения Твардовского («Страна Муравия», «Дом у дороги», «За далью — даль», «Тёркин на том свете») имеют между собой много общего. Их отличает острота и точность наблюдений, народный юмор, лиризм. Стих — простой, лёгкий — создаёт впечатление необыкновенной и, можно сказать, вовсе не стихотворной естественности выразительной разговорной речи.

События эпохального значения показываются в рамках наблюдения и опыта крестьянина-единоличника Никиты Моргунка («Страна Муравия»), боевых действий и быта воинского подразделения, где служит Тёркин. Послевоенная поэма «За далью — даль» рассказывает о значительных событиях и процессах народной жизни, наблюдаемых поэтом в его путешествиях по стране. Поэма «Василий Тёркин» посвящена Великой Отечественной войне.

Помимо Тёркина, поэма Твардовского «населена» множеством эпизодических лиц: офицеры, солдаты, деревенские дед

и баба и др. Все они составляют народ, единство которого с армией в грозовые годы ощущается во многих местах поэмы и определено формулой «народ — родные души».

Книга Твардовского органически срослась со своим временем. Война была подвигом всего народа, боровшегося за правое дело. Литературные качества книги неоценимы. Её отличают удивительная, почти зримая образность, психологическая убедительность, точность художественной детали, речевая выразительность. Поэтический язык Твардовского прост и естествен, включает много разговорных элементов.

Рифма Твардовского большей частью бесхитростна и проста. Среди рифм много оригинальных («Из Казани» — «сказали», «за стол» — «простой», «ехать» — «от смеха»). В то же время его отличает высокая культура стиха, мастерское использование мелодических, ритмических средств в изобразительных целях. Поэме свойственно богатство звукописи — аллитераций [1].

Традиция народного творчества определилась в пословичности, афористичности, меткости формулировок («Не гляди, что на груди, а гляди, что впереди», «Береги солдат солдата», «Ради жизни на земле»).

Историко-литературную судьбу «Василия Тёркина» называют счастливой и в читательском восприятии, и в литературной критике. Особенно дорога была книга про бойца бывшим фронтовикам. Солдат Великой Отечественной войны узнавал в Тёркине себя. «С нетерпением ожидают бойцы и командиры прибытия газеты с новыми главами Вашей поэмы», — писали фронтовики Твардовскому.

А. Гришунин

?! Проверьте себя

1. Какие произведения Твардовского вам известны? Расскажите о них и о том, что вы знаете о жизни писателя.
2. Каково отношение Твардовского к истории нашей страны?
3. Что рассказывает литературовед А. Гришунин о художественных особенностях поэмы «Василий Тёркин» — рифме, языке, героях?

Прочитайте поэму, сравните свои впечатления от прочитанного с рассуждениями исследователя творчества А. Т. Твардовского.

---

[1] См.: Краткий словарь литературоведческих терминов в конце учебника.

Василий Тёркин

Главы из поэмы

От автора

На войне, в пыли походной,
В летний зной и в холода
Лучше нет простой, природной —
Из колодца, из пруда,
Из трубы водопроводной,
Из копытного следа,
Из реки, какой угодно,
Из ручья, из-подо льда, —
Лучше нет воды холодной,
Лишь вода была б — вода.
На войне, в быту суровом,
В трудной жизни боевой,
На снегу, под хвойным кровом,
На стоянке полевой, —
Лучше нет простой, здоровой,
Доброй пищи фронтовой.

Важно только, чтобы повар
Был бы повар — парень свой;
Чтобы числился недаром,
Чтоб подчас не спал ночей, —
Лишь была б она с наваром
Да была бы с пылу, с жару —
Подобрей, погорячей;
Чтоб идти в любую драку,
Силу чувствуя в плечах,
Бодрость чувствуя.
Однако
Дело тут не только в щах.

Жить без пищи можно сутки,
Можно больше, но порой
На войне одной минутки
Не прожить без прибаутки,
Шутки самой немудрой.
Не прожить, как без махорки,
От бомбёжки до другой

А. Т. Твардовский. «Василий Тёркин».
Художник О. Верейский

Без хорошей поговорки
Или присказки какой, —

Без тебя, Василий Тёркин,
Вася Тёркин — мой герой.
А всего иного пуще
Не прожить наверняка —
Без чего? Без правды сущей,
Правды, прямо в душу бьющей,
Да была б она погуще,
Как бы ни была горька.

Что ж ещё?.. И всё, пожалуй.
Словом, книга про бойца
Без начала, без конца.

Почему так — без начала?
Потому, что сроку мало
Начинать её сначала.

Почему же без конца?
Просто жалко молодца.

С первых дней годины горькой,
В тяжкий час земли родной
Не шутя, Василий Тёркин,
Подружились мы с тобой.

Я забыть того не вправе,
Чем твоей обязан славе,
Чем и где помог ты мне.
Делу время, час забаве,
Дорог Тёркин на войне.

Как же вдруг тебя покину?
Старой дружбы верен счёт.

Словом, книгу с середины
И начнём. А там пойдёт.

На привале

— Дельный, что и говорить,
Был старик тот самый,
Что придумал суп варить
На колёсах прямо.
Суп — во-первых. Во-вторых,
Кашу в норме прочной.
Нет, старик он был старик
Чуткий — это точно.

Слышь, подкинь ещё одну
Ложечку, такую,
Я вторую, брат, войну
На веку воюю.
Оцени, добавь чуток.

Покосился повар:
«Ничего себе едок —
Парень этот новый».
Ложку лишнюю кладёт,
Молвит несердито:
— Вам бы, знаете, во флот
С вашим аппетитом.

А. Т. Твардовский. «Василий Тёркин». *Художник О. Верейский*

Тот: — Спасибо. Я как раз
Не бывал во флоте.
Мне бы лучше вроде вас,
Поваром в пехоте. —
И, усевшись под сосной,
Кашу ест, сутулясь.

«Свой?» — бойцы между собой, —
«Свой!» — переглянулись.

И уже, пригревшись, спал
Крепко полк усталый.
В первом взводе сон пропал,
Вопреки уставу.
Привалясь к стволу сосны,
Не щадя махорки,
На войне насчёт войны
Вёл беседу Тёркин.

— Вам, ребята, с серединки
Начинать. А я скажу:
Я не первые ботинки
Без починки здесь ношу.
Вот вы прибыли на место,
Ружья в руки — и воюй.

А кому из вас известно,
Что такое сабантуй[1]?

— Сабантуй — какой-то праздник?
Или что там — сабантуй?

— Сабантуй бывает разный,
А не знаешь — не толкуй.
Вот под первою бомбёжкой
Полежишь с охоты в лёжку,
Жив остался — не горюй:
Это — малый сабантуй.

Отдышись, покушай плотно,
Закури и в ус не дуй.
Хуже, брат, как миномётный
Вдруг начнётся сабантуй.
Тот проймёт тебя поглубже, —
Землю-матушку целуй.
Но имей в виду, голубчик,
Это — средний сабантуй.

Сабантуй — тебе наука,
Враг лютует — сам лютуй.
Но совсем иная штука
Это — главный сабантуй.

Парень смолкнул на минуту,
Чтоб прочистить мундштучок,
Словно исподволь кому-то
Подмигнул: держись, дружок...

— Вот ты вышел спозаранку,
Глянул — в пот тебя и в дрожь:
Прут немецких тыща танков...
— Тыща танков? Ну, брат, врёшь.

— А с чего мне врать, дружище?
Рассуди — какой расчёт?
— Но зачем же сразу — тыща?
— Хорошо. Пускай пятьсот.

---

[1] *Сабантуй* — праздник у татар и башкир после окончания весенних полевых работ.

— Ну, пятьсот. Скажи по чести,
Не пугай, как старых баб.
— Ладно. Что там триста, двести —
Повстречай один хотя б...

— Что ж, в газетке лозунг точен:
Не беги в кусты да в хлеб.
Танк — он с виду грозен очень,
А на деле глух и слеп.

— То-то слеп. Лежишь в канаве,
А на сердце маята:
Вдруг как сослепу задавит, —
Ведь не видит ни черта.

Повторить согласен снова:
Что не знаешь — не толкуй.
Сабантуй — одно лишь слово —
Сабантуй!.. Но сабантуй
Может в голову ударить,
Или, попросту, в башку.
Вот у нас один был парень...
Дайте, что ли, табачку,

Балагуру смотрят в рот,
Слово ловят жадно.
Хорошо, когда кто врёт
Весело и складно.

В стороне лесной, глухой,
При лихой погоде,
Хорошо, как есть такой
Парень на походе.

И несмело у него
Просят: — Ну-ка, на ночь
Расскажи ещё чего,
Василий Иваныч...

Ночь глуха, земля сыра.
Чуть костёр дымится.
— Нет, ребята, спать пора,
Начинай стелиться.

К рукаву припав лицом,
На пригретом взгорке

Меж товарищей-бойцов
Лёг Василий Тёркин.

Тяжела, мокра шинель,
Дождь работал добрый.
Крыша — небо, хата — ель,
Корни жмут под рёбра.

Но не видно, чтобы он
Удручён был этим,
Чтобы сон ему не в сон
Где-нибудь на свете.

Вот он полы подтянул,
Укрывая спину,
Чью-то тёщу помянул,
Печку и перину.

И приник к земле сырой,
Одолён истомой,
И лежит он, мой герой,
Спит себе, как дома.

Спит — хоть голоден, хоть сыт,
Хоть один, хоть в куче.
Спать за прежний недосып,
Спать в запас научен.

И едва ль герою снится
Всякой ночью тяжкий сон:
Как от западной границы
Отступал к востоку он;

Как прошёл он, Вася Тёркин,
Из запаса рядовой,
В просолённой гимнастёрке
Сотни вёрст земли родной.

До чего земля большая,
Величайшая земля.
И была б она чужая,
Чья-нибудь, а то — своя.

Спит герой, храпит — и точка.
Принимает всё, как есть.

Ну, своя — так это ж точно.
Ну, война — так я же здесь.

Спит, забыв о трудном лете.
Сон, забота, не бунтуй.
Может, завтра на рассвете
Будет новый сабантуй.

Спят бойцы, как сон застал,
Под сосною впóкат.
Часовые на постах
Мокнут одиноко.

Зги не видно. Ночь вокруг.
И бойцу взгрустнётся.
Только что-то вспомнит вдруг,
Вспомнит, усмехнётся.

И как будто сон пропал,
Смех прогнал зевоту.

— Хорошо, что он попал,
Тёркин, в нашу роту.

* * *

Тёркин — кто же он такой?
Скажем откровенно:
Просто парень сам собой
Он обыкновенный.

Впрочем, парень хоть куда.
Парень в этом роде
В каждой роте есть всегда,
Да и в каждом взводе.

И чтоб знали, чем силён,
Скажем откровенно:
Красотою наделён
Не был он отменной.

Не высок, не то чтоб мал,
Но герой — героем.
На Карельском воевал —
За рекой Сестрою.

И не знаем почему, —
Спрашивать не стали, —
Почему тогда ему
Не дали медали.

С этой темы повернём,
Скажем для порядка:
Может, в списке наградном
Вышла опечатка.

Не гляди, что на груди,
А гляди, что впереди!

В строй с июня, в бой с июля,
Снова Тёркин на войне.

— Видно, бомба или пуля
Не нашлась ещё по мне.

Был в бою задет осколком,
Зажило — и столько толку.
Трижды был я окружён,
Трижды — вот он! — вышел вон.

И хоть было беспокойно —
Оставался невредим
Под огнём косым, трёхслойным,
Под навесным и прямым.

И не раз в пути привычном,
У дорог, в пыли колонн,
Был рассеян я частично,
А частично истреблён...

Но, однако,
Жив вояка,
К кухне — с места, с места — в бой.
Курит, ест и пьёт со смаком
На позиции любой.

Как ни трудно, как ни худо —
Не сдавай, вперёд гляди.

Это присказка покуда,
Сказка будет впереди. <...>

Переправа

Переправа, переправа!
Берег левый, берег правый.
Снег шершавый, кромка льда...

Кому память, кому слава,
Кому тёмная вода, —
Ни приметы, ни следа.

Ночью, первым из колонны,
Обломав у края лёд,
Погрузился на понтоны
Первый взвод.

Погрузился, оттолкнулся
И пошёл. Второй за ним.
Приготовился, пригнулся
Третий следом за вторым.

Как плоты, пошли понтоны,
Громыхнул один, другой
Басовым, железным тоном,
Точно крыша под ногой.

И плывут бойцы куда-то,
Притаив штыки в тени.
И совсем свои ребята
Сразу — будто не они,

Сразу будто не похожи
На своих, на тех ребят:
Как-то всё дружней и строже,
Как-то всё тебе дороже
И родней, чем час назад...

Поглядеть — и впрямь — ребята!
Как, по правде, желторот,
Холостой ли он, женатый,
Этот стриженый народ.

Но уже идут ребята,
На войне живут бойцы,
Как когда-нибудь в двадцатом
Их товарищи — отцы.

Тем путём идут суровым,
Что и двести лет назад
Проходил с ружьём кремнёвым
Русский труженик-солдат.

Мимо их висков вихрастых,
Возле их мальчишьих глаз
Смерть в бою свистела часто
И минет ли в этот раз?

Налегли, гребут, потея,
Управляются с шестом.
А вода ревёт правее —
Под подорванным мостом.
Вот уже на середине
Их относит и кружит...

А вода ревёт в теснине,
Жухлый[1] лёд в куски крошит,
Меж погнутых балок фермы
Бьётся в пене и в пыли...

А уж первый взвод, наверно,
Достаёт шестом земли.

Позади шумит протока[2],
И кругом — чужая ночь.
И уже он так далёко,
Что ни крикнуть, ни помочь...

И чернеет там зубчатый,
За холодною чертой,
Неподступный, непочатый
Лес над чёрною водой.

Переправа, переправа!
Берег правый, как стена...
Этой ночи след кровавый
В море вынесла волна.

Было так: из тьмы глубокой,
Огненный взметнув клинок,

---

[1] *Жу́хлый* — потерявший яркость, свежесть.
[2] *Прото́ка* — рукав реки.

А. Т. Твардовский. «Василий Тёркин». *Художник О. Верейский*

Луч прожектора протоку
Пересёк наискосок.

И столбом поставил воду
Вдруг снаряд. Понтоны — в ряд.
Густо было там народу —
Наших стриженых ребят...

И увиделось впервые,
Не забудется оно:
Люди тёплые, живые
Шли на дно, на дно, на дно...

Под огнём неразбериха —
Где свои, где кто, где связь?

Только вскоре стало тихо —
Переправа сорвалась.

И покамест неизвестно,
Кто там робкий, кто герой,
Кто там парень расчудесный,
А наверно, был такой.

Переправа, переправа...
Темень, холод. Ночь как год.

Но вцепился в берег правый,
Там остался первый взвод.

И о нём молчат ребята
В боевом родном кругу,
Словно чем-то виноваты
Кто на левом берегу.

Не видать конца ночлегу,
За ночь грудою взялась[1]
Пополам со льдом и снегом
Перемешанная грязь.

И, усталая с похода,
Что б там ни было, — жива,
Дремлет, скорчившись, пехота,
Сунув руки в рукава.

Дремлет, скорчившись, пехота,
И в лесу, в ночи глухой
Сапогами пахнет, потом,
Мёрзлой хвоей и махрой.

Чутко дышит берег этот
Вместе с теми, что на том
Под обрывом ждут рассвета,
Греют землю животом, —
Ждут рассвета, ждут подмоги,
Духом падать не хотят.

Ночь проходит, нет дороги
Ни вперёд и ни назад...

А быть может, там с полночи
Порошит снежок им в очи,
И уже давно
Он не тает в их глазницах
И пыльцой лежит на лицах, —
Мёртвым всё равно.

Стужи, холода не слышат,
Смерть за смертью не страшна,
Хоть ещё паёк им пишет
Первой роты старшина.

---

[1] *Взялáсь* — здесь: крепко, плотно слежалась, смёрзлась.

Старшина паёк им пишет,
А по почте полевой
Не быстрей идут, не тише
Письма старые домой,

Что ещё ребята сами
На привале, при огне,
Где-нибудь в лесу писали
Друг у друга на спине...

Из Рязани, из Казани,
Из Сибири, из Москвы —
Спят бойцы.
Своё сказали
И уже навек правы.

И тверда, как камень, груда,
Где застыли их следы...

Может — так, а может — чудо?
Хоть бы знак какой оттуда,
И беда б за полбеды.

Долги ночи, жёстки зори
В ноябре — к зиме седой.

Два бойца сидят в дозоре
Над холодною водой.

То ли снится, то ли мнится,
Показалось что невесть,
То ли иней на ресницах,
То ли вправду что-то есть?

Видят — маленькая точка
Показалась вдалеке:
То ли чурка, то ли бочка
Проплывает по реке?

— Нет, не чурка и не бочка —
Просто глазу маята.
— Не пловец ли одиночка?
— Шутишь, брат. Вода не та!
— Да, вода... Помыслить страшно.
Даже рыбам холодна.

— Не из наших ли вчерашних
Поднялся какой со дна?..

Оба разом присмирели.
И сказал один боец:
— Нет, он выплыл бы в шинели,
С полной выкладкой, мертвец.

Оба здорово продрогли,
Как бы ни было, — впервой.

Подошёл сержант с биноклем,
Присмотрелся: нет, живой.
— Нет, живой. Без гимнастёрки.
— А не фриц? Не к нам ли в тыл?
— Нет. А может, это Тёркин? —
— Кто-то робко пошутил.

— Стой, ребята, не соваться.
Толку нет спускать понтон.
— Разрешите попытаться?

Что пытаться?
— Братцы, — он!

И, у заберегов[1] корку
Ледяную обломав,
Он как он, Василий Тёркин,
Встал живой, — добрался вплавь.

Гладкий, голый, как из бани,
Встал, шатаясь тяжело.
Ни зубами, ни губами
Не работает — свело.

Подхватили, обвязали,
Дали валенки с ноги.
Пригрозили, приказали —
Можешь, нет ли, а беги.

Под горой, в штабной избушке,
Парня тотчас на кровать

[1] *За́береги* — лёд, настывающий у берега в заморозки.

Положили для просушки,
Стали спиртом растирать.

Растирали, растирали...
Вдруг он молвит, как во сне:
— Доктор, доктор, а нельзя ли
Изнутри погреться мне,
Чтоб не всё на кожу тратить?

Дали стопку — начал жить,
Приподнялся на кровати:
— Разрешите доложить...
Взвод на правом берегу
Жив-здоров назло врагу!
Лейтенант всего лишь просит
Огоньку туда подбросить.
А уж следом за огнём
Встанем, ноги разомнём,
Что там есть, перекалечим —
Переправу обеспечим...

Доложил по форме, словно
Тотчас плыть ему назад.

— Молодец, — сказал полковник, —
Молодец! Спасибо, брат.

И с улыбкою неробкой
Говорит тогда боец:
— А ещё нельзя ли стопку,
Потому как молодец?

Посмотрел полковник строго,
Покосился на бойца.
— Молодец, а будет много —
Сразу две.
— Так два ж конца...

Переправа, переправа!
Пушки бьют в кромешной мгле.

Бой идёт святой и правый,
Смертный бой не ради славы —
Ради жизни на земле.

О войне

Разрешите доложить
Коротко и просто:
Я большой охотник жить
Лет до девяноста.

А война — про всё забудь
И пенять не вправе.
Собирался в дальний путь,
Дан приказ: «Отставить!»

Грянул год, пришёл черёд,
Нынче мы в ответе
За Россию, за народ
И за всё на свете.

От Ивана до Фомы,
Мёртвые ль, живые,
Все мы вместе — это мы,
Тот народ, Россия.

И поскольку это мы,
То скажу вам, братцы,
Нам из этой кутерьмы
Некуда податься.

Тут не скажешь: я — не я,
Ничего не знаю,
Не докажешь, что твоя
Нынче хата с краю.

Невелик тебе расчёт
Думать в одиночку.
Бомба — дура. Попадёт
Сдуру прямо в точку.

На войне себя забудь,
Помни честь, однако,
Рвись до дела — грудь на грудь,
Драка — значит, драка.

И признать не премину,
Дам свою оценку,
Тут не то, что в старину, —
Стенкою на стенку.

Тут не то, что на кулак:
Поглядим, чей дюже, —
Я сказал бы даже так:
Тут гораздо хуже...

Ну, да что о том судить, —
Ясно всё до точки.
Надо, братцы, немца бить,
Не давать отсрочки.

Раз война — про всё забудь
И пенять не вправе,
Собирался в долгий путь,
Дан приказ: «Отставить!»

Сколько жил — на том конец,
От хлопот свободен.
И тогда ты — тот боец,
Что для боя годен.

И пойдёшь в огонь любой,
Выполнишь задачу.
И глядишь — ещё живой
Будешь сам в придачу.

А застигнет смертный час,
Значит, номер вышел.
В рифму что-нибудь про нас
После нас напишут.

Пусть привруг хоть во сто крат,
Мы к тому готовы,
Лишь бы дети, говорят,
Были бы здоровы...

О награде

— Нет, ребята, я не гордый.
Не загадывая вдаль,
Так скажу: зачем мне орден?
Я согласен на медаль.

На медаль. И то не к спеху.
Вот закончили б войну,

Вот бы в отпуск я приехал
На родную сторону.

Буду ль жив ещё? — Едва ли.
Тут воюй, а не гадай.
Но скажу насчёт медали:
Мне её тогда подай.

Обеспечь, раз я достоин.
И понять вы все должны:
Дело самое простое —
Человек пришёл с войны.

Вот пришёл я с полустанка
В свой родимый сельсовет.
Я пришёл, а тут гулянка.
Нет гулянки? Ладно, нет.

Я в другой колхоз и в третий —
Вся округа на виду.
Где-нибудь я в сельсовете
На гулянку попаду.

И, явившись на вечёрку,
Хоть не гордый человек,
Я б не стал курить махорку,
А достал бы я «Казбек».

И сидел бы я, ребята,
Там как раз, друзья мои,
Где мальцом под лавку прятал
Ноги босые свои.

И дымил бы папиросой,
Угощал бы всех вокруг.
И на всякие вопросы
Отвечал бы я не вдруг.

— Как, мол, что? — Бывало всяко.
— Трудно всё же? — Как когда.
— Много раз ходил в атаку?
— Да, случалось иногда.

И девчонки на вечёрке
Позабыли б всех ребят,

Только слушали б девчонки,
Как ремни на мне скрипят.

И шутил бы я со всеми,
И была б меж них одна...
И медаль на это время
Мне, друзья, вот так нужна!

Ждёт девчонка, хоть не мучай,
Слова, взгляда твоего...

— Но, позволь, на этот случай
Орден тоже ничего?
Вот сидишь ты на вечёрке,
И девчонка — самый цвет.

— Нет, — сказал Василий Тёркин
И вздохнул. И снова: — Нет.
Нет, ребята. Что там орден.
Не загадывая вдаль,
Я ж сказал, что я не гордый,
Я согласен на медаль.

* * *

Тёркин, Тёркин, добрый малый,
Что тут смех, а что печаль.
Загадал ты, друг, немало,
Загадал далёко вдаль.

Были листья, стали почки,
Почки стали вновь листвой.
А не носит писем почта
В край родной смоленский твой.

Где девчонки, где вечёрки?
Где родимый сельсовет?
Знаешь сам, Василий Тёркин,
Что туда дороги нет.
Нет дороги, нету права
Побывать в родном селе.

Страшный бой идёт кровавый,
Смертный бой не ради славы,
Ради жизни на земле. <...>

От автора

«Светит месяц, ночь ясна,
Чарка выпита до дна...»

Тёркин, Тёркин, в самом деле,
Час настал, войне отбой.
И как будто устарели
Тотчас оба мы с тобой.

И как будто оглушённый
В наступившей тишине,
Смолкнул я, певец смущённый,
Петь привыкший на войне.

В том беды особой нету:
Песня, стало быть, допета.
Песня новая нужна,
Дайте срок, придёт она.

Я сказать хотел иное,
Мой читатель, друг и брат,
Как всегда, перед тобою
Я, должно быть, виноват.

Больше б мог, да было к спеху,
Тем, однако, дорожи,
Что, случалось, врал для смеху,
Никогда не лгал для лжи.

И, по совести, порою
Сам вздохнул не раз, не два,
Повторив слова героя,
То есть Тёркина слова:

«Я не то ещё сказал бы, —
Про себя поберегу.
Я не так ещё сыграл бы, —
Жаль, что лучше не могу».

И хотя иные вещи
В годы мира у певца
Выйдут, может быть, похлеще
Этой книги про бойца, —

Мне она всех прочих боле
Дорога, родна до слёз,
Как тот сын, что рос не в холе,
А в годину бед и гроз...

С первых дней годины горькой,
В тяжкий час земли родной,
Не шутя, Василий Тёркин,
Подружились мы с тобой.

Я забыть того не вправе,
Чем твоей обязан славе,
Чем и где помог ты мне,
Повстречавшись на войне.

От Москвы, от Сталинграда
Неизменно ты со мной —
Боль моя, моя отрада,
Отдых мой и подвиг мой!

Эти строки и страницы —
Дней и вёрст особый счёт,
Как от западной границы
До своей родной столицы
И от той родной столицы
Вспять до западной границы,
А от западной границы
Вплоть до вражеской столицы
Мы свой делали поход.

Смыли вёсны горький пепел
Очагов, что грели нас.
С кем я не был, с кем я не пил
В первый раз, в последний раз...

С кем я только не был дружен
С первой встречи близ огня.
Скольким душам был я нужен,
Без которых нет меня.

Скольких их на свете нету,
Что прочли тебя, поэт,
Словно бедной книге этой
Много, много, много лет.

И сказать, помыслив здраво:
Что ей будущая слава!

Что ей критик, умник тот,
Что читает без улыбки,
Ищет, нет ли где ошибки, —
Горе, если не найдёт.

Не о том с надеждой сладкой
Я мечтал, когда украдкой
На войне, под кровлей шаткой,
По дорогам, где пришлось,
Без отлучки от колёс,
В дождь, укрывшись плащ-палаткой,
Иль зубами сняв перчатку
На ветру, в лютой мороз,
Заносил в свою тетрадку
Строки, жившие вразброс.

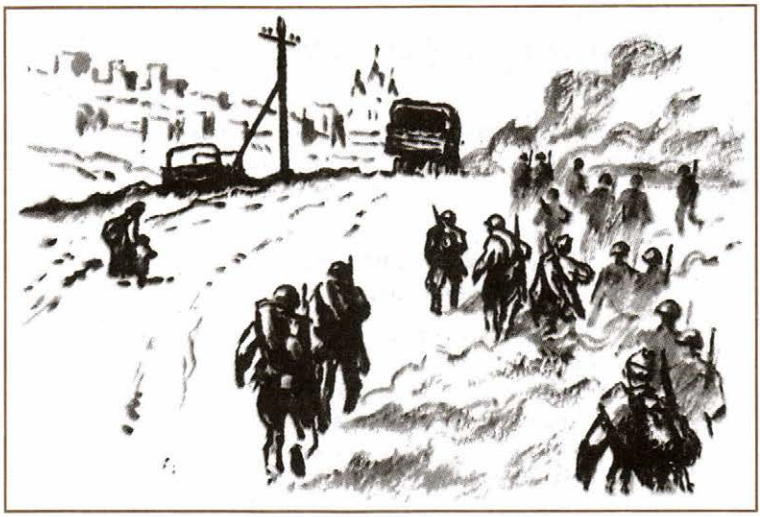
Я мечтал о сущем чуде:
Чтоб от выдумки моей
На войне живущим людям
Было, может быть, теплей,

Чтобы радостью нежданной
У бойца согрелась грудь,
Как от той гармошки драной,
Что случится где-нибудь.

Толку нет, что, может статься,
У гармошки за душой
Весь запас, что на два танца, —
Разворот зато большой.

И теперь, как смолкли пушки,
Предположим наугад,
Пусть нас где-нибудь в пивнушке
Вспомнит после третьей кружки
С рукавом пустым солдат;

Пусть в какой-нибудь каптёрке
У кухонного крыльца
Скажут в шутку: «Эй ты, Тёркин!» —
Про какого-то бойца;

А. Т. Твардовский. «Василий Тёркин». *Художник О. Верейский*

Пусть о Тёркине почтенный
Скажет важно генерал, —
Он-то скажет непременно, —
Что медаль ему вручал;

Пусть читатель вероятный
Скажет с книжкою в руке:
— Вот стихи, а всё понятно,
Всё на русском языке...

Я доволен был бы, право,
И — не гордый человек —
Ни на чью иную славу
Не сменю того вовек.

Повесть памятной годины,
Эту книгу про бойца,
Я и начал с середины
И закончил без конца

С мыслью, может, дерзновенной
Посвятить любимый труд
Павшим памяти священной,
Всем друзьям поры военной,
Всем сердцам, чей дорог суд.

1941—1945

Размышляем о прочитанном

1. Каким историческим событиям посвящены произведения Твардовского? О чём рассказывает читателю поэма «Василий Тёркин»?
2. Какова главная мысль главы «Переправа»? Как вы понимаете следующие строки?

Кому память, кому слава,
Кому тёмная вода,

Ни приметы, ни следа...

Тем путём идут суровым,
Что и двести лет назад
Проходил с ружьём кремнёвым
Русский труженик-солдат...

Переправа, переправа...
Пушки бьют в кромешной мгле.

Бой идёт святой и правый,
Смертный бой не ради славы —
Ради жизни на земле...

3. С какой целью в разных главах поэмы автор повторяет слова: *«Бой идёт святой и правый, / Смертный бой не ради славы — / Ради жизни на земле»*?
4. Что подчёркивает автор в характере героя в главе «О награде»?
5. В начальной главе «От автора» звучит гимн питьевой воде. Твардовский знал, как дорог солдату глоток воды. Что же поэт говорит о воде?

   В этой вводной главе поэт как бы набрасывает «темы», о чём будет рассказано подробно в поэме. Что это за «темы»?
6. В главе «На привале» поэт рассказывает о сабантуе. Что это такое? Как вы понимаете слова Твардовского о том, что Тёркин *Просто парень сам собой / Он обыкновенный*? Итак, Тёркин «обыкновенный». Так ли это? Ведь дальше автор рассказывает о том, что Тёркин много воевал, достоин медали, трижды был окружён, задет осколком, он мог легко подняться «с места — в бой». Что скрывается за авторским определением «обыкновенный»?
7. Можно ли сказать, что поэт показывает все тяготы войны?
8. Постарайтесь выстроить, опираясь на прочитанные главы поэмы, путь героя на войне: это и будни, и бой, и сабантуй, и труднейшая переправа и т. д. Показывая войну, жизнь героя, поэт знакомит читателя с военными буднями. Каковы они?
9. Прочитайте главы, не вошедшие в учебник, и подумайте над следующими вопросами: как показывает автор в главе «Гармонь» трудную дорогу солдата и те немногие радости, которые выпадают

на его долю в военные будни? Какие черты русского солдата открываются по мере преодоления фронтовой дороги?

10. Какие эпизоды главы «Два солдата» перекликаются с фольклорными произведениями?
11. Можно ли сказать, что в главе «Кто стрелял» писатель стремится показать наивысшее напряжение, которое испытывает солдат на фронте? Подтвердите свой ответ строками из этой главы.
12. Известно, что Василия Тёркина многие солдаты считали своим однополчанином и никогда не расставались с книгой. Чем это можно объяснить?
13. Подготовьте устный или письменный (на выбор) рассказ — характеристику Василия Тёркина.
14. Каково ваше отношение к иллюстрациям художника Ореста Верейского, насколько они близки вашему представлению об эпизодах поэмы?

Творческое задание

1. Характер Тёркина особый. Что его сближает с героями народных сказок, русскими богатырями Ильёй Муромцем, Алёшей Поповичем и др.?

   Литературовед пишет: «Тёркин прост, но вовсе не простоват, не беден духовно. Ему дана от природы тончайшая душевная чуткость и деликатность, „высшая интеллигентность сердца“. Его жизнелюбие, фееричная талантливость, широта, доброта, щедрость отдачи и умение быть „от скуки на все руки“ — качества, необходимые всем в тягчайшей боевой обстановке».

   Что вы могли бы добавить к этим словам исследователя о характере героя? Какими эпизодами можно подтвердить эти слова?
2. «Энциклопедия войны». Книга Твардовского, при всей кажущейся простоте, — произведение высокой смысловой ёмкости. Как всякое значительное явление искусства, она правдиво отражает действительность и заставляет читателя вновь и вновь возвращаться к его герою, размышлять о войне, о жизни.

   В книге нет ни одной строки, которую хотелось бы пропустить или поправить, хотя после войны и после создания книги прошло много лет.

   В самом начале «Книги про бойца» не случайно помещена поэтическая декларация жизненной необходимости «правды сущей» — этого главного принципа Твардовского...

   Какими главами, эпизодами, поступками и словами героев подтверждается мысль Твардовского о «правде сущей»? Напишите сочинение-рассуждение, отвечающее на этот вопрос.
3. В поэме, кроме Тёркина, есть ещё герой, который проходит через весь текст, — это автор. Образ автора является посредником между героем и читателем. Книга написана с глубоким уважением к «другу-читателю» (главы «О себе», «От автора» и др.). Каким вам пред-

ставляется автор, его отношение к войне, к солдатам? Подготовьте устное сообщение на эту тему.

4. Необыкновенные читатели. Неискушённые в литературе читатели и слушатели поэмы полагали, что герой списан Твардовским с реального лица, хотя сам поэт неоднократно писал: «Тёркин не есть лицо, списанное с натуры, а лицо, как говорится, обобщённое». Как вы понимаете эти слова поэта? Подготовьте развёрнутый устный ответ на этот вопрос.

Учимся читать выразительно

1. Найдите в поэме эпизоды — рассуждения автора — юмористические и грустные. Прочитайте вслух или расскажите наизусть этот текст.
2. Подготовьте выразительное чтение наизусть одной из глав «Василия Тёркина», чтение по ролям, инсценированное чтение (на выбор).

Фонохрестоматия

СЛУШАЕМ АКТЁРСКОЕ ЧТЕНИЕ

1. Какова главная мысль главы «Переправа»? Как бы вы прочитали строки?

Бой идёт святой и правый,
Смертный бой не ради славы —
Ради жизни на земле.

Как звучат эти слова в чтении Михаила Лебедева?

2. Найдите в прочитанном отрывке трагические и юмористические интонации.
3. Как вы понимаете строки?

Кому память, кому слава,
Кому тёмная вода...

И совсем свои ребята
Сразу — будто не они...

4. Какие чувства поэта передаёт актёр в последних строках отрывка из поэмы?
5. Выучите наизусть отрывок из главы «Переправа» и прочитайте его в классе.

СТИХИ И ПЕСНИ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ 1941—1945 ГОДОВ

Война. Страшное, жестокое время. Время тяжелейших испытаний, неимоверного напряжения всех сил народа, сражающегося против беспощадного врага.

До песен ли в такое тяжкое время? Оказалось, что поэзия, песня были необходимы в годы войны. До сих пор в торжественные дни юбилеев Победы в Великой Отечественной войне по радио и телевидению, а чаще во время семейных праздничных застолий звучат песни военных лет, грустные, задушевные, иногда даже весёлые. Чаще всего ветераны войны или люди, чья память сохранила картины военного лихолетья, слушают эти песни со слезами на глазах...

Самое удивительное, что большинство песен военных лет — это песни о любви. В первые дни войны нужны были призывы, лозунги, марши. И появилась призывно-торжественная песня «Священная война» на слова В. А. Лебедева-Кумача. Позже другие песни, с другой мелодией, иной интонацией становятся популярными по всей стране. Наибольшее признание получают песни в форме любовного послания: «Землянка» на слова Алексея Суркова и «Жди меня» — Константина Симонова. Секрет необыкновенного песенного успеха «Землянки», может быть, как раз в том, что она писалась не для публикации. Это письмо, частное, личное, интимное письмо к любимой женщине. Оно было написано сразу после того, как был закончен бой, смерть отступила. И воин спешит сказать любимой «о своей негасимой любви» и тем самым поблагодарить её, и жизнь, и судьбу. Оказавшись в ситуации, в которой бывали сотни тысяч солдат чуть ли не ежедневно, Сурков сказал то, что хотел бы сказать каждый солдат, поэтому «Землянку» сразу признали фронтовики.

Особое место в поэзии военных лет принадлежит Михаилу Васильевичу Исаковскому. Имя этого поэта достаточно известно среди любителей поэзии. Но его безымянная слава несравненно больше его известности. Ведь миллионы людей пели «Дан приказ ему на запад...», «В лесу прифронтовом...», «Враги сожгли родную хату», не зная имени автора. Они искренне грустили, вспоминая «старинный вальс „Осенний сон“», смахивали слезу

вместе с солдатом, который «нашёл... в широком поле травой заросший бугорок».

Самой популярной песней Исаковского стала «Катюша». Стихотворение «Катюша» было написано в 1938 году. Конец тридцатых годов. Сгущаются тучи над нашими западными границами. Становится ясно, что, защищая родную землю, вот-вот примет на себя первый удар воин в зелёной фуражке — пограничник. О пограничниках в эти годы Исаковский пишет несколько стихотворений, но всенародно любимой песней стала именно «Катюша». Почему? Скорее всего, потому, что в ней оказались счастливо сплавлены лучшие песенные качества — музыкальность стиха и простота сюжета, близкого и понятного многим: обращение девушки к возлюбленному, полное заботы о нём. Казалось бы, всем издавна знакомая сюжетная ситуация, гениально воспроизведённая ещё в «Слове о полку Игореве», когда Ярославна на стене древнего Путивля обращается к Солнцу и Ветру с просьбой помочь любимому Игорю. Исаковский повторил сюжет, но сделал это так, что стихи стали «своими», сокровенными для миллионов людей.

Тема любви в песенной поэзии Исаковского не всегда радостна, не всегда связана с символами цветущей природы. Тема любви, верности приобретает глубоко трагическое звучание в стихотворении «Враги сожгли родную хату». И это стихотворение получило самый широкий отклик у миллионов современников, ибо боль от утрат, от потерь близких, самых дорогих людей была поистине всеобщей.

Удивительная песенная музыкальность, мягкая лиричность интонаций были характерны для поэзии Алексея Фатьянова. «Стихи, которые он отдавал композитору, были уже почти песней, музыка уже жила и звучала в них где-то внутри поэтической строки», — писал о феноменальной песенности стихов Фатьянова поэт Михаил Матусовский. В 1942 году поэт Алексей Фатьянов и композитор Василий Соловьёв-Седой создают песни «На солнечной поляночке» и «Соловьи». Маршал Г. К. Жуков называл «Соловьёв» одной из лучших песен военной эпохи. Поэт-фронтовик Михаил Луконин вспоминал: «Как мы пели „Соловьи, соловьи...“! А как замечательно пел он сам [Фатьянов] — помню слёзы на глазах Твардовского».

Евгений Винокуров ушёл на войну, не закончив десятого класса. На фронте он был артиллеристом; о том, что он поэт, узнали уже после войны. Стихотворение «Москвичи», ставшее затем известной песней, было написано лишь в 1953 году. Это стихотворение — воспоминание о друзьях, которые уже никог-

да не вернутся с войны. Также из-за школьной парты ушёл на фронт и будущий поэт Булат Окуджава, который, как и все писатели-фронтовики, часто возвращался к теме войны в своём творчестве. Песня «Здесь птицы не поют» была написана через четверть века после окончания Великой Отечественной, но даже ветеранами войны воспринимается как подлинная, фронтовая.

Михаил ИСАКОВСКИЙ

Катюша

Расцветали яблони и груши,
Поплыли туманы над рекой.
Выходила на́ берег Катюша,
На высокий берег на крутой.

Выходила, песню заводила
Про степного сизого орла,
Про того, которого любила,
Про того, чьи письма берегла.

Ой ты, песня, песенка девичья,
Ты лети за ясным солнцем вслед
И бойцу на дальнем пограничье
От Катюши передай привет.

Пусть он вспомнит девушку простую,
Пусть услышит, как она поёт,
Пусть он землю бережёт родную,
А любовь Катюша сбережёт.

Расцветали яблони и груши,
Поплыли туманы над рекой.
Выходила на берег Катюша,
На высокий берег на крутой.

Фонохрестоматия

СЛУШАЕМ ИСПОЛНЕНИЕ ПЕСЕН

Михаил Исаковский. «Катюша»

Вы прочитали в классе стихотворение «Катюша». Сейчас вы можете послушать это стихотворение в исполнении Елены Габец и песню «Катюша» в исполнении Ларисы Казаковой.

1. Какие настроения и чувства передают стихотворение и песня (радостные, тревожные, печальные)? Как это отражено в исполнении Елены Габец и Ларисы Казаковой?
2. Выучите стихотворение наизусть. Подготовьте с одноклассниками исполнение песни.

Враги сожгли родную хату

Враги сожгли родную хату,
Сгубили всю его семью.
Куда ж теперь идти солдату,
Кому нести печаль свою?

Пошёл солдат в глубоком горе
На перекрёсток двух дорог,
Нашёл солдат в широком поле
Травой заросший бугорок.

Стоит солдат — и словно комья
Застряли в горле у него.
Сказал солдат: — Встречай, Прасковья,
Героя — мужа своего.

Готовь для гостя угощенье,
Накрой в избе широкий стол —
Свой день, свой праздник возвращенья
К тебе я праздновать пришёл...

Никто солдату не ответил,
Никто его не повстречал,
И только тёплый летний вечер
Траву могильную качал.

Вздохнул солдат, ремень поправил,
Раскрыл мешок походный свой,
Бутылку горькую поставил
На серый камень гробовой.

— Не осуждай меня, Прасковья,
Что я пришёл к тебе такой:
Хотел я выпить за здоровье,
А должен пить за упокой.

Сойдутся вновь друзья, подружки,
Но не сойтись вовеки нам...

И пил солдат из медной кружки
Вино с печалью пополам.

Он пил — солдат, слуга народа,
И с болью в сердце говорил:
— Я шёл к тебе четыре года,
Я три державы покорил...

Хмелел солдат, слеза катилась,
Слеза несбывшихся надежд,
И на груди его светилась
Медаль за город Будапешт.

Фонохрестоматия

СЛУШАЕМ ИСПОЛНЕНИЕ ПЕСЕН

Михаил Исаковский. «Враги сожгли родную хату»

Послушайте, как звучат стихотворение «Враги сожгли родную хату» в исполнении Сергея Сазонтьева и песня в исполнении Данилы Перова.

1. Какие чувства (печальные, скорбные, горестные) выразил М. Исаковский в стихотворении? Усиливаются ли эти чувства музыкой? Родной поэту Смоленск с лихвой испытал все тяготы Великой Отечественной войны. М. Исаковскому удалось в стихотворении «Враги сожгли родную хату» передать горе солдата, вернувшегося с войны к родному пепелищу. Многое пришлось пережить ему на войне, но ещё страшнее вернуться домой и не найти ни дома, ни родных. Это горе слышится в каждой строке, в каждой строфе, в каждом слове стихотворения. Постарайтесь понять и оценить это прекрасное произведение, выучить его наизусть, а исполнение песни и чтение актёра помогут вам в этом.
2. О чём рассказал солдат, о каком длинном пути?
3. Подготовьте выразительное чтение стихотворения.

Булат ОКУДЖАВА

Песенка о пехоте

Простите пехоте,
что так неразумна бывает она:
всегда мы уходим,
когда над землёю бушует весна.

И шагом неверным
по лестничке шаткой (спасения нет)...

Лишь белые вербы,
как белые сёстры, глядят тебе вслед.

Не верьте погоде,
когда затяжные дожди она льёт.
Не верьте пехоте,
когда она бравые песни поёт.
Не верьте, не верьте,
когда по садам закричат соловьи:
у жизни и смерти
ещё не окончены счёты свои.

Нас время учило:
живи по-походному, дверь отворя...
Товарищ мужчина,
а всё же заманчива доля твоя:
весь век ты в походе,
и только одно отрывает от сна:
чего ж мы уходим,
когда над землёю бушует весна?

* * *

Здесь птицы не поют,
деревья не растут,
и только мы, плечом к плечу,
врастаем в землю тут.
Горит и кружится планета,
над нашей родиною дым,
и, значит, нам нужна одна победа,
одна на всех, мы за ценой не постоим.
Нас ждёт огонь смертельный,
и всё ж бессилен он.
Сомненья прочь. Уходит в ночь отдельный,
десятый наш, десантный батальон.

Едва огонь угас —
звучит другой приказ,
и почтальон сойдёт с ума, разыскивая нас.
Взлетает красная ракета,
бьёт пулемёт неутомим,

и, значит, нам нужна одна победа,
одна на всех, мы за ценой не постоим.
Нас ждёт огонь смертельный,
и всё ж бессилен он.
Сомненья прочь. Уходит в ночь отдельный,
десятый наш, десантный батальон.

От Курска и Орла
война нас довела
до самых вражеских ворот... Такие, брат, дела.
Когда-нибудь мы вспомним это —
и не поверится самим,
а нынче нам нужна одна победа,
одна на всех, мы за ценой не постоим.
Нас ждёт огонь смертельный,
и всё ж бессилен он.
Сомненья прочь. Уходит в ночь отдельный,
десятый наш, десантный батальон.

Фонохрестоматия

СЛУШАЕМ ИСПОЛНЕНИЕ ПЕСЕН

Булат Окуджава. «Песенка о пехоте»

Послушайте стихотворный и песенный варианты «Песенки о пехоте» в исполнении Елены Габец и Николая Лазарева.

1. Как воспринимается текст стихотворения и песни — грустным, тревожным, трагическим?
2. Как и с каким настроением вы стали бы исполнять песню?
3. Когда же не надо верить пехоте?
4. Почему заманчива «должность» мужчины?
5. Как вы понимаете строки:

Не верьте пехоте,
когда она бравые песни поёт.

...чего ж мы уходим,
когда над землёю бушует весна?

6. Понравилось ли вам исполнение стихотворения и песни актёрами?
7. Вносит ли различие в содержание «Песенки о пехоте» исполнение её женщиной (актриса Елена Габец) и мужчиной (исполнитель песни — актёр Николай Лазарев)?
8. Подготовьте выразительное чтение стихотворения в классе.

Лев ОШАНИН

Дороги

Эх, дороги...
Пыль да туман,
Холода, тревоги
Да степной бурьян.
Знать не можешь
Доли своей:
Может, крылья сложишь
Посреди степей.

Вьётся пыль под сапогами
Степями, полями,
А кругом бушует пламя
Да пули свистят.

Эх, дороги...
Пыль да туман,
Холода, тревоги
Да степной бурьян.
Выстрел грянет,
Ворон кружит:
Твой дружок в бурьяне
Неживой лежит...

А дорога дальше мчится,
Пылится, клубится,
А кругом земля дымится,
Чужая земля.

Эх, дороги...
Пыль да туман,
Холода, тревоги
Да степной бурьян.
Край сосновый.
Солнце встаёт.
У крыльца родного
Мать сыночка ждёт.

И бескрайними путями,
Степями, полями,
Всё глядят вослед за нами
Родные глаза.

Эх, дороги...
Пыль да туман,
Холода, тревоги
Да степной бурьян.
Снег ли, ветер, —
Вспомним, друзья!..
Нам дороги эти
Позабыть нельзя.

Фонохрестоматия

СЛУШАЕМ ИСПОЛНЕНИЕ ПЕСЕН

Лев Ошанин. «Дороги»

1. Услышали ли вы различия в проявлении чувств, в чтении актёра и в пении?
2. Какова доля солдата? Почему нельзя позабыть эти дороги? Понравилось ли вам исполнение Ларисы Казаковой и Николая Лазарева? Чем? Какие слова повторяются в песне. Почему?
3. Как вы понимаете строки?

Знать не можешь
Доли своей...
Может, крылья сложишь
Посреди степей.

А кругом земля дымится,
Чужая земля.

4. Постарайтесь вместе с друзьями подготовить исполнение этой песни.

Алексей ФАТЬЯНОВ

Соловьи

Пришла и к нам на фронт весна.
Солдатам стало не до сна —
Не потому, что пушки бьют,
А потому, что вновь поют,
Забыв, что здесь идут бои,
Поют шальные соловьи.

Соловьи, соловьи, не тревожьте солдат,
Пусть солдаты немного поспят...

Но что война для соловья —
У соловья ведь жизнь своя.
Не спит солдат, припомнив дом
И сад зелёный над прудом,
Где соловьи всю ночь поют,
А в доме том солдата ждут.

Соловьи, соловьи, не тревожьте солдат,
Пусть солдаты немного поспят...

Ведь завтра снова будет бой.
Уж так назначено судьбой,
Чтоб нам уйти, не долюбив,
От наших жён, от наших нив.
Но с каждым шагом в том бою
Нам ближе дом в родном краю.

Соловьи, соловьи, не тревожьте солдат,
Пусть солдаты немного поспят,
Немного пусть поспят...

Фонохрестоматия

СЛУШАЕМ ИСПОЛНЕНИЕ ПЕСЕН

Алексей Фатьянов. «Соловьи»

1. Почему солдатам стало не до сна?
2. Что вспоминается солдату перед боем?
3. Почему автор просит соловьёв не тревожить солдат?
4. Какие интонации преобладают в стихотворении, прочитанном актрисой, и в песне? Какие чувства и настроения выражены сильнее в чтении стихотворения, а какие — в исполнении песни?
5. Что в наибольшей степени способствует музыкальности текста — рифмы, ритм, повторы?

ФРОНТОВАЯ СУДЬБА «КАТЮШИ»

Восприятие «Катюши» народом как чего-то своего, личного, задушевного стало причиной удивительного явления — рождения множества новых песен-переложений. На привет-послание девушки бойцу-пограничнику последовали песенные же ответы с пограничных застав. В них воины обращались к подругам, реальным или воображаемым, называя их одним ласковым именем:

Не цветут здесь яблони и груши.
Здесь леса прекрасные растут.
Каждый кустик здесь бойцу послушен,
И враги границу не пройдут.

Не забыл тебя я, дорогая,
Помню, слышу песенку твою.
И в дали безоблачного края
Я родную землю берегу.

Не забудь и про меня, Катюша,
Про того, кто письма часто шлёт,
Про того, кто лес умеет слушать,
Про того, кто счастье бережёт.

Но это было всё же только началом военной биографии «Катюши». Настоящим «бойцом» она стала в годы Великой Отечественной. Солдаты-фронтовики сочинили большое количество песен о любимой героине. В одной из них девушка оказывается на захваченной врагом территории, её угоняют в рабскую неволю в Германию:

Здесь звенела песенка Катюши,
А теперь никто уж не поёт:
Сожжены все яблони и груши,
И никто на берег не придёт...

«Чтоб ненависть била сильнее, давай говорить о любви», — писал поэт-фронтовик Александр Прокофьев. Вот и воины, сочиняя новые и новые варианты песни, говорили о любви. Ведь в образе невольницы-полонянки им представлялись невесты и жёны, дочери и сёстры, оставшиеся на захваченной фашистами земле.

Обычно в любовных письмах избегают высоких, громких слов. Но в особых условиях фронта, когда сами понятия Жизнь, Смерть, Родина, Любовь становятся не отвлечёнными, а обострённо, трагически конкретными, воин говорит в письмах своей подруге самое сокровенное, интимное, которое звучит вдруг возвышенно-обобщённо:

...Милая Катюша,
Буду метко бить я по врагам.
Наши нивы, яблони и груши
На позор фашистам не отдам.

В ответных «письмах-песнях» девушка заверяет любимого в том, что и она своим трудом поможет фронту:

Обещала милому Катюша:
«Будем честно фронту помогать,
Будем больше делать мин и пушек,
Чтоб скорей победу одержать».

Возможно, кто-нибудь из наших юных современников, прочитав строки такой любовной переписки, усмехнётся, усомнившись в её искренности. Напрасно. Нельзя сомневаться в сокровенной правдивости этих клятв и заверений, поскольку путь к любви, к личному счастью тогда был один — через Победу.

Не только на трудовом фронте воевала «милая Катюша». Строки, рождённые в народе, утверждают, что она сражалась и с оружием в руках:

Отцвели вы, яблони и груши,
Только дым клубится над рекой.
В лес ушла красавица Катюша
Партизанской тайною тропой.
Завязался рано на рассвете
Жаркий бой, где яблони цвели.
Билась с ярым недругом Катюша
За клочок своей родной земли.

А вот она уже в другой роли:

Катя слово раненому скажет
Так, что в сердце песня запоёт,
Катя раны крепко перевяжет,
На руках из боя унесёт.
Ой ты, Катя, девушка родная,
Сто бойцов спасла ты из огня.
Может, завтра, раненых спасая,
Из огня ты вынесешь меня.

Уже в конце 1941-го было положено начало новому большому циклу стихотворных вариантов песни. Произошло это, когда решалась судьба битвы за столицу и по всем фронтам прогремела молва о новом оружии, которое любовно назвали «катюшей». И сразу же солдаты запели о ней — укрепляющей веру в победу, наводящей панический страх на врагов:

Эй ты, песня, песня огневая,
Выжигай дотла фашистский сброд,
Чтоб не смела вражья свора злая
Лазить в наш советский огород.
И летят снаряды в тьму густую,

И огнём окрашен небосвод.
Пусть услышат «девушку простую»,
Пусть запомнят, как она поёт!

Если собрать все песни о «Катюше», созданные за время Великой Отечественной, то получится обширная поэтическая энциклопедия, где найдут образное, художественное отражение и труд женщин в тылу, их чувства и переживания, думы и надежды, и их участие в партизанском движении и боевых действиях на фронте, и горькая судьба тех, кто оказался на оккупированной земле или был угнан в фашистскую неволю. Свод этих песен по широте и глубине показа человека на войне может сравниться разве что с «Василием Тёркиным» Александра Твардовского. Причём важно то, что главное в этой поэтической энциклопедии — показ войны «изнутри», через сокровенные переживания, доверяемые чаще всего письму, адресованному близкому человеку. Отсюда тот пронзительный лиризм, что и сегодня трогает человеческое сердце.

Размышляем о прочитанном

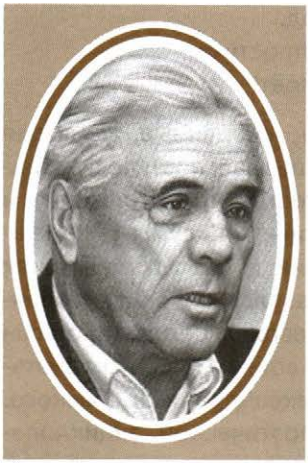
1. Стихотворения и песни о войне — это тревоги, горечь, сожаление, страдание. Подумайте, какую тему поднимает каждая из песен.
2. Что рассказывают поэты о войне, о подвигах солдат, о потерях, об ожиданиях встреч, о тяжести разлук и утрат?
   Что сближает фронтовые песни с песнями народными?
3. Каким чувством пронизаны стихи и песни о Великой Отечественной войне? Прочитайте или напойте их. Какие из них вы раньше слышали дома, по радио, в концертах? Какая из них вошла в фильм? Как он называется?

Творческое задание

Напишите отзыв на одну из понравившихся вам песен.

Совершенствуем свою речь

Объясните слова и словосочетания, введите их в свои сообщения о песнях Великой Отечественной войны: *беречь землю, глубокое горе, с печалью пополам, держава, бравые песни, огонь смертельный, не тревожьте солдат, шальные соловьи, огневая песня.*

Виктор Петрович АСТАФЬЕВ

1924—2001

«Человеку назначено природой иметь свой характер, который, конечно же, развивается не только сам по себе, но прежде всего под влиянием среды, родителей, школы, общества и друзей, кому повезёт их иметь, ибо дружба, настоящая дружба, — награда человеку редкая и драгоценная, порой она бывает крепче и вернее родственных связей и влияет на человеческие отношения куда сильнее, чем коллектив, в особенности при крайних, бедственных обстоятельствах — с поля боя, рискуя своей жизнью, выносят бойца только настоящие, преданные друзья. У меня они, такие друзья, были на войне, есть и в нынешней жизни... Каждую свою книгу, да и каждую строку, и поступок свой просматриваю и прочитываю глазами своих друзей, в особенности фронтовых, чтоб не было стыдно перед ними за плохо, нечестно или неряшливо сделанную работу, за ложь, за непорядочность» — этими словами писатель Виктор Астафьев открывал свою книгу, выпущенную для школьников издательством «Просвещение». В книгу эту вошла повесть «Кража» и главы из повести «Последний поклон». Оба произведения в значительной степени автобиографичны. «Кража» — повесть о воспитанниках детского дома, о сложных, искалеченных жестокостью мальчишеских судьбах, о директоре детского дома Репнине, который пытался отстоять в душах подростков веру в добро. Астафьев тоже был детдомовцем, поэтому писал о том, что пережил сам. Автобиографична и повесть «Последний поклон». Жанр этого произведения характерен именно для творчества Астафьева — это повесть, состоящая из рассказов. Герои повести — Витя Потылицын, мальчик из таёжного сибирского села, бабушка Катерина Петровна — казалось бы, ре-

альные, конкретные люди: сам писатель, его бабушка, взявшая внука на воспитание. Но в то же время это воспроизведённый через личные переживания одного человека рассказ о целом поколении людей, чьё детство выпало на трудные предвоенные годы. Мягкая, задушевная интонация героя-рассказчика высвечивает не столько суровую, часто жестокую действительность, сколько добрые поступки людей, которые окружали героя, их взаимное уважение, их трогательную заботу друг о друге.

Рассказ «Фотография, на которой меня нет» является главой из книги «Последний поклон».

?! Проверьте себя

1. Согласны ли вы с В. П. Астафьевым в его убеждении, что дружба имеет решающее значение в формировании характера человека? Имеет ли дружба столь важное значение в вашей жизни?
2. Какие автобиографические произведения вы уже читали на уроках литературы? Интересно ли читать такие произведения? Возникает ли у вас особое отношение к герою автобиографического произведения?
3. Вспомните, с кем из героев В. П. Астафьева вы уже знакомы. Чем интересны для вас герои астафьевских рассказов?

Фотография, на которой меня нет

Глухой зимою, во времена тихие, сонные нашу школу взбудоражило неслыханно важное событие.

Из города на подводе приехал фотограф!

И не просто так приехал, по делу — приехал фотографировать.

И фотографировать не стариков и старух, не деревенский люд, алчущий быть увековеченным, а нас, учащихся овсянской школы.

Фотограф прибыл за полдень, и по этому случаю занятия в школе были прерваны. Учитель и учительница — муж с женою — стали думать, где поместить фотографа на ночёвку.

Сами они жили в одной половине дряхленького домишка, оставшегося от выселенцев, и был у них маленький парнишка-ревун. Бабушка моя, тайком от родителей, по слёзной просьбе тётки Авдотьи, домовничавшей у наших учителей, три раза заговаривала пупок дитёнку, но

он всё равно орал ночи напролёт и, как утверждали сведущие люди, наревел пуп в луковицу величиной.

Во второй половине дома размещалась контора сплавного участка, где висел пузатый телефон, и днём в него было не докричаться, а ночью он звонил так, что труба на крыше рассыпалась, и по телефону этому можно было разговаривать. Сплавное начальство и всякий народ, спьяну или просто так забредающий в контору, кричал и выражался в трубку телефона.

Такую персону, как фотограф, неподходяще было учителям оставить у себя. Решили поместить его в заезжий дом, но вмешалась тётка Авдотья. Она отозвала учителя в куть[1] и с напором, правда конфузливым, взялась его убеждать:

— Им тама нельзя. Ямщиков набьётся полна изба. Пить зачнут, луку, капусты да картошек напрутся и ночью себя некультурно вести станут. — Тётка Авдотья посчитала все эти доводы неубедительными и прибавила: — Вшей напустют...

— Что же делать?

— Я чичас! Я мигом! — Тётка Авдотья накинула полушалок и выкатилась на улицу. Фотограф был пристроен на ночь у десятника сплавконторы. Жил в нашем селе грамотный, деловой, всеми уважаемый человек Илья Иванович Чехов. Происходил он из ссыльных. Ссыльными были не то его дед, не то отец. Сам он давно женился на нашей деревенской молодице, был всем кумом, другом и советчиком по части подрядов на сплаве, лесозаготовках и выжиге извести. Фотографу, конечно же, в доме Чехова — самое подходящее место. Там его и разговором умным займут, и водочкой городской, если потребуется, угостят, и книжку почитать из шкафа достанут.

Вздохнул облегчённо учитель. Ученики вздохнули. Село вздохнуло — все переживали. Всем хотелось угодить фотографу, чтобы оценил он заботу о нём и снимал бы ребят как полагается, хорошо снимал.

Весь длинный зимний вечер школьники гужом ходили по селу, гадали, кто где сядет, кто во что оденется и какие будут распорядки. Решение вопроса о распорядках выходило не в нашу с Санькой пользу. Прилежные ученики

---

[1] *Куть* (местн.) — придверная часть избы.

сядут впереди, средние — в середине, плохие назад — так было порешено. Ни в ту зиму, ни во все последующие мы с Санькой не удивляли мир прилежанием и поведением, нам и на середину рассчитывать было трудно. Быть нам сзади, где и не разберёшь, кто заснят. Ты или не ты? Мы полезли в драку, чтоб боем доказать, что мы — люди пропащие... Но ребята прогнали нас из своей компании, даже драться с нами не связались. Тогда пошли мы с Санькой на увал[1] и стали кататься с такого обрыва, с какого ни один разумный человек никогда не катался. Ухарски гикая, ругаясь, мчались мы не просто так, а в погибель, поразбивали о каменья головки санок, коленки посносили, вывалялись, начерпали полные катанки[2] снегу.

Бабушка уж затемно сыскала нас с Санькой на увале, обоих настегала прутом.

Ночью наступила расплата за отчаянный разгул — у меня заболели ноги. Они всегда ныли от «ревматизни», как называла бабушка болезнь, якобы доставшуюся мне по наследству от покойной мамы. Но стоило мне застудить ноги, начерпать в катанки снегу — тотчас нудь в ногах переходила в невыносимую боль.

Я долго терпел, чтоб не завыть, очень долго. Раскидал одежонку, прижал ноги, ровно бы вывернутые в суставах, к горячим кирпичам русской печи, потом растирал ладонями сухо, как лучина, хрустящие суставы, засовывал ноги в тёплый рукав полушубка — ничего не помогало.

И я завыл. Сначала тихонько, по-щенячьи, затем и в полный голос.

— Так я и знала! Так я и знала! — проснулась и заворчала бабушка. — Я ли тебе, язвило бы тебя в душу и в печёнки, не говорила: «Не студися, не студися!» — повысила она голос. — Так он ведь умнее всех! Он бабушку послушат? Он добрым словам воньмёт? Загибат теперь! Загибат, худа немочь! Мольчи лучше! Мольчи! — Бабушка поднялась с кровати, присела, схватившись за поясницу. Собственная боль действует на неё усмиряюще. — И меня загибат...

Она зажгла лампу, унесла её с собой в куть и там зазвенела посудою, флакончиками, баночками, скляночка-

---

[1] *Ува́л* — крутой склон.

[2] *Ка́танки* — валенки.

ми — ищет подходящее лекарство. Припугнутый её голосом и отвлечённый ожиданиями, я впал в усталую дрёму.

— Где ты, тутока?

— Зде-е-е-ся, — по возможности жалобно откликнулся я и перестал шевелиться.

— Зде-е-е-ся, — передразнила бабушка и, нашарив меня в темноте, перво-наперво дала затрещину. Потом долго натирала мои ноги нашатырным спиртом. Спирт она втирала основательно, досуха, и всё шумела: — Я ли тебе не говорила? Я ли тебя не упреждала? — И одной рукой натирала, а другой мне поддавала да поддавала: — Эк его умучило! Эк его крюком скрючило! Посинел, будто на леде, а не на пече сидел...

Я уж ни гугу, не огрызался, не перечил бабушке — лечит она меня.

Выдохлась, умолкла докторша, заткнула гранёный длинный флакон, прислонила его к печной трубе, укутала мои ноги старой пуховой шалью, будто тёплой опарой облепила, да ещё сверху полушубок накинула и вытерла слёзы с моего лица шипучей от спирта ладонью.

— Спи, пташка малая, Господь с тобой и анделы во изголовье.

Заодно бабушка свою поясницу и свои руки-ноги натёрла вонючим спиртом, опустилась на скрипучую деревянную кровать, забормотала молитву пресвятой Богородице, охраняющей сон, покой и благоденствие в дому. На половине молитвы она прервалась, вслушивается, как я засыпаю, и где-то уже сквозь склеивающийся слух слышно:

— И чего к ребёнку привязалася? Обутки у него починеты, догляд людской...

Не уснул я в ту ночь. Ни молитва бабушкина, ни нашатырный спирт, ни привычная шаль, особенно ласковая и целебная оттого, что мамина, не принесли облегчения. Я бился и кричал на весь дом. Бабушка уже не колотила меня, а, перепробовавши все свои лекарства, заплакала и напустилась на деда:

— Дрыхнешь, старый одер!.. А тут хоть пропади!

— Да не сплю я, не сплю. Чё делать-то?

— Баню затопляй!

— Середь ночи?

— Середь ночи. Экой барин! Робёнок-то! — Бабушка закрылась руками: — Да отколь напасть такая, да за что

же она сиротиночку ломат, как тонку тали-и-инку[1]... Ты долго кряхтеть будешь, толстодум? Чё ишшэшь? Вчерашний день ишшэшь? Вот твои рукавицы. Вон твоя шапка!..

Утром бабушка унесла меня в баню — сам я идти уже не мог. Долго растирала бабушка мои ноги запаренным берёзовым веником, грела их над паром от калёных камней, парила сквозь тряпку всего меня, макая веник в хлебный квас, и в заключение опять же натёрла нашатырным спиртом. Дома мне дали ложку противной водки, настоянной на борце[2], чтоб внутренность погреть, и мочёной брусники. После всего этого напоили молоком, кипячённым с маковыми головками. Больше я ни сидеть, ни стоять не в состоянии был, меня сшибло с ног, и я проспал до полудня.

Разбудился от голосов. Санька препирался или ругался с бабушкой в кути.

— Не может он, не может... Я те русским языком толкую! — говорила бабушка. — Я ему и рубашечку приготовила, и пальтишко высушила, упочинила всё, худо ли, бедно ли, изладила. А он слёг...

— Баушка Катерина, машину, аппарат наставили. Меня учитель послал. Баушка Катерина!.. — настаивал Санька.

— Не может, говорю... Постой-ко, это ведь ты, жиган, сманил его на увал-то! — осенило бабушку. — Сманил, а теперича?..

— Баушка Катерина...

Я скатился с печи с намерением показать бабушке, что всё могу, что нет для меня преград, но подломились худые ноги, будто не мои они были. Плюхнулся я возле лавки на пол. Бабушка и Санька тут как тут.

— Всё равно пойду! — кричал я на бабушку. — Давай рубаху! Штаны давай! Всё равно пойду!

— Да куда пойдёшь-то? С печки на полати, — покачала головой бабушка и незаметно сделала рукой отмашку, чтоб Санька убирался.

— Санька, постой! Не уходи-и-и-и! — завопил я и попытался шагать. Бабушка поддерживала меня и уже робко, жалостливо уговаривала:

— Ну, куда пойдёшь-то? Куда?

---

[1] *Тали́на* — ветла, верба.

[2] *Боре́ц* — здесь: ядовитое растение.

— Пойду-у-у! Давай рубаху! Шапку давай!..

Вид мой поверг и Саньку в удручение. Он помялся, помялся, потоптался, потоптался и скинул с себя новую коричневую телогрейку, выданную ему дядей Левонтием по случаю фотографирования.

— Ладно! — решительно сказал Санька. — Ладно! — ещё решительней повторил он. — Раз так, я тоже не пойду! Всё! — И под одобрительным взором бабушки Катерины Петровны проследовал в середнюю[1]. — Не последний день на свете живём! — солидно заявил Санька. И мне почудилось: не столько уж меня, сколько себя убеждал Санька. — Ещё наснимаемся! Ништя-а-ак! Поедем в город и на коне, может, и на ахтомобиле заснимемся. Правда, баушка Катерина? — закинул Санька удочку.

— Правда, Санька, правда. Я сама, не сойти мне с этого места, сама отвезу вас в город, и к Волкову, к Волкову. Знаешь Волкова-то?

Санька Волкова не знал. И я тоже не знал.

— Самолучший это в городе фотограф! Он хочь на портрет, хочь на почпорт, хочь на коне, хочь на ероплане, хочь на чём заснимет!

— А школа? Школу он заснимет?

— Школу-то? Школу? У него машина, ну, аппарат-то не перевозной. К полу привинченный, — приуныла бабушка.

— Вот, а ты...

— Чего я? Чего я? Зато Волков в рамку сразу вставит.

— В ра-амку? Зачем мне твоя рамка?! Я без рамки хочу!

— Без рамки! Хочешь? Дак на! На! Отваливай! Коли свалишься с ходуль своих, домой не являйся! — Бабушка покидала в меня одежонку: рубаху, пальтишко, шапку, рукавицы, катанки — всё покидала. — Ступай, ступай! Баушка худа тебе хочет! Баушка — враг тебе! Она коло него, аспида, вьюном вьётся, а он, видали, какие благодарствия баушке!..

Тут я заполз обратно на печку и заревел от горького бессилия. Куда я мог идти, если ноги не ходят?

В школу я не ходил больше недели. Бабушка меня лечила и баловала, давала варенья, брусницы, настряпала

---

[1] *Серёдняя* (местн.) — часть избы, деревенского дома перед печью.

отварных сушек, которые я очень любил. Целыми днями сидел я на лавке, глядел на улицу, куда мне ходу пока не было, от безделья принимался плевать на стёкла, и бабушка стращала меня, мол, зубы заболят. Но ничего зубам не сделалось, а вот ноги, плюй не плюй, всё болят, всё болят.

Деревенское окно, заделанное на зиму, — своего рода произведение искусства. По окну, ещё не заходя в дом, можно определить, какая здесь живёт хозяйка, что у неё за характер и каков обиход в избе.

Бабушка рамы вставляла в зиму с толком и неброской красотой. В горнице меж рам валиком клала вату и на белое сверху кидала три-четыре розетки рябины с листиками — и всё. Никаких излишеств. В середней же и в кути бабушка меж рам накладывала мох вперемежку с брусничником. На мох несколько берёзовых углей, меж углей ворохом рябину — и уже без листьев.

Бабушка объяснила причуду эту так:

— Мох сырость засасывает. Уголёк обмёрзнуть стёклам не даёт, а рябина от угару. Тут печка, с кути чад.

Бабушка иной раз подсмеивалась надо мной, выдумывала разные штуковины, но много лет спустя, у писателя Александра Яшина, прочёл о том же: рябина от угара — первое средство. Народные приметы не знают границ и расстояний.

Бабушкины окна и соседние окна изучил я буквально-досконально, по выражению председьсовета Митрохи.

У дяди Левонтия нечего изучать. Промеж рам у них ничего не лежит, и стёкла в рамах не все целы — где фанерка прибита, где тряпками заткнуто, в одной створке красным пузом выперла подушка.

В доме наискосок, у тётки Авдотьи, меж рам навалено всего: и ваты, и моху, и рябины, и калины, но главное там украшение — цветочки. Они, эти бумажные цветочки, синие, красные, белые, отслужили свой век на иконах, на угловике и теперь попали украшением меж рам. И ещё у тётки Авдотьи за рамами красуется одноногая кукла, безносая собака-копилка, развешаны побрякушки без ручек и конь стоит без хвоста и гривы, с расковыренными ноздрями. Все эти городские подарки привозил деткам муж Авдотьи, Терентий, который где ныне находится — она и знать не знает. Года два и даже три может

не появляться Терентий. Потом его словно коробейники из мешка вытряхнут, нарядного, пьяного, с гостинцами и подарками. Пойдёт тогда шумная жизнь в доме тётки Авдотьи. Сама тётка Авдотья, вся жизнью издёрганная, худая, бурная, бегучая, всё в ней навалом — и легкомыслие, и доброта, и бабья сварливость.

Дальше тётки Авдотьиного дома ничего не видать. Какие там окна, что в них — не знаю. Раньше не обращал внимания — некогда было, а теперь вот сижу да поглядываю, да бабушкину воркотню слушаю.

Какая тоска!

Оторвал листок у мятного цветка, помял в руках — воняет листок, будто нашатырный спирт. Бабушка листья мятного цветка в чай заваривает, пьёт с варёным молоком. Ещё на окне алой остался, да в горнице два фикуса. Фикусы бабушка стережёт пуще глаза, но всё равно прошлой зимой ударили такие морозы, что потемнели листья у фикусов, склизкие, как обмылки, сделались и опали. Однако вовсе не погибли — корень у фикуса живучий, и новые стрелки из ствола проклюнулись. Ожили фикусы. Люблю я смотреть на оживающие цветы. Все почти горшки с цветами — геранями, серёжками, колючей розочкой, луковицами — находятся в подполье. Горшки или вовсе пустые, или торчат из них серые пеньки.

Но как только на калине под окном ударит синица по первой сосульке и послышится тонкий звон на улице, бабушка вынет из подполья старый чугунок с дыркою на дне и поставит его на тёплое окно в кути.

Через три-четыре дня из тёмной нежилой земли проткнутся бледно-зелёные острые побеги — и пойдут, пойдут они торопливо вверх, на ходу накапливая в себе тёмную зелень, разворачиваясь в длинные листья, и однажды возникнет в пазухе этих листьев круглая палка, проворно двинется та зелёная палка в рост, опережая листья, породившие её, набухнет щепотью на конце и вдруг замрёт перед тем, как сотворить чудо.

Я всегда караулил то мгновение, тот миг свершающегося таинства — расцветания, и ни разу скараулить не мог. Ночью или на рассвете, скрыто от людского урочливого глаза, зацветала луковка.

Встанешь, бывало, утром, побежишь ещё сонный до ветру, а бабушкин голос остановит:

— Гляди-ко, живунчик какой у нас народился!

На окне, в старом чугунке, возле замёрзшего стекла над чёрной землёю висел и улыбался яркогубый цветок с бело мерцающей сердцевиной и как бы говорил младенчески-радостным ртом: «Ну вот и я! Дождалися?»

К красному граммофончику осторожная тянулась рука, чтоб дотронуться до цветка, чтоб поверить в недалёкую теперь весну, и боязно было спугнуть среди зимы впорхнувшего к нам предвестника тепла, солнца, зелёной земли.

После того как загоралась на окне луковица, заметней прибывал день, плавились толсто обмёрзшие окна, бабушка доставала из подполья остальные цветы, и они тоже возникали из тьмы, тянулись к свету, к теплу, обрызгивали окна и наш дом цветами. Луковица меж тем, указав путь весне и цветению, сворачивала граммофончики, съёживалась, роняла на окно сохлые лепестки и оставалась с одними лишь гибко падающими, подёрнутыми хромовым блеском ремнями стеблей, забытая всеми, снисходительно и терпеливо дожидалась весны, чтоб вновь пробудиться цветами и порадовать людей надеждами на близкое лето.

Во дворе залился Шарик.

Бабушка перестала починяться, прислушалась. В дверь постучали. А так как в деревнях нет привычки стучать и спрашивать, можно ли войти, то бабушка всполошилась, побежала в куть.

— Какой это там лешак ломится?.. Милости просим! Милости просим! — совсем другим, церковным голоском запела бабушка. Я понял: к нам нагрянул важный гость, поскорее спрятался на печку и с высоты увидел школьного учителя, который обметал веником катанки и прицеливался, куда бы повесить шапку. Бабушка приняла шапку, пальто, бегом умчала одежду гостя в горницу, потому как считала, что в кути учителевой одежде висеть неприлично, пригласила учителя проходить.

Я притаился на печи. Учитель прошёл в середнюю, ещё раз поздоровался и справился обо мне.

— Поправляется, поправляется, — ответила за меня бабушка и, конечно же, не удержалась, чтоб не поддеть меня: — На еду уж здоров, вот на работу хил покуда.

Учитель улыбнулся, поискал меня глазами. Бабушка потребовала, чтоб я слезал с печки.

Боязливо и нехотя я спустился с печи, присел на припечек. Учитель сидел возле окошка на стуле, принесённом бабушкой из горницы, и приветливо смотрел на меня.

Лицо учителя, хотя и малоприметное, я не забыл до сих пор. Было оно бледновато по сравнению с деревенскими, калёнными ветром, грубо тесанными лицами. Причёска под «политику» — волосы зачёсаны назад. А так ничего больше особенного не было, разве что немного печальные и оттого необыкновенно добрые глаза, да уши торчали, как у Саньки левонтьевского. Было ему лет двадцать пять, но он мне казался пожилым и очень солидным человеком.

— Я принёс тебе фотографию, — сказал учитель и поискал глазами портфель.

Бабушка всплеснула руками, метнулась в куть — портфель остался там.

И вот она, фотография — на столе.

Я смотрю. Бабушка смотрит. Учитель смотрит. Ребят и девчонок на фотографии, что семечек в подсолнухе! И лица величиной с подсолнечные семечки, а узнать всех можно. Я бегаю глазами по фотографии: вот Васька Юшков, вот Витька Касьянов, вот Колька-хохол, вот Ванька Сидоров, вот Нинка Шахматовская, её брат Саня...

В гуще ребят, в самой серёдке — учитель и учительница. Он в шапке и в пальто, она в полушалке. Чему-то улыбаются едва заметно учитель и учительница. Ребята чего-нибудь сморозили смешное. Им что? У них ноги не болят.

Санька из-за меня на фотографию не попал. И чего припёрся? То измывается надо мной, вред мне наносит, а тут восчувствовал. Вот и не видно его на фотографии. И меня не видно. Ещё и ещё перебегаю с лица на лицо. Нет, не видно. Да и откуда я там возьмусь, коли на печке лежал и загибала меня «худа немочь».

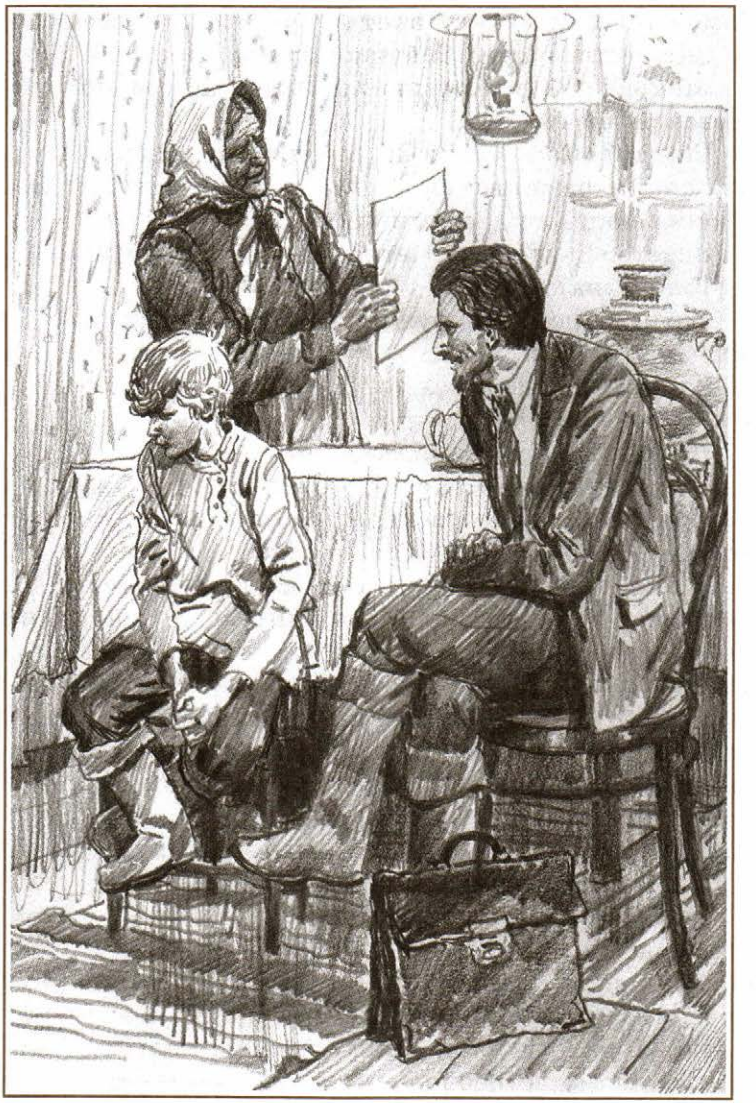
— Ничего, ничего! — успокоил меня учитель. — Фотограф, может быть, ещё приедет.

— А я что ему толкую? Я то же и толкую...

Я отвернулся, моргая на русскую печку, высунувшую толстый белёный зад в середнюю, губы мои дрожат. Что мне толковать? Зачем толковать? На этой фотографии меня нет. И не будет!

Бабушка настраивала самовар и занимала учителя разговорами.

— Как парнишечка? Грызь-то не унялася?

В. П. Астафьев. «Фотография, на которой меня нет».
Художник И. Пчелко

— Спасибо, Екатерина Петровна. Сыну лучше. Последние ночи спит спокойней.

— И слава Богу. И слава Богу. Они, робятишки, пока вырастут, ой сколько натерпишься с имя! Вон у меня их сколько, субчиков-то было, а ничё, выросли. И ваш вырастет...

Самовар запел в кути протяжную тонкую песню. Разговор шёл о том о сём. Бабушка про мои успехи в школе не спрашивала. Учитель про них тоже не говорил, поинтересовался насчёт деда.

— Сам-то? Сам уехал в город с дровами. Продаст, деньжонками разживёмся. Какие наши достатки? Огородом, коровенкой да дровами живём.

— Знаете, Екатерина Петровна, какой случай вышел?

— Какой жа?

— Вчера утром обнаружил у своего порога воз дров. Сухих, швырковых[1]. И не могу дознаться, кто их свалил.

— За чего дознаваться-то? Нечего и дознаваться. Топите — и все дела.

— Да как-то неудобно.

— Чего неудобного. Дров-то нету? Нету. Ждать, когда преподобный Митроха распорядится? А и привезут сельсоветские — сырьё-сырьём, тоже радости мало.

Бабушка, конечно, знает, кто свалил учителю дрова. И всему селу это известно. Один учитель не знает и никогда не узнает.

Уважение к нашему учителю и учительнице всеобщее, молчаливое. Учителей уважают за вежливость, за то, что они здороваются со всеми кряду, не разбирая ни бедных, ни богатых, ни ссыльных, ни самоходов. Ещё уважают за то, что в любое время дня и ночи к учителю можно прийти и попросить написать нужную бумагу. Пожаловаться на кого угодно: на сельсовет, на разбойника мужа, на свекровку. Дядя Левонтий — лиходей из лиходеев, когда пьяный, всю посуду прибьёт, Васёне фонарь привесит, ребятишек поразгонит. А как побеседовал с ним учитель — исправился дядя Левонтий. Неизвестно, о чём говорил с ним учитель, только дядя Левонтий каждому встречному и поперечному радостно толковал:

— Ну чисто рукой дурь снял! И вежливо всё, вежливо. Вы, говорит, вы... Да ежели со мной по-людски, да я что, дурак, что ли? Да я любому и каждому башку сверну, если такого человека пообидят!

Тишком, бочком просочатся деревенские бабы в избу учителя и забудут там кринку молока либо сметан-

---

[1] *Швырóк* — короткие дрова для топки печей.

ки, творогу, брусники туесок[1]. Ребёночка доглядят, полечат, если надо, учительницу необидно отругают за неумелость в обиходе с дитём. Когда на сносях была учительница, не позволяли бабы ей воду таскать. Один раз пришёл учитель в школу в подшитых через край катанках. Умыкнули бабы катанки — и к сапожнику Жеребцову снесли. Шкалик поставили, чтоб с учителя, ни Боже мой, копейки не взял Жеребцов и чтоб к утру, к школе всё было готово. Сапожник Жеребцов — человек пьющий, ненадёжный. Жена его, Тома, спрятала шкалик и не отдавала до тех пор, пока катанки не были подшиты.

Учителя были заводилами в деревенском клубе. Играм и танцам учили, ставили смешные пьесы и не гнушались представлять в них попов и буржуев; на свадьбах бывали почётными гостями, но блюли себя и приучили несговорчивый в гулянке народ выпивкой их не неволить.

А в какой школе начали работу наши учителя!

В старом деревенском доме с угарными печами. Парт не было, скамеек не было, учебников, тетрадей, карандашей тоже не было. Один букварь на весь первый класс и один красный карандаш. Принесли ребята из дома табуретки, скамейки, сидели кружком, слушали учителя, затем он давал нам аккуратно заточенный красный карандаш, и мы, пристроившись на подоконнике, поочерёдно писали палочки. Счёту учились на спичках и палочках, собственноручно выструганных из лучины.

Учитель как-то уехал в город и вернулся с тремя подводами. На одной из них были весы, на двух других ящики со всевозможным добром. На школьном дворе из плах соорудили временный ларёк «Утильсырьё». Вверх дном перевернули школьники деревню. Чердаки, сараи, амбары очистили от веками скапливаемого добра — старых самоваров, плугов, костей, тряпья.

В школе появились карандаши, тетради, краски вроде пуговиц, приклеенные к картонкам, переводные картинки. Мы попробовали сладких петушков на палочках, женщины разжились иголками, нитками, пуговицами.

Учитель ещё и ещё ездил в город на сельсоветской кляче, выхлопотал и привёз учебники, один учебник на

[1] *Ту́ес* (местн.) — коробка из бересты, обычно круглая.

пятерых. Потом ещё полегчение было — один учебник на двоих. Деревенские семьи большие, стало быть, в каждом доме появился учебник.

Столы и скамейки сделали деревенские мужики и плату за них не взяли, обошлись магарычом[1], который, как я теперь догадываюсь, выставил им учитель на свою зарплату.

Учитель вот фотографа сговорил к нам приехать, и тот заснял ребят и школу. Это ли не радость! Это ли не достижение!

Учитель пил с бабушкой чай. И я первый раз в жизни сидел за одним столом с учителем и изо всей мочи старался не обляпаться, не пролить из блюдца чай. Бабушка застелила стол праздничной скатертью и понаставила-а-а... И варенье, и брусница, и сушки, и лампасейки, и пряники городские, и молоко в нарядном сливочнике. Я очень рад и доволен, что учитель пьёт у нас чай, безо всяких церемоний разговаривает с бабушкой, и всё у нас есть, и стыдиться перед таким редким гостем за угощение не приходится.

Учитель выпил два стакана чаю. Бабушка упрашивала выпить ещё, извиняясь, по деревенской привычке, за бедное угощение, но учитель благодарил её, говорил, что всем он премного доволен, и желал бабушке доброго здоровья.

Когда учитель уходил из дома, я всё же не удержался и полюбопытствовал насчёт фотографа: «Скоро ли он опять приедет?»

— А, штабы тебя приподняло да шлёпнуло! — бабушка употребила самое вежливое ругательство в присутствии учителя.

— Думаю, скоро, — ответил учитель. — Выздоравливай и приходи в школу, а то отстанешь. — Он поклонился дому, бабушке, она засеменила следом, провожая его до ворот с наказом, чтоб кланялся жене, будто та была не через два посада от нас, а невесть в каких дальних краях.

Брякнула щеколда ворот. Я поспешил к окну. Учитель со стареньким портфелем прошёл мимо нашего палисадника, обернулся и махнул мне рукой, дескать, приходи скорее в школу, — и улыбнулся при этом так, как только

---

[1] *Магары́ч* — угощение в вознаграждение за что-нибудь.

он умел улыбаться, — вроде бы грустно и в то же время ласково и приветно. Я проводил его взглядом до конца нашего переулка и ещё долго смотрел на улицу, и было у меня на душе отчего-то щемливо, хотелось заплакать.

Бабушка, ахая, убирала со стола богатую снедь и не переставала удивляться:

— И не поел-то ничего! И чаю два стакана токо выпил. Вот какой культурный человек! Вот чё грамота делат! — И увещевала меня: — Учись, Витька, хорошеньче! В учителя, может, выйдешь або в десятники...

Не шумела в этот день бабушка ни на кого, даже со мной и с Шариком толковала мирным голосом, а хвасталась, а хвасталась! Всем, кто заходил к нам, подряд хвасталась, что был у нас учитель, пил чай, разговаривал с нею про разное. И так разговаривал, так разговаривал! Школьную фотокарточку показывала, сокрушалась, что не попал я на неё, и сулилась заключить её в рамку, которую она купит у китайцев на базаре.

Рамку она и в самом деле купила, фотографию на стену повесила, но в город меня не везла, потому как болел я в ту зиму часто, пропускал много уроков.

К весне тетрадки, выменянные на утильсырьё, исписались, краски искрасились, карандаши исстрогались, и учитель стал водить нас по лесу и рассказывать про деревья, про цветки, про травы, про речки и про небо.

Как он много знал! И что кольца у дерева — это годы его жизни, и что сера сосновая идёт на канифоль, и что хвоей лечатся от нервов, и что из берёзы делают фанеру; из хвойных пород — он так и сказал — не из лесин, а из пород! — изготавливают бумагу, что леса сохраняют влагу в почве, стало быть, и жизнь речек.

Но и мы тоже знали лес, пусть по-своему, по-деревенски, но знали то, чего учитель не знал, и он слушал нас внимательно, хвалил, благодарил даже. Мы научили его копать и есть корни саранок[1], жевать лиственничную серу, различать по голосам птичек, зверьков и, если он заблудится в лесу, как выбраться оттуда, в особенности как спасаться от лесного пожара, как выйти из страшного таёжного огня.

---

[1] *Сара́на* — лесное растение, луковицы которого съедобны.

Однажды мы пошли на Лысую гору за цветами и саженцами для школьного двора. Поднялись до середины горы, присели на каменья отдохнуть и поглядеть сверху на Енисей, как вдруг кто-то из ребят закричал:

— Ой, змея, змея!..

И все увидели змею. Она обвивалась вокруг пучка кремовых подснежников и, разевая зубастую пасть, злобно шипела.

Ещё и подумать никто ничего не успел, как учитель оттолкнул нас, схватил палку и принялся молотить по змее, по подснежникам. Вверх полетели обломки палки, лепестки прострелов[1]. Змея кипела ключом, подбрасывалась на хвосте.

— Не бейте через плечо! Не бейте через плечо! — кричали ребята, но учитель ничего не слышал. Он бил и бил змею, пока та не перестала шевелиться. Потом он приткнул концом палки голову змеи в камнях и обернулся. Руки его дрожали. Ноздри и глаза расширились, весь он был белый, «политика» его рассыпалась, и волосы крыльями висели на оттопыренных ушах.

Мы отыскали в камнях, отряхнули и подали ему кепку.

— Пойдёмте, ребята, отсюда.

Мы посыпались с горы, учитель шёл за нами следом и всё оглядывался, готовый оборонять нас снова, если змея оживёт и погонится.

Под горою учитель забрёл в речку — Малую Слизневку, попил из ладоней воды, побрызгал на лицо, утёрся платком и спросил:

— Почему кричали, чтоб не бить гадюку через плечо?

— Закинуть же на себя змею можно. Она, зараза, обовьётся вокруг палки!.. — объясняли ребята учителю. — Да вы раньше-то хоть видели змей? — догадался кто-то спросить учителя.

— Нет,— виновато улыбнулся учитель.— Там, где я рос, никаких гадов не водится. Там нет таких гор, и тайги нет.

— Вот тебе и на! Нам надо было учителя-то оборонять, а мы?!

Прошли годы, много, ох много их минуло. А я таким вот и помню деревенского учителя — с чуть винова-

---

[1] *Простре́л* — здесь: побег растения.

той улыбкой, вежливого, застенчивого, но всегда готового броситься вперёд и оборонить своих учеников, помочь им в беде, облегчить и улучшить людскую жизнь. Уже работая над этой книгой, я узнал, что звали наших учителей Евгений Николаевич и Евгения Николаевна. Мои земляки уверяют, что не только именем-отчеством, но и лицом они походили друг на друга. «Чисто брат с сестрой!..» Тут, я думаю, сработала благодарная человеческая память, сблизив и сроднив дорогих людей, а вот фамилии учителя с учительницей никто в Овсянке вспомнить не может. Но фамилию учителя можно и забыть, важно, чтоб осталось слово «учитель»! И каждый человек, мечтающий стать учителем, пусть доживёт до такой почести, как наши учителя, чтоб раствориться в памяти народа, с которым и для которого они жили, чтоб сделаться частицей его и навечно остаться в сердце даже таких нерадивых и непослушных людей, как я и Санька.

Школьная фотография жива до сих пор. Она пожелтела, обломалась по углам. Но всех ребят я узнаю на ней. Много их полегло в войну. Всему миру известно прославленное имя — сибиряк.

Как суетились бабы по селу, спешно собирая у соседей и родственников шубёнки, телогрейки, всё равно бедновато, шибко бедновато одеты ребятишки. Зато как твёрдо держат они материю, прибитую к двум палкам. На материи написано каракулисто: «Овсянская нач. школа 1-й ступени». На фоне деревенского дома с белыми ставнями — ребятишки: кто с оторопелым лицом, кто смеётся, кто губы поджал, кто рот открыл, кто сидит, кто стоит, кто на снегу лежит.

Смотрю, иногда улыбнусь, вспоминая, а смеяться и тем паче насмехаться над деревенскими фотографиями не могу, как бы они порой нелепы ни были. Пусть напыщенный солдат или унтер снят у кокетливой тумбочки, в ремнях, в начищенных сапогах — всего больше их и красуется на стенах русских изб, потому как в солдатах только и можно было раньше «сняться» на карточку; пусть мои тётки и дядья красуются в фанерном автомобиле, одна тётка в шляпе вроде вороньего гнезда, дядя в кожаном шлеме, севшем на глаза; пусть казак, точнее, мой братишка Кеша, высунувший голову в дыру на материи, изображает казака с газырями и кинжалом; пусть люди

с гармошками, балалайками, гитарами, с часами, высунутыми напоказ из-под рукава, и другими предметами, демонстрирующими достаток в доме, таращатся с фотографий.

Я всё равно не смеюсь.

Деревенская фотография — своеобычная летопись нашего народа, настенная его история.

Размышляем о прочитанном

1. Вы прочитали небольшой рассказ, в котором говорится об ординарном событии, но вместе с тем описывается эпизод из истории жизни страны в XX веке — о деревенских буднях школы. Какими они вам представляются благодаря рассказу В. Астафьева «Фотография, на которой меня нет»?
2. Кто герои рассказа? Двумя-тремя штрихами автор раскрывает перед нами характеры. Каковы они — учитель, дядя Левонтий, бабушка? Как помогали друг другу учитель и жители села, взрослые и дети?
3. С какой целью писатель рассказывает о том, как создавалась эта сельская школа? Найдите в тексте это описание. Прочитайте вслух. Можно ли хоть примерно определить годы, о которых пишет В. Астафьев? Какие приметы помогли вам определить время?

Творческое задание

Как вы понимаете фразу, которой заканчивается повествование «Деревенская фотография — своеобычная летопись нашего народа, настенная его история»? Подготовьте развёрнутый ответ на этот вопрос.

Обогащаем свою речь

1. Подготовьте пересказ текста, подчеркнув цитатами особенности жизни деревни и размышлений главного героя.
2. Объясните слова и словосочетания, введите их в свою речь: *домовничать, персона, терпеть, досконально, полюбопытствовать, красоваться, летопись, демонстрировать достаток.*

РУССКИЕ ПОЭТЫ XX ВЕКА О РОДИНЕ, РОДНОЙ ПРИРОДЕ И О СЕБЕ

Иннокентий АННЕНСКИЙ

Снег

Полюбил бы я зиму,
Да обуза тяжка...
От неё даже дыму
Не уйти в облака.

Эта резанность линий,
Этот грузный полёт,
Этот нищенски синий
И заплаканный лёд!

Но люблю ослабелый
От заоблачных нег —
То сверкающе-белый,
То сиреневый снег...

И особенно талый,
Когда, выси открыв,
Он ложится усталый
На скользящий обрыв,

Точно стада в тумане,
Непорочные сны —
На томительной грани
Всесожженья весны.

Фонохрестоматия

СЛУШАЕМ АКТЁРСКОЕ ЧТЕНИЕ

Иннокентий Анненский. «Снег»

1. Вы уже прочитали стихотворение Иннокентия Анненского «Снег» и подумали на уроке над его содержанием. С самого начала поэт признаётся, что видит все изъяны зимы («обуза тяжка», «даже дыму не уйти в облака», «нищенски синий и заплаканный лёд»), и всё-таки даже эти изъяны он принимает:

Но люблю ослабелый
От заоблачных нег —
То сверкающе-белый,
То сиреневый снег...
И особенно талый...
...усталый.

Как вы объясните эти слова и выраженные ими чувства автора?

2. Как звучат эти признания в чтении артиста Леонида Кулагина? Помогает ли музыка понять эти поэтические описания и связанные с ними сложные, противоречивые чувства поэта?
3. Постарайтесь выучить стихотворение наизусть и выразительно прочитать его в классе.

Дмитрий МЕРЕЖКОВСКИЙ

Родное

Далёких стад унылое мычанье
И близкий шорох свежего листа...
Потом опять глубокое молчанье...
Родимые, печальные места!

Протяжный гул однообразных сосен
И белые, сыпучие пески...
О, бледный май, задумчивый, как осень!..
В полях затишье, полное тоски...

И крепкий запах молодой берёзы,
Травы и хвойных игл, когда порой,
Как робкие, беспомощные слёзы,
Струится тёплый дождь во тьме ночной.

Здесь — тише радость и спокойней горе,
Живёшь как в милом и безгрешном сне,
И каждый миг, подобно капле в море,
Теряется в бесстрастной тишине.

Фонохрестоматия

СЛУШАЕМ АКТЁРСКОЕ ЧТЕНИЕ

Дмитрий Мережковский. «Родное»

Вы уже знаете, что Дмитрий Мережковский эмигрировал из России в первые годы революции, но, как все эмигранты первой волны,

испытывал ностальгию по своей родной стране. Его любовь к России выразительно проявилась в стихотворении «Родное».

1. Какой же представляется поэту родина: «шорох свежего листа», «родимые печальные места», «гул однообразных сосен», «белые, сыпучие пески», «в полях затишье, полное тоски»?

Здесь — тише радость и спокойней горе,
Живёшь как в милом и безгрешном сне,
И каждый миг, подобно капле в море,
Теряется в бесстрастной тишине.

Какие чувства возникают у вас при чтении и прослушивании этого стихотворения?

2. Усиливаются ли эти чувства благодаря чтению актрисы Алины Покровской и музыке Н. А. Римского-Корсакова? Что нового, не замеченного вами при чтении стихотворения вы услышали в голосе актрисы и в музыке?
3. Назовите эпитеты и сравнения, передающие настроение печали, а затем умиротворения. Как композиционно осуществляется переход от печальных картин и интонаций к утверждению мудрого спокойствия и жизнелюбия?
4. Подготовьте выразительное чтение стихотворения и прочитайте его в классе.

Не надо звуков

Дух Божий веет над землёю.
Недвижен пруд, безмолвен лес;
Учись великому покою
У вечереющих небес.

Не надо звуков: тише, тише,
У молчаливых облаков
Учись тому теперь, что выше
Земных желаний, дел и слов.

Фонохрестоматия

СЛУШАЕМ АКТЁРСКОЕ ЧТЕНИЕ

Дмитрий Мережковский. «Не надо звуков»

1. В стихотворении «Не надо звуков» поэт призывает учиться у природы «великому покою» и всему тому, что выше земных желаний, дел и слов, что поднимает дух человека над земными заботами и хлопотами. Как вы это понимаете? О каком состоянии собственной души говорит поэт?

2. Какие интонации, паузы, логические ударения помогают актрисе Елене Габец передать это необычайно высокое состояние души поэта?

Будьте внимательны к слову

И. Анненский говорит о любви к снегу. Подумайте, в какое время он видит снег — начало, середина, конец зимы. По каким приметам вы догадались об этом? Какие эпитеты помогают нам представить разные картины, о которых говорит поэт? Обратим внимание на совершенно необычную характеристику снега: «Он ложится усталый / На скользящий обрыв...»

Учимся читать выразительно

Д. Мережковский в стихотворении «Родное» передаёт нам грустное, щемящее чувство печали с помощью эпитетов, сравнений. С чем сравнивает он дождь? Подготовьтесь к чтению стихотворения вслух.

Обратим внимание, что и следующее стихотворение говорит нам о тишине пруда и леса, вечереющих небес и молчаливых облаков. Какое настроение передаёт нам поэт, о каком состоянии собственной души рассказывает?

Николай ЗАБОЛОЦКИЙ

Вечер на Оке

Очарованье русского пейзажа
Есть подлинная радость, но она
Открыта не для каждого и даже
Не каждому художнику видна.
С утра обременённая работой,
Трудом лесов, заботами полей,
Природа смотрит как бы с неохотой
На нас, неочарованных людей.
И лишь когда за тёмной чащей леса
Вечерний луч таинственно блеснёт,
Обыденности плотная завеса
С её красот мгновенно упадёт.
Вздохнут леса, опущенные в воду,
И, как бы сквозь прозрачное стекло,

Вся грудь реки приникнет к небосводу
И загорится влажно и светло.
Из белых башен облачного мира
Сойдёт огонь, и в нежном том огне,
Как будто под руками ювелира,
Сквозные тени лягут в глубине.
И чем ясней становятся детали
Предметов, расположенных вокруг,
Тем необъятней делаются дали
Речных лугов, затонов и излук.
Горит весь мир, прозрачен и духовен,
Теперь-то он поистине хорош,
И ты, ликуя, множество диковин
В его живых чертах распознаёшь.

Фонохрестоматия

СЛУШАЕМ АКТЁРСКОЕ ЧТЕНИЕ

Николай Заболоцкий. «Вечер на Оке»

Стихотворения «Вечер на Оке» и «Уступи мне, скворец, уголок» — поэтические гимны родной природе. Тексты этих стихотворений вы читали на уроках, размышляли над ними... Послушайте эти стихотворения в актёрском исполнении.

1. Объясните отдельные выражения стихотворения «Вечер на Оке»:

В очарованье русского пейзажа
Есть подлинная радость, но она
Открыта не для каждого и даже
Не каждому художнику видна...

И, как бы сквозь прозрачное стекло,
Вся грудь реки приникнет к небосводу...

Горит весь мир, прозрачен и духовен,
Теперь-то он поистине хорош,
И ты, ликуя, множество диковин
В его живых чертах распознаёшь...

2. Отметьте другие слова и словосочетания в стихотворении, прославляющие летний вечер.
3. Что вам понравилось в чтении Алины Покровской? Усиливает ли поэтическое очарование картины музыка Эдварда Грига?
4. Подготовьте выразительное чтение стихотворения и прочитайте его в классе.

Уступи мне, скворец, уголок

Уступи мне, скворец, уголок,
Посели меня в старом скворешнике.
Отдаю тебе душу в залог
За твои голубые подснежники.

И свистит, и бормочет весна.
По колено затоплены тополи.
Пробуждаются клёны от сна,
Чтоб, как бабочки, листья захлопали.

И такой на полях кавардак,
И такая ручьёв околесица,
Что попробуй, покинув чердак,
Сломя голову в рощу не броситься!

Начинай серенаду, скворец!
Сквозь литавры и бубны истории
Ты — наш первый весенний певец
Из берёзовой консерватории.

Открывай представленье, свистун!
Запрокинься головкою розовой,
Разрывая сияние струн
В самом горле у рощи берёзовой.

Я и сам бы стараться горазд,
Да шепнула мне бабочка-странница:
«Кто бывает весною горласт,
Тот без голоса к лету останется».

А весна хороша, хороша!
Охватило всю душу сиренями.
Поднимай же скворешню, душа,
Над твоими садами весенними.

Поселись на высоком шесте,
Полыхая по небу восторгами,
Прилепись паутинкой к звезде
Вместе с птичьими скороговорками.

Повернись к мирозданью лицом,
Голубые подснежники чествуя,
С потерявшим сознанье скворцом
По весенним полям путешествуя.

СЛУШАЕМ АКТЁРСКОЕ ЧТЕНИЕ

Николай Заболоцкий. «Уступи мне, скворец, уголок»

1. Воспевая весну и скворца в стихотворении «Уступи мне, скворец, уголок», поэт широко использует эпитеты, метафоры, сравнения, необычные сочетания слов, звукопись. Постарайтесь вернуться к каждой строфе и осмыслить поэтические находки Н. Заболоцкого. Например:

И свистит, и бормочет весна.
По колено затоплены тополи.
Пробуждаются клёны от сна,
Чтоб, как бабочки, листья захлопали...

И такой на полях кавардак,
И такая ручьёв околесица...

Начинай серенаду, скворец!
Сквозь литавры и бубны истории...

Открывай представленье, свистун!
Запрокинься головкою розовой...

А весна хороша, хороша!
Охватило всю душу сиренями...

Поселись на высоком шесте,
Полыхая но небу восторгами...

Повернись к мирозданью лицом,
Голубые подснежники чествуя...

2. Найдите и другие необычные слова и словосочетания. Покажите, как поэт олицетворяет весну и природу, делает её живой, подобной человеческому существу и вместе с тем придаёт всему описанию философскую глубину содержания.
3. Как вам кажется, какова разница в чтении стихотворений Николая Заболоцкого Алиной Покровской и Сергеем Сазонтьевым? Чьё чтение вам ближе? Почему?
4. Подготовьте выразительное чтение наизусть, передав голосом, интонациями чувство восхищения родной природой и её животворящей мощью.
5. Как помогает музыка К. Дебюсси почувствовать разнообразие поэтических красок?

Размышляем о прочитанном

1. Как вы объясните начало стихотворения Н. Заболоцкого «Вечер на Оке»? Почему подлинная радость очарования русского пейзажа открыта не всем и даже не каждому художнику?
2★. Что происходит с природой, когда «вечерний луч таинственно блеснёт»? Почему поэт вводит для её описания характерные для живого существа черты: *вздохнут леса; грудь реки приникнет к небосводу*? Что этим достигается? Какие тропы использует поэт?
3. С кем ведёт диалог поэт в стихотворении «Уступи мне, скворец, уголок»? В чём его смысл?
4. Какая картина мира открывается поэту и вам? Что происходит в природе?
5. Какие приёмы использует поэт в следующих словосочетаниях: *И свистит, и бормочет весна; По колено затоплены тополи. / Пробуждаются клёны от сна; Ты — наш первый весенний певец / Из берёзовой консерватории; Охватило всю душу сиренями; Полыхая по небу восторгами*? Найдите и другие строки, полные поэтических образов, объясните их.

Учимся читать выразительно

Прочитайте выразительно оба стихотворения Н. А. Заболоцкого. Постарайтесь увлечь своим чтением слушателей. Подумайте, в чём разница звучания этих стихотворений.

Николай РУБЦОВ

По вечерам

С моста идёт дорога в гору.
А на горе — какая грусть! —
Лежат развалины собора,
Как будто спит былая Русь.

Былая Русь! Не в те ли годы
Наш день, как будто у груди,
Был вскормлен образом свободы,
Всегда мелькавшей впереди!

Какая жизнь отликовала,
Отгоревала, отошла!
И всё ж я слышу с перевала,
Как веет здесь, чем Русь жила.

Всё так же весело и властно
Здесь парни ладят стремена,
По вечерам тепло и ясно,
Как в те былые времена.

Встреча

— Как сильно изменился ты! —
Воскликнул я. И друг опешил.
И стал печальней сироты...
Но я, смеясь, его утешил:
— Меняя прежние черты,
Меняя возраст, гнев и милость,
Не только я, не только ты,
И вся Россия изменилась!..

Привет, Россия...

Привет, Россия — родина моя!
Как под твоей мне радостно листвою!
И пенья нет, но ясно слышу я
Незримых певчих пенье хоровое...

Как будто ветер гнал меня по ней,
По всей земле — по сёлам и столицам!
Я сильный был, но ветер был сильней,
И я нигде не мог остановиться.

Привет, Россия — родина моя!
Сильнее бурь, сильнее всякой воли
Любовь к твоим овинам у жнивья,
Любовь к тебе, изба в лазурном поле.

За все хоромы я не отдаю
Свой низкий дом с крапивой под оконцем...
Как миротворно в горницу мою
По вечерам закатывалось солнце!

Как весь простор, небесный и земной,
Дышал в оконце счастьем и покоем,
И достославной веял стариной,
И ликовал под ливнями и зноем!..

Фонохрестоматия

СЛУШАЕМ АКТЁРСКОЕ ЧТЕНИЕ

Николай Рубцов. «Привет, Россия...»

1. Чему посвящено стихотворение Николая Рубцова?
2. Что пробуждает в поэте особенную радость? Найдите в тексте слова и выражения, свидетельствующие о душевном подъёме поэта. Например:

...под твоей мне радостно листвою!..

...ясно слышу я
Незримых певчих пенье хоровое...

Любовь к тебе, изба в лазурном поле.

3. Какие мысли поэта особенно проникновенно звучат в чтении Леонида Кулагина? С помощью каких интонаций, пауз, модуляций голоса это достигается?
4. Какие оттенки чувств поэта подчёркнуты музыкальным сопровождением?
5. Подготовьте выразительное чтение этого стихотворения.

Будьте внимательны к слову

1. Три стихотворения Николая Рубцова... О былом России, о переменах, о любви поэта к Родине... Что говорит Рубцов о прошлом России? Автор пишет об истории жизни народа, страны — *отликовала, отгоревала, отошла.* Что скрывается за этими простыми словами?
2. В чём выражается любовь поэта к Родине? Какие картины окружающего мира остаются в его сердце и греют душу? Какие литературные приёмы и средства использует автор для выражения своего чувства?
3. Прочитайте вслух и выучите наизусть одно из стихотворений, которое особенно понравилось вам, прочитайте стихотворение так, чтобы слушатели поняли, чем это стихотворение вас увлекло.

ПОЭТЫ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ О РОДИНЕ

Когда после Октябрьской революции перестала существовать единая Россия, образовалось две России — советская и эмигрантская... В истории было немало случаев, когда страны, в силу тех или иных установлений, разделялись — Восточная и Западная Германия, Северная и Южная Корея, Северный и Южный Вьетнам. Но люди тем не менее продолжали жить на своей исконной земле, и рано или поздно части разделённой страны воссоединялись, и время сравнительно быстро излечивало исторические и культурные рубцы. С Россией было иначе. Территория оставалась неделимой, зато её вынужденно покинула значительная часть самых образованных, просвещённых, культурных людей.

У русских писателей-эмигрантов было ясное понимание: без внутренних связей с русской культурой быстро наступит духовная смерть и полное растворение в чужой национальной среде.

Культура оказывалась той соломинкой, взявшись за которую можно было попытаться спасти и её, и себя.

Именно поэтому особое значение приобретают в эмиграции не только художественная литература, но и воспоминания, мемуары, рассказы и статьи об обычаях, обрядах, быте и вообще о прошлой жизни в России... Автобиографические сочинения пишут в эмиграции все или почти все, кто способен держать перо.

В. Коровин

Николай ОЦУП

Мне трудно без России...

Отрывок

Земля, и человек, и та или другая
Страна, особенно для сердца дорогая,
Чей радует обычай и язык,
Чьё имя связывать ты с жребием привык,
Тебе назначенным. Великая утрата —
Остаться без неё... А может быть, тогда-то
Такую (и такое) потеряв,
Но ей чужим или врагом не став, —
Тогда-то, может быть, и чувствуешь впервые
Всю жизни глубину... Мне трудно без России...

Зинаида ГИППИУС

Знайте!

Она не погибнет, — знайте!
Она не погибнет, Россия.
Они всколыхнутся, — верьте!
Поля её золотые.

И мы не погибнем, — верьте!
Но что нам наше спасенье?
Россия спасётся, — знайте!
И близко её воскресенье.

Фонохрестоматия

СЛУШАЕМ АКТЁРСКОЕ ЧТЕНИЕ

Зинаида Гиппиус. «Знайте!»

1. Тревожное стихотворение З. Гиппиус говорит о любви к оставленной ею родине. Поэтесса как бы убеждает всех и себя в первую очередь, что Россия не погибнет, как не погибнет её народ. Она утверждает, что близко возрождение России.
2. С какой интонацией читает это стихотворение Елена Габец?
3. Помогает ли музыка утвердить то, в чём убеждает нас З. Гиппиус?
4. Выучите это стихотворение наизусть, прочитайте его в классе.

Так и есть

Если гаснет свет — я ничего не вижу,
Если человек зверь — я его ненавижу.
Если человек хуже зверя — я его убиваю.
Если кончена моя Россия — я умираю.

Фонохрестоматия

СЛУШАЕМ АКТЁРСКОЕ ЧТЕНИЕ

Зинаида Гиппиус. «Так и есть»

1. В стихотворении утверждается, что если Россия гибнет, то и поэт умирает.
2. Сравните чтение стихотворении Зинаиды Гиппиус артистками Алиной Покровской и Еленой Габец. Какие особенности поэтической манеры

Зинаиды Гиппиус в большей степени подчёркнуты в чтении Алины Покровской, а какие — Елены Габец? Какие достоинства того или другого чтения вы могли бы отметить?

3. Приготовьте выразительное чтение стихотворения, прочитайте его в классе.

Дон АМИНАДО

Бабье лето

Нет даже слова такого
В толстых чужих словарях.
Август. Ущерб. Увяданье.
Милый, единственный прах.

Русское лето в России,
Запахи пыльной травы.
Небо какой-то старинной,
Тёмной, густой синевы.

Утро. Пастушья жилейка[1].
Поздний и горький волчец[2].
Эх, если б узкоколейка[3]
Шла из Парижа в Елец.

Фонохрестоматия

СЛУШАЕМ АКТЁРСКОЕ ЧТЕНИЕ

Дон Аминадо. «Бабье лето»

1. Какова главная мысль стихотворения «Бабье лето»?
2. Мы читаем назывные предложения:

Август. Ущерб. Увяданье.

Русское лето в России,
Запахи пыльной травы.

Утро. Пастушья жилейка.

С какой целью поэт употребляет эти и другие назывные предложения? Какие привычные картины и настроения возникают в сознании читателей и слушателей, дополняя невысказанное поэтом?

---

[1] *Жилéйка (жалéйка)* — дудка в виде маленькой свирели.

[2] *Волчéц* — род колючей сорной травы.

[3] *Узкоколéйка* — железная дорога с узкой колеёй.

3. О чём мечтает поэт? Как эта идея воплощена в стихотворении и в чтении Леонида Кулагина? Как «Вечерняя мелодия» поддерживает ностальгические чувства поэта?
4. Подготовьте выразительное чтение наизусть стихотворения «Бабье лето».

Иван БУНИН

* * *

У птицы есть гнездо, у зверя есть нора.
Как горько было сердцу молодому,
Когда я уходил с отцовского двора,
Сказать прости родному дому!

У зверя есть нора, у птицы есть гнездо.
Как бьётся сердце, горестно и громко,
Когда вхожу, крестясь, в чужой, наёмный дом
С своей уж ветхою котомкой!

Фонохрестоматия

СЛУШАЕМ АКТЁРСКОЕ ЧТЕНИЕ

Иван Бунин. «У птицы есть гнездо...»

1. Стихотворение И. А. Бунина «У птицы есть гнездо...» вы читали на уроке и знаете, что в нём автор размышляет над своей жизнью, над своей бесприютной судьбой. О чём он жалеет и горюет?
2. Как горькая судьба поэта передана в чтении актрисой Еленой Габец?
3. Подготовьте выразительное чтение стихотворения в классе, подчеркнув чувство разлуки поэта с родиной.

Размышляем о прочитанном

1. Какое настроение, какая музыка преобладают в стихотворениях разных поэтов о родной стороне?
   О чём говорят поэты-эмигранты? Почему им «трудно без России»? Что вспоминают они на чужбине?
2. Какое состояние души передают строки разных поэтов?

Полюбил бы я зиму,
Да обуза тяжка...
От неё даже дыму
Не уйти в облака.
И. Анненский. «Снег»

Но один есть в мире запах,
И одна есть в мире нега:
Это русский зимний полдень,
Это русский запах снега...
Дон Аминадо. «Города и годы»

3. Обратим внимание на то, что И. Анненский, с одной стороны, как будто бы недоволен зимой: «...Да обуза тяжка... / От неё даже дыму не уйти в облака», а с другой — любуется блеском снега: «Но люблю ослабелый / От заоблачных нег — / То сверкающе-белый, / То сиреневый снег...» Как меняются взгляд и чувства поэта от созерцания родных просторов?
4. Как вы понимаете строки Д. Мережковского?

Не надо звуков: тише, тише,
У молчаливых облаков
Учись тому теперь, что выше
Земных желаний, дел и слов.

5. Как Бунин говорит о горечи ухода из родного дома? Обратите внимание на пульсирующий ритм бунинского стиха. Что он напоминает?
6. В чём пафос стихотворений З. Гиппиус «Знайте!», «Так и есть»?

Учимся читать выразительно

Выберите и подготовьте к выразительному чтению наизусть одно или два стихотворения поэтов русского зарубежья о Родине.

Обогащаем свою речь

Объясните значение слов и словосочетаний, введите их в свою разговорную речь: *заплаканный лёд, очарованье русского пейзажа, вечерний луч, сквозные тени, множество диковин, голубые подснежники, русский зимний полдень, мироздание.*

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОРИЯ

Любое художественное произведение существует во времени и тесно прикреплено к истории общества, страны, народа, нации, всего человечества. Такая сопряжённость литературы и истории позволяет поставить проблему историзма как одну из основных в науке о литературе. Она выдвинута самой историей, т. е. историческим опытом человечества на протяжении тысячелетий.

Учёные, изучавшие мировую историю, заметили, что нынешнее состояние мира складывалось постепенно, что мышление и чувства, «язык», которым пользовались древние люди, имели как общие с теперешними качества, так и глубокие различия. В древности люди тоже думали, размышляли, любили, негодовали, мечтали. И в этом они не отличались от нас. Но содержание их мыслей, чувств, «языковое» выражение были другими, непохожими на содержание и выражение наших мыслей и чувств... К давно прошедшим историческим событиям нельзя применять современные понятия и представления.

Итак, под историзмом понимают соответствие идей и чувств, а также соответствие выражения их строго определённой исторической эпохе. Историзм предполагает, что ничто не является на пустом месте, а выступает результатом развития, что ход последующих событий вытекает из предыдущих. Историзм утверждает, что ничто в истории не повторяется в точно таком же виде, как оно произошло раньше. Минувший век не воскресает вновь.

В целом знание истории и развитое чувство историзма помогает угадать и понять смысл и направление исторического движения всего человечества, а значит, содействовать желательным процессам и противодействовать нежелательным.

В художественной литературе дело обстоит несколько иначе. Так, достаточно, если вымысел соответствует духу истории, чтобы художественная фантазия была историчной. Например, в романе А. С. Пушкина «Арап Петра Великого» Пётр I встречает Ибрагима Ганнибала, предка великого поэта, за 28 вёрст от Петербурга, в ямской избе, сажает в свою коляску и гордо показывает ему город, которого крестник царя ещё не видел. В истории такого эпизода не было. Но, зная характер Петра I, его преобразовательную энергию, его заботу о полезных государству людях, Пушкин предположил, что так могло быть. Его художественный вымысел оказался убедительным и историчным, так как отвечал духу эпохи.

Под историзмом художественной литературы понимают её способность в живых картинах, конкретных человеческих судьбах и характерах передавать облик той или иной исторической эпохи. Понятие «историзм» употребляется в двух смыслах — широком и узком.

В широком смысле историзм присущ всем истинно художественным произведениям независимо от того, изображают ли они далёкое прошлое или современность. Например, историзмом отмечены и «Песнь о вещем Олеге», и роман «Дубровский»,

и «Капитанская дочка» А. С. Пушкина, и рассказ А. П. Чехова «Злоумышленник». В одних из названных произведений есть исторические сцены, в других — нет, но все они отвечают требованиям художественного историзма, передавая своеобразие жизни человека определённого времени.

В узком смысле понятие «историзм» применяется к произведениям исторических жанров — историческим романам, историческим поэмам, содержанием которых становятся исторические сюжеты, как, например, в поэме Н. А. Некрасова «Русские женщины» или повести Н. В. Гоголя «Тарас Бульба». В них писатели стремятся понять и передать своеобразие отдалённой эпохи, особенности характеров и поступков людей, т. е. подойти к изображению прошлого исторически.

Понятие историзма вообще и художественного историзма в частности возникло недавно, на рубеже XVIII—XIX веков. Это, однако, не значит, что произведения, созданные до этого времени, лишены историзма. Поэмы Гомера, былины, песни, сказки, «Слово о полку Игореве» тоже обладают историзмом, но историзмом особым.

В античных произведениях все исторические события, о которых рассказывается в поэмах Гомера «Илиада» и «Одиссея», — это игры олимпийских богов, их споры, конфликты, столкновения, победы и поражения. В распри богов были вовлечены герои и люди. Это и нашло отражение в поэме Гомера «Илиада».

В средневековую эпоху утвердилось мнение, что история человечества пишется на небесах, что она есть творение Бога.

В дальнейшем история всё более связывалась с представлением о человеке, о его деяниях и нравственных силах, об участии в историческом процессе различных слоёв и групп народа.

В соответствии с этим и смысл истории понимался поразному. Н. М. Карамзин, например, считал, что смысл истории находится в ведении Провидения, которое осуществляет свою волю через мысли и поступки людей.

Понятие «историзм» возникает в конце XVIII — начале XIX века в трудах немецкого историка И.-Г. Гердера и английского романиста Вальтера Скотта. Гердер ищет национальное своеобразие в фольклоре, в творчестве народа. Вальтер Скотт демонстрирует историзм мышления при воссоздании прошлых эпох, сосредоточивается на воспроизведении истории «домашним образом», на историческом колорите, передавая характеры людей, особенности их мыслей и чувств. В романах Вальтера Скотта

воплотились наиболее яркие признаки романтического историзма.

В России романтический историзм даёт себя знать в думах К. Ф. Рылеева, в исторических повестях Бестужева-Марлинского [1], в романах Загоскина [2], в балладах А. К. Толстого [3].

Под романтическим историзмом понимают изображение человека и выражение его внутреннего мира в зависимости от национального опыта, климата, природы, языка, народных верований, обычаев.

Причём у одних писателей (Рылеев, например) герои думают и чувствуют как сам поэт и его друзья-декабристы, у других — заметно стремление точно воспроизвести исторический колорит, сохранить верность нравам, обычаям, языку прошлых эпох.

Реалистический историзм характерен тем, что история предельно приближена к человеку, его быту и его житейским условиям. Такой историзм свойствен прежде всего А. С. Пушкину, заложившему основы реалистического историзма. Это означает, что человек — часть истории, что история продолжает творить его, формируя характер, вкусы, привычки, быт, нравственность и язык. Реалистический историзм — это сюжетное, композиционное и языковое воспроизведение исторических явлений в свете их собственного содержания и смысла. При этом глубина и правдивость такого воспроизведения зависят от проникновения автора в своеобразие исторической эпохи. А. С. Пушкин не ограничился воспроизведением исторического колорита и панорамы эпохи, а изобразил социальный конфликт между властью и народом, дворянством и крестьянством, дворянством старинным родовитым и новым. Так, в романе «Дубровский» принадлежащий к старинному дворянскому роду Владимир Дубровский становится во главе крестьян против Троекурова. Однако впоследствии А. С. Пушкин понимает, что дворянин не может возглавить крестьянское восстание. В «Капитанской дочке» дворянин Гринёв не переходит на сторону Пугачёва. Но мысль А. С. Пушкина сводится к тому, что в сердце молодого дворянина возобладали человеческие чувства, которые в дальнейшем объединяли бы крестьян и дворян, а не разъединяли их.

---

[1] *Бестýжев-Марлúнский А. А.* (1797—1837) — русский писатель.

[2] *Загóскин М. Н.* (1789—1852) — русский писатель.

[3] *Толстóй А. К.* (1817—1874) — русский писатель.

Эта же мысль о единстве нации пронизывает и роман Л. Н. Толстого «Война и мир». О победе общечеловеческих чувств, несмотря на непреодолимые препятствия, писал и Н. А. Некрасов в поэме «Русские женщины». А. П. Чехов, исторически глубоко поняв душу русского человека, с необычайной силой изобразил пропасть между безграмотным, непросвещённым мужиком, чуждым всякого злодейства, но невольно ставшим «злодеем», злоумышленником, не понимающим совершённого им преступления, и образованным сословием в лице следователя.

С течением времени понятие историзма и сам принцип художественного историзма обогатились в творчестве И. А. Бунина, А. А. Блока, М. А. Булгакова, А. Т. Твардовского, которые могли одной деталью, одной чертой, одним намёком передать самую суть исторической эпохи и характер Человека этой эпохи.

В. Коровин

?! Проверьте себя

1. Что понимают литературоведы под историзмом? Как возникло понятие «историзм»?
   Что означает понятие «историзм» в широком и узком смыслах этого слова?
2★. В каких произведениях русской литературы проявился романтический историзм, а в каких — реалистический?
   Подтвердите свои ответы примерами из произведений русской литературы.

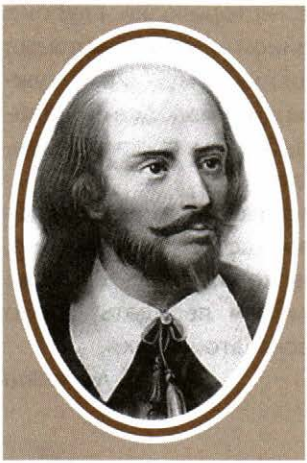
Обогащаем свою речь

Объясните слова и словосочетания, включите их в пересказ статьи об историзме в литературе:

— история общества, опыт человечества,

— древние люди, историзм, предок поэта,

— утвердилось мнение, нашло отражение, романтический историзм, внутренний мир, реалистический историзм, эпоха.

Уильям ШЕКСПИР

1564—1616

Уильям Шекспир — великий английский поэт и драматург эпохи Возрождения.

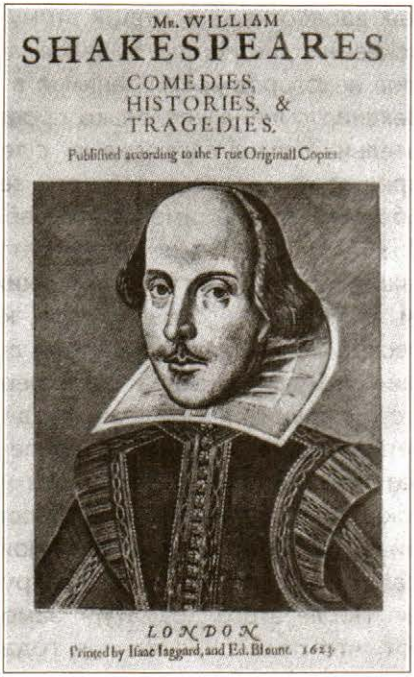
О жизни великого драматурга сохранилось мало сведений, так как в глазах современников он отнюдь не был таким великим человеком, каким его признали последующие поколения. Его жизнь и творчество обросли легендами. Многие учёные по крупинке собирали данные о Шекспире, строили догадки, проверяли гипотезы и заполняли пробелы в его биографии. Документы, которые удалось найти, касаются в основном имущественных дел драматурга, зато о театральной деятельности Шекспира имеются более подробные сведения.

Шекспир родился в маленьком провинциальном городке Стрэтфорде, расположенном на реке Эйвон. Отец Шекспира был состоятельным ремесленником и торговцем. Своё детство Шекспир провёл среди простых людей, глубоко усвоив живой народный язык. Начальное образование будущий драматург получил в грамматической школе Стрэтфорда, где главным предметом изучения были древние языки. Здесь Шекспир усвоил латынь и древнегреческий. На этом его официальное образование закончилось, так как уже с четырнадцатилетнего возраста он был вынужден помогать отцу в делах. Однако Шекспир стал весьма образованным для своего времени человеком, постоянно занимаясь самообразованием, пополняя недостающие знания чтением книг. В возрасте восемнадцати лет Шекспир женился, а через три-четыре года отправился

в Лондон в поисках заработка. Его отец к этому времени испытал серьёзные житейские неприятности, лишился денег и почётного положения, которое некоторое время занимал в Стрэтфорде.

В Лондоне Шекспир сменил несколько профессий и только в 1594 году окончательно связал свою судьбу с театром. Он вошёл в актёрское товарищество своего известного земляка, талантливого актёра Бербеджа. Труппа именовала себя «Слуги лорда-камергера». В 1599 году Бербедж открывает театр «Глобус», который стал лучшим среди шести лондонских театров. Успех театра во многом зависел от его репертуара, который создавал Шекспир, уже несколько лет увлекавшийся литературной деятельностью. Ранние опыты Шекспира были переделкой и «подновлением» уже существующих сюжетов, позднее он перешёл к созданию собственных произведений. В труппе Шекспира более ценили как драматурга, а не как актёра, хотя на сцене он оставался лет до сорока. В 1612 году Шекспир расстался с театром и вернулся в родной Стрэтфорд, где жил до самой смерти. Последние пьесы, написанные Шекспиром для его труппы, относятся к 1612—1613 годам. После этого драматург замолчал. Исследователи предполагают, что последние четыре года жизни Шекспир болел. Скончался великий драматург в возрасте 52 лет и был похоронен под алтарём храма Святой Троицы в родном городе.

Наследие Шекспира составляют 154 сонета, несколько небольших поэм, стихотворные циклы и 37 пьес. Его творчество является наглядным примером расцвета и кризиса гуманистической идеологии. Первое десятилетие его творчества проникнуто оптимистической верой в решение социальных противоречий; следующий период исполнен трагизма, так как на глазах у Шекспира рушился самый главный его идеал — убеждение в бесконечном совершенствовании человека; в последний период драматург пытается найти выход из мира трагических противоречий в своём собственном мире романтических драм. Ранний период творчества Шекспира (1590—1600) прошёл под знаком надежд на обновление. Это было время написания исторических хроник («Ричард II, «Ричард III», «Генрих IV», «Генрих V», «Генрих VI» и др.) и комедий («Укрощение строптивой», «Венецианский купец», «Виндзорские насмешницы», «Двенадцатая ночь» и др.). Светлое, жизнерадостное настроение комедий, вера в торжество лучших начал в государственной жизни исторических хроник сочетаются в этом периоде творчества. Единственная трагедия этого периода «Ромео и Джульетта» (1595) проникнута светом романтической любви и глубоким лиризмом. Гибель главных героев не делает эту трагедию безысходной.

У. Шекспир. *Гравюра работы художника М. Друсхоута. «Фолио». 1623 г.*

Ромео и Джульетта выросли и живут в обстановке вековой вражды их семейств, любой пустяк служит поводом для стычек. Несмотря на это, родилась и расцвела любовь двух прекрасных юных существ, которые презирают кровавые распри, которым не страшна смерть, а страшна жизнь без любимого. Герои погибают, но над их телами происходит примирение враждующих семейств Монтекки и Капулетти. Любовь одерживает моральную победу над миром зла.

Во второй период своего творчества (1601—1608), который можно назвать «трагическим», Шекспир пытается разрешить вопросы противоречивой природы человека, который может подняться до величайших духовных высот и опуститься до преступления. Источником трагического становится резкое противоречие между гуманистическими идеалами и новой действительностью с её культом власти и золота. В этот период созданы знаменитые трагедии «Гамлет», «Отелло», «Макбет» и «Король Лир».

В последние годы творчества (1609—1613) пьесы Шекспира приобретают иной характер. Драматург начинает искать выход из неразрешимых конфликтов времени в сказке, в утопии. В последних пьесах Шекспира: «Перикл», «Цимбилин», «Буря»,

«Зимняя сказка» — мир полон зла, но добро чудесным образом всегда одерживает победу.

Пьесы Шекспира, созданные около четырёх веков назад, живут и до сих пор, потрясая воображение зрителей. Лучшие театры мира, выдающиеся актёры считают для себя великой честью поставить и сыграть спектакль Шекспира.

Проверьте себя

1. Что вы знаете о жизни Шекспира из самостоятельно прочитанных книг?
2. Прочитайте высказывания А. С. Пушкина и И. С. Тургенева о Шекспире:

«Трагедия „Ромео и Джульетта“ хотя слогом своим совершенно отделяется от известных его приёмов, но она так явно входит в его драматическую систему и носит на себе так много следов вольной и широкой его кисти, что её должно почесть сочинением Шекспира. В ней отразилась Италия, современная поэту, с её климатом, страстями, праздниками, негой, сонетами, с её роскошным языком, исполненным блеска и concetti [1]».

А. С. Пушкин

«Мы, русские, празднуем память Шекспира, и мы имеем право её праздновать. Для нас Шекспир не одно только громкое, яркое имя, которому поклоняются лишь изредка и издали: он сделался нашим достоянием, он вошёл в нашу плоть и кровь. Ступайте в театр, когда даются его пиэсы... ступайте в театр, пробегите все ряды собравшейся толпы, приглядитесь к лицам, прислушайтесь к суждениям — и вы убедитесь, что перед вашими глазами совершается живое, тесное общение поэта с его слушателями, что каждому знакомы и дороги созданные им образы, понятны и близки мудрые и правдивые слова, вытекшие из сокровищницы его всеобъемлющей души!»

И. С. Тургенев

Творческое задание

Познакомьтесь с отрывком из трагедии «Ромео и Джульетта». Сопоставьте свои впечатления с отзывом Пушкина. Изложите свои впечатления и наблюдения в сочинении-эссе.

Попытайтесь последовать советам Тургенева, если будете смотреть спектакль в театре.

Литература и другие виды искусства

Рассмотрите гравюру М. Друсхоута портрета Шекспира (1623). Согласны ли вы с оценкой, которую дал портрету доктор Рауз: «Какое сильное впечатление он производит, этот внимательный взгляд всепонимающих глаз, и что за лоб, что за мозг!»?

---

[1] *Кончéтти* (ит.) — с блеском выраженные мысли.

Ромео и Джульетта

Сцены

Чтобы понять суть помещаемых ниже сцен, примем во внимание, что юные герои принадлежат к двум смертельно враждующим родам: Джульетта — к роду Капулетти, Ромео — к роду Монтекки.

Акт второй

Сцена 2

Сад Капулетти.

Входит Ромео.

Ромео

. . . . . .

Но что за блеск я вижу на балконе?
Там брезжит свет. Джульетта, ты как день!
Стань у окна, убей луну соседством;
Она и так от зависти больна,
Что ты её затмила белизною.

На балконе показывается Джульетта.

Оставь служить богине чистоты.
Плат девственницы жалок и невзрачен.
Он не к лицу тебе. Сними его.
О милая! О жизнь моя! О радость!
Стоит, сама не зная, кто она.
Губами шевелит, но слов не слышно.
Пустое, существует взглядов речь!
О, как я глуп! С ней говорят другие.
Две самых ярких звёздочки, спеша
По делу с неба отлучиться, просят
Её глаза покамест посверкать.
Ах, если бы глаза её на деле
Переместились на небесный свод!
При их сиянье птицы бы запели,
Приняв ночь за солнечный восход.
Стоит одна, прижав ладонь к щеке.
О чём она задумалась украдкой?
О, быть бы на её руке перчаткой,
Перчаткой на руке!

Джульетта

О, горе мне!

Ромео

Проговорила что-то. Светлый ангел,
Во мраке над моею головой
Ты реешь, как крылатый вестник неба
Вверху, на недоступной высоте,
Над изумлённою толпой народа,
Которая следит за ним с земли.

Джульетта

Ромео, как мне жаль, что ты Ромео!
Отринь отца да имя измени.
А если нет, меня женою сделай,
Чтоб Капулетти больше мне не быть.

Ромео

Прислушиваться дальше иль ответить?

Джульетта

Лишь это имя мне желает зла.
Ты б был собой, не будучи Монтекки.
Что есть Монтекки? Разве так зовут
Лицо и плечи, ноги, грудь и руки?
Неужто больше нет других имён?
Что значит имя? Роза пахнет розой,
Хоть розой назови её, хоть нет.
Ромео под любым названьем был бы
Тем верхом совершенств, какой он есть.
Зовись иначе как-нибудь, Ромео,
И всю меня бери тогда взамен!

Ромео

О, по рукам! Теперь я твой избранник.
Я новое крещение приму,
Чтоб только называться по-другому.

Джульетта

Кто это проникает в темноте
В мои мечты заветные?

Ромео

Не смею
Назвать себя по имени. Оно
Благодаря тебе мне ненавистно.
Когда б оно попалось мне в письме,
Я б разорвал бумагу с ним на клочья.

Джульетта

Десятка слов не сказано у нас,
А как уже знаком мне этот голос!
Ты не Ромео? Не Монтекки ты?

Ромео

Ни тот, ни этот: имена запретны.

Джульетта

Как ты сюда пробрался? Для чего?
Ограда высока и неприступна.
Тебе здесь неминуемая смерть,
Когда б тебя нашли мои родные.

Ромео

Меня перенесла сюда любовь,
Её не останавливают стены,
В нужде она решается на всё,
И потому — что мне твои родные!

Джульетта

Они тебя увидят и убьют.

Ромео

Твой взгляд опасней двадцати кинжалов.
Взгляни с балкона дружелюбно вниз,
И это будет мне от них кольчугой.

Джульетта

Не попадись им только на глаза!

Ромео

Меня плащом укроет ночь. Была бы
Лишь ты тепла со мною. Если ж нет,
Предпочитаю смерть от их ударов,
Чем долгий век без нежности твоей.

Джульетта

Кто показал тебе сюда дорогу?

Ромео

Её нашла любовь. Я не моряк,
Но если б ты была на крае света,
Не медля мига, я бы, не страшась,
Пустился в море за таким товаром.

Джульетта

Моё лицо спасает темнота,
А то б я, знаешь, со стыда сгорела,
Что ты узнал так много обо мне.
Хотела б я восстановить приличье,
Да поздно, притворяться ни к чему.
Ты любишь ли меня? Я знаю, верю,
Что скажешь «да». Но ты не торопись.
Ведь ты обманешь. Говорят, Юпитер
Пренебрегает клятвами любви.
Не лги, Ромео. Это ведь не шутка.
Я легковерной, может быть, кажусь?
Ну ладно, я исправлю впечатленье.
И откажу тебе в своей руке,
Чего не сделала бы добровольно.
Конечно, я так сильно влюблена,
Что глупою должна тебе казаться,
Но я честнее многих недотрог,
Которые разыгрывают скромниц.
Мне б следовало сдержаннее быть,
Но я не знала, что меня услышат.
Прости за пылкость и не принимай
Прямых речей за лёгкость и доступность.

Ромео

Мой друг, клянусь сияющей луной,
Посеребрившей кончики деревьев...

Джульетта

О, не клянись луною, в месяц раз
Меняющейся, — это путь к изменам.

Ромео

Так чем мне клясться?

Джульетта

Не клянись ничем.
Или клянись собой, как высшим благом,
Которого достаточно для клятв.

Ромео

Клянусь, мой друг, когда бы это сердце...

Джульетта

Не надо, верю. Как ты мне ни мил,
Мне страшно, как мы скоро сговорились.

Всё слишком второпях и сгоряча,
Как блеск зарниц, который потухает,
Едва сказать успеешь «блеск зарниц».
Спокойной ночи! Эта почка счастья
Готова к цвету в следующий раз.
Спокойной ночи! Я тебе желаю
Такого же пленительного сна,
Как светлый мир, которым я полна.

Ромео

Но как оставить мне тебя так скоро?

Джульетта

А что прибавить к нашему говóру?

Ромео

Я клятву дал. Теперь клянись и ты.

Джульетта

Я первая клялась и сожалею,
Что дело в прошлом, а не впереди.

Ромео

Ты б эту клятву взять назад хотела?

Джульетта

Да, для того, чтоб дать её опять.
Мне не подвластно то, чем я владею.
Моя любовь без дна, а доброта —
Как ширь морская. Чем я больше трачу,
Тем становлюсь безбрежней и богаче.

Голос кормилицы за сценой.

Меня зовут. Я ухожу. Прощай. —
Иду, иду! — Прости, не забывай.
Я, может быть, вернусь ещё. Постой-ка.

(Уходит.)

Ромео

Святая ночь, святая ночь! А вдруг
Всё это сон? Так непомерно счастье,
Так сказочно и чудно это всё!

На балкон возвращается Джульетта.

Джульетта

Ещё два слова. Если ты, Ромео,
Решил на мне жениться не шутя,

Дай завтра знать, когда и где венчанье.
С утра к тебе придёт мой человек
Узнать на этот счёт твоё решенье.
Я всё добро сложу к твоим ногам
И за тобой последую повсюду.

Кормилица *(за сценой)*
Голубушка!

Джульетта
Иду! Сию минуту! —
А если у тебя в уме обман,
Тогда, тогда...

Кормилица *(за сценой)*
Голубушка!

Джульетта
Немедля
Оставь меня и больше не ходи.
Я завтра справлюсь.

Ромео
Я клянусь спасеньем...

Джульетта
Сто тысяч раз прощай.

(Уходит.)

Ромео
Сто тысяч раз
Вздохну с тоской вдали от милых глаз.
К подругам мы — как школьники домой,
А от подруг — как с сумкой в класс зимой.

(Направляется к выходу.)

На балкон возвращается Джульетта.

Джульетта
Ромео, где ты? Дудочку бы мне,
Чтоб эту птичку приманить обратно!
Но я в неволе, мне кричать нельзя,
А то б я эхо довела до хрипа
Немолчным повтореньем этих слов:
Ромео, где ты? Где же ты, Ромео?

У. Шекспир. «Ромео и Джульетта». *Художник Д. Шмаринов*

Ромео

Моя душа зовёт меня опять.
Как звонки ночью голоса влюблённых!

Джульетта

Ромео!

Ромео

Милая!

Джульетта

В каком часу
Послать мне завтра за ответом?

Ромео

В девять.

Джульетта

До этого ведь целых двадцать лет!
Мученье ждать... Что я сказать хотела?

Ромео

Припомни, я покамест постою.

Джульетта

Постой, покамест я опять забуду,
Чтоб только удержать тебя опять.

Ромео

Припоминай и забывай, покуда,
Себя не помня, буду я стоять.

Джульетта

Почти светает... Шёл бы ты подальше.
А как, скажи, расстаться мне с тобой?
Ты как ручная птичка щеголихи,
Прикованная ниткою к руке.
Ей то дают взлететь на весь подвесок,
То тащат вниз на шёлковом шнурке.
Вот так и мы с тобой.

Ромео

Мне б так хотелось
Той птицей быть!

Джульетта

О, этого и я
Хотела бы, но я бы умертвила
Тебя своими ласками. Прощай!
Прощай, прощай, а разойтись нет мочи!
Так и твердить бы век: «Спокойной ночи».

(Уходит.)

Ромео

Прощай! Спокойный сон к тебе приди
И сладкий мир разлей в твоей груди!
А я к духовнику[1] отправлюсь в келью
Поговорить о радостях и деле.

(Уходит.)

Вынужденный вступить в поединок, Ромео убивает двоюродного брата Джульетты — Тибальда. Ромео должен отправиться в ссылку.

[1] *Духовни́к* — священник, принимающий исповедь.

Сцена 5

Комната Джульетты.

Ромео и Джульетта.

Джульетта

Уходишь ты? Ещё не рассвело.
Нас оглушил не жаворонка голос,
А пенье соловья. Он по ночам
Поёт вон там, на дереве граната.
Поверь, мой милый, это соловей!

Ромео

Нет, это были жаворонка клики,
Глашатая зари. Её лучи
Румянят облака. Светильник ночи
Сгорел дотла. В горах родился день
И тянется на цыпочках к вершинам.
Мне надо удалиться, чтобы жить,
Или остаться и проститься с жизнью.

Джульетта

Та полоса совсем не свет зари,
А зарево какого-то светила,
Взошедшего, чтоб осветить твой путь
До Мантуи огнём факелоносца.
Побудь ещё. Куда тебе спешить?

Ромео

Пусть схватят и казнят. Раз ты согласна,
Я и подавно остаюсь с тобой.
Пусть будет так. Та мгла — не мгла рассвета,
А блеск луны. Не жаворонка песнь
Над нами оглашает своды неба.

Мне легче оставаться, чем уйти.
Что ж, смерть, так смерть! Так хочется Джульетте.
Поговорим. Ещё не рассвело.

Джульетта

Нельзя, нельзя! Скорей беги: светает,
Светает! Жаворонок-горлодёр
Своей нескладицей нам режет уши,

А мастер трели будто разводить!
Не трели он, а любящих разводит.
И жабьи будто у него глаза.
Нет, против жаворонков жабы — прелесть!
Он пеньем нам напомнил, что светло
И что расстаться время нам пришло.
Теперь беги: блеск утра всё румяней.

Ромео

Румяней день и всё черней прощанье.

В комнату входит кормилица.

Кормилица

Джульетта!

Джульетта

Няня?

Кормилица

Матушка идёт.
Светает. Осторожнее немножко.
(Уходит.)

Джульетта

В окошко — день, а радость — из окошка!

Ромео

Обнимемся. Прощай! Я спрыгну в сад.

Джульетта

Ты так уйдёшь, мой друг, мой муж, мой клад?
Давай мне всякий час всё это время
Знать о себе. В минуте столько дней,
Что, верно, я на сотни лет состарюсь,
Пока с моим Ромео свижусь вновь.

Ромео

Я буду посылать с чужбины весть
Со всяким, кто её возьмётся свезть.

Джульетта

Увидимся ль когда-нибудь мы снова?

Ромео

Наверное. А муки эти все
Послужат нам потом воспоминаньем.

Джульетта

О Боже, у меня недобрый глаз!
Ты показался мне отсюда, сверху,
Опущенным на гробовое дно
И, если верить глазу, страшно бледным.

Ромео

Печаль нас пожирает, и она
Пьёт нашу кровь. Ты тоже ведь бледна.
Прощай, прощай!

(Уходит.)

Джульетта

Судьба, тебя считают
Изменчивою. Если так, судьба,
То в самом деле будь непостоянной
И вдалеке не век его держи.

Перевод Б. Пастернака

Фонохрестоматия

СЛУШАЕМ АКТЁРСКОЕ ЧТЕНИЕ

Уильям Шекспир. «Ромео и Джульетта»

Знаменитая трагедия У. Шекспира прочитана и обсуждена вами в классе. Может быть, некоторые видели пьесу в театре. Послушайте отрывки из неё в исполнении актёров.

1. Помогло ли вам актёрское исполнение представить характеры героев трагедии?
2. Какими выразительными средствами речи (интонации, паузы, ударения, повышение и понижение голоса) переданы актрисой Ольгой Шороховой мечты Джульетты и её волнение?
3. Помогли ли актёры почувствовать вам, в чём состоит счастье и трагедия влюблённых?

Проверьте себя

1. Подготовьте краткий рассказ о Шекспире. При выполнении задания используйте статью учебника и материалы словаря «Зарубежные писатели».
2. Почему, как считает И. С. Тургенев, русские имеют право праздновать память Шекспира?

3. Какие произведения Шекспира вам известны? О чём рассказывает трагедия «Ромео и Джульетта»? Кто герои трагедии и что в них так давно занимает читателей и зрителей всех стран мира?
4. Что Ромео говорит о Джульетте? Что волнует Джульетту и о чём она мечтает? В чём счастье и трагедия влюблённых?

Учимся читать выразительно

Подготовьте выразительное чтение по ролям сцены из трагедии «Ромео и Джульетта».

Сонеты

Сонéт — стихотворение из четырнадцати строк с определённым порядком рифмовки.

Познакомьтесь с содержанием сонетов У. Шекспира и ответьте на вопросы.

76. «Увы, мой стих не блещет новизной...»

Увы, мой стих не блещет новизной,
Разнообразьем перемен нежданных.
Не поискать ли мне тропы иной,
Приёмов новых, сочетаний странных?

Я повторяю прежнее опять,
В одежде старой появляюсь снова,
И кажется, по имени назвать
Меня в стихах любое может слово.

Всё это оттого, что вновь и вновь
Решаю я одну свою задачу:
Я о тебе пишу, моя любовь,
И то же сердце, те же силы трачу.

Всё то же солнце ходит надо мной,
Но и оно не блещет новизной.

Размышляем о прочитанном

1. О чём этот сонет? Действительно ли «стих не блещет новизной»? Или это ирония автора?

2. Какие чувства вы отнесли бы к вечным и всегда обретающим новизну с каждым человеком?
3. Что вы можете сказать о лирическом герое шекспировского сонета, о характере его отношений к возлюбленной?

Обогащаем свою речь

Объясните значение слов и словосочетаний: *новизна, разнообразье перемен, приёмов новых* и т. д.

Учимся читать выразительно

1. Прочитайте выразительно сонет, обратив внимание на иронию и поставленные поэтом на первое место вечные ценности, всегда остающиеся новыми.
2. Подготовьте выразительное чтение сонета, передав лживость пышных книжных сравнений и искренность, непосредственность чувств лирического героя.

Её глаза на звёзды не похожи,
Нельзя уста кораллами назвать,
Не белоснежна плеч открытых кожа,
И чёрной проволокой вьётся прядь.

С дамасской розой, алой или белой,
Нельзя сравнить оттенок этих щёк.
А тело пахнет так, как пахнет тело,
Не как фиалки нежный лепесток.

Ты не найдёшь в ней совершенных линий,
Особенного света на челе.
Не знаю я, как шествуют богини,
Но милая ступает по земле.

И всё ж она уступит тем едва ли,
Кого в сравненьях пышных оболгали.

Жан-Батист МОЛЬЕР

1622—1673

Жан-Батист Поклен, вошедший в литературу под именем Мольера, — французский актёр и драматург, один из величайших комедиографов мировой литературы.

Мольер родился в Париже в семье придворного обойщика. Он получил хорошее образование в привилегированном учебном заведении — Клермонском коллеже, однако свой диплом юриста Мольер променял на любимую профессию, став актёром, что с детства было его заветной мечтой. Вместе с друзьями и единомышленниками Мольер создал труппу актёров и открыл в Париже «Блистательный театр». Это был ранний период в истории французского театра, и начинание молодых энтузиастов провалилось, труппа разорилась, а театр пришлось закрыть. Начиная с 1646 года, в течение 13 лет, Мольер вместе с труппой бродячих актёров разъезжает по Франции. Мольер был блестящим актёром и поначалу не задумывался о литературном творчестве, но бедность репертуара труппы заставила его взяться за перо. Вначале он лишь переделывал итальянские фарсы, но, неожиданно почувствовав в себе талант драматурга, занялся самостоятельным творчеством. В это время ему было немногим более 30 лет. Во время скитаний по Франции труппа Мольера выступала и на ярмарках, и в богатых поместьях. Драматург знакомился с вельможами и простолюдинами, приобретал жизненный и сценический опыт. В 1658 году труппа Мольера получила возможность остаться в Париже.

Мольер считал своим долгом исправлять нравы, совершенствовать человеческую природу; во всех своих комедиях драматург разоблачает низкие человеческие страсти. Все персонажи Мольера — носители какой-нибудь одной ведущей черты, как требовали

законы классицизма. В «Дон Жуане» (1665) разоблачается распущенность и эгоизм, уничтожающий все лучшие человеческие чувства; в комедии «Скупой» (1668) — скупость в её крайнем проявлении; в комедии «Мещанин во дворянстве» — тщеславие; в комедии «Мнимый больной» (1670) — глупость доверчивых пациентов и невежественность докторов-шарлатанов. Особое место в творчестве Мольера занимает пьеса «Мизантроп» (1668), в которой комическое начало оттеснено трагизмом ситуации. Главный герой Альцест протестует против общепринятых, но аморальных норм поведения. Своим поведением в светском обществе Альцест вызывает вражду и насмешки, а сам испытывает отвращение к людям — мизантропию. Альцест — предшественник грибоедовского Чацкого.

Будучи уже прославленным писателем, Мольер не смог оставить сцену. Однажды во время представления своей комедии «Мнимый больной», где драматург играл главную роль, он почувствовал себя плохо. После окончания спектакля Мольер умер. Архиепископ Парижский запретил предавать земле тело «непокаявшегося грешника» по христианскому обряду. Мольер был похоронен ночью за кладбищенской оградой.

Характерным приёмом соединения традиций и новаторства был разработанный Мольером жанр комедии-балета, сочетающий драматическое действие с танцами и музыкой. К этому жанру относится наиболее известное у нас произведение Мольера «Мещанин во дворянстве». Своим возникновением эта комедия обязана анекдотическому случаю. Турецкий посол, находящийся при дворе французского короля, как-то неосмотрительно заметил, что конь у турецкого султана украшен роскошнее, чем корона Людовика XIV. Разгневанный монарх приказал посадить посла под домашний арест, а затем и вовсе выдворить из Франции. Но этого показалось мало, и король пожелал, чтобы Мольер в одной из своих комедий выставил турок в смешном виде. В этой комедии драматург издевается и над турецкой, и над французской пышностью и неестественностью. Мольер высмеивает один из древнейших пороков человечества — тщеславие. Разбогатевшему мещанину Журдену для полного счастья необходимо дворянское звание. И он готов купить его за наличные. Комедия осуждает тех, кто пренебрежительно относится к своему происхождению, к традициям своего класса. Не почётное звание делает человека человеком, а его личные качества. Попытка занять не своё, а чужое место делает порядочного человека смешным и жалким, отдаёт его во власть мошенников. В жизни надо заниматься своим делом, и это всегда будет почётным и достойным.

Комедии Мольера не потеряли своей актуальности и до настоящего времени. Более трёхсот лет они не сходят с подмостков театров всего мира, а начиная с петровских времён — и с русской сцены.

Творческое задание

Подготовьте устное сообщение о жизни и творчестве Ж.-Б. Мольера, используя материалы статьи учебника и ресурсы Интернета.

Мещанин во дворянстве

Комедия в пяти действиях (с сокращениями)

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА КОМЕДИИ

Г-Н ЖУРДЕН
мещанин.
Г-ЖА ЖУРДЕН
его жена.
ЛЮСИЛЬ
их дочь.
КЛЕОНТ
молодой человек, влюблённый в Люсиль.
ДОРИМЕНА
маркиза.
ДОРАНТ
граф, влюблённый в Доримену.
НИКОЛЬ
служанка в доме г-на Журдена.
КОВЬЕЛЬ
слуга Клеонта.
УЧИТЕЛЬ МУЗЫКИ.
УЧЕНИК УЧИТЕЛЯ МУЗЫКИ.
УЧИТЕЛЬ ТАНЦЕВ.
УЧИТЕЛЬ ФЕХТОВАНИЯ.
УЧИТЕЛЬ ФИЛОСОФИИ.
МУЗЫКАНТЫ.
ПОРТНОЙ.
ПОДМАСТЕРЬЕ ПОРТНОГО.
ДВА ЛАКЕЯ.
ТРИ ПАЖА.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА БАЛЕТА

В первом действии
ПЕВИЦА.
ДВА ПЕВЦА.
ТАНЦОВЩИКИ.

Во втором действии
ПОРТНОВСКИЕ ПОДМАСТЕРЬЯ
(танцуют).

В третьем действии
ПОВАРА
(танцуют).

В четвёртом действии
МУФТИЙ[1].
ТУРКИ, СВИТА МУФТИЯ
(поют).
ДЕРВИШИ[2]
(поют).
ТУРКИ
(танцуют).

Действие происходит в Париже, в доме г-на Журдена.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Увертюра исполняется множеством инструментов; посреди сцены за столом ученик учителя музыки сочиняет мелодию для серенады, заказанной г-ном Журденом.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Учитель музыки, учитель танцев, два певца, певица, два скрипача, четыре танцовщика.

Учитель музыки *(певцам и музыкантам)*. Пожалуйте сюда, вот в эту залу, отдохните до его прихода.

Учитель танцев *(танцовщикам)*. И вы тоже, станьте с этой стороны.

Учитель музыки *(ученику)*. Готово?

Ученик. Готово.

Учитель музыки. Посмотрим... Очень недурно.

Учитель танцев. Что-нибудь новенькое?

Учитель музыки. Да, я велел ученику, пока наш чудак проснётся, сочинить музыку для серенады.

Учитель танцев. Можно посмотреть?

Учитель музыки. Вы это услышите вместе с диалогом, как только явится хозяин. Он скоро выйдет.

Учитель танцев. Теперь у нас с вами дела выше головы.

---

[1] *Му́фтий* — у мусульман учёный-юрист, знаток богословия.

[2] *Де́рвиши* — нищенствующие мусульманские монахи.

Учитель музыки. Ещё бы! Мы нашли именно такого человека, какой нам нужен. Господин Журден с его помешательством на дворянстве и на светском обхождении — это для нас просто клад. Если б все на него сделались похожи, то вашим танцам и моей музыке больше и желать было бы нечего.

Учитель танцев. Ну, не совсем. Мне бы хотелось, для его же блага, чтоб он лучше разбирался в тех вещах, о которых мы ему толкуем.

Учитель музыки. Разбирается-то он в них плохо, да зато хорошо платит, а наши искусства ни в чём сейчас так не нуждаются, как именно в этом.

Учитель танцев. Признаюсь, я слегка неравнодушен к славе. Аплодисменты доставляют мне удовольствие, расточать же своё искусство глупцам, выносить свои творения на варварский суд болвана — это, на мой взгляд, для всякого артиста несносная пытка. Что ни говорите, приятно трудиться для людей, способных чувствовать тонкости того или иного искусства, умеющих ценить красоты произведений и лестными знаками одобрения вознаграждать вас за труд. Да, самая приятная награда — видеть, что творение ваше признано, что вас чествуют за него рукоплесканиями. По-моему, это наилучшее воздаяние за все наши тяготы, — похвала просвещённого человека доставляет наслаждение неизъяснимое.

Учитель музыки. Я с этим согласен, я тоже люблю похвалы. В самом деле, нет ничего более лестного, чем рукоплескания, но ведь на фимиам не проживёшь. Одних похвал человеку недостаточно, ему давай чего-нибудь посущественнее. Лучший способ поощрения — это вложить вам что-нибудь в руку. Откровенно говоря, познания нашего хозяина невелики, судит он обо всём вкривь и вкось и рукоплещет там, где не следует, однако ж деньги выпрямляют кривизну его суждений, его здравый смысл находится в кошельке, его похвалы отчеканены в виде монет, так что от невежественного этого мещанина нам, как видите, куда больше пользы, чем от того просвещённого вельможи, который нас сюда ввёл.

Учитель танцев. В ваших словах есть некоторая доля истины, но только, мне кажется, вы придаёте деньгам слишком большое значение; между тем корысть есть нечто до такой степени низменное, что человеку по-

рядочному не должно выказывать к ней особой склонности.

Учитель музыки. Однако у нашего чудака вы преспокойно берёте деньги.

Учитель танцев. Конечно, беру, но деньги для меня не главное. Если б к его богатству да ещё хоть немного хорошего вкуса — вот чего бы я желал.

Учитель музыки. Я тоже, ведь мы оба по мере сил этого добиваемся. Но, как бы то ни было, благодаря ему на нас стали обращать внимание в обществе, а что другие будут хвалить, то он оплатит.

Учитель танцев. А вот и он.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Те же, г-н Журден, в халате и ночном колпаке, и два лакея.

Г-н Журден. Ну, господа? Как там у вас? Покажете вы мне нынче вашу безделку?

Учитель танцев. Что? Какую безделку?

Г-н Журден. Ну, эту самую... Как это у вас называется? Не то пролог, не то диалог с песнями и пляской.

Учитель танцев. О! О!

Учитель музыки. Как видите, мы готовы.

Г-н Журден. Я немного замешкался, но дело вот в чём: одеваюсь я теперь, как одевается знать, и мой портной прислал мне шёлковые чулки, до того узкие — право, я уж думал, что мне их так никогда и не натянуть.

Учитель музыки. Мы всецело к вашим услугам.

Г-н Журден. Я прошу вас обоих не уходить, пока мне не принесут мой новый костюм: я хочу, чтоб вы на меня поглядели.

Учитель танцев. Как вам будет угодно.

Г-н Журден. Вы увидите, что теперь я с ног до головы одет как должно.

Учитель музыки. Мы в этом нисколько не сомневаемся.

Г-н Журден. Я сделал себе из индийской ткани халат.

Учитель танцев. Отличный халат.

Г-н Журден. Мой портной уверяет, что вся знать по утрам носит такие халаты.

Учитель музыки. Он вам удивительно идёт.

Г-н Журден. Лакей! Эй, два моих лакея!

Первый лакей. Что прикажете, сударь?

Г-н Журден. Ничего не прикажу. Я только хотел проверить, как вы меня слушаетесь. *(Учителю музыки и учителю танцев.)* Как вам нравятся их ливреи?

Учитель танцев. Великолепные ливреи.

Г-н Журден (распахивает халат; под ним у него узкие, красного бархата штаны и зелёного бархата камзол). А вот мой домашний костюмчик для утренних упражнений.

Учитель музыки. Бездна вкуса!

Г-н Журден. Лакей!

Первый лакей. Что угодно, сударь?

Г-н Журден. Другой лакей!

Второй лакей. Что угодно, сударь?

Г-н Журден *(снимает халат)*. Держите. *(Учителю музыки и учителю танцев.)* Ну что, хорош я в этом наряде?

Учитель танцев. Очень хороши. Лучше нельзя.

Г-н Журден. Теперь займёмся с вами.

Учитель музыки. Прежде всего мне бы хотелось, чтобы вы прослушали музыку, которую вот он *(указывает на ученика)* написал для заказанной вами серенады. Это мой ученик, у него к таким вещам изумительные способности.

Г-н Журден. Очень может быть, но всё-таки не следовало поручать это ученику. Ещё неизвестно, годитесь ли вы сами для такого дела, а не то что ученик.

Учитель музыки. Слово «ученик» не должно вас смущать, сударь. Подобного рода ученики смыслят в музыке не меньше великих мастеров. В самом деле, чудеснее мотива не придумаешь. Вы только послушайте.

Г-н Журден *(лакеям)*. Дайте халат, так удобней слушать... Впрочем, постойте, пожалуй, лучше без халата. Нет, подайте халат, так будет лучше.

Певица.

Ирида[1]! Я томлюсь, меня страданье губит,
Меня ваш строгий взгляд пронзил, как острый меч.
Когда вы мучите того, кто вас так любит,
Сколь вы страшны тому, кто гнев ваш смел навлечь!

Г-н Журден. По-моему, это довольно заунывная песня, от неё ко сну клонит. Я бы вас попросил сделать её чуть-чуть веселее.

---

[1] *Ирида* — крылатая вестница богов в греческой мифологии.

Учитель музыки. Мотив должен соответствовать словам, сударь.

Г-н Журден. Меня недавно обучили премилой песенке. Погодите... сейчас-сейчас... Как же она начинается?

Учитель танцев. Право, не знаю.

Г-н Журден. Там ещё про овечку говорится.

Учитель танцев. Про овечку?

Г-н Журден. Да-да. Ах, вот! *(Поёт.)*

Жанетту я считал
И доброй и прекрасной,
Жанетту я считал овечкою, но — ах! —
Она коварна и опасна,
Как львица в девственных лесах!

Правда, славная песенка?

Учитель музыки. Ещё бы не славная!

Учитель танцев. И вы хорошо её поёте.

Г-н Журден. А ведь я музыке не учился.

Учитель музыки. Вам бы хорошо, сударь, поучиться не только танцам, но и музыке. Эти два рода искусства связаны между собой неразрывно.

Учитель танцев. Они развивают в человеке чувство изящного.

Г-н Журден. А что, знатные господа тоже учатся музыке?

Учитель музыки. Конечно, сударь.

Г-н Журден. Ну так и я стану учиться. Вот только не знаю когда: ведь, кроме учителя фехтования, я ещё нанял учителя философии — он должен нынче утром начать со мной заниматься.

Учитель музыки. Философия — материя важная, но музыка, сударь, музыка...

Учитель танцев. Музыка и танцы... Музыка и танцы — это всё, что нужно человеку.

Учитель музыки. Нет ничего более полезного для государства, чем музыка.

Учитель танцев. Нет ничего более необходимого человеку, чем танцы.

Учитель музыки. Без музыки государство не может существовать.

Учитель танцев. Без танцев человек ничего не умел бы делать.

Учитель музыки. Все распри, все войны на земле происходят единственно от незнания музыки.

Учитель танцев. Все людские невзгоды, все злоключения, коими полна история, оплошности государственных деятелей, ошибки великих полководцев — всё это проистекает единственно от неумения танцевать.

Г-н Журден. Как так?

Учитель музыки. Война возникает из-за несогласия между людьми, не правда ли?

Г-н Журден. Верно.

Учитель музыки. А если бы все учились музыке, разве это не настроило бы людей на мирный лад и не способствовало бы воцарению на земле всеобщего мира?

Г-н Журден. И то правда.

Учитель танцев. Когда человек поступает не так, как должно, будь то просто отец семейства, или же государственный деятель, или же военачальник, про него обыкновенно говорят, что он сделал неверный шаг, не правда ли?

Г-н Журден. Да, так говорят.

Учитель танцев. А чем ещё может быть вызван неверный шаг, как не неумением танцевать?

Г-н Журден. Да, с этим я тоже согласен. Вы оба правы.

Учитель танцев. Всё это мы говорим для того, чтобы вы себе уяснили преимущества и пользу танцев и музыки.

Г-н Журден. Теперь я понимаю.

Учитель музыки. Угодно вам ознакомиться с нашими сочинениями?

Г-н Журден. Угодно.

Учитель музыки. Как я вам уже говорил, это давнишняя моя попытка выразить все страсти, какие только способна передать музыка.

Г-н Журден. Прекрасно.

Учитель музыки *(певцам)*. Пожалуйте сюда. *(Г-ну Журдену.)* Вы должны вообразить, что они одеты пастушка́ми.

Г-н Журден. И что это всегда пастушки́? Вечно одно и то же.

Учитель танцев. Когда говорят под музыку, то для большего правдоподобия приходится обращаться к

Ж.-Б. Мольер. «Мещанин во дворянстве». *Художник Л. Нижний*

пасторали[1]. Пастухам испокон веку приписывали любовь к пению; с другой стороны, было бы весьма ненатурально, если бы принцы или мещане стали выражать свои чувства в пении.

Г-н Журден. Ладно, ладно. Посмотрим.

Музыкальный диалог

Певица и два певца.

Певица.

Сердца в любовном упоенье
Всегда встречают тысячи помех.
Любовь приносит нам и счастье и томленье.
Недаром есть такое мненье,
Что нам милей всего — не знать любви утех.

Первый певец.

Нет, нам всего милей та радость без конца,
Которая сердца
Любовников сливает.
Блаженству на земле без страсти не бывать.
Любовью кто пренебрегает,
Тому и счастья не знавать.

[1] *Пастора́ль* — поэтическое произведение, изображающее в слащавом духе любовь пастухов и пастушек на вечнозелёных лугах, где пасутся белорунные овцы.

Второй певец.

О, кто бы не хотел любви изведать власть,
Когда бы не была обманчивою страсть!
Но — ах! — как быть со злой судьбиной?
Здесь верной нет пастушки ни единой,
И недостойный пол, позоря белый свет,
Свидетельствует нам, что верности уж нет.

Первый певец.

О сердца дрожь!

Певица.

О страсть во взорах!

Второй певец.

Сплошная ложь!

Первый певец.

Тот миг мне дорог!

Певица.

Они полны утех.

Второй певец.

Я презираю всех!

Первый певец.

О, не сердись, забудь свой гнев безмерный!

Певица.

Мы приведём тебя сейчас
К пастушке любящей и верной.

Второй певец.

Увы! Достойных нет средь вас!

Певица.

Я иду на испытанье —
Вот тебе моя любовь.

Второй певец.

Кто поручится заране,
Что не быть обману вновь?

Певица.

Тот, кто верен, пусть докажет
Свой сердечный нежный пыл.

Второй певец.

Небо пусть того накажет,
Кто постыдно изменил.

Все трое вместе.

Над нами, пламенея,
Любви горит венец.
Слиянье двух сердец —
Что может быть милее?

Г-н Журден. И это всё?

Учитель музыки. Всё.

Г-н Журден. По-моему, ловко закручено. Кое-где попадаются очень занятные словечки.

Учитель танцев. А теперь моя очередь: я вам предложу небольшой образчик самых изящных телодвижений и самых изящных поз, из каких только может состоять танец.

Г-н Журден. Опять пастухи?

Учитель танцев. Это уж как вам будет угодно. *(Танцовщикам.)* Начинайте.

БАЛЕТ

Четыре танцовщика по указаниям учителя танцев делают различные движения и исполняют всевозможные па.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Г-н Журден, лакей.

Г-н Журден. Э, да ладно, деритесь сколько хотите! Моё дело — сторона, я разнимать вас не стану, а то ещё халат с вами разорвёшь. Набитым дураком надо быть, чтобы с ними связываться: не ровён час, так огреют, что своих не узнаешь.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Те же и учитель философии.

Учитель философии *(оправляя воротник)*. Приступим к уроку.

Г-н Журден. Ах, господин учитель, как мне досадно, что они вас побили!

Учитель философии. Пустяки. Философ должен ко всему относиться спокойно. Я сочиню на них сатиру в духе Ювенала[1], и эта сатира их совершенно уничтожит. Но довольно об этом. Итак, чему же вы хотите учиться?

---

[1] *Ювена́л Де́ций Ю́ний* (60—140) — римский поэт-сатирик.

Г-н Журден. Чему только смогу, ведь я смерть как хочу стать учёным, и такое зло меня берёт на отца и мать, что меня с малолетства не обучали всем наукам!

Учитель философии. Это понятное чувство, nam sine doctrina vita est quasi mortis imago. Вам это должно быть ясно, потому что вы, уж верно, знаете латынь.

Г-н Журден. Да, но вы всё-таки говорите так, как будто я её не знаю. Объясните мне, что это значит.

Учитель философии. Это значит: без науки жизнь есть как бы подобие смерти.

Г-н Журден. Латынь говорит дело.

Учитель философии. У вас есть основы, начатки каких-либо познаний?

Г-н Журден. А как же, я умею читать и писать.

Учитель философии. С чего вам угодно будет начать? Хотите, я обучу вас логике?

Г-н Журден. А что это за штука — логика?

Учитель философии. Это наука, которая учит нас трём процессам мышления.

Г-н Журден. Кто же они такие, эти три процесса мышления?

Учитель философии. Первый, второй и третий. Первый заключается в том, чтобы составлять себе правильное представление о вещах при посредстве универсалий, второй — в том, чтобы верно о них судить при посредстве категорий, и, наконец, третий — в том, чтобы делать правильное умозаключение при посредстве фигур: *Barbara, Celarent, Darii, Ferio, Baralipton*[1] и так далее.

Г-н Журден. Уж больно слова-то заковыристые. Нет, логика мне не подходит. Лучше что-нибудь позавлекательнее.

Учитель философии. Хотите, займёмся этикой?

Г-н Журден. Этикой?

Учитель философии. Да.

Г-н Журден. А про что она, эта самая этика?

Учитель философии. Она трактует о счастье жизни, учит людей умерять свои страсти и...

---

[1] Латинские слова, условно обозначающие различные виды умозаключений в формальной логике.

Г-н Журден. Нет, не надо. Я вспыльчив как сто чертей, и никакая этика меня не удержит: когда меня разбирает злость, я желаю беситься сколько влезет.

Учитель философии. Может быть, вас прельщает физика?

Г-н Журден. А физика — это насчёт чего?

Учитель философии. Физика изучает законы внешнего мира и свойства тел, толкует о природе стихий, о признаках металлов, минералов, камней, растений, животных и объясняет причины всевозможных атмосферных явлений, как то: радуги, блуждающих огней, комет, зарниц, грома, молнии, дождя, снега, града, ветров и вихрей.

Г-н Журден. Слишком много трескотни, слишком много всего наворочено.

Учитель философии. Так чем же вы хотите заняться?

Г-н Журден. Займитесь со мной правописанием.

Учитель философии. С удовольствием.

Г-н Журден. Потом научите меня узнавать по календарю, когда бывает луна, а когда нет.

Учитель философии. Хорошо. Если рассматривать этот предмет с философской точки зрения, то, дабы вполне удовлетворить ваше желание, надлежит, как того требует порядок, начать с точного понятия о природе букв и о различных способах их произнесения. Прежде всего я должен вам сообщить, что буквы делятся на гласные, названные так потому, что они обозначают звуки голоса, и на согласные, названные так потому, что произносятся с помощью гласных и служат лишь для обозначения различных изменений голоса. Существует пять гласных букв, или, иначе, голосовых звуков: А, Е, И, О, У.

Г-н Журден. Это мне всё понятно.

Учитель философии. Чтобы произнести звук А, нужно широко раскрыть рот: А.

Г-н Журден. А, А. Так!

Учитель философии. Чтобы произнести звук Е, нужно приблизить нижнюю челюсть к верхней: А, Е.

Г-н Журден. А, Е, А, Е. В самом деле! Вот здорово!

Учитель философии. Чтобы произнести звук И, нужно ещё больше сблизить челюсти, а углы рта оттянуть к ушам: А, Е, И.

Г-н Журден. А, Е, И, И, И. Верно! Да здравствует наука!

Учитель философии. Чтобы произнести звук О, нужно раздвинуть челюсти, а углы губ сблизить: О.

Г-н Журден. О, О. Истинная правда! А, Е, И, О, И, О. Удивительное дело! И, О, И, О.

Учитель философии. Отверстие рта принимает форму того самого кружка, посредством коего изображается звук О.

Г-н Журден. О, О, О. Вы правы. О. Как приятно знать, что ты что-то узнал!

Учитель философии. Чтобы произнести звук У, нужно приблизить верхние зубы к нижним, не стискивая их, однако ж, а губы вытянуть и тоже сблизить, но так, чтобы они не были плотно сжаты: У.

Г-н Журден. У, У. Совершенно справедливо! У.

Учитель философии. Ваши губы при этом вытягиваются, как будто вы гримасничаете. Вот почему, если вы пожелаете в насмешку над кем-либо состроить рожу, вам стоит только сказать: У.

Г-н Журден. У, У. Верно! Эх, зачем я не учился прежде! Я бы всё это уже знал.

Учитель философии. Завтра мы разберём другие буквы, так называемые согласные.

Г-н Журден. А они такие же занятные, как и эти?

Учитель философии. Разумеется. Когда вы произносите звук Д, например, нужно, чтобы кончик языка упёрся в верхнюю часть верхних зубов: ДА.

Г-н Журден. ДА, ДА. Так! Ах, до чего же здорово, до чего же здорово!

Учитель философии. Чтобы произнести Ф, нужно прижать верхние зубы к нижней губе: ФА.

Г-н Журден. ФА, ФА. И то правда! Эх, батюшка с матушкой, ну как тут не помянуть вас лихом!

Учитель философии. А чтобы произнести звук Р, нужно приставить кончик языка к верхнему нёбу, однако ж под напором воздуха, с силою вырывающегося из груди, язык беспрестанно возвращается на прежнее место, отчего происходит некоторое дрожание: Р-РА.

Г-н Журден. Р-Р-Р-РА, Р-Р-Р-Р-Р-РА. Какой же вы молодчина! А я-то сколько времени потерял даром! Р-Р-Р-РА.

Учитель философии. Все эти любопытные вещи я объясню вам до тонкостей.

Г-н Журден. Будьте настолько любезны! А теперь я должен открыть вам секрет. Я влюблён в одну великосветскую даму, и мне бы хотелось, чтобы вы помогли мне написать ей записочку, которую я собираюсь уронить к её ногам.

Учитель философии. Отлично.

Г-н Журден. Ведь правда это будет учтиво?

Учитель философии. Конечно. Вы хотите написать ей стихи?

Г-н Журден. Нет-нет, только не стихи.

Учитель философии. Вы предпочитаете прозу?

Г-н Журден. Нет, я не хочу ни прозы, ни стихов.

Учитель философии. Так нельзя: или то, или другое.

Г-н Журден. Почему?

Учитель философии. По той причине, сударь, что мы можем излагать свои мысли не иначе как прозой или стихами.

Г-н Журден. Не иначе как прозой или стихами?

Учитель философии. Не иначе, сударь. Всё, что не проза, то стихи, а что не стихи, то проза.

Г-н Журден. А когда мы разговариваем, это что же такое будет?

Учитель философии. Проза.

Г-н Журден. Что? Когда я говорю: «Николь! Принеси мне туфли и ночной колпак», это проза?

Учитель философии. Да, сударь.

Г-н Журден. Честное слово, я и не подозревал, что вот уже более сорока лет говорю прозой. Большое вам спасибо, что сказали. Так вот что я хочу ей написать: «Прекрасная маркиза! Ваши прекрасные глаза сулят мне смерть от любви», но только нельзя ли это же самое сказать полюбезнее, как-нибудь этак покрасивее выразиться?

Учитель философии. Напишите, что пламя её очей испепелило вам сердце, что вы день и ночь терпите из-за неё столь тяжкие...

Г-н Журден. Нет-нет-нет, это всё не нужно. Я хочу написать ей только то, что я вам сказал: «Прекрасная маркиза! Ваши прекрасные глаза сулят мне смерть от любви».

Учитель философии. Следовало бы чуть-чуть подлиннее.

Г-н Журден. Да нет, говорят вам! Я не хочу, чтобы в записке было что-нибудь, кроме этих слов, но только их нужно расставить как следует, как нынче принято. Приведите мне, пожалуйста, несколько примеров, чтобы мне знать, какого порядка лучше придерживаться.

Учитель философии. Порядок может быть, во-первых, тот, который вы установили сами: «Прекрасная маркиза! Ваши прекрасные глаза сулят мне смерть от любви». Или: «От любви смерть мне сулят, прекрасная маркиза, ваши прекрасные глаза». Или: «Прекрасные ваши глаза от любви мне сулят, прекрасная маркиза, смерть». Или: «Смерть ваши прекрасные глаза, прекрасная маркиза, от любви мне сулят». Или: «Сулят мне прекрасные глаза ваши, прекрасная маркиза, смерть».

Г-н Журден. Какой же из всех этих способов наилучший?

Учитель философии. Тот, который вы избрали сами: «Прекрасная маркиза! Ваши прекрасные глаза сулят мне смерть от любви».

Г-н Журден. А ведь я ничему не учился и вот всё ж таки придумал в один миг. Покорно вас благодарю. Приходите, пожалуйста, завтра пораньше.

Учитель философии. Не премину. *(Уходит.)*

<...>

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Г-н Журден, два лакея.

Г-н Журден. Идите за мной: я хочу пройтись по городу в новом костюме, да только смотрите не отставайте ни на шаг, чтоб все видели, что вы мои лакеи.

Лакей. Слушаем, сударь.

Г-н Журден. Позовите сюда Николь — мне нужно отдать ей кое-какие распоряжения. Стойте, она сама идёт.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Те же и Николь.

Г-н Журден. Николь!

Николь. Что угодно?

Г-н Журден. Послушай...

Николь *(хохочет)*. Хи-хи-хи-хи-хи!

Г-н Журден. Чего ты смеёшься?

Николь. Хи-хи-хи-хи-хи-хи!

Г-н Журден Что с тобой, бесстыдница?

Николь. Хи-хи-хи! На кого вы похожи! Хи-хи-хи!

Г-н Журден. Что такое?

Николь. Ах, Боже мой! Хи-хи-хи-хи-хи!

Г-н Журден. Экая нахалка! Ты это надо мной смеёшься?

Николь. Ни-ни, сударь, даже не думала. Хи-хи-хи-хи-хи-хи!

Г-н Журден. Посмей-ка ещё — уж и влетит тебе от меня!

Николь. Ничего не могу с собой поделать, сударь. Хи-хи-хи-хи-хи!

Г-н Журден. Перестанешь ты или нет?

Николь. Извините, сударь, но вы такой уморительный, что я не могу удержаться от смеха. Хи-хи-хи!

Г-н Журден. Нет, вы подумайте, какая наглость!

Николь. До чего ж вы сейчас смешной! Хи-хи!

Г-н Журден. Я тебя...

Николь. Извините, пожалуйста. Хи-хи-хи-хи!

Г-н Журден. Послушай: если ты сию секунду не перестанешь, клянусь, я закачу тебе такую оплеуху, какой ещё никто на свете не получал.

Николь. Коли так, сударь, можете быть спокойны: не буду больше смеяться.

Г-н Журден. Ну смотри! Сейчас ты мне уберёшь...

Николь. Хи-хи!

Г-н Журден. Уберёшь как следует...

Николь. Хи-хи!

Г-н Журден. Уберёшь, говорю, как следует залу и...

Николь. Хи-хи!

Г-н Журден. Ты опять?

Николь *(валится от хохота)*. Нет уж, сударь, лучше побейте меня, но только дайте посмеяться вдоволь — так мне будет легче. Хи-хи-хи-хи-хи!

Г-н Журден. Ты меня доведёшь!

Николь. Смилуйтесь, сударь, дайте мне посмеяться. Хи-хи-хи!

Г-н Журден. Вот я тебя сейчас...

Николь. Су... ударь... я лоп... лопну, если не похохочу. Хи-хи-хи!

Г-н Журден. Видали вы такую подлянку? Вместо того чтобы выслушать мои приказания, нагло смеётся мне в лицо!

Николь. Что же вам угодно, сударь?

Г-н Журден. Мне угодно, чтобы ты, мошенница, потрудилась навести в доме чистоту: ко мне скоро гости будут.

Николь *(встаёт)*. Вот мне уже и не до смеху, честное слово! Ваши гости наделают всегда такого беспорядку, что при одной мысли о них на меня нападает тоска.

Г-н Журден. Что ж, мне из-за тебя держать дверь на запоре от всех моих знакомых?

Николь. По крайней мере, от некоторых.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Те же и г-жа Журден.

Г-жа Журден. Ах, ах! Это ещё что за новости? Что это на тебе, муженёк, за наряд? Верно, вздумал посмешить людей, коли вырядился таким шутом? Хочешь, чтобы все на тебя пальцем показывали?

Г-н Журден. Разве одни дураки да дуры станут на меня показывать пальцем.

Г-жа Журден. Да уж и показывают: твои повадки давно всех смешат.

Г-н Журден. Кого это «всех», позволь тебя спросить?

Г-жа Журден. Всех благоразумных людей, всех, которые поумнее тебя. А мне так совестно глядеть, какую ты моду завёл. Собственного дома не узнать. Можно подумать, что у нас каждый день праздник: с самого утра то и знай пиликают на скрипках, песни орут, — соседям и тем покою нет.

Николь. И то правда, сударыня. Мне не под силу будет поддерживать в доме чистоту, коли вы, сударь, будете водить к себе такую пропасть народу. Грязи наносят прямо со всего города. Бедная Франсуаза вконец измучилась: любезные ваши учителя наследят, а она каждый Божий день мой после них полы.

Г-н Журден. Ого! Вот так служанка Николь! Простая мужичка, а ведь до чего же языкастая!

Г-жа Журден. Николь права: ума-то у неё побольше, чем у тебя. Хотела бы я знать, на что тебе, в твои годы, понадобился учитель танцев?

Николь. И ещё этот верзила фехтовальщик — он так топочет, что весь дом трясётся, а в зале, того и гляди, весь паркет повыворотит.

Г-н Журден. Молчать, и ты, служанка, и ты, жена!

Г-жа Журден. Стало быть, ты задумал учиться танцевать? Нашёл когда: у самого скоро ноги отнимутся.

Николь. Может статься, вам припала охота кого-нибудь убить?

Г-н Журден. Молчать, говорят вам! Обе вы невежды. Вам невдомёк, какие это мне даёт пре-ро-га-тивы[1]?

Г-жа Журден. Лучше бы подумал, как дочку пристроить: ведь она уж на выданье.

Г-н Журден. Подумаю я об этом, когда представится подходящая партия. А пока что я хочу думать о том, как бы мне разным хорошим вещам научиться.

Николь. Я ещё слыхала, сударыня, что нынче в довершение всего хозяин нанял учителя философии.

Г-н Журден. Совершенно верно. Хочу понабраться ума-разума, чтоб мог я о чём угодно беседовать с порядочными людьми.

Г-жа Журден. Не поступить ли тебе в один прекрасный день в школу, чтоб тебя там розгами драли на старости лет?

Г-н Журден. А что ж тут такого? Пусть меня выдерут хоть сейчас, при всех, лишь бы знать всё то, чему учат в школе!

Николь. Да, это бы вам пошло на пользу.

Г-н Журден. Без сомнения.

Г-жа Журден. В хозяйстве тебе всё это вот как пригодится!

Г-н Журден. Непременно пригодится. Обе вы несёте дичь, мне стыдно, что вы такие необразованные. *(Г-же Журден.)* Вот, например, знаешь ли ты, как ты сейчас говоришь?

Г-жа Журден. Конечно. Я знаю, что говорю дело и что тебе надо начать жить по-другому.

---

[1] *Прерогати́ва* — исключительное право, привилегия.

Г-н Журден. Я не о том толкую. Я спрашиваю: что такое эти слова, которые ты сейчас сказала?

Г-жа Журден. Слова-то мои разумные, а вот поведение твоё очень даже неразумное.

Г-н Журден. Говорят тебе, я не о том толкую. Я вот о чём спрашиваю: то, что я тебе говорю, вот то, что я тебе сказал сейчас, — что это такое?

Г-жа Журден. Глупости.

Г-н Журден. Да нет, ты меня не понимаешь. То, что мы оба говорим, вся наша с тобой речь?

Г-жа Журден. Ну?

Г-н Журден. Как это называется?

Г-жа Журден. Всё равно, как ни назвать.

Г-н Журден. Невежда, это проза!

Г-жа Журден. Проза?

Г-н Журден. Да, проза. Всё, что проза, то не стихи, а всё, что не стихи, то проза. Видала? Вот что значит учёность! *(К Николь.)* Ну а ты? Тебе известно, как произносится У?

Николь. Как произносится?

Г-н Журден. Да. Что ты делаешь, когда говоришь У?

Николь. Чего?

Г-н Журден. Попробуй сказать У.

Николь. Ну, У.

Г-н Журден. Что же ты делаешь?

Николь. Говорю: У.

Г-н Журден. Да, но, когда ты говоришь У, что ты в это время делаешь?

Николь. То и делаю, что вы велели.

Г-н Журден. Вот поговори-ка с дурами. Ты вытягиваешь губы и приближаешь верхнюю челюсть к нижней: У. Видишь? Я корчу рожу: У.

Николь. Да, нечего сказать, ловко.

Г-жа Журден. И впрямь чудеса!

Г-н Журден. Вы бы ещё не то сказали, ежели б увидали О, ДА-ДА и ФА-ФА!

Г-жа Журден. Что это за галиматья?

Николь. На что это всё нужно?

Г-н Журден. Эти дуры хоть кого выведут из себя.

Г-жа Журден. Вот что, гони-ка ты своих учителей в шею и со всей их тарабарщиной.

Николь. А главное, эту громадину — учителя фехтования: от него только пыль столбом.

Г-н Журден. Скажи на милость! Дался вам учитель фехтования! Вот я тебе сейчас докажу, что ты ничего в этом не смыслишь. *(Велит подать рапиры и одну из них протягивает Николь.)* Вот, смотри: наглядный пример, линия тела. Когда тебя колют квартой, то надо делать так, а когда терсом, то вот так. Тогда тебя никто уж не убьёт, а во время драки это самое важное — знать, что ты в безопасности. А ну попробуй, кольни меня разок!

Николь. Что ж, и кольну! *(Несколько раз колет г-на Журдена.)*

Г-н Журден. Да тише ты! Эй, эй! Осторожней! Чёрт бы тебя побрал, скверная девчонка!

Николь. Вы же сами велели вас колоть.

Г-н Журден. Да, но ты сперва колешь терсом, вместо того чтобы квартой, и у тебя не хватает терпения подождать, пока я отпарирую.

Г-жа Журден. Ты помешался на всех этих причудах, муженёк. И началось это у тебя с тех пор, как ты вздумал водиться с важными господами.

Г-н Журден. В том, что я вожусь с важными господами, виден мой здравый смысл: это не в пример лучше, чем водиться с твоими мещанами.

Г-жа Журден. Да уж, нечего сказать: прок от того, что ты подружился с дворянами, ох как велик! Взять хоть этого распрекрасного графа, от которого ты без ума: до чего же выгодное знакомство!

Г-н Журден. Молчать! Думай сначала, а потом давай волю языку. Знаешь ли ты, жена, что ты не знаешь, о ком говоришь, когда говоришь о нём? Ты себе не представляешь, какое это значительное лицо: он настоящий вельможа, вхож во дворец, с самим королём разговаривает, вот как я с тобой. Разве это не великая для меня честь, что такая высокопоставленная особа постоянно бывает в моём доме, называет меня любезным другом и держится со мной на равной ноге? Никому и в голову не придёт, какие услуги оказывает мне граф, а при всех он до того бывает со мною ласков, что мне, право, становится неловко.

Г-жа Журден. Да, он оказывает тебе услуги, он с тобою ласков, но и денежки у тебя занимает.

Г-н Журден. Ну и что ж? Разве это для меня не честь — дать взаймы такому знатному господину? Могу ли я вельможе, который называет меня любезным другом, отказать в таком пустяке?

Г-жа Журден. А какие такие одолжения делает этот вельможа тебе?

Г-н Журден. Такие, что, кому сказать, никто не поверит.

Г-жа Журден. Например?

Г-н Журден. Ну уж этого я тебе не скажу. Будь довольна тем, что свой долг он мне уплатит сполна, и очень даже скоро.

Г-жа Журден. Как же, дожидайся!

Г-н Журден. Наверняка. Он сам мне говорил!

Г-жа Журден. Держи карман шире.

Г-н Журден. Он дал мне честное слово дворянина.

Г-жа Журден. Враки!

Г-н Журден. Ух! Ну и упрямая ты, жена! А я тебе говорю, что он своё слово сдержит, я в этом уверен.

Г-жа Журден. А я уверена, что не сдержит и что все его любезности — один обман и ничего более.

Г-н Журден. Замолчи! Вот как раз и он.

Г-жа Журден. Этого только недоставало! Верно, опять пришёл просить у тебя в долг. Глядеть на него тошно.

Г-н Журден. Молчать, тебе говорят!

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЁРТОЕ

Те же и Дорант.

Дорант. Здравствуйте, господин Журден! Как поживаете, любезный друг?

Г-н Журден. Отлично, ваше сиятельство. Милости прошу.

Дорант. А госпожа Журден как поживает?

Г-жа Журден. Госпожа Журден живёт помаленьку.

Дорант. Однако, господин Журден, каким вы сегодня франтом!

Г-н Журден. Вот, поглядите.

Дорант. Вид у вас в этом костюме безукоризненный. У нас при дворе нет ни одного молодого человека, который был бы так же хорошо сложён, как вы.

Г-н Журден. Хе-хе!

Г-жа Журден *(в сторону)*. Знает, как в душу влезть.

Дорант. Повернитесь. Верх изящества.

Г-жа Журден *(в сторону)*. Да, сзади такой же дурак, как и спереди.

Дорант. Даю вам слово, господин Журден, у меня было необычайно сильное желание с вами повидаться. Я питаю к вам совершенно особое уважение: не далее как сегодня утром я говорил о вас в королевской опочивальне.

Г-н Журден. Много чести для меня, ваше сиятельство. *(Г-же Журден.)* В королевской опочивальне!

Дорант. Наденьте же шляпу.

Г-н Журден. Я вас слишком уважаю, ваше сиятельство.

Дорант. Боже мой, да наденьте же! Пожалуйста, без церемоний.

Г-н Журден. Ваше сиятельство...

Дорант. Говорят вам, наденьте, господин Журден: ведь вы мой друг.

Г-н Журден. Ваше сиятельство! Я ваш покорный слуга.

Дорант. Если вы не наденете шляпу, тогда и я не надену.

Г-н Журден *(надевая шляпу)*. Лучше показаться неучтивым, чем несговорчивым.

Дорант. Как вам известно, я ваш должник.

Г-жа Журден *(в сторону)*. Да, нам это слишком хорошо известно.

Дорант. Вы были так великодушны, что неоднократно давали мне в долг и, надо заметить, выказывали при этом величайшую деликатность.

Г-н Журден. Шутить изволите, ваше сиятельство.

Дорант. Однако ж я почитаю непременною своею обязанностью платить долги и умею ценить оказываемые мне любезности.

Г-н Журден. Я в этом не сомневаюсь.

Дорант. Я намерен с вами расквитаться. Давайте вместе подсчитаем, сколько я вам всего должен.

Г-н Журден *(г-же Журден, тихо)*. Ну что, жена? Видишь, какую ты на него взвела напраслину?

Дорант. Я люблю расплачиваться как можно скорее.

Г-н Журден *(г-же Журден, тихо)*. А что я тебе говорил?

Дорант. Итак, посмотрим, сколько же я вам должен.

Г-н Журден *(г-же Журден, тихо)*. Вот они, твои нелепые подозрения!

Дорант. Вы хорошо помните, сколько вы мне ссудили?

Г-н Журден. По-моему, да. Я записал для памяти. Вот она, эта самая запись. В первый раз выдано вам двести луидоров.

Дорант. Верно.

Г-н Журден. Ещё выдано вам сто двадцать.

Дорант. Так.

Г-н Журден. Ещё выдано вам сто сорок.

Дорант. Вы правы.

Г-н Журден. Всё вместе составляет четыреста шестьдесят луидоров, или пять тысяч шестьдесят ливров.

Дорант. Подсчёт вполне верен. Пять тысяч шестьдесят ливров.

Г-н Журден. Тысячу восемьсот тридцать два ливра — вашему поставщику перьев для шляп.

Дорант. Совершенно точно.

Г-н Журден. Две тысячи семьсот восемьдесят ливров — вашему портному.

Дорант. Правильно.

Г-н Журден. Четыре тысячи триста семьдесят девять ливров двенадцать су восемь денье — вашему лавочнику.

Дорант. Отлично. Двенадцать су восемь денье — подсчёт верен.

Г-н Журден. И ещё тысячу семьсот сорок восемь ливров семь су четыреста денье — вашему седельнику.

Дорант. Всё это соответствует истине. Сколько же всего?

Г-н Журден. Итого пятнадцать тысяч восемьсот ливров.

Дорант. Итог верен. Пятнадцать тысяч восемьсот ливров. Дайте мне ещё двести пистолей и прибавьте их к общей сумме — получится ровно восемнадцать тысяч франков, каковые я вам возвращу в самое ближайшее время.

Г-жа Журден *(г-ну Журдену, тихо)*. Ну что, права я была?

Г-н Журден *(г-же Журден, тихо)*. Отстань!

Дорант. Вас не затруднит моя просьба?

Г-н Журден. Помилуйте!

Г-жа Журден *(г-ну Журдену, тихо)*. Ты для него дойная корова.

Г-н Журден *(г-же Журден, тихо)*. Молчи!

Дорант. Если вам неудобно, я обращусь к кому-нибудь другому.

Г-н Журден. Нет-нет, ваше сиятельство.

Г-жа Журден *(г-ну Журдену, тихо)*. Он не успокоится, пока тебя не разорит.

Г-н Журден *(г-же Журден, тихо)*. Говорят тебе, молчи!

Дорант. Скажите прямо, не стесняйтесь.

Г-н Журден. Нисколько, ваше сиятельство.

Г-жа Журден *(г-ну Журдену, тихо)*. Это настоящий проходимец.

Г-н Журден *(г-же Журден, тихо)*. Да замолчи ты!

Г-жа Журден *(г-ну Журдену, тихо)*. Он высосет из тебя всё до последнего су.

Г-н Журден *(г-же Журден, тихо)*. Да замолчишь ты?

Дорант. Многие с радостью дали бы мне взаймы, но вы мой лучший друг, и я боялся, что обижу вас, если попрошу кого-нибудь ещё.

Г-н Журден. Слишком много чести для меня, ваше сиятельство. Сейчас схожу за деньгами.

Г-жа Журден *(г-ну Журдену, тихо)*. Что? Ты ему ещё хочешь дать?

Г-н Журден *(г-же Журден, тихо)*. А как же быть? Разве я могу отказать такой важной особе, которая ещё нынче утром говорила обо мне в королевской опочивальне?

Г-жа Журден *(г-ну Журдену, тихо)*. А, да ну тебя, дурак набитый!

Г-н Журден и два лакея уходят.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Николь, Клеонт, Ковьель.

Николь *(Клеонту)*. Ах, как вы вовремя! Я вестница вашего счастья и хочу вам...

Клеонт. Прочь, коварная, не смей обольщать меня лживыми своими речами!

Николь. Так-то вы меня встречаете?

Клеонт. Прочь, говорят тебе, сей же час ступай к неверной своей госпоже и объяви, что ей больше не удастся обмануть простодушного Клеонта.

Николь. Это ещё что за вздор? Миленький мой Ковьель! Скажи хоть ты: что всё это значит?

Ковьель. «Миленький мой Ковьель», негодная девчонка! А ну, прочь с глаз моих, дрянь ты этакая, оставь меня в покое!

Николь. Как? И ты туда же?..

Ковьель. Прочь с глаз моих, говорят тебе, не смей больше со мной заговаривать!

Николь *(про себя)*. Вот тебе раз! Какая муха укусила их обоих? Пойду расскажу барышне об этом милом происшествии. *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Клеонт, Ковьель.

Клеонт. Как! Поступать таким образом со своим поклонником, да ещё с самым верным и самым страстным из поклонников!

Ковьель. Ужас как с нами обоими здесь обошлись!

Клеонт. Я расточаю ей весь пыл и всю нежность, на какие я только способен. Её одну люблю я в целом свете и помышляю лишь о ней. Она одна предмет всех дум моих и всех желаний, она моя единственная радость. Я говорю лишь о ней, думаю только о ней, вижу во сне лишь её, сердце моё бьётся только ради неё, я дышу только ею. И вот достойная награда за эту преданность мою! Два дня не виделись мы с нею, они тянулись для меня, как два мучительных столетья; вот наконец негаданная встреча, душа моя возликовала, румянцем счастья залилось лицо, в восторженном порыве я устремляюсь к ней — и что же? Неверная не смотрит на меня, она проходит мимо, как будто мы совсем, совсем чужие!

Ковьель. Я то же самое готов сказать.

Клеонт. Так что же сравнится, Ковьель, с коварством бессердечной Люсиль?

Ковьель. А что сравнится, сударь, с коварством подлой Николь?

Клеонт. И это после такого пламенного самопожертвования, после стольких вздохов и клятв, которые исторгла у меня её прелесть!

Ковьель. После такого упорного ухаживания, после стольких знаков внимания и услуг, которые я оказал ей на кухне!

Клеонт. Стольких слёз, которые я пролил у её ног!

Ковьель. Стольких вёдер воды, которые я перетаскал за неё из колодца!

Клеонт. Как пылко я её любил — любил до полного самозабвения!

Ковьель. Как жарко было мне, когда я за неё возился с вертелом, — жарко до полного изнеможения!

Клеонт. А теперь она проходит мимо, явно пренебрегая мной!

Ковьель. А теперь она пренагло поворачивается ко мне спиной!

Клеонт. Это коварство заслуживает того, чтобы на неё обрушились кары.

Ковьель. Это вероломство заслуживает того, чтобы на неё посыпались оплеухи.

Клеонт. Смотри ты у меня, не вздумай за неё заступаться!

Ковьель. Я, сударь? Заступаться? Избави Бог!

Клеонт. Не смей оправдывать поступок этой изменницы.

Ковьель. Не беспокойтесь.

Клеонт. Не пытайся защищать её — напрасный труд.

Ковьель. Да у меня и в мыслях этого нет!

Клеонт. Я ей этого не прощу и порву с ней всякие отношения.

Ковьель. Хорошо сделаете.

Клеонт. Ей, по-видимому, вскружил голову этот граф, который бывает у них в доме; я убеждён, что она польстилась на его знатность. Однако из чувства чести я не могу допустить, чтобы она первая объявила о своей неверности. Я вижу, что она стремится к разрыву, и намерен опередить её: я не хочу уступать ей пальму первенства.

Ковьель. Отлично сказано. Я, со своей стороны, вполне разделяю ваши чувства.

Клеонт. Так подогрей же мою досаду и поддержи меня в решительной битве с остатками любви к ней, дабы они не подавали голоса в её защиту. Пожалуйста, говори мне о ней как можно больше дурного. Выставь мне её в самом чёрном свете и, чтобы вызвать во мне отвращение, старательно оттени все её недостатки.

Ковьель. Её недостатки, сударь? Да ведь это же ломака, смазливая вертихвостка, — нашли, право, в кого

влюбиться! Ничего особенного я в ней не вижу, есть сотни девушек гораздо лучше её. Во-первых, глазки у неё маленькие.

Клеонт. Верно, глаза у неё небольшие, но зато это единственные в мире глаза: столько в них огня, так они блестят, пронизывают, умиляют.

Ковьель. Рот у неё большой.

Клеонт. Да, но он таит в себе особую прелесть: этот ротик невольно волнует, в нём столько пленительного, чарующего, что с ним никакой другой не сравнится.

Ковьель. Ростом она невелика.

Клеонт. Да, но зато изящна и хорошо сложена.

Ковьель. В речах и в движениях умышленно небрежна.

Клеонт. Верно, но это придаёт ей своеобразное очарование. Держит она себя обворожительно, в ней так много обаяния, что не покориться ей невозможно.

Ковьель. Что касается ума...

Клеонт. Ах, Ковьель, какой у неё тонкий, какой живой ум!

Ковьель. Говорит она...

Клеонт. Говорит она чудесно.

Ковьель. Она всегда серьёзна.

Клеонт. А тебе надо, чтоб она была смешливой, чтоб она была хохотуньей? Что же может быть несноснее женщины, которая всегда готова смеяться?

Ковьель. Но ведь она самая капризная женщина в мире.

Клеонт. Да, она с капризами, тут я с тобой согласен, но красавица всё может себе позволить, красавице всё можно простить.

Ковьель. Ну, значит, вы её, как видно, никогда не разлюбите.

Клеонт. Не разлюблю? Нет, лучше смерть. Я буду ненавидеть её с такой же силой, с какою прежде любил.

Ковьель. Как же это вам удастся, если она, по-вашему, верх совершенства?

Клеонт. В том-то именно и скажется потрясающая сила моей мести, в том-то именно и скажется твёрдость моего духа, что я возненавижу и покину её, несмотря на всю её красоту, несмотря на всю её привлекательность для меня, несмотря на всё её очарование... Но вот и она.

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Те же, Люсиль и Николь.

Николь *(к Люсиль)*. Я по крайней мере была глубоко возмущена.

Люсиль. Всё это, Николь, из-за того, о чём я тебе сейчас напомнила... А, он здесь!

Клеонт *(Ковьелю)*. Я и говорить с ней не желаю.

Ковьель. А я последую вашему примеру.

Люсиль. Что это значит, Клеонт? Что с вами сталось?

Николь. Да что с тобой, Ковьель?

Люсиль. Отчего вы такой грустный?

Николь. Что это ты надулся?

Люсиль. Вы утратили дар речи, Клеонт?

Николь. У тебя язык отнялся, Ковьель?

Клеонт. Вот злодейка!

Ковьель. Вот Иуда.

Люсиль. Я вижу, вас расстроила наша сегодняшняя встреча.

Клеонт *(Ковьелю)*. Ага! Поняли, что натворили.

Николь. Наверно, тебя задело за живое то, как нынче утром мы с вами себя держали.

Ковьель *(Клеонту)*. Знают кошки, чьё мясо съели.

Люсиль. Ведь это единственная причина вашей досады, не правда ли, Клеонт?

Клеонт. Да, коварная, если вам угодно знать, так именно это. Но только я вас предупреждаю, что ваша измена не доставит вам радости: я сам намерен порвать с вами, я лишу вас права считать, что это вы меня оттолкнули. Разумеется, мне будет нелегко побороть моё чувство, меня охватит тоска, некоторое время я буду страдать, но я себя пересилю, и лучше я вырву из груди сердце, чем поддамся слабости и возвращусь к вам.

Ковьель *(к Николь)*. А куда он, туда и я.

Люсиль. Вот уж много шуму из ничего! Я вам сейчас объясню, Клеонт, почему я сегодня утром уклонилась от встречи с вами.

Клеонт *(пытается уйти от Люсиль)*. Ничего не желаю слушать.

Николь *(Ковьелю)*. Я тебе сейчас скажу, почему мы так быстро прошли мимо.

Ковьель *(пытается уйти от Николь)*. Знать ничего не желаю.

Люсиль *(идёт за Клеонтом)*. Итак, сегодня утром...

Клеонт *(не глядя на Люсиль, направляется к выходу)*. Ещё раз: нет.

Николь *(идёт за Ковьелем)*. Было бы тебе известно...

Ковьель *(не глядя на Николь, направляется к выходу)*. Притворщица, отстань!

Люсиль. Послушайте!

Клеонт. Конец всему.

Николь. Дай мне сказать!

Ковьель. Я глух.

Люсиль. Клеонт!

Клеонт. Нет-нет!

Николь. Ковьель!

Ковьель. Ни-ни!

Люсиль. Постойте!

Клеонт. Басни!

Николь. Послушай!

Ковьель. Вздор!

Люсиль. Минутку!

Клеонт. Ни за что!

Николь. Чуть-чуть терпенья!

Ковьель. Чепуха.

Люсиль. Два только слова!

Клеонт. Всё кончено, нет-нет!

Николь. Одно словечко!

Ковьель. Мы незнакомы.

Люсиль *(останавливается)*. Ну что ж, раз вы не хотите меня выслушать, то оставайтесь при своём мнении и поступайте как вам заблагорассудится.

Николь *(тоже останавливается)*. Коли так, поступай как тебе вздумается.

Клеонт *(поворачивается к Люсиль)*. Любопытно, однако ж, знать причину вашего прелестного поведения.

Люсиль *(пытается уйти от Клеонта)*. У меня пропало всякое желание об этом с вами говорить.

Ковьель *(поворачивается к Николь)*. Послушаем, однако ж, в чём тут дело.

Николь *(хочет уйти от Ковьеля)*. У меня пропала всякая охота тебе это объяснять.

Клеонт *(идёт за Люсиль)*. Расскажите же мне...

Люсиль *(не глядя на Клеонта, направляется к выходу)*. Ничего не стану рассказывать.

Ковьель *(идёт за Николь)*. Растолкуй же мне...

Николь *(не глядя на Ковьеля, направляется к выходу)*. Ничего не стану растолковывать.

Клеонт. О, пощадите!

Люсиль. Ещё раз: нет!

Ковьель. Будь так любезна!

Николь. Конец всему.

Клеонт. Я вас молю!

Люсиль. Подите прочь!

Ковьель. Прошу тебя!

Николь. Ступай-ка вон!

Клеонт. Люсиль!

Люсиль. Нет-нет!

Ковьель. Николь!

Николь. Ни-ни!

Клеонт. Ради Бога!

Люсиль. Не желаю!

Ковьель. Ну скажи!

Николь. Ни за что.

Клеонт. Пролейте свет!

Люсиль. И не подумаю.

Ковьель. Открой ты мне глаза!

Николь. Была охота.

Клеонт. Ну что ж, коль скоро вы не хотите взять на себя труд разуверить меня и объяснить ваше поведение, которого любовный пламень мой не заслужил, то, неблагодарная, вы видите меня в последний раз: я ухожу, и в разлуке с вами я умру от горя и от любви.

Ковьель *(к Николь)*. А я — следом за ним.

Люсиль *(Клеонту, который собирается уходить)*. Клеонт!

Николь *(Ковьелю, который идёт за своим господином)*. Ковьель!

Клеонт *(останавливается)*. Что?

Ковьель *(тоже останавливается)*. Ну?

Люсиль. Куда же вы?

Клеонт. Я вам сказал.

Люсиль. Как! Вы хотите умереть?

Клеонт. О да, жестокая, вы сами этого хотите.

Ковьель. Мы помирать пошли.

Люсиль. Я? Я хочу вашей смерти?

Клеонт. Да, хотите.

Люсиль. Кто вам сказал?

Клеонт *(подходит к Люсиль)*. Как же не хотите, когда вы не хотите разрешить мои сомнения?

Люсиль. Да я-то тут при чём? Если б вы с самого начала соблаговолили меня выслушать, я бы вам сказала, что повинна в утреннем происшествии, причинившем вам такую обиду, моя старая тётка, с которой мы вместе шли: она твёрдо убеждена, что, если мужчина, не дай бог, подошёл к девушке, тем самым он её уже обесчестил, вечно читает нам об этом проповеди и старается внушить, что мужчины — это бесы и что от них нужно бежать без оглядки.

Николь *(Ковьелю)*. Вот и весь секрет.

Клеонт. А вы не обманываете меня, Люсиль?

Ковьель *(к Николь)*. А ты меня не дурачишь?

Люсиль *(Клеонту)*. Всё это истинная правда.

Николь *(Ковьелю)*. Всё так и было.

Ковьель *(Клеонту)*. Ну что ж, поверить им?

Клеонт. Ах, Люсиль, вам стоит сказать одно только слово — и волнения души моей тотчас же утихают! Как легко убеждают нас те, кого мы любим!

Ковьель. Ну и ловки же умасливать нашего брата эти чёртовы куклы!

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ

Те же и г-жа Журден.

Г-жа Журден. Очень рада вас видеть, Клеонт, вы как раз вовремя. Сейчас придёт мой муж; воспользуйтесь случаем и просите у него руки Люсиль.

Клеонт. Ах, сударыня, как отрадно мне слышать ваши слова и как сходятся они с моими желаниями! Что может быть для меня приятнее этого приказа, что может быть для меня дороже этого благодеяния?

ЯВЛЕНИЕ ДВЕНАДЦАТОЕ

Те же и г-н Журден.

Клеонт. Господин Журден! Я решил не прибегать ни к чьему посредничеству, чтобы обратиться к вам с просьбой, которая касается давнишней моей мечты. Это слишком важная для меня просьба, и я почёл за нужное сам изложить вам её. Итак, скажу вам не обинуясь, что честь быть вашим зятем явилась бы для меня наивысшей милостью, и вот эту именно милость я и прошу вас мне оказать.

Г-н Журден. Прежде чем дать вам ответ, сударь, я попрошу вас сказать: дворянин вы или нет?

Клеонт. Сударь! Большинство, не задумываясь, ответило бы на этот вопрос утвердительно. Слова нынче дёшевы. Люди без зазрения совести присваивают себе дворянское звание — подобный род воровства, по-видимому, вошёл в обычай. Но я на этот счёт, признаюсь, более щепетилен. Я полагаю, что всякий обман бросает тень на порядочного человека. Стыдиться тех, от кого тебе небо судило родиться на свет, блистать в обществе вымышленным титулом, выдавать себя не за то, что ты есть на самом деле, — это, на мой взгляд, признак душевной низости. Разумеется, мои предки занимали почётные должности, сам я с честью прослужил шесть лет в армии, и состояние моё таково, что я надеюсь занять не последнее место в свете, но, со всем тем, я не намерен присваивать себе дворянское звание, несмотря на то, что многие на моём месте сочли бы себя вправе это сделать, и я вам скажу напрямик: я — не дворянин.

Г-н Журден. Кончено, сударь: моя дочь — не для вас.

Клеонт. Как?

Г-н Журден. Вы — не дворянин, дочку мою вы не получите.

Г-жа Журден. Да при чём тут — дворянин, не дворянин! Мы-то с тобой от ребра Людовика Святого[1], что ли, происходим?

Г-н Журден. Молчи, жена, я вижу, к чему ты клонишь.

Г-жа Журден. Сами-то мы с тобой не из честных мещанских семей?

Г-н Журден. Вот язык-то без костей у тебя, жена!

Г-жа Журден. Разве наши родители не были купцами?

Г-н Журден. Уж эти бабы! Слова сказать не дадут. Коли твой родитель был купцом, тем хуже для него, а про моего родителя так могут сказать только злые языки. Одним словом, я хочу, чтобы зять у меня был дворянин.

Г-жа Журден. Твоей дочке нужен муж подходящий: лучше ей выйти за человека честного, богатого да статного, чем за дворянина нищего да нескладного.

---

[1] *Людо́вик IX* (1226—1279) — король Франции, прозванный Святым за организованный им крестовый поход.

Николь. Вот уж верно! В нашей деревне господский сынок такой увалень и такой оболтус, какого я отроду не видывала.

Г-н Журден *(к Николь)*. Замолчи, нахалка! Вечно вмешиваешься в разговор. Добра для дочки у меня припасено довольно, недостаёт только почёта, вот я и хочу, чтоб она была маркизой.

Г-жа Журден. Маркизой?

Г-н Журден. Да, маркизой.

Г-жа Журден. Сохрани Господи и помилуй!

Г-н Журден. Это дело решённое.

Г-жа Журден. А я на это никак не согласна. От неравного брака ничего хорошего не жди. Не желаю я, чтоб мой зять стал попрекать мою дочь родителями и чтоб их дети стыдились называть меня бабушкой. Случится ей в один прекрасный день прикатить ко мне в карете, и вот ежели она ненароком кому-нибудь из соседей забудет поклониться, так чего только про неё не наговорят! «Поглядите, скажут, на госпожу маркизу! Видите, как чванится! Это дочка господина Журдена, в детстве она почитала за великое счастье поиграть с нами. Прежде она не была такой спесивой, ведь оба её деда торговали сукном подле Ворот святого Иннокентия[1]. Нажили детям добра, а теперь, поди, на том свете ох как за это расплачиваются, потому честному человеку никогда так не разбогатеть». Терпеть не могу я этих пересудов. Коротко говоря, я хочу, чтоб мой зять был мне благодарен за дочку и чтоб я могла сказать ему попросту: «Садись-ка, зять, пообедай с нами».

Г-н Журден. Вот тут-то вся твоя мелочная душонка и сказалась: тебе бы весь век прозябать в ничтожестве. Довольно разговоров! Наперекор всем дочь моя будет маркизой, а разозлишь меня ещё пуще, так я её герцогиней сделаю. *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ТРИНАДЦАТОЕ

Клеонт, Ковьель, Люсиль, Николь, г-жа Журден.

Г-жа Журден. Не унывайте, Клеонт. *(К Люсиль.)* Пойдём-ка, дочка. Ты прямо так отцу и скажи: если не за Клеонта, так ни за кого, мол, не выйду.

Г-жа Журден, Люсиль и Николь уходят.

---

[1] *Ворóта святóго Иннокéнтия* — рыночный квартал в Париже.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ

Клеонт, Ковьель.

Ковьель. Много вам помогло ваше благородство!

Клеонт. Что поделаешь! Я на этот счёт необычайно щепетилен, и переломить себя — это выше моих сил.

Ковьель. А кто вам велел относиться к такому человеку серьёзно? Разве вы не видите, что он помешался? Ну что вам стоило снизойти к его слабости?

Клеонт. Твоя правда, но я никак не мог предполагать, что для того, чтобы стать зятем господина Журдена, требуется предъявить дворянские грамоты.

Ковьель *(хохочет)*. Ха-ха-ха!

Клеонт. Чего ты смеёшься?

Ковьель. Я надумал сыграть с нашим умником одну шутку, благодаря которой вы добьётесь своего.

Клеонт. Что такое?

Ковьель. Преуморительная штучка!

Клеонт. Да что же именно?

Ковьель. Тут у нас недавно был маскарад, и для моей затеи это как раз то, что нужно: я думаю воспользоваться этим, чтобы обвести вокруг пальца нашего простофилю. Придётся, конечно, разыграть комедию, но с таким человеком всё можно себе позволить, и раздумывать тут особенно нечего: он свою роль сыграет чудесно и, каких бы небылиц ему ни наплели, ко всему отнесётся с полным доверием. У меня и актёры и костюмы готовы, дайте мне только полную волю.

Клеонт. Но научи же меня...

Ковьель. Сейчас я вам всё растолкую... Уйдёмте-ка отсюда: вон он опять.

Клеонт и Ковьель уходят.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТНАДЦАТОЕ

Г-н Журден один.

Г-н Журден. Что за чёрт! То и дело колют мне глаза моим знакомством с вельможами, а для меня нет на свете ничего приятнее таких знакомых. От них один только почёт и уважение. Я бы позволил отрубить себе два пальца на руке, лишь бы мне родиться графом или же маркизом. <...>

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЁРТОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Г-н Журден, Ковьель, переодетый.

Ковьель. Не знаю, сударь, имею ли я честь быть вам знакомым.

Г-н Журден. Нет, сударь.

Ковьель *(показывает рукой на фут от полу)*. А я знал вас ещё вот этаким.

Г-н Журден. Меня?

Ковьель. Да. Вы были прелестным ребёнком, и все дамы брали вас на руки и целовали.

Г-н Журден. Меня? Целовали?

Ковьель. Да. Я был близким другом вашего покойного батюшки.

Г-н Журден. Моего покойного батюшки?

Ковьель. Да. Это был настоящий дворянин.

Г-н Журден. Как вы сказали?

Ковьель. Я сказал, что это был настоящий дворянин.

Г-н Журден. Кто, мой отец?

Ковьель. Да.

Г-н Журден. Вы его хорошо знали?

Ковьель. Ну ещё бы!

Г-н Журден. И вы его знали за дворянина?

Ковьель. Разумеется.

Г-н Журден. Вот после этого и верь людям?

Ковьель. А что?

Г-н Журден. Есть же такие олухи, которые уверяют, что он был купцом!

Ковьель. Купцом? Да это явный поклёп, он никогда не был купцом. Видите ли, он был человек на редкость обходительный, на редкость услужливый, а так как он отлично разбирался в тканях, то постоянно ходил по лавкам, выбирал, какие ему нравились, приказывал отнести их к себе в дом, а потом раздавал друзьям за деньги.

Г-н Журден. Я очень рад, что с вами познакомился: вы, я думаю, не откажетесь засвидетельствовать, что мой отец был дворянин.

Ковьель. Я готов подтвердить это перед всеми.

Г-н Журден. Вы чрезвычайно меня обяжете. Чем же могу вам служить?

Ковьель. С той поры, когда я водил дружбу с покойным вашим батюшкой, как я вам уже сказал, с этим настоящим дворянином, я успел объехать весь свет.

Г-н Журден. Весь свет?

Ковьель. Да.

Г-н Журден. Должно полагать, это очень далеко.

Ковьель. Конечно. Всего четыре дня, как я возвратился из длительного путешествия, и так как я принимаю близкое участие во всём, что касается вас, то почёл своим долгом прийти сообщить вам в высшей степени приятную для вас новость.

Г-н Журден. Какую?

Ковьель. Известно ли вам, что сын турецкого султана находится здесь?

Г-н Журден. Нет, неизвестно.

Ковьель. Как же так? У него блестящая свита, все сбегаются на него смотреть, его принимают у нас как чрезвычайно важное лицо.

Г-н Журден. Ей-богу, ничего не знаю.

Ковьель. Для вас тут существенно то, что он влюблён в вашу дочь.

Г-н Журден. Сын турецкого султана?

Ковьель. Да. И он метит к вам в зятья.

Г-н Журден. Ко мне в зятья? Сын турецкого султана?

Ковьель. Сын турецкого султана — к вам в зятья. Я посетил его, турецкий язык я знаю в совершенстве, мы с ним разговорились, и между прочим он мне сказал: «Аксям крок солер онш алла мустаф гиделум аманахем варахини уссерэ карбулат?» — то есть: «Не видал ли ты молодой красивой девушки, дочери господина Журдена, парижского дворянина?»

Г-н Журден. Сын турецкого султана так про меня сказал?

Ковьель. Да. Я ответил, что знаю вас хорошо и дочку вашу видел, а он мне на это: «Ах, марабаба сахем!» — то есть: «Ах, как я люблю её!»

Г-н Журден. «Марабаба сахем» значит: «Ах, как я люблю её»?

Ковьель. Да.

Г-н Журден. Хорошо, что вы сказали, сам бы я нипочём не догадался, что «марабаба сахем» значит: «Ах, как я люблю её». Какой изумительный язык!

Ковьель. Ещё какой изумительный! Вы знаете, что значит «какаракамушен»?

Г-н Журден. «Какаракамушен»? Нет.

Ковьель. Это значит «душенька моя».

Г-н Журден. «Какаракамушен» значит «душенька моя»?

Ковьель. Да.

Г-н Журден. Чудеса! «Какаракамушен» — «душенька моя»! Кто бы мог подумать! Просто поразительно!

Ковьель. Так вот, исполняя его поручение, я довожу до вашего сведения, что он прибыл сюда просить руки вашей дочери, а чтобы будущий тесть по своему положению был достоин его, он вознамерился произвести вас в «мамамуши» [1] — это у них такое высокое звание.

Г-н Журден. В «мамамуши»?

Ковьель. Да. «Мамамуши», по-нашему, всё равно что паладин. Паладин — это у древних... одним словом, паладин. Это самый почётный сан, какой только есть в мире, — вы станете в один ряд с наизнатнейшими вельможами.

Г-н Журден. Сын турецкого султана делает мне великую честь. Пожалуйста, проводите меня к нему: я хочу его поблагодарить.

Ковьель. Зачем? Он сам к вам приедет.

Г-н Журден. Он ко мне приедет?

Ковьель. Да, и привезёт с собой всё, что нужно для церемонии вашего посвящения.

Г-н Журден. Уж больно он скор.

Ковьель. Его любовь не терпит промедления.

Г-н Журден. Меня смущает одно: моя дочь упрямa — влюбилась по уши в некоего Клеонта и клянётся, что выйдет только за него.

Ковьель. Она передумает, как скоро увидит сына турецкого султана. Кроме того, тут есть одно необычайное совпадение: дело в том, что сын турецкого султана и Клеонт похожи друг на друга как две капли воды. Я видел этого Клеонта, мне его показали... Так что чувство, которое она питает к одному, легко может перейти на другого, и тогда... Однако я слышу шаги турка. Вот и он.

---

[1] *Мамаму́ши* — слово, сочинённое Мольером, ставшее нарицательным для обозначения чванливых вельмож.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Те же и Клеонт, одетый турком; три пажа несут полы его кафтана.

Клеонт. Амбусахим оки бораф, Джиурдина, селям алейкюм.

Ковьель *(г-ну Журдену)*. Это значит: «Господин Журден! Да цветёт сердце ваше круглый год, будто розовый куст». Это у них так изысканно выражаются.

Г-н Журден. Я покорнейший слуга его турецкого высочества.

Ковьель. Каригар камбото устин мораф.

Клеонт. Устин йок катамалеки басум басэ алла моран.

Ковьель. Он говорит: «Да ниспошлёт вам небо силу льва и мудрость змеи».

Г-н Журден. Его турецкое высочество оказывает мне слишком большую честь, я же, со своей стороны, желаю ему всяческого благополучия.

Ковьель. Осса бинамен садок бабалли оракаф урам.

Клеонт. Ни бель мес.

Ковьель. Он говорит, чтобы вы сей же час шли с ним готовиться к церемонии, а затем отвели его к дочке на предмет заключения брачного союза.

Г-н Журден. Это он столько выразил в трёх словах?

Ковьель. Да. Таков турецкий язык: всего несколько слов, а сказано много. Идите же с ним скорей.

Г-н Журден, Клеонт и три пажа уходят.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Ковьель один.

Ковьель. Ха-ха-ха! Потеха, право, потеха! Этакий дурачина! Выучи он свою роль заранее, всё равно лучше бы не сыграл. Ха-ха-ха!

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Ковьель, Дорант.

Ковьель. Сударь! Помогите нам, пожалуйста, в одном дельце, которое мы затеяли в этом доме.

Дорант. Ха-ха-ха! Это ты, Ковьель? Тебя просто не узнать. Как это ты так вырядился?

Ковьель. Как видите. Ха-ха-ха!

Дорант. Чего ты смеёшься?

Ковьель. Уж очень забавная, сударь, история, оттого и смеюсь.

Дорант. Что же это такое?

Ковьель. Бьюсь об заклад, сударь, что вы не догадаетесь, какую ловушку приготовили мы для господина Журдена, чтобы он согласился на брак своей дочери с моим господином.

Дорант. Я не догадываюсь, какая именно это ловушка, но зато догадываюсь, что успех ей обеспечен, коль скоро за дело берёшься ты.

Ковьель. Вам, конечно, сударь, известно, на какого зверя мы охотимся.

Дорант. Расскажи мне, что́ вы задумали.

Ковьель. Потрудитесь отойти в сторонку, а то вот уже сюда идут, надо пропустить. Вы увидите часть комедии, остальное я вам доскажу.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Турецкая церемония.
Муфтий, поющие дервиши, танцующие турки, свита муфтия.

ПЕРВЫЙ БАЛЕТНЫЙ ВЫХОД

Шестеро турок под музыку торжественно идут парами. Они несут три ковра и, протанцевав несколько фигур, поднимают ковры над головой. Поющие турки проходят под этими коврами, а затем выстраиваются по обе стороны сцены. Муфтий с дервишами замыкают шествие. Далее турки расстилают ковры и становятся на колени, муфтий и дервиши стоят посредине. Муфтий разными ужимками и гримасами, но без слов призывает Магомета, а в это время турки, составляющие его свиту, простираются ниц и поют «Алла», затем воздевают руки к небу и снова поют «Алла», и так до конца муфтиевой молитвы, после чего все они поднимаются с пола и поют «Алла экбер»[1], а двое дервишей идут за г-ном Журденом.

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Те же и г-н Журден, одетый турком, с бритой головой, без тюрбана и без сабли.

Муфтий *(г-ну Журдену)*.

Когда ты знай,
То отвечай.
Когда не знай,
Тогда молчай.

[1] *Алла́ экбе́р* — Бог велик (араб.).

Я муфтий здесь,
А ты кто есь?
Не понимай?
Молчай, молчай!

Двое дервишей уводят г-на Журдена.

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ

Муфтий, дервиши, турки, свита муфтия.

Муфтий. Сказать мне, турки, кто он иста. Анабаптиста? Анабаптиста?

Турки. Йок[1].

Муфтий. Цвинглиста?

Турки. Йок.

Муфтий. Коффиста?

Турки. Йок.

Муфтий. Гусита? Мориста? Фрониста?

Турки. Йок. Йок. Йок.

Муфтий. Йок. Йок. Йок. Язычникана?

Турки. Йок.

Муфтий. Лютерана?

Турки. Йок.

Муфтий. Пуритана?

Турки. Йок.

Муфтий. Брамина? Моффина? Зурина?

Турки. Йок. Йок. Йок.

Муфтий. Йок. Йок. Йок. Магометана? Магометана?

Турки. Эй валла! Эй валла!

Муфтий. Как прозванье? Как прозванье?

Турки. Джиурдина. Джиурдина.

Муфтий *(подпрыгивая)*. Джиурдина. Джиурдина.

Турки. Джиурдина. Джиурдина.

Муфтий.

Магомета господина!
Я просить за Джиурдина
Его сделать паладина,
Дать ему алебардина
И отправить Палестина
На галера бригантина
И со всеми сарацина
Воевать христианина.

[1] *Йок* — нет (тур.).

Магомета господина
Я просить за Джиурдина.

(Туркам.)

Карош турка Джиурдина?

Т у р к и. Эй валла! Эй валла!

М у ф т и й *(поёт и пляшет)*. Ха-ла-ба, ба-ла-шу, ба-ла-ба, ба-ла-да.

Т у р к и. Ха-ла-ба, ба-ла-шу, ба-ла-ба, ба-ла-да.

Муфтий и дервиши уходят.

ЯВЛЕНИЕ ДВЕНАДЦАТОЕ

Т у р к и поющие и танцующие.

ЯВЛЕНИЕ ТРИНАДЦАТОЕ

Те же, м у ф т и й, д е р в и ш и и г-н Ж у р д е н.

ВТОРОЙ БАЛЕТНЫЙ ВЫХОД

Впереди идёт м у ф т и й; на голове у муфтия — невероятной величины парадный тюрбан, к которому в несколько рядов прикреплены зажжённые свечи; за ним д в о е д е р в и ш е й в остроконечных шапках, на которых тоже красуются зажжённые свечи, несут Коран. Д в о е д р у г и х д е р в и ш е й вводят г-на Ж у р д е н а и ставят на колени, так чтобы руки касались земли, а спина служила подставкой для Корана; муфтий кладёт ему на спину Коран и снова начинает, паясничая, призывать Магомета: сдвигает брови, время от времени ударяет рукой по Корану и быстро-быстро его перелистывает, затем воздевает руки к небу и восклицает: «Гу!»[1] Во время этой второй церемонии турки, составляющие его свиту, то наклоняются, то выпрямляются и тоже восклицают: «Гу! Гу! Гу!»

Г-н Ж у р д е н *(после того как у него со спины сняли Коран)*. Ух!

М у ф т и й *(г-ну Журдену)*. Твой не обманос?

Т у р к и. Нет, нет, нет.

М у ф т и й. Не шарлатанос?

Т у р к и. Нет, нет, нет.

М у ф т и й *(туркам)*. Дать ему тюрбанос!

Т у р к и.

Твой не обманос?
Нет, нет, нет.
Не шарлатанос?
Нет, нет, нет.
Дать ему тюрбанос!

[1] *Гу* — по-арабски значит «он».

Ж.-Б. Мольер. «Мещанин во дворянстве». *Художник Л. Нижний*

ТРЕТИЙ БАЛЕТНЫЙ ВЫХОД

Танцующие турки под музыку надевают на г-на Журдена тюрбан.

Муфтий *(подавая г-ну Журдену саблю)*.

Твой — дворян. Не вру ни капля.
Вот тебе сабля.

Турки (обнажая сабли).

Твой — дворян. Не вру ни капля.
Вот тебе сабля.

ЧЕТВЁРТЫЙ БАЛЕТНЫЙ ВЫХОД

Танцующие турки в такт музыке наносят г-ну Журдену удары саблями плашмя.

Муфтий.

Палка, палка,
Бей — не жалка.

Турки.

Палка, палка,
Бей — не жалка.

ПЯТЫЙ БАЛЕТНЫЙ ВЫХОД

Танцующие турки в такт музыке бьют г-на Журдена палками.

Муфтий.

Не бояться,
Не стыдиться,
Если хочешь
Посвятиться!

Турки.

Не бояться,
Не стыдиться,
Если хочешь
Посвятиться!

Муфтий в третий раз начинает призывать Магомета. Дервиши почтительно поддерживают его под руки; затем турки, и поющие и танцующие, начинают прыгать вокруг муфтия и, наконец, удаляются вместе с ним и уводят с собой г-на Журдена.

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Г-жа Журден, г-н Журден.

Г-жа Журден. Господи помилуй! Это ещё что такое? На кого ты похож? Что это ты на себя напялил? Рядиться вздумал? Да говори же, наконец, что всё это значит? Кто это тебя таким шутом гороховым вырядил?

Г-н Журден. Вот дура! Так разговаривать с мамамуши!

Г-жа Журден. Что такое?

Г-н Журден. Да-да, теперь все должны быть со мною почтительны. Меня только что произвели в мамамуши.

Г-жа Журден. Как это понять — мамамуши?

Г-н Журден. Говорят тебе — мамамуши. Я теперь мамамуши.

Г-жа Журден. Это ещё что за зверь?

Г-н Журден. Мамамуши — по-нашему паладин.

Г-жа Журден. Балдин? Балда ты и есть. Вздумал на старости лет в пляс пускаться.

Г-н Журден. Вот темнота! Это такой сан, в который меня сейчас посвятили.

Г-жа Журден. Как так посвятили?

Г-н Журден. Магомета господина! Я молить за Джиурдина.

Г-жа Журден. Что это значит?

Г-н Журден. «Джиурдина» — значит Журден.

Г-жа Журден. Ну, Журден, а дальше?

Г-н Журден. Его сделать паладина.

Г-жа Журден. Как?

Г-н Журден. И отправить в Палестина на галера бригантина.

Г-жа Журден. Это зачем же?

Г-н Журден. И со всеми сарацина воевать христианина.

Г-жа Журден. Да что ты несёшь?

Г-н Журден. Палка, палка, бей — не жалка.

Г-жа Журден. Что за тарабарщина!

Г-н Журден. Не бояться, не стыдиться, если хочешь посвятиться.

Г-жа Журден. Да что же это такое?

Г-н Журден *(приплясывает и поёт)*. Ула-ла-ба, бала-шу, ба-ла-ба, ба-ла-да. *(Падает.)*

Г-жа Журден. Боже милосердный! Мой муж совсем с ума сошёл!

Г-н Журден *(встаёт и направляется к выходу)*. Перестань, грубиянка! Относись с уважением к господину мамамуши. *(Уходит.)*

Г-жа Журден *(одна)*. Когда же это он успел рехнуться? Скорей за ним, а то ещё убежит из дому! *(Увидев Доримену и Доранта.)* А-а, вас здесь только не хватало! Час от часу не легче. *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Дорант, Доримена.

Дорант. Да, маркиза, вас ожидает презабавное зрелище. Могу ручаться, что такого сумасброда, каков наш Журден, вы нигде не найдёте. Затем наш долг — принять участие в сердечных делах Клеонта и поддержать его затею с маскарадом. Он премилый человек, ему стоит помочь.

Доримена. Я о нём очень высокого мнения. Он вполне достоин счастья.

Дорант. Помимо всего этого, нам не следует пропускать балет, который, собственно говоря, для нас же и устраивается. Посмотрим, насколько удачен мой замысел.

Доримена. Я заметила здесь грандиозные приготовления. Вот что, Дорант: больше я этого не потерплю. Да-

да, я хочу положить конец вашей расточительности: чтобы вы больше на меня не тратились, я решила выйти за вас замуж не откладывая. Это единственное средство — со свадьбой все эти безумства обычно кончаются.

Дорант. Неужели вы и правда намерены принять столь отрадное для меня решение?

Доримена. Это только для того, чтобы вы не разорились, иначе, я убеждена, недалёк тот час, когда вы останетесь без гроша.

Дорант. О, как я признателен вам за ваши заботы о моём состоянии! Оно всецело принадлежит вам, так же точно, как и моё сердце; распоряжайтесь ими по своему благоусмотрению.

Доримена. Я сумею распорядиться и тем и другим... Но вот и наш чудак. Вид у него обворожительный!

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Те же и г-н Журден.

Дорант. Милостивый государь! Мы с маркизой явились поздравить вас с новым званием и разделить вашу радость по поводу предстоящего бракосочетания вашей дочери с сыном турецкого султана.

Г-н Журден *(кланяется им по-турецки)*. Желаю вам, ваше сиятельство, силу змеи и мудрость льва.

Доримена. Я имею счастье одною из первых приветствовать вас по случаю того, что вы взошли на высшую ступень славы.

Г-н Журден. Желаю вам, сударыня, чтоб ваш розовый куст цвёл круглый год. Я вам бесконечно благодарен за то, что вы пришли меня чествовать, и весьма рад, что вы снова здесь и что я могу принести вам искренние извинения за дикую выходку моей жены.

Доримена. Пустое! Я охотно прощаю ей этот невольный порыв. Вы ей, разумеется, дороги, и нет ничего удивительного, что, обладая таким сокровищем, она испытывает некоторые опасения.

Г-н Журден. Все права на обладание моим сердцем принадлежат вам.

Дорант. Вы видите, маркиза, что господин Журден не из тех людей, которых ослепляет благополучие: он и в счастье не забывает своих друзей.

Доримена. Это признак души истинно благородной.

Дорант. А где же его турецкое высочество? Мы хотели бы в качестве ваших друзей засвидетельствовать ему своё почтение.

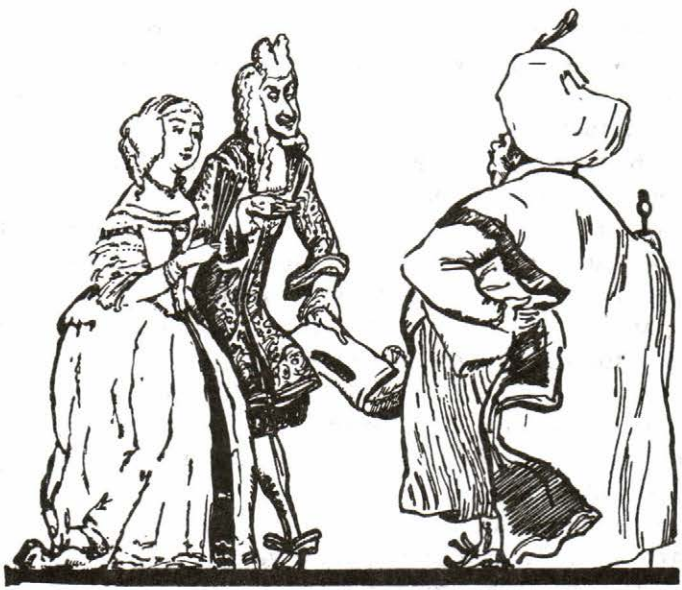
Г-н Журден. Вот он идёт. Я уж послал за дочерью, чтоб она отдала ему руку и сердце.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЁРТОЕ

Те же и Клеонт, одетый турком.

Дорант *(Клеонту)*. Ваше высочество! В качестве друзей вашего почтенного тестя мы явились засвидетельствовать вам глубочайшее наше уважение и всепокорнейше принести уверения в совершенной нашей преданности.

Г-н Журден. Где же это толмач? Он бы вас ему представил и растолковал, что вы хотите сказать. Вот увидите, он вам непременно ответит: он прекрасно говорит по-турецки. Эй! Эй! Куда же это его унесло? *(Клеонту.)* Струф, стриф, строф, страф. Этот каспатин балшой велмош, балшой велмош, а эта каспаша — ух какой снатна тама, ух какой снатна тама! *(Видя, что тот ничего не понимает.)* Ага! *(Указывая на Доранта.)* Он французский мамамуши, она французская мамамушиня. Яснее выразиться не могу... Вот, слава Богу, и переводчик.

Ж.-Б. Мольер. «Мещанин во дворянстве». *Художник Л. Нижний*

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Те же и переодетый Ковьель.

Г-н Журден. Где же вы? Мы без вас как без рук. *(Указывая на Клеонта.)* Скажите ему, пожалуйста, что этот господин и эта дама — особы из высшего общества и что они в качестве моих друзей явились засвидетельствовать ему своё почтение и принести уверения в преданности. *(Доримене и Доранту.)* Послушайте, что́ он ответит.

Ковьель. Алабала кросьям якши борам алабамен.

Клеонт. Каталеки тубал урин сотер амалушан.

Г-н Журден *(Доранту и Доримене)*. Слышите?

Ковьель. Он желает, чтобы дождь благоденствия во всякое время орошал вертоград вашего семейства.

Г-н Журден. Я вам не зря сказал, что он говорит по-турецки!

Дорант. Поразительно!

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Те же и Люсиль.

Г-н Журден. Иди сюда, дочь моя, подойди поближе и дай руку этому господину — он делает тебе честь, что сватается за тебя.

Люсиль. Что с вами, батюшка? Что вы с собой сделали? Или вы комедию играете?

Г-н Журден. Нет-нет, это вовсе не комедия, это дело очень даже серьёзное и такое для тебя почётное, что лучше не придумаешь. *(Указав на Клеонта.)* Вот кого я даю тебе в мужья.

Люсиль. Мне, батюшка?

Г-н Журден. Ну да, тебе. Скорей подай ему руку и благодари Бога за такое счастье.

Люсиль. Я не желаю выходить замуж.

Г-н Журден. А я, твой отец, этого желаю.

Люсиль. Ни за что.

Г-н Журден. Без всяких разговоров! Поживей, тебе говорят! Ну, давай же руку!

Люсиль. Нет, батюшка, я уже вам сказала, что нет такой силы, которая принудила бы меня выйти замуж за кого-нибудь, кроме Клеонта. Я скорей решусь на любую крайность, чем... *(Узнаёт Клеонта.)* Конечно, вы — мой отец, я должна вам беспрекословно повиноваться, устраивайте мою судьбу как вам будет угодно.

Г-н Журден. Ах, как я рад, что сознание долга так скоро к тебе вернулось! Хорошо иметь послушную дочь!

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Те же и г-жа Журден.

Г-жа Журден. Это что такое? Что это ещё за новости? Говорят, ты собрался выдать свою дочь за какого-то шута?

Г-н Журден. Да замолчишь ли ты, нахалка? Надоели мне твои дикие выходки, ничем тебя не вразумишь!

Г-жа Журден. Это тебя никакими силами не приведёшь в разум, так и жди какого-нибудь нового сумасбродства. Что это ты задумал и к чему это сборище?

Г-н Журден. Я хочу выдать нашу дочь за сына турецкого султана.

Г-жа Журден. За сына турецкого султана?

Г-н Журден. Да. *(Указывая на Ковьеля.)* Засвидетельствуй ему своё почтение вот через этого толмача.

Г-жа Журден. Не нужно мне никакого толмача, я сама скажу ему прямо в глаза, что дочки моей ему не видать.

Г-н Журден. Да замолчишь ли ты, наконец?

Дорант. Помилуйте, госпожа Журден, неужели вы отказываетесь от такой чести? Вы не хотите, чтобы вашим зятем был его турецкое высочество?

Г-жа Журден. Ради Бога, сударь, не вмешивайтесь вы в чужие дела.

Доримена. Таким великим счастьем пренебрегать не следует.

Г-жа Журден. И вас, сударыня, я тоже попрошу не лезть куда не спрашивают.

Дорант. Мы о вас же заботимся — единственно из дружеского к вам расположения.

Г-жа Журден. Не нуждаюсь я в вашем дружеском расположении.

Дорант. Но ведь и ваша дочь согласна подчиниться воле родителя.

Г-жа Журден. Моя дочь согласна выйти за турка?

Дорант. Вне всякого сомнения.

Г-жа Журден. Она может забыть Клеонта?

Дорант. Чем только не поступаются ради того, чтобы именоваться знатною дамой!

Г-жа Журден. Если она выкинула такую штуку, я её своими руками задушу.

Г-н Журден. Ну, поехала! Я тебе говорю, что свадьба состоится.

Г-жа Журден. А я тебе говорю, что не состоится.

Г-н Журден. Довольно разговоров!

Люсиль. Матушка!

Г-жа Журден. А, да ну тебя, скверная девчонка!

Г-н Журден *(жене)*. Ты что же это, бранишь её за повиновение отцу?

Г-жа Журден. Да. Она столько же моя дочь, сколько и твоя.

Ковьель *(г-же Журден)*. Сударыня!

Г-жа Журден. А вы-то что собираетесь мне сказать?

Ковьель. Только одно слово.

Г-жа Журден. Очень мне нужно ваше слово!

Ковьель *(г-ну Журдену)*. Сударь! Если только ваша супруга захочет поговорить со мной наедине, то я вам ручаюсь, что она изъявит своё согласие.

Г-жа Журден. Ни за что не соглашусь.

Ковьель. Да вы только выслушайте меня!

Г-жа Журден. Не выслушаю.

Г-н Журден *(жене)*. Выслушай его!

Г-жа Журден. Не желаю я его слушать.

Г-н Журден. Он тебе растолкует...

Г-жа Журден. Не желаю я, чтоб он мне растолковывал.

Г-н Журден. До чего же все женщины упрямы! Что, тебя от этого убудет, что ли?

Ковьель. Вам надо только выслушать меня, а дальше поступайте как вам заблагорассудится.

Г-жа Журден. Ну, что у вас такое?

Ковьель *(г-же Журден, тихо)*. Битый час, сударыня, мы делаем вам знаки. Неужели вы не видите, что всё это мы затеяли только для того, чтобы подделаться под господина Журдена с его вечными причудами? Мы дурачим его этим маскарадом: ведь сын турецкого султана — не кто иной, как Клеонт.

Г-жа Журден *(Ковьелю, тихо)*. Ах, вот в чём дело!

Ковьель *(г-же Журден, тихо)*. А я, Ковьель, при нём переводчиком.

Г-жа Журден *(Ковьелю, тихо)*. Ну, коли так, то я сдаюсь.

Ковьель *(г-же Журден, тихо)*. Только не подавайте виду.

Г-жа Журден *(громко)*. Да. Всё уладилось. Я согласна на брак.

Г-н Журден. Ну вот все и образумились! *(Жене.)* А ты ещё не хотела его выслушать! Я был уверен, что он сумеет тебе объяснить, что значит сын турецкого султана.

Г-жа Журден. Он мне всё толком объяснил, и теперь я довольна. Надо послать за нотариусом.

Дорант. Похвальное намерение. А чтобы вы, госпожа Журден, могли быть совершенно спокойны и с нынешнего дня перестали ревновать почтенного вашего супруга, я вам объявляю, что мы с маркизой воспользуемся услугами того же самого нотариуса и заключим брачный союз.

Г-жа Журден. Я и на это согласна.

Г-н Журден *(Доранту, тихо)*. Это вы для отвода глаз?

Дорант *(г-ну Журдену, тихо)*. Пусть себе тешится этой басней.

Г-н Журден *(тихо)*. Отлично, отлично! *(Громко.)* Пошлите за нотариусом.

Дорант. А пока он придёт и составит брачные договоры, давайте посмотрим балет — это послужит развлечением и для его турецкого высочества.

Г-н Журден. Прекрасная мысль. Пойдёмте занимать места.

Г-жа Журден. А как же Николь?

Г-н Журден. Николь я отдаю толмачу, а мою супругу — кому угодно.

Ковьель. Благодарю вас, сударь. *(В сторону.)* Ну уж другого такого сумасброда на всём свете не сыщешь!

Комедия заканчивается балетом.

Перевод Н. Любимова

Размышляем о прочитанном

1. В одной из статей о Мольере говорится, что в комедии «Мещанин во дворянстве» достаётся и мещанину, и дворянину. Как Мольер изображает обнищание и паразитизм аристократии, тщеславие буржуазии?
2. Какими приёмами сатирического изображения своих персонажей пользуется автор? Покажите на примерах, как создаёт драматург человеческий характер. Чем можно объяснить поступки господина Журдена? Глуп ли он? В нормальном ли состоянии? Объясните мотивы поведения других персонажей по отношению к господину Журдену.
3. В чём вы видите потерю Журденом здравого смысла, в ряде случаев присущего ему? В ком и в чём ярко проявляется здравый смысл, простота поведения и значительность народного характера?

Учимся читать выразительно

Прочитайте комедию Мольера «Мещаниин во дворянстве» полностью. Подготовьте выразительное чтение по ролям сцен из комедии (по выбору). Как вы понимаете заглавие этой комедии? Как связан замысел комедии с жизнью Франции второй половины XVII века?

Опыт литературоведческого исследования

В школе классицизма Мольер не был послушным учеником. В чём он нарушает правила классицизма, а в чём следует им? Мольер совмещал литературную традицию с традицией народного театра. Приведите примеры того, как драматург использует приёмы народного фарса (одурачивание, подслушивание, переодевание, игру со словами, например тарабарщину, «турецкую речь» и т. д.). Напишите сочинение-исследование «Каноны классицизма в комедии Ж.-Б. Мольера „Мещанин во дворянстве“».

Творческое задание

Подготовьте устный отзыв или письменную рецензию на просмотренный в театре или по телевидению спектакль по комедии Мольера.

Проект

Подготовьте театральную постановку нескольких сцен комедии на школьной сцене. Продумайте костюмы, декорации, музыкальное сопровождение, танцевальные номера и другие элементы спектакля.

Вальтер СКОТТ

1771—1832

Вальтер Скотт — известный английский писатель, создатель жанра исторического романа.

Вальтер Скотт начал свою литературную деятельность в один из самых бурных периодов европейской истории.

В 1789 году во Франции произошла революция, имевшая важное значение для всей Европы. Рушилось феодальное общество, ломался старый уклад жизни, утверждались новые экономические отношения. На что опереться в критические минуты; что необходимо сохранять и спасать в старом обществе; что важнее всего поддержать в новом?.. Все эти проблемы отразились в романах Вальтера Скотта. Шотландец по происхождению, писатель всем сердцем был привязан к родной стране, хотя писал по-английски и занял выдающееся место именно в английской литературе. Его поэмы и романы повествуют о судьбах и бедах его любимой Шотландии, несмотря на то что действие в некоторых его романах происходит в средневековой Франции, в Англии или в Византии. Шотландский костюм, шотландский диалект, шотландская старина, которую он изображал, были средствами сохранения национальной самобытности. Подлинный шотландский характер писатель видел не в упрямстве и невежестве, которыми по традиции награждали шотландцев, а в стойких нравственных чертах — верности, честности, мужестве, преданности убеждениям.

Исторический роман, по мнению Скотта, должен воспроизводить историю полнее, чем научное исследование. Наряду с политическими событиями исторический роман должен изображать частную жизнь обычных людей. Реальные исторические лица ведут у писателя политическую интригу, а вымышленные — любов-

но-романтическую. Одним из первых в европейской литературе Вальтер Скотт вывел на сцену народ: крестьян, ремесленников, пастухов, рыбаков, воинов. И почти во всех романах писателя действует этот коллективный герой.

Задача исторического романиста, по мнению писателя, заключалась ещё и в том, чтобы за различием и своеобразием культур увидеть живую, страдающую человеческую душу, стремящуюся к лучшей доле. Исторический роман должен воспитывать в современном читателе симпатию ко всему человечеству. Буйная фантазия и историческая точность, проникновенный лиризм и романтика, загадочная интрига, таинственность и острые нравственные проблемы переплетаются в произведениях Скотта. Это позволило Пушкину назвать его «шотландским волшебником».

Вальтер Скотт родился в Эдинбурге в семье юриста. Скотты принадлежали к старому шотландскому роду, игравшему некоторую роль в истории страны. Вскоре после рождения мальчика обнаружилось, что он плохо владеет правой ногой. Лечение не помогало, и Вальтера Скотта отвезли для поправки здоровья к бабушке на ферму. Здесь и началось знакомство будущего писателя с шотландской историей и фольклором. В деревне мальчик подлечился, но всё же остался хромым на всю жизнь.

Отец мечтал, чтобы сын стал юристом, и после окончания школы заставил его работать в своей юридической конторе. Вскоре Вальтер Скотт получил звание адвоката, а затем занял должность секретаря эдинбургского суда. Будучи уже знаменитым писателем, Скотт не оставил службу — он был шерифом округа.

С 1814 года Вальтер Скотт посвящает себя созданию исторических романов, которые он писал до конца жизни. Уже первый его роман «Уэверли» принёс Вальтеру Скотту мировую славу. Самые знаменитые романы писателя — это «Пуритане», «Роб Рой», «Айвенго», «Эдинбургская темница», «Квентин Дорвард». Успех романов и необыкновенная работоспособность Вальтера Скотта принесли ему славу и богатство. Когда в 1818 году писатель получил звание баронета, он решил превратить своё поместье в подлинный средневековый замок. Он собирал древности: оружие, мебель, утварь, книги... Изнуряющая работа на пределе сил, вызванная банкротством его издателя, в конце концов подорвала железное здоровье писателя. В 1831 году он перенёс апоплексический удар [1].

---

[1] *Апоплекси́ческий уда́р* — инсульт; сопровождается потерей сознания и параличами.

По совету врачей В. Скотт совершает своё последнее путешествие — по южным странам. Но и в дороге он продолжает работать, так как всё ещё не может рассчитаться с долгами. В Неаполе он узнаёт о смерти великого Гёте и принимает решение вернуться, чтобы так же, как и немецкий поэт, умереть на родине. Через несколько месяцев после возвращения Вальтер Скотт умирает из-за резкого обострения болезни.

«Айвенго» (1819) — роман об английском Средневековье. Действие происходит в XII веке, когда в Англию пришли жестокие норманнские завоеватели. Роман повествует о кровавой борьбе саксонских феодалов и крестьян с надменными норманнскими аристократами, презирающими народ. Против завоевателей во главе крестьян борется герой английских баллад легендарный разбойник Робин Гуд. В романе выведен «народный король» Ричард Львиное Сердце, который стремится к примирению норманнов и англосаксов.

К началу действия романа прошло уже более ста лет со времени завоевания Англии норманнами, но вражда между победителями и побеждёнными сохранилась. Ричард Львиное Сердце вместе со своим другом и верным слугой Айвенго инкогнито вернулись из крестового похода и плена. Король выступает против феодальной знати, заинтересованной в сохранении политической раздробленности.

Молодой рыцарь Айвенго копьём и мечом защищает свою честь и права, свою возлюбленную, прекрасную леди Ровену, руки которой добивается жестокий, способный на преступления крестоносец Бриан де Буагильбер.

Пройдя через многочисленные испытания, герой романа помогает предотвратить несчастье и восторжествовать справедливости.

В. И. Коровин

?! Проверьте себя

Расскажите коротко о жизни Вальтера Скотта, используя статью В. И. Коровина и ресурсы Интернета. Какие произведения этого автора вами уже прочитаны? Какие впечатления они оставили?

Айвенго

Главы из романа

Глава I

Они беседовали той порой,
Когда стада с полей брели домой,
Когда, наевшись, но не присмирев,
Шли свиньи с визгом нехотя
в свой хлев.
Поп[1]. «Одиссея»

В той живописной местности весёлой Англии, которая орошается рекою Ден, в давние времена простирались обширные леса, покрывавшие бóльшую часть красивейших холмов и долин, лежащих между Шеффилдом и Донкастером. Остатки этих огромных лесов и поныне видны вокруг дворянских замков Уэнтворт, Уорнклиф-парк и близ Ротерхема. По преданию, здесь некогда обитал сказочный уонтлейский дракон; здесь происходили ожесточённые битвы во время междоусобных войн Белой и Алой Розы; и здесь же в старину собирались ватаги тех отважных разбойников, подвиги и деяния которых прославлены в народных песнях.

Таково главное место действия нашей повести, по времени же описываемые в ней события относятся к концу царствования Ричарда I[2], когда возвращение короля из долгого плена казалось желанным, но уже невозможным событием отчаявшимся подданным, которые подвергались бесконечным притеснениям знати. Феодалы, получившие непомерную власть в царствование Стефана[3], но вынужденные подчиняться королевской власти благоразумного Генриха II[4], теперь снова бесчинствовали, как в прежние

---

[1] *Поп Алексáндр* (1688—1744) — английский поэт, перевёл «Илиаду» и «Одиссею» Гомера.

[2] *Ричард I Львиное Сердце* — английский король (1189—1199), участник Третьего крестового похода. Во времена его правления в Англии продолжались феодальные смуты и междоусобная борьба.

[3] *Стéфан* — английский король (1135—1154). Вёл длительную междоусобную борьбу за власть с королевой Матильдой.

[4] *Генрих II Плантагенéт* —английский король (1154—1189). Провёл ряд реформ с целью укрепления королевской власти и ограничения феодальных междоусобиц.

времена; пренебрегая слабыми попытками английского государственного совета ограничить их произвол, они укрепляли свои замки, увеличивали число вассалов, принуждали к повиновению и вассальной зависимости всю округу; каждый феодал стремился собрать и возглавить такое войско, которое дало бы ему возможность стать влиятельным лицом в приближающихся государственных потрясениях.

Чрезвычайно непрочным стало в ту пору положение мелкопоместных дворян, или, как их тогда называли, фра́нклинов, которые, согласно букве и духу английских законов, должны были бы сохранять свою независимость от тирании крупных феодалов. Франклины могли обеспечить себе на некоторое время спокойное существование, если они, как это большей частью и случалось, прибегали к покровительству одного из влиятельных вельмож их округи, или входили в его свиту, или же обязывались по соглашениям о взаимной помощи и защите поддерживать феодала в его военных предприятиях, но в этом случае они должны были жертвовать своей свободой, которая так дорога сердцу каждого истого англичанина, и подвергались опасности оказаться вовлечёнными в любую опрометчивую затею их честолюбивого покровителя. С другой стороны, знатные бароны, располагавшие могущественными и разнообразными средствами притеснения и угнетения, всегда находили предлог для того, чтобы травить, преследовать и довести до полного разорения любого из своих менее сильных соседей, который попытался бы не признать их власти и жить самостоятельно, думая, что его безопасность обеспечена лояльностью и строгим подчинением законам страны.

Завоевание Англии норманнским герцогом Вильгельмом[1] значительно усилило тиранию феодалов и углубило страдания низших сословий. Четыре поколения не смогли смешать воедино враждебную кровь норманнов и англосаксов или примирить общностью языка и взаимными интересами ненавистные друг другу народности, из которых одна всё ещё упивалась победой, а другая страдала

[1] *Норма́ннский ге́рцог Вильге́льм* (ок. 1027?—1087) — первый английский король из среды завоевателей-норманнов, прозванный *Вильгельмом Завоевателем*.

от последствий своего поражения. После битвы при Гастингсе[1] власть полностью перешла в руки норманнских дворян, которые отнюдь не отличались умеренностью. Почти все без исключения саксонские принцы и саксонская знать были либо истреблены, либо лишены своих владений; невелико было и число мелких саксонских собственников, за которыми сохранились земли их отцов. Короли непрестанно стремились законными и противозаконными мерами ослабить ту часть населения, которая испытывала врождённую ненависть к завоевателям. Все монархи норманнского происхождения оказывали явное предпочтение своим соплеменникам; охотничьи законы и другие предписания, отсутствовавшие в более мягком и более либеральном саксонском уложении, легли на плечи побеждённых, ещё увеличивая тяжесть и без того непосильного феодального гнёта.

При дворе и в замках знатнейших вельмож, старавшихся ввести у себя великолепие придворного обихода, говорили исключительно по-норманно-французски; на том же языке велось судопроизводство во всех местах, где отправлялось правосудие. Словом, французский язык был языком знати, рыцарства и даже правосудия, тогда как несравненно более мужественная и выразительная англосаксонская речь была предоставлена крестьянам и дворовым людям, не знавшим иного языка.

Однако необходимость общения между землевладельцами и порабощённым народом, который обрабатывал их землю, послужила основанием для постепенного образования наречия из смеси французского языка с англосаксонским, говоря на котором они могли понимать друг друга. Так мало-помалу возник английский язык настоящего времени, заключающий в себе счастливое смешение языка победителей с наречием побеждённых и с тех пор столь обогатившийся заимствованиями из классических и так называемых южноевропейских языков.

Я счёл необходимым сообщить читателю эти сведения, чтобы напомнить ему, что, хотя история англосаксонско-

---

[1] *Битва при Га́стингсе* — 14 октября 1066 г. в сражении при Гастингсе высадившиеся в Англии норманнские войска герцога Вильгельма разгромили англосаксонское войско короля Гарольда. С этого времени в Англии установилось господство норманнов.

го народа после царствования Вильгельма II[1] не отмечена никакими значительными событиями вроде войн или мятежей, всё же раны, нанесённые завоеванием, не заживали вплоть до царствования Эдуарда III[2]. Велики национальные различия между англосаксами и их победителями, воспоминания о прошлом и мысли о настоящем бередили эти раны и способствовали сохранению границы, разделяющей потомков победоносных норманнов и побеждённых саксов.

Солнце садилось за одной из покрытых густой травою просек леса, о котором уже говорилось в начале этой главы. Сотни развесистых, с невысокими стволами и широко раскинутыми ветвями дубов, которые, быть может, были свидетелями величественного похода древнеримского войска, простирали свои узловатые руки над мягким ковром великолепного зелёного дёрна. Местами к дубам примешивались бук, остролист и подлесок из разнообразных кустарников, разросшихся так густо, что они не пропускали низких лучей заходящего солнца; местами же деревья расступались, образуя длинные, убегающие вдаль аллеи, в глубине которых теряется восхищённый взгляд, а воображение создаёт ещё более дикие картины векового леса. Пурпурные лучи заходящего солнца, пробиваясь сквозь листву, отбрасывали то рассеянный и дрожащий свет на поломанные сучья и мшистые стволы, то яркими и сверкающими пятнами ложились на дёрн. Большая поляна посреди этой просеки, вероятно, была местом, где друиды[3] совершали свои обряды. Здесь возвышался холм такой правильной формы, что казался насыпанным человеческими руками; на вершине сохранился неполный круг из огромных необделанных камней. Семь из них стояли стоймя, остальные были свалены руками какого-нибудь усердного приверженца христианства и лежали частью поблизости от прежнего места, частью — по склону холма. Только один огромный камень скатился до са-

[1] *Вильге́льм II Ры́жий* — английский король (1087—1100), правление которого отличалось деспотизмом.

[2] *Эдуа́рд III* — английский король (1327—1377); в правление Эдуарда III началась Столетняя война.

[3] *Друи́ды* — жрецы у древних кельтов, населявших территорию Британии до англосаксонского завоевания (V в.).

мого низа холма, преградив течение небольшого ручья, пробивавшегося у подножия холма, — он заставлял чуть слышно рокотать его мирные и тихие струи.

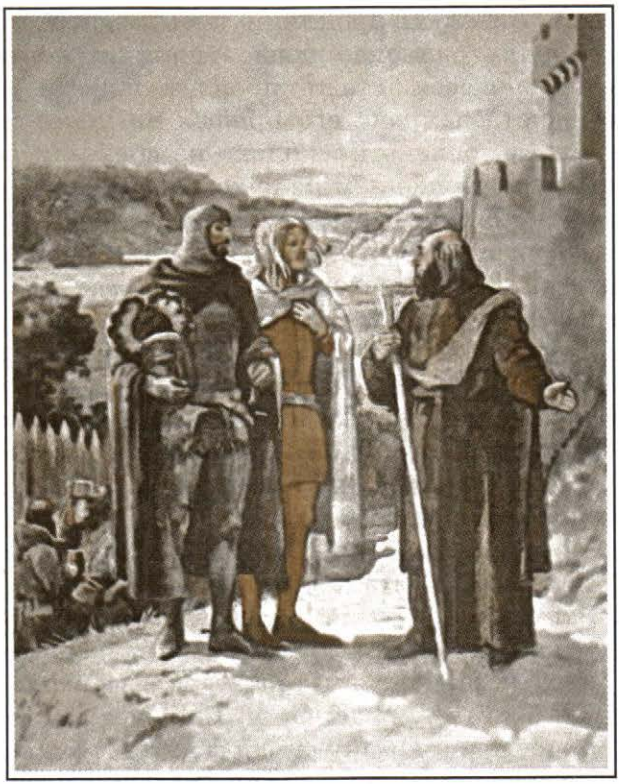
Два человека оживляли эту картину; они принадлежали, судя по их одежде и внешности, к числу простолюдинов, населявших в те далёкие времена лесной район западного Йоркшира. Старший из них был человек угрюмый и на вид свирепый. Одежда его состояла из одной кожаной куртки, сшитой из дублёной шкуры какого-то зверя, мехом вверх; от времени мех так вытерся, что по немногим оставшимся клочкам невозможно было определить, какому животному он принадлежал. Это первобытное одеяние покрывало своего хозяина от шеи до колен и заменяло ему все части обычной одежды. Ворот был так широк, что куртка надевалась через голову, как наши рубашки или старинная кольчуга. Чтобы куртка плотнее прилегала к телу, её перетягивал широкий кожаный пояс с медной застёжкой. К поясу была привешена с одной стороны сумка, с другой — бараний рог с дудочкой. За поясом торчал длинный широкий нож с роговой рукояткой; такие ножи выделывались тут же, по соседству, и были известны уже тогда под названием шеффилдских. На ногах у этого человека были башмаки, похожие на сандалии, с ремнями из медвежьей кожи, а более тонкие и узкие ремни обвивали икры, оставляя колени обнажёнными, как принято у шотландцев. Голова его была ничем не защищена, кроме густых спутанных волос, выцветших от солнца и принявших тёмно-рыжий, ржавый оттенок и резко отличавшихся от светло-русой, скорей даже янтарного цвета, большой бороды. Нам остаётся только отметить одну очень любопытную особенность в его внешности, но она так примечательна, что нельзя пропустить её без внимания: это было медное кольцо вроде собачьего ошейника, наглухо запаянное на его шее. Оно было достаточно широко для того, чтобы не мешать дыханию, но в то же время настолько узко, что снять его было возможно, только распилив пополам. На этом своеобразном воротнике было начертано по-саксонски: «Гурт, сын Беовульфа, прирождённый раб Седрика Ротервудского».

Возле свинопаса (ибо таково было занятие Гурта) на одном из поваленных камней друидов сидел человек, который выглядел лет на десять моложе первого. Наряд его

напоминал одежду свинопаса, но отличался некоторой причудливостью и был сшит из лучшего материала. Его куртка была выкрашена в ярко-пурпурный цвет, а на ней намалёваны какие-то пёстрые и безобразные узоры. Поверх куртки был накинут непомерно широкий и очень короткий плащ из малинового сукна, изрядно перепачканного, отороченный ярко-жёлтой каймой. Его можно было свободно перекинуть с одного плеча на другое или совсем завернуться в него, и тогда он падал причудливыми складками, драпируя его фигуру. На руках у этого человека были серебряные браслеты, а на шее — серебряный ошейник с надписью: «Вамба, сын Безмозглого, раб Седрика Ротервудского». Он носил такие же башмаки, что и его товарищ, но ременную плетёнку заменяло нечто вроде гетр, из которых одна была красная, а другая жёлтая. К его шапке были прикреплены колокольчики величиной не более тех, которые подвязывают охотничьим соколам; каждый раз, когда он поворачивал голову, они звенели, а так как он почти ни одной минуты не оставался в покое, то звенели они почти непрерывно. Твёрдый кожаный околыш этой шапки был вырезан по верхнему краю зубцами и сквозным узором, что придавало ему сходство с короной пэра; изнутри к околышу был пришит длинный мешок, кончик которого свешивался на одно плечо, подобно старомодному ночному колпаку, треугольному ситу или головному убору современного гусара. По шапке с колокольчиками, да и самой форме её, а также по придурковатому и в то же время хитрому выражению лица Вамбы можно было догадаться, что он один из тех домашних клоунов или шутов, которых богатые люди держали для потехи в своих домах, чтобы как-нибудь скоротать время, по необходимости проводимое в четырёх стенах.

Подобно своему товарищу, он носил на поясе сумку, но ни рога, ни ножа у него не было, так как предполагалось, вероятно, что он принадлежит к тому разряду человеческих существ, которым опасно давать в руки колющее или режущее оружие. Взамен всего этого у него была деревянная шпага наподобие той, которой арлекин на современной сцене производит свои фокусы.

Выражение лица и поведение этих людей было не менее различно, чем их одежда. Лицо раба или крепостно-

В. Скотт. «Айвенго»

го было угрюмо и печально; судя по его унылому виду, можно было подумать, что мрачность делает его ко всему равнодушным, но огонь, иногда загоравшийся в его глазах, говорил о таившемся в нём сознании своей угнетённости и о стремлении к сопротивлению. Наружность Вамбы, напротив того, обличала присущее людям этого рода рассеянное любопытство, крайнюю непоседливость и подвижность, а также полное довольство своим положением и своей внешностью. Они вели беседу на англосаксонском наречии, на котором, как уже говорилось раньше, в ту пору изъяснялись в Англии все низшие сословия, за исключением норманнских воинов и ближайшей свиты феодальных владык. Однако приводить их разговор в оригинале было бы бесполезно для читателя, незнакомого с этим диалектом, а потому мы позволим себе привести его в дословном переводе.

— Святой Витольд, прокляни ты этих чёртовых свиней! — проворчал свинопас после тщетных попыток собрать разбежавшееся стадо пронзительными звуками рога. Свиньи отвечали на его призыв не менее мелодичным хрюканьем, однако нисколько не спешили расстаться с роскошным угощением из буковых орехов и желудей или покинуть топкие берега ручья, где часть стада, зарывшись в грязь, лежала врастяжку, не обращая внимания на окрики своего пастуха.

— Разрази их, святой Витольд! Будь я проклят, если к ночи двуногий волк на задерёт двух-трёх свиней... Сюда, Фангс! Эй, Фангс! — закричал он во весь голос мохнатой собаке, не то догу, не то борзой, не то помеси борзой с шотландской овчаркой. Собака, прихрамывая, бегала кругом и, казалось, хотела помочь своему хозяину собрать непокорное стадо.

Но то ли не понимая знаков, подаваемых свинопасом, то ли забыв о своих обязанностях, то ли по злому умыслу пёс разгонял свиней в разные стороны, тем самым увеличивая беду, которую он как будто намеревался исправить.

— А, чтоб тебе чёрт вышиб зубы! — ворчал Гурт. — Провалиться бы этому лесничему. Стрижёт когти нашим собакам, а после они никуда не годятся. Будь другом, Вамба, помоги. Зайди с той стороны холма и пугни их оттуда. За ветром они сами пойдут домой, как ягнята.

— Послушай, — сказал Вамба, не трогаясь с места. — Я уже успел посоветоваться по этому поводу со своими ногами: они решили, что таскать мой красивый наряд по трясине было бы с их стороны враждебным актом против моей царственной особы и королевского одеяния. А потому, Гурт, вот что я скажу тебе: покличь-ка Фангса, а стадо предоставь его судьбе. Не всё ли равно, повстречаются твои свиньи с отрядом солдат, или с шайкой разбойников, или со странствующими богомольцами! Ведь к утру свиньи всё равно превратятся в норманнов, и притом к твоему же собственному удовольствию и облегчению.

— Как же так — свиньи, к моему удовольствию и облегчению, превратятся в норманнов? — спросил Гурт. — Ну-ка, объясни. Голова у меня тупая, а на уме одна досада и злость. Мне не до загадок.

— Ну, как называются эти хрюкающие твари на четырёх ногах? — спросил Вамба.

— Свиньи, дурак, свиньи, — отвечал пастух. — Это всякому дураку известно.

— Правильно, «суайн» — саксонское слово. А вот как ты назовёшь свинью, когда она зарезана, ободрана, рассечена на части и повешена за ноги, как изменник?

— Порк, — отвечал свинопас.

— Очень рад, что и это известно всякому дураку, — заметил Вамба. — А «порк», кажется, норманно-французское слово. Значит, пока свинья жива и за ней смотрит саксонский раб, то зовут её по-саксонски; но она становится норманном и её называют «порк», как только она попадает в господский замок и является на пир знатных особ. Что ты об этом думаешь, друг мой Гурт?

— Что правда, то правда, друг Вамба. Не знаю только, как эта правда попала в твою дурацкую башку.

— А ты послушай, что я тебе скажу ещё, — продолжал Вамба в том же духе. — Вот, например, старый наш олдермен[1] бык: покуда его пасут такие рабы, как ты, он носит свою саксонскую кличку «окс», когда же он оказывается перед знатным господином, чтобы тот его отведал, бык становится пылким и любезным французским рыцарем Биф. Таким же образом и телёнок «каф» делается мосье де Во[2]: пока за ним нужно присматривать — он сакс, но когда он нужен для наслаждения — ему дают норманнское имя.

— Клянусь святым Дунстаном, — отвечал Гурт, — ты говоришь правду, хоть она и горькая. Нам остался только воздух, чтобы дышать, да и его не отняли только потому, что иначе мы не выполнили бы работу, наваленную на наши плечи. Что повкусней да пожирнее, то к их столу; женщин покрасивее — на их ложе; лучшие и храбрейшие из нас должны служить в войсках под началом чужеземцев и устилать своими костями дальние страны, а здесь мало кто остаётся, да и у тех нет ни сил, ни желания защищать несчастных саксов. Дай Бог здоровья нашему хозяину Седрику за то, что он постоял за нас, как подоба-

---

[1] *Олдермен* — правитель графства, позднее — член городского управления. В данном случае этому слову придан шутливый оттенок.

[2] *Окс, Биф, Каф, Во* — слова англосаксонского происхождения ox (окс) и calf (каф) обозначают соответственно «бык» и «телёнок», слова норманно-французского происхождения beef (биф) и veau (во) — «говядина» и «телятина».

ет мужественному воину; только вот на днях прибудет в нашу сторону Реджинальд Фрон де Беф, тогда и увидим, чего стоят все хлопоты Седрика... Сюда, сюда! — крикнул он вдруг, снова возвышая голос. — Вот так, хорошенько их, Фангс! Молодец, всех собрал в кучу.

— Гурт, — сказал шут, — по всему видно, что ты считаешь меня дураком, иначе ты не стал бы совать голову в мою глотку. Ведь стоит мне намекнуть Реджинальду Фрон де Бефу или Филиппу де Мальвуазену, что ты ругаешь норманнов, вмиг тебя вздёрнут на одно из этих деревьев. Вот и будешь качаться для острастки всем, кто вздумает поносить знатных господ.

— Пёс! Неужели ты способен меня выдать? Сам же ты вызвал меня на такие слова! — воскликнул Гурт.

— Выдать тебя? Нет, — сказал шут, — так поступают умные люди, где уж мне, дураку... Но тише... Кто это к нам едет? — прервал он сам себя, прислушиваясь к конскому топоту, который раздавался уже довольно явственно.

— А тебе не всё равно, кто там едет? — спросил Гурт, успевший тем временем собрать всё своё стадо и гнавший его вдоль одной из сумрачных просек.

— Нет, я должен увидеть этих всадников, — отвечал Вамба. — Может быть, они едут из волшебного царства с поручением от короля Оберона[1]...

— Замолчи! — перебил его свинопас. — Охота тебе говорить об этом, когда тут под боком страшная гроза с громом и молнией. Послушай, какие раскаты. А дождь-то! Я в жизни не видывал летом таких крупных и отвесных капель. Посмотри, ветра нет, а дубы трещат и стонут, как в бурю. Помолчи-ка лучше, да поспешим домой, прежде чем налетит гроза! Ночь будет страшной.

Вамба, по-видимому, постиг всю силу этих доводов и последовал за своим товарищем, который взял длинный посох, лежавший возле него на траве, и пустился в путь. Этот новейший Эвмей[2] торопливо шёл к опушке леса, подгоняя с помощью Фангса пронзительно хрюкающее стадо.

---

[1] *Оберо́н* — сказочный король лесных духов.

[2] *Эвме́й* — один из персонажей «Одиссеи» Гомера, раб-свинопас, верный своему хозяину.

Глава II

Монах был монастырский ревизор.
Наездник страстный, он любил охоту
И богомолье — только не работу.
И хоть таких аббатов и корят,
Но превосходный был бы он аббат:
Его конюшню вся округа знала,
Его уздечка пряжками бренчала,
Как колокольчики часовни той,
Доход с которой тратил он, как свой.

Чосер[1]

Конский топот всё приближался, и, несмотря на увещевания и брань своего спутника, Вамба, которому не терпелось поскорее увидеть всадников, то и дело останавливался под разными предлогами: то рвал с высокого куста незрелые орехи, то заглядывался на проходившую мимо деревенскую девицу, и поэтому всадники довольно скоро настигли их.

Кавалькада состояла из десяти человек; двое, ехавшие впереди, были, по-видимому, важные особы, а остальные — их слуги. Сословие и звание одной из этих особ нетрудно было установить: это было, несомненно, духовное лицо высокого ранга. На нём была одежда монаха-францисканца, сшитая из прекрасной материи, что противоречило уставу этого ордена, плащ с капюшоном из самого лучшего фламандского сукна, ниспадая красивыми широкими складками, облегал его статную, хотя и немного полную фигуру.

Его лицо так же мало говорило о смирении, как и одежда — о презрении к мирской роскоши. Черты его лица были бы приятны, если бы глаза не блестели из-под нависших век тем лукавым эпикурейским огоньком, который изобличает осторожного сластолюбца. Впрочем, профессия и положение приучили его так владеть собой, что при желании он мог придать своему лицу торжественность, хотя от природы оно выражало благодушие и снисходительность. Вопреки монастырскому уставу, равно как и эдиктам пап и церковных соборов, одежда его была роскошна: рукава плаща у этого церковного са-

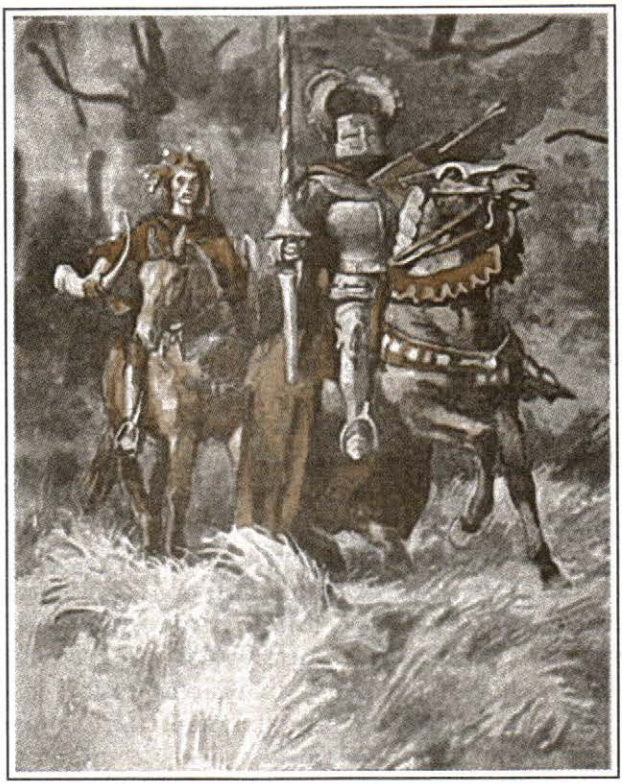
[1] *Чо́сер Дже́фри* (1340?—1400) — английский поэт. Участвовал в Столетней войне 1337—1453 гг., с 1386 г. — член парламента.

новника были подбиты и оторочены дорогим мехом, а мантия застёгивалась золотой пряжкой, и вся орденская одежда было столь изысканна и нарядна, как в наши дни платья красавиц квакерской секты: они сохраняют положенные им фасоны и цвета, но выбором материалов и их сочетанием умеют придать своему туалету кокетливость, свойственную светскому тщеславию.

Почтенный прелат ехал верхом на сытом, шедшем иноходью муле, сбруя которого была богато украшена, а уздечка, по тогдашней моде, увешана серебряными колокольчиками. В посадке прелата не было заметно монашеской неуклюжести — напротив, она отличалась грацией и уверенностью хорошего наездника. Казалось, что, как ни приятна была спокойная иноходь мула, как ни роскошно его убранство, всё же щеголеватый монах пользовался таким скромным средством передвижения только для переездов по большой дороге. Один из служителей-мирян, составлявших его свиту, вёл в поводу превосходного испанского жеребца, на котором монах выезжал в торжественных случаях. В те времена купцы с величайшим для себя риском и бесконечными затруднениями вывозили из Андалузии таких лошадей, бывших в моде у богатых и знатных вельмож. Седло и сбруя на этом великолепном коне были покрыты длинной попоной, спускавшейся почти до самой земли и расшитой изображениями крестов и иных церковных эмблем. Другой служитель вёл в поводу вьючного мула, нагруженного, вероятно, поклажей настоятеля; двое монахов того же ордена, но низших степеней ехали позади всех, пересмеиваясь, оживлённо разговаривая и не обращая никакого внимания на остальных всадников.

Спутником духовной особы был человек высокого роста, старше сорока лет, худощавый, сильный и мускулистый. Его атлетическая фигура вследствие постоянных упражнений, казалось, состояла из одних костей, мускулов и сухожилий; видно было, что он перенёс множество тяжёлых испытаний и готов перенести ещё столько же. На нём была красная шапка с меховой опушкой из тех, что французы зовут mortier[1] за сходство её формы со ступкой, перевёрнутой вверх дном. На лице его ясно выражалось желание вызвать в каждом встречном чувство боязн-

[1] Ступка (фр.).

В. Скотт. «Айвенго»

ливого почтения и страха. Очень выразительное, нервное лицо его с крупными и резкими чертами, загоревшее под лучами тропического солнца до негритянской черноты, в спокойные минуты казалось как бы задремавшим после взрыва бурных страстей, но надувшиеся жилы на лбу и подёргивание верхней губы показывали, что буря каждую минуту может снова разразиться. Во взгляде его смелых, тёмных, проницательных глаз можно было прочесть целую историю об испытанных и преодолённых опасностях. У него был такой вид, точно ему хотелось вызвать сопротивление своим желаниям — только для того, чтобы смести противника с дороги, проявив свою волю и мужество. Глубокий шрам над бровями придавал ещё бóльшую суровость его лицу и зловещее выражение одному глазу, который был слегка задет тем же ударом и немного косил.

Этот всадник, так же как и его спутник, был одет в длинный монашеский плащ, но красный цвет этого пла-

ща показывал, что всадник не принадлежит ни к одному из четырёх главных монашеских орденов. На правом плече был нашит белый суконный крест особой формы. Под плащом виднелась несовместимая с монашеским саном кольчуга с рукавами и перчатками из мелких металлических колец; она была сделана чрезвычайно искусно и так же плотно и упруго прилегала к телу, как наши фуфайки, связанные из мягкой шерсти. Насколько позволяли видеть складки плаща, его бёдра защищала такая же кольчуга; колени были покрыты тонкими стальными пластинками, а икры — металлическими кольчужными чулками. За поясом был заткнут большой обоюдоострый кинжал — единственное бывшее при нём оружие.

Ехал он верхом на крепкой дорожной лошади, очевидно для того, чтобы поберечь силы своего благородного боевого коня, которого один из оруженосцев вёл позади. На коне было полное боевое вооружение: с одной стороны седла висел короткий бердыш с богатой дамасской насечкой, с другой — украшенный перьями шлем хозяина, его колпак из кольчуги и длинный обоюдоострый меч. Другой оруженосец вёз, подняв вверх, копьё своего хозяина; на острие копья развевался небольшой флаг с изображением такого же креста, какой был нашит на плаще. Тот же оруженосец держал небольшой треугольный щит, широкий вверху, чтобы прикрывать всю грудь, а книзу заострённый. Щит был в чехле из красного сукна, и поэтому нельзя было увидеть начертанный на нём девиз.

Вслед за этими двумя оруженосцами ехали ещё двое слуг; тёмные лица, белые тюрбаны и особый покрой одежды изобличали в них уроженцев Востока. Вообще в наружности этого воина и его свиты было что-то дикое и чужеземное. Одежда его оруженосцев блистала роскошью, восточные слуги носили серебряные обручи на шеях и браслеты на полуобнажённых смуглых руках и ногах. Их одежда из шёлка, расшитая узорами, указывала на знатность и богатство их господина и составляла в то же время резкий контраст с простотой его собственной военной одежды. Они были вооружены кривыми саблями с золотой насечкой на рукоятках и ножнах и турецкими кинжалами ещё более тонкой работы. У каждого торчал при седле пучок дротиков фута в четыре длиною, с острыми стальными наконечниками. Этот род оружия

был в большом употреблении у сарацин и поныне ещё находит себе применение в военной игре, любимой восточными народами и называемой «эль-джерид». Лошади, на которых ехали слуги, были арабской породы: сухощавые, лёгкие, с упругим шагом, тонкогривые, они ничем не напоминали тех тяжёлых и крупных жеребцов, которых разводили в Нормандии и Фландрии для воинов в полном боевом вооружении. Рядом с этими громадными животными арабские лошади казались изящной, лёгкой тенью.

Необычный вид этой кавалькады возбудил любопытство не только Вамбы, но и его менее легкомысленного товарища. В монахе он тотчас узнал приора аббатства Жорво, известного по всей округе за большого любителя охоты, весёлых пирушек, а также, если верить молве, и других мирских утех, ещё менее совместимых с монашескими обетами.

Но в те времена не слишком строго относились к поведению монахов и священников, так что приор Эймер пользовался доброй славой среди соседей своего аббатства. Его весёлый и вольный нрав и постоянная готовность даровать отпущение мелких прегрешений делали его любимцем всех местных дворян, титулованных и нетитулованных, со многими из которых он был в родстве, так как принадлежал к именитой норманнской фамилии. Дамы в особенности были расположены относиться без излишней суровости к поведению человека, который не только являлся неизменным поклонником прекрасного пола, но и отличался умением прогонять смертельную скуку, слишком часто одолевавшую их в старинных покоях феодальных замков. Настоятель с азартом увлекался охотой, у него были лучшие соколы и борзые во всей северной округе, этим видом спорта он завоевал симпатии дворянской молодёжи; с людьми почтенного возраста он разыгрывал другую роль, что отлично ему удавалось, когда это было нужно. Его поверхностная начитанность была достаточно велика, чтобы внушить окружающим невеждам почтение к его учёности, а важная осанка и возвышенные рассуждения об авторитете Церкви и духовенства поддерживали мнение о его святости. Даже простой народ, который всех строже судит поведение высших сословий, относился снисходительно к легкомыслию приора Эймера. Дело в том, что Эймер был очень щедр, а за милосердие, как известно, отпускается

множество грехов. Бóльшая часть монастырских доходов находилась в его полном распоряжении. Это давало ему возможность не только много тратить на свои прихоти, но и оказывать щедрую помощь соседним крестьянам. Если и случалось приору Эймеру с излишней пылкостью скакать на охоте или чересчур засиживаться на пиру, если кому-нибудь приходилось видеть, как на рассвете он пробирается через боковую калитку в стене своего аббатства, возвращаясь домой после свидания, продолжавшегося целую ночь, люди только пожимали плечами и примирялись с такими проступками настоятеля, вспоминая, что точно так же грешили и многие из его собратий, не искупая своих грехов теми качествами, какими отличался этот монах. Словом, приор Эймер был очень хорошо известен и нашим саксам. Они неуклюже поклонились ему и получили его благословение: «Benedicite, mes filz» [1].

Но диковинная внешность спутника Эймера и его свиты поразила воображение свинопаса и Вамбы так, что они не слыхали вопроса настоятеля, когда он осведомился, не знают ли они, где можно было бы остановиться на ночлег. Особенно удивила их полумонашеская-полувоенная одежда загорелого иностранца и странный наряд и невиданное вооружение его восточных слуг. Очень вероятно также, что для слуха саксонских крестьян неприятен был язык, на котором было им преподано благословение и задан вопрос, хотя они и понимали, что это значит.

— Я вас спрашиваю, дети мои, — повторил настоятель, возвысив голос и перейдя на тот диалект, на котором объяснялись между собою норманны и саксы, — нет ли по соседству доброго человека, который из любви к Богу и усердию к святой нашей матери-Церкви оказал бы на нынешнюю ночь гостеприимство и подкрепил бы силы двух смиреннейших её служителей и их спутников? — Несмотря на внешнюю скромность этих слов, он произнёс их с большой важностью.

«Двое смиреннейших служителей матери-Церкви! Хотел бы я поглядеть, какие же у неё бывают дворецкие, кравчие и иные старшие слуги», — подумал про себя Вамба, однако же, хотя и слыл дураком, остерёгся произнести свою мысль вслух.

---

[1] Славьте Господа, дети мои (лат.).

Сделав мысленно такое примечание к речи приора, он поднял глаза и ответил:

— Если преподобным отцам угодны сытные трапезы и мягкие постели, то в нескольких милях отсюда находится Бринксвортское аббатство, где им, по их сану, окажут самый почётный приём; если же они предпочтут провести вечер в покаянии, то вон та лесная тропинка доведёт их прямёхонько до пустынной хижины в урочище Компенхерст, где благочестивый отшельник приютит их под своей крышей и разделит с ними вечерние молитвы.

Но приор отрицательно покачал головой, выслушав оба предложения.

— Мой добрый друг, — сказал он, — если бы звон твоих бубенчиков не помутил твоего разума, ты бы знал, что Clericus clericum non decimat[1], то есть у нас, духовных лиц, не принято просить гостеприимства друг у друга и мы обращаемся за этим к мирянам, чтобы дать им лишний случай послужить Богу, оказывая помощь его служителям.

— Я всего лишь осёл, — отвечал Вамба, — и даже имею честь носить такие же колокольчики, как и мул вашего преподобия. Однако мне казалось, что доброта матери-Церкви и её служителей проявляется, как и у всех прочих людей, прежде всего к своей семье.

— Перестань грубить, нахал! — крикнул вооружённый всадник, сурово перебивая болтовню шута. — И укажи нам, если знаешь, дорогу к замку... Как вы назвали этого франклина, приор Эймер?

— Седрик, — отвечал приор, — Седрик Сакс... Скажи мне, приятель, далеко ли мы от его жилья и можешь ли ты показать нам дорогу?

— Найти дорогу будет трудновато, — отвечал Гурт, в первый раз вступая в беседу. — Притом у Седрика в доме рано ложатся спать.

— Ну, не мели пустяков! — сказал воин. — Могут и встать, чтобы принять таких путников, как мы. Нам не пристало унижаться и просить гостеприимства там, где мы вправе его требовать.

— Уж не знаю, — угрюмо сказал Гурт, — хорошо ли я сделаю, если укажу дорогу к дому моего господина таким

[1] Священнослужитель не платит десятину священнослужителю (лат.).

людям, которые хотят требовать то, что другие рады получить из милости.

— Ты вздумал ещё спорить со мной, раб! — воскликнул воин.

С этими словами он пришпорил свою лошадь, заставил её круто повернуть и поднял хлыст, собираясь наказать дерзкого простолюдина.

Гурт метнул на него злобный и мстительный взгляд и с угрозой, хотя и нерешительно, схватился за нож; но в ту же минуту приор Эймер двинул своего мула вперёд и, встав между воином и свинопасом, предупредил опасное столкновение.

— Нет, именем Святой Марии прошу вас, брат Бриан, помнить, что вы теперь не в Палестине, где владычествовали над турецкими язычниками и неверными сарацинами; здесь, на нашем острове, мы не любим ударов и принимаем их только от Святой Церкви, которая карает любя... Скажи мне, добрый человек, — продолжал он, обращаясь к Вамбе и подкрепляя свою речь небольшой серебряной монетой, — как проехать к Седрику Саксу. Ты должен знать туда дорогу и обязан указать её любому путнику, а тем более духовным лицам вроде нас.

— Право же, честной отец, — отвечал шут, — сарацинская голова вашего преподобного брата до того перепугала мою, что я позабыл дорогу домой... Не знаю даже, попаду ли и сам туда сегодня...

— Вздор! — сказал настоятель. — Коли захочешь, так вспомнишь. Этот преподобный собрат мой всю жизнь сражался с сарацинами за обладание Гробом Господним. Он принадлежит к ордену рыцарей Храма[1], о которых ты, может быть, слышал: он наполовину монах, наполовину воин.

— Если он хоть наполовину монах, — сказал шут, — то ему не пристало так неразумно обращаться с прохожими, если они замедлят с ответом на вопросы, до которых им нет дела.

— Ну, я прощаю тебя с тем условием, что ты покажешь мне дорогу к дому Седрика, — сказал аббат.

---

[1] *О́рден Хра́ма* (или орден тамплиеров) возник в 1119 г. Обладал не только значительными владениями, но и большим политическим влиянием.

— Ладно, — отвечал Вамба. — Извольте, ваше преподобие, ехать по этой тропинке до того места, где увидите вросший в землю крест; от него едва одна верхушка виднеется, да и то не больше как на локоть вышиной. От этого креста в разные стороны идут четыре дороги. Но вы поверните влево, и надеюсь, что ваше преподобие достигнет ночлега прежде, чем разразится гроза.

Аббат поблагодарил мудрого советчика, и вся кавалькада, пришпорив коней, поскакала с той быстротой, с какой люди спешат достигнуть ночлега, спасаясь от ночной бури. Когда топот копыт замер в отдалении, Гурт сказал своему товарищу:

— Если преподобные отцы последуют твоему умному совету, вряд ли они доедут сегодня до Ротервуда.

— Да, — сказал шут, ухмыляясь, — но зато они могут доехать до Шеффилда, коли им посчастливится, а для них и то хорошо. Не такой уж я плохой лесничий, чтоб указывать собакам, где залегла дичь, если не хочу, чтобы они её задрали.

— Это ты хорошо сделал, — сказал Гурт. — Плохо будет, если Эймер увидит леди Ровену, а ещё хуже, пожалуй, если Седрик поссорится с этим монахом, что легко может случиться. А мы с тобой — добрые слуги: будем только смотреть да слушать и помалкивать.

Возвратимся к обоим всадникам, которые вскоре оставили рабов Седрика далеко позади и вели беседу на норманно-французском языке, как и все тогдашние особы высшего сословия, за исключением тех немногих, которые ещё гордились своим саксонским происхождением.

— Чего хотели эти наглецы, — спросил рыцарь Храма у аббата, — и почему вы не позволили мне наказать их?

— Но, брат Бриан, — отвечал приор, — один из них совсем дурак, и странно было бы требовать у него ответа за его глупости; что же касается другого грубияна, то он из породы тех неукротимых, свирепых дикарей, которые, как я вам не раз говорил, всё ещё встречаются среди потомков покорённых саксов: для них нет большего удовольствия, чем показать при каждом удобном случае свою ненависть к победителям.

— Ну, вежливость я бы живо в них вколотил! — ответил храмовник. — С подобными людьми я умею обращаться. Наши турецкие пленные в своей неукротимой

ярости кажутся страшнее самого Одина[1]; однако, пробыв два месяца у меня в доме под руководством моего смотрителя за невольниками, они становились смирными, послушными, услужливыми и даже раболепными. Правда, сэр, с ними приходится постоянно остерегаться яда и кинжала, потому что они при каждом удобном случае охотно пускают в ход и то и другое.

— Но ведь у всякого народа свои обычаи и нравы, — возразил приор Эймер. — Прибей вы этого малого, мы так и не узнали бы дороги к дому Седрика; кроме того, если бы нам самим и удалось добраться туда, то Седрик непременно затеял бы с вами ссору из-за побоев, нанесённых его рабам. Помните, что я вам говорил: этот богатый франклин горд, вспыльчив, ревнив и раздражителен, он настроен против нашего дворянства и в ссоре даже со своими соседями — Реджинальдом Фрон де Бефом и Филиппом Мальвуазеном, которые шутить не любят. Он так крепко держится за права своего рода и так гордится тем, что происходит по прямой линии от Хервард[2], одного из знаменитых поборников семицарствия, что его не называют иначе как Седрик Сакс. Он похваляется своим кровным родством с тем самым народом, от которого многие из его соплеменников охотно отрекаются, чтобы избегнуть — vae victis[3] — бедствий, выпадающих на долю побеждённого.

— Приор Эймер, — сказал храмовник, — вы большой любезник, знаток женской красоты и не хуже трубадуров знакомы со всем, что касается уставов любви; но эта хвалёная Ровена должна быть поистине чудом красоты, чтобы вознаградить меня за снисходительность и терпение, которые мне придётся проявить, чтобы снискать расположение такого мужлана и мятежника, каков, по вашим словам, её отец Седрик.

— Седрик ей не отец, а только дальний родственник, — сказал аббат. — Она происходит из более знатного рода, чем он. Он сам напросился ей в опекуны и привязан к ней так, что и собственная дочь не была бы ему дороже.

---

[1] *Óдин* — верховный бог в древнескандинавской мифологии.

[2] *Хéрвард* — один из вождей англосаксонского народного движения против норманнских завоевателей.

[3] Горе побеждённому (лат.).

О красоте её вы в скором времени сможете судить сами. И пусть я буду еретиком, а не истинным сыном Церкви, если белизна её лица и величественное и вместе кроткое выражение голубых глаз не изгонят из вашей памяти черноволосых дев Палестины или гурий мусульманского рая.

— Ну а если ваша прославленная красавица, — сказал храмовник, — окажется не так хороша, вы помните ваш заклад?

— Моя золотая цепь, — отвечал аббат — а ваш заклад — десять бочек хиосского вина. Я могу считать их своими, словно они уже стоят в монастырском подвале под ключом у старого Дениса, моего келаря.

— Но вы предоставляете мне самому решение спора, — сказал рыцарь Храма, — и я проиграю только в том случае, если сознаюсь, что с Троицына дня прошедшего года не видывал такой красивой девицы. Так ведь мы с вами уговорились? Ну, приор, прощайтесь со своей золотой цепью. Я надену её поверх своего нагрудника на ристалище в Ашби де ла Зуш.

— Если выиграете честно, то и носите когда вам заблагорассудится, — сказал приор. — Я поверю вам на слово, как рыцарю и церковнику. А всё-таки, брат, примите мой совет и будьте повежливей: ведь вам придётся иметь дело не с пленными язычниками или восточными рабами. Седрик Сакс такой человек, что если сочтёт себя оскорблённым — а он очень чувствителен к оскорблениям, — то не обратит внимания на ваше рыцарство, и моё высокое положение, и на наш священный сан и выгонит нас ночевать под открытое небо, хотя бы на дворе стояла полночь. И кроме того, остерегайтесь слишком пристально смотреть на Ровену: он охраняет её чрезвычайно ревниво. Если мы дадим ему малейший повод к опасениям с этой стороны, мы с вами пропали. Говорят, что он изгнал из дому единственного сына только за то, что тот дерзнул поднять влюблённые глаза на эту красавицу. По-видимому, ей можно поклоняться только издали; приближаться же к ней разрешается лишь с такими мыслями, с какими мы подходим к алтарю Пресвятой Девы.

— Ну, так и быть, — отвечал храмовник, — постараюсь сдержаться и вести себя, как скромная девица. Во всяком случае, не опасайтесь, что кто-нибудь посмеет выгнать нас из дому. Мы с моими оруженосцами и слугами,

Аметом и Абдаллой, достаточно сильны, чтобы добиться хорошего приёма.

— Ну, так далеко нам нельзя заходить... — отвечал приор. — Но вот и вросший в землю крест, о котором говорил нам шут. Однако ночь такая тёмная, что трудно различить дорогу. Он, кажется, сказал, что нужно повернуть влево.

— Нет, вправо, — сказал Бриан, — мне помнится, что вправо.

— Налево, конечно, налево. Я помню, что он именно налево указывал концом своей деревянной шпаги.

— Да, но шпагу-то он держал в левой руке и указывал поперёк своего тела в противоположную сторону, — сказал храмовник.

Как это всегда бывает, каждый упрямо защищал своё мнение; спросили слуг, но свита всё время держалась поодаль и потому не слыхала того, что говорил Вамба. Наконец Бриан, вглядывавшийся в темноту, заметил у подножия креста какую-то фигуру и сказал:

— Тут кто-то лежит: либо спящий, либо мёртвый. Гуго, потрогай-ка его концом твоего копья. — Оруженосец не успел дотронуться до лежавшего, как тот вскочил, воскликнув на чистом французском языке:

— Кто бы ты ни был, но невежливо так прерывать мои размышления!

— Мы только хотели спросить тебя, — сказал приор,— как проехать в Ротервуд, к жилищу Седрика Сакса.

— Я сам иду в Ротервуд, — сказал незнакомец. — Будь у меня верховая лошадь, я бы проводил вас туда. Дорогу, хотя она и очень запутана, я знаю отлично.

— Мой друг, мы тебя поблагодарим и вознаградим, — сказал приор, — если ты проведёшь нас к Седрику.

Аббат приказал одному из служителей уступить свою лошадь незнакомцу, а самому пересесть на своего испанского жеребца.

Проводник направился в сторону, как раз противоположную той, которую указал Вамба. Тропинка скоро углубилась в самую чащу леса, пересекая несколько ручьёв с топкими берегами; переправляться через них было довольно рискованно, но незнакомец, казалось, чутьём выбирал самые сухие и безопасные места для переправы. Осторожно продвигаясь вперёд, он вывел наконец отряд

на широкую просеку, в конце которой виднелось огромное неуклюжее строение.

Указав на него рукою, проводник сказал аббату:

— Вот Ротервуд, жилище Седрика Сакса.

Это известие особенно обрадовало Эймера, который обладал не очень крепкими нервами и во время переезда по топким низинам испытывал такой страх, что не имел ни малейшего желания разговаривать со своим проводником. Зато теперь, чувствуя себя в безопасности и недалеко от пристанища, он мигом оправился; любопытство его тотчас пробудилось, и приор спросил проводника, кто он такой и откуда.

— Я пилигрим и только что вернулся из Святой Земли, — отвечал тот.

— Лучше бы вы там и оставались воевать за обладание Святым Гробом, — сказал рыцарь Храма.

— Вы правы, достопочтенный господин рыцарь, — ответил пилигрим, которому наружность храмовника была, по-видимому, хорошо знакома. — Но что же удивляться, если простой поселянин вроде меня вернулся домой; ведь даже те, кто клялся посвятить всю жизнь освобождению святого города, теперь путешествуют вдали от тех мест, где они должны были бы сражаться согласно своему обету.

Храмовник уже собрался дать гневный ответ на эти слова, но аббат вмешался в разговор, выразив удивление, как это проводник, давно покинувший эти места, до сих пор ещё так хорошо помнит все лесные тропинки.

— Я здешний уроженец, — отвечал проводник.

И в ту же минуту они очутились перед жилищем Седрика. Это было огромное неуклюжее здание с несколькими внутренними дворами и оградами. Его размеры указывали на богатство хозяина, однако оно резко отличалось от высоких, обнесённых каменными стенами и защищённых зубчатыми башнями зáмков, где жили норманнские дворяне; впоследствии эти дворянские жилища стали типичным архитектурным стилем во всей Англии.

Впрочем, и в Ротервуде имелась защита. В те смутные времена ни одно поместье не могло обойтись без укреплений, иначе оно немедленно было бы разграблено и сожжено. Вокруг всей усадьбы шёл глубокий ров, наполненный водой из соседней речки. По обеим сторонам этого рва

проходил двойной частокол из заострённых брёвен, которые доставлялись из соседних лесов. С западной стороны в наружной ограде были сделаны ворота; подъёмный мост вёл от них к воротам внутренней ограды. Особые выступы по бокам ворот давали возможность обстреливать противника перекрёстным огнём из луков и пращей.

Остановившись перед воротами, храмовник громко и нетерпеливо затрубил в рог. Нужно было торопиться, так как дождь, который так долго собирался, полил в эту минуту как из ведра.

Глава III

Тогда — о горе! — доблестный Саксонец,
Золотокудрый и голубоглазый,
Пришёл из края, где пустынный берег
Внимает рёву Северного моря.

Томсон[1]. «Свобода»

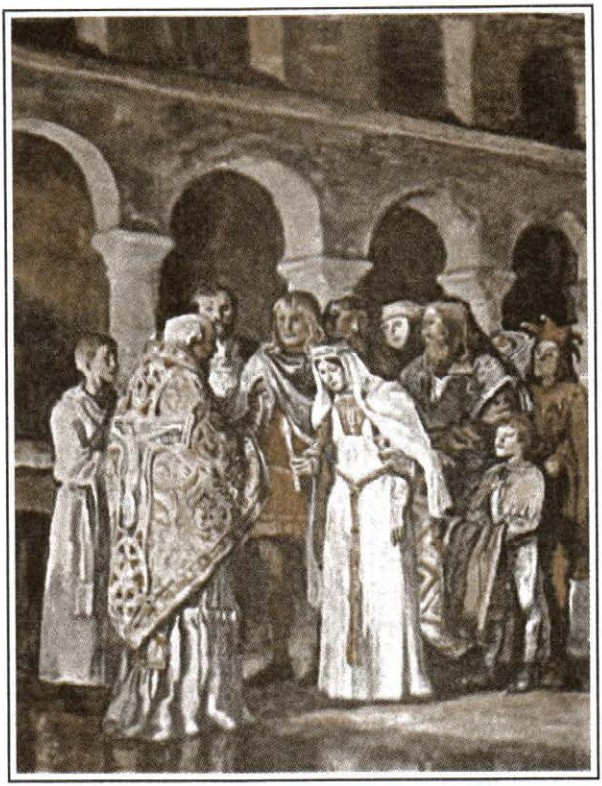
В просторном, но низком зале, на большом дубовом столе, сколоченном из грубых, плохо оструганных досок, приготовлена была вечерняя трапеза Седрика Сакса.

Комнату ничто не отделяло от неба, кроме крыши, крытой тёсом и тростником и поддерживаемой крепкими стропилами и перекладинами.

В противоположных концах зала находились огромные очаги, их трубы были устроены так плохо, что большая часть дыма оставалась в помещении. От постоянной копоти бревенчатые стропила и перекладины под крышей были густо покрыты глянцевитой коркой сажи, как чёрным лаком. По стенам висели различные принадлежности охоты и боевого вооружения, а в углах зала были створчатые двери, которые вели в другие комнаты обширного дома.

Вся обстановка отличалась суровой саксонской простотой, которой гордился Седрик. Пол был сделан из глины с известью, сбитой в плотную массу, какую и поныне нередко можно встретить в наших амбарах. В одном конце зала пол был немного приподнят; на этом месте, называвшемся почётным помостом, могли сидеть только старшие члены

[1] *То́мсон Джейм́с* (1700—1748) — представитель раннего сентиментализма в английской поэзии XVIII века, автор дидактической поэмы «Времена года».

В. Скотт. «Айвенго»

семейства и наиболее уважаемые гости. Поперёк помоста стоял стол, покрытый дорогой красной скатертью; от середины его вдоль нижней части зала тянулся другой, предназначенный для трапез домашней челяди и простолюдинов.

Все столы вместе имели сходство с формой буквы «Т» или с теми старинными обеденными столами, сделанными по тому же принципу, какие и теперь встречаются в старомодных колледжах Оксфорда и Кембриджа. Вокруг главного стола на помосте стояли крепкие стулья и кресла из резного дуба. Над помостом был устроен суконный балдахин, который до некоторой степени защищал сидевших там важных лиц от дождя, пробивавшегося сквозь плохую крышу.

Возле помоста на стенах висели пёстрые, с грубым рисунком драпировки, а пол был устлан таким же ярким ковром. Над длинным нижним столом, как мы уже говорили,

совсем не было никакого потолка, не было ни балдахина, ни драпировок на грубо выбеленных стенах, ни ковра на глиняном полу; вместо стульев тянулись массивные скамьи.

У середины верхнего стола стояли два кресла повыше остальных, предназначавшиеся для хозяйки и хозяина, которые присутствовали и возглавляли все трапезы и потому носили почётное звание «Раздаватели хлеба». К каждому из этих кресел была подставлена скамеечка для ног, украшенная резьбой и узором из слоновой кости, что указывало на особое отличие тех, кому они принадлежали.

На одном из этих кресел сидел сейчас Седрик Сакс, нетерпеливо ожидая ужина. Хотя он был по своему званию не более как тан, или, как называли его норманны, франклин, однако всякое опоздание обеда или ужина приводило его в не меньшее раздражение, чем любого олдермена старого или нового времени.

По лицу Седрика было видно, что он человек прямодушный, нетерпеливый и вспыльчивый. Среднего роста, широкоплечий, с длинными руками, он отличался крепким телосложением человека, привыкшего переносить суровые лишения на войне или усталость на охоте. Голова его была правильной формы, зубы белые, широкое лицо с большими голубыми глазами дышало смелостью и прямотой и выражало такое благодушие, которое легко сменяется вспышками внезапного гнева. В его глазах блистали гордость и постоянная настороженность, потому что этот человек всю жизнь защищал свои права, посягательства на которые непрестанно повторялись, а его скорый, пылкий и решительный нрав всегда держал его в тревоге за своё исключительное положение. Длинные русые волосы Седрика, разделённые ровным пробором, шедшим от темени до лба, падали на плечи; седина едва пробивалась в них, хотя ему шёл шестидесятый год.

На нём был кафтан зелёного цвета, отделанный у ворота и обшлагов серым мехом, который ценится ниже горностая и выделывается, как полагают, из шкурок серой белки. Кафтан не был застёгнут, и под ним виднелась узкая, плотно прилегающая к телу куртка из красного сукна. Штаны из такого же материала доходили лишь до колен, оставляя голени обнажёнными. Его обувь была той же формы, что и у его крестьян, но из лучшей кожи и застёгивалась спереди золотыми пряжками. На руках он носил золотые браслеты,

на шее — широкое ожерелье из того же драгоценного металла, вокруг талии — пояс, богато выложенный драгоценными камнями; к поясу был прикреплён короткий прямой двусторонний меч с сильно заострённым концом. За его креслом висели длинный плащ из красного сукна, отороченный мехом, и шапка с нарядной вышивкой, составлявшие обычный выходной костюм богатого землевладельца. К спинке его кресла была прислонена короткая рогатина с широкой блестящей стальной головкой, служившая ему во время прогулок вместо трости или в качестве оружия.

Несколько слуг, одежды которых были как бы переходными ступенями между роскошным костюмом хозяина и грубой простотой одежды свинопаса Гурта, смотрели в глаза своему властелину и ожидали его приказаний. Из них двое или трое старших стояли на помосте, за креслом Седрика, остальные держались в нижней части зала. Были тут слуги и другой породы: три мохнатые борзые из тех, с которыми охотились в ту пору за волками и оленями; несколько огромных поджарых гончих и две маленькие собачки, которых теперь называют терьерами. Они с нетерпением ожидали ужина, но, угадывая своим особым собачьим чутьём, что хозяин не в духе, не решались нарушить его угрюмое молчание; быть может, они побаивались и белой дубинки, лежавшей возле его прибора и предназначенной для того, чтобы предупреждать назойливость четвероногих слуг. Один только страшный старый волкодав с развязностью избалованного любимца подсел поближе к почётному креслу и время от времени отваживался обратить на себя внимание хозяина, то кладя ему на колени свою большую лохматую голову, то тычась носом в его ладонь. Но даже и его отстраняли суровым окриком: «Прочь, Болдер, прочь! Не до тебя теперь!»

Дело в том, что Седрик, как мы уже заметили, был в дурном настроении. Леди Ровена, ездившая к вечерне в какую-то отдалённую церковь, только что вернулась домой и замешкалась у себя, меняя платье, промокшее под дождём. О Гурте не было ни слуху ни духу, хотя давно уже следовало пригнать стадо домой. Между тем времена стояли тревожные, и можно было опасаться, что стадо задержалось из-за встречи с разбойниками, которых в окрестных лесах было множество, или нападения какого-нибудь соседнего барона, настолько уверенного в своей силе, что-

бы пренебречь чужой собственностью. А так как бóльшая часть богатств саксонских помещиков заключалась именно в многочисленных стадах свиней, особенно в лесистых местностях, где эти животные легко находили корм, то у Седрика были основательные причины для беспокойства.

Вдобавок ко всему этому наш саксонский тан соскучился по любимому шуту Вамбе, который своими шутками приправлял вечернюю трапезу и придавал особый вкус вину и элю. Обычный час ужина Седрика давно миновал, а он ничего не ел с самого полудня, что всегда способно испортить настроение почтенному землевладельцу, как это нередко случается даже и в наше время. Он выражал своё неудовольствие отрывистыми замечаниями, то бормоча их про себя, то обращаясь к слугам, чаще всего к своему кравчему, подносившему ему для успокоения время от времени серебряный стаканчик с вином.

— Почему леди Ровена так замешкалась?

— Она сейчас придёт, только переменит головной убор, — отвечала одна из женщин с той развязностью, с какой любимая служанка госпожи обыкновенно разговаривает в наше время с главою семейства. — Вы же сами не захотите, чтобы она явилась к столу в одном чепце и в юбке, а уж ни одна дама в нашей округе не одевается скорее леди Ровены.

Такой неопровержимый довод как будто удовлетворил Сакса, который в ответ промычал что-то нечленораздельное и потом заметил:

— Дай Бог, чтобы в следующий раз была ясная погода, когда она поедет в церковь Святого Иоанна. Однако, — продолжал он, обращаясь к кравчему и внезапно повышая голос, словно обрадовавшись случаю сорвать свою досаду, не опасаясь возражений, — какого чёрта Гурт до сих пор торчит в поле? Того и гляди, дождёмся плохих вестей о нашем стаде. А ведь он всегда был старательным и осмотрительным слугой! Я уже подумывал дать ему лучшую должность — хотел даже назначить его одним из своих телохранителей.

Тут кравчий Освальд скромно осмелился заметить, что сигнал к тушению огней был подан не более часа тому назад. Это заступничество было малоудачным, потому что кравчий коснулся предмета, упоминание о котором было невыносимо для слуха Сакса.

— Дьявол бы побрал этот сигнальный колокол[1], — воскликнул Седрик, — и того мучителя, который его выдумал, да и безголового раба, который смеет говорить о нём по-саксонски саксонским же ушам!.. Сигнальный колокол, — продолжал он, помолчав. — Как же... Сигнальный колокол заставляет порядочных людей гасить у себя огонь, чтобы в темноте воры и разбойники могли легче грабить. Да, сигнальный колокол! Реджинальд Фрон де Беф и Филипп де Мальвуазен знают пользу сигнального колокола не хуже самого Вильгельма Ублюдка и всех прочих норманнских проходимцев, сражавшихся под Гастингсом. Того и гляди, услышу, что моё имущество отобрано, чтобы спасти от голодной смерти их разбойничью шайку, которую они могут содержать только грабежами. Мой верный раб убит, моё добро украдено, а Вамба... Где Вамба? Кажется, кто-то говорил, что и он ушёл с Гуртом.

Освальд ответил утвердительно.

— Ну вот, час от часу не легче! Стало быть, и саксонского дурака тоже забрали служить норманнскому лорду. Да и правда: все мы дураки, коли соглашаемся им служить и терпеть их насмешки; будь мы от рождения полоумными, и то у них было бы меньше оснований издеваться над нами. Но я отомщу! — воскликнул он, вскакивая с кресла и хватаясь за рогатину при одной мысли о воображаемой обиде. — Я подам жалобу в Главный совет — у меня есть друзья, есть и сторонники. Я вызову норманна на честный бой, как подобает мужчине. Пускай выступит в панцире, в кольчуге, во всех доспехах, придающих трусу отвагу. Мне случалось вот таким же дротиком пробивать ограды втрое толще их боевых щитов. Может, они считают меня стариком, но я им покажу, что, хотя я и одинок, и бездетен, всё-таки в жилах Седрика течёт кровь Херварда! О Уилфред, Уилфред, — произнёс он горестно, — если бы ты мог победить свою безрассудную страсть, твой отец не оставался бы на старости лет как одинокий дуб, простирающий свои поломанные и оголённые ветви навстречу налетающей буре!

Эти мысли, по-видимому, превратили его гнев в тихую печаль. Он отложил в сторону дротик, сел на преж-

---

[1] *Сигна́льный ко́локол* — завоеватели-норманны ввели закон, согласно которому по звуку сигнального колокола во всех домах должны были гаситься огни.

нее место, понурил голову и глубоко задумался. Вдруг его размышления прервал громкий звук рога; в ответ на него все собаки в зале, да ещё штук тридцать псов со всей усадьбы, подняли оглушительный лай и визг. Белой дубинке и слугам пришлось немало потрудиться, пока удалось утихомирить псов.

— Эй, слуги, ступайте же к воротам! — сказал Седрик, как только в зале поутихло и можно было расслышать его слова. — Узнайте, какие вести принёс нам этот рог. Посмотрим, какие бесчинства и хищения учинены в моих владениях.

Минуты через три возвратившийся слуга доложил, что приор Эймер из аббатства Жорво и добрый рыцарь Бриан де Буагильбер, командор доблестного и досточтимого ордена храмовников, с небольшою свитою просят оказать им гостеприимство и дать ночлег на пути к месту турнира, назначенного неподалёку от Ашби де ла Зуш на послезавтра.

— Эймер? Приор Эймер? И Бриан де Буагильбер? — бормотал Седрик. — Оба норманны... Но это всё равно, норманны они или саксы. Ротервуд не должен отказать им в гостеприимстве. Добро пожаловать, раз пожелали здесь ночевать. Приятнее было бы, если б они проехали дальше. Но неприлично отказать путникам в ужине и ночлеге; впрочем, я надеюсь, что в качестве гостей и норманны будут держать себя поскромнее. Ступай, Гундиберт, — прибавил он, обращаясь к дворецкому, стоявшему за его креслом с белым жезлом в руке. — Возьми с собой полдюжины слуг и проводи приезжих в помещение для гостей. Позаботься об их лошадях и мулах и смотри, чтобы никто из свиты ни в чём не терпел недостатка. Дай им переодеться, если пожелают, разведи огонь, подай воды для омовения, поднеси вина и эля. Поварам скажи, чтобы поскорее прибавили что-нибудь к нашему ужину, и вели подавать на стол, как только гости будут готовы. Скажи им, Гундиберт, что Седрик и сам бы вышел приветствовать их, но не может, потому что дал обет не отходить дальше трёх шагов от своего помоста навстречу гостям, если они не принадлежат к саксонскому королевскому дому. Иди. Смотри, чтобы всё было как следует: пусть эти гордецы не говорят потом, что грубиян Сакс показал себя жалким скупцом.

Дворецкий и несколько слуг ушли исполнять приказания хозяина, а Седрик обратился к кравчему Освальду и сказал:

— Приор Эймер... Ведь это, если не ошибаюсь, родной брат того самого Жиля де Мольверера, который ныне стал лордом Миддлгемом.

Освальд почтительно наклонил голову в знак согласия.

— Его брат занял замок и отнял земли и владения, принадлежавшие гораздо более высокому роду — роду Уилфгора Миддлгемского. А разве все норманнские лорды поступают иначе? Этот приор, говорят, довольно весёлый поп и предпочитает кубок с вином и охотничий рог колокольному звону и требнику. Ну, да что говорить. Пускай войдёт, я приму его с честью. А как ты назвал того, храмовника?

— Бриан де Буагильбер.

— Буагильбер? — повторил в раздумье Седрик, как бы рассуждая сам с собой, как человек, который живёт среди подчинённых и привык скорее обращаться к себе самому, чем к другим. — Буагильбер?.. Это имя известное. Много говорят о нём и доброго, и худого. По слухам, это один из храбрейших рыцарей ордена Храма, но он погряз в обычных для них пороках: горд, дерзок, злобен и сластолюбив. Говорят, что это человек жестокосердый, что он не боится никого ни на земле, ни на небе. Так отзываются о нём те немногие воины, что воротились из Палестины. А впрочем, он переночует у меня только одну ночь; ничего, милости просим и его. Освальд, начни бочку самого старого вина; подай к столу лучшего мёду, самого крепкого эля, самого душистого мората, шипучего сидра, пряного пигмента[1] и налей самые большие кубки! Храмовники и аббаты любят добрые вина и большие кубки. Эльгита, доложи леди Ровене, что мы не станем сегодня ожидать её выхода к столу, если только на то не будет её особого желания.

— Сегодня у неё будет особое желание, — отвечала Эльгита без запинки, — последние новости из Палестины ей всегда интересно послушать.

Седрик метнул на бойкую служанку гневный взор. Однако леди Ровена и все, кто ей прислуживал, пользо-

[1] *Пря́ный пигме́нт* — название вина, приготовленного особым образом, с добавлением мёда.

вались особыми привилегиями и были защищены от его гнева. Он сказал только:

— Придержи язык! Иди передай твоей госпоже моё поручение, и пусть она поступает, как ей угодно. По крайней мере, здесь внучка Альфреда[1] может повелевать, как королева.

Эльгита ушла из зала.

— Палестина! — проговорил Сакс. — Палестина... Сколько ушей жадно прислушивается к басням, которые приносят из этой роковой страны распутные крестоносцы и лицемерные пилигримы. И я бы мог спросить, и я бы мог осведомиться и с замирающим сердцем слушать сказки, которые рассказывают эти хитрые бродяги, втираясь в наши дома и пользуясь нашим гостеприимством... Но нет, сын, который меня ослушался, — не сын мне, и я забочусь о его судьбе не более, чем об участи самого недостойного из тех людишек, которые, пришивая себе на плечо крест, предаются распутству и убийствам да ещё уверяют, будто так угодно Богу.

Нахмурив брови, он опустил глаза и минуту сидел в таком положении. Когда же он снова поднял взгляд, створчатые двери в противоположном конце зала распахнулись настежь, и, предшествуемые дворецким с жезлом и четырьмя слугами с пылающими факелами, поздние гости вошли в зал.

Глава IV

Свиней, козлов, баранов кровь текла;
На мрамор туша брошена вола;
Вот мясо делят, жарят на огне,
И свет играет в розовом вине.
.....
Без почестей Улисс на пир пришёл:
Его в сторонке за треногий стол
Царевич усадил...

«Одиссея». Книга 21

Аббат Эймер воспользовался удобным случаем, чтобы сменить костюм для верховой езды на ещё более великолепный, поверх которого надел затейливо вышитую

[1] *Альфред* — король англосаксонского королевства Уэссекс (871—900). Сыграл видную роль в становлении англосаксонской государственности в эпоху раннего Средневековья.

мантию. Кроме массивного золотого перстня, являвшегося знаком его духовного сана, он носил ещё множество колец с драгоценными камнями, хотя это и запрещалось монастырским уставом, обувь его была из тончайшего испанского сафьяна, борода подстрижена так коротко, как только допускалось его саном, темя прикрыто алой шапочкой с нарядной вышивкой.

Храмовник тоже переоделся — его костюм был тоже богат, хотя и не так старательно и замысловато украшен, но сам он производил более величественное впечатление, чем его спутник. Он снял кольчугу и вместо неё надел тунику из тёмно-красной шёлковой материи, опушённую мехом, а поверх неё — длинный белоснежный плащ, ниспадавший крупными складками. Восьмиконечный крест его ордена, вырезанный из чёрного бархата, был нашит на белой мантии. Он снял свою высокую дорогую шапку: густые чёрные как смоль кудри, под стать смуглой коже, красиво обрамляли его лоб. Осанка и поступь, полные величавой грации, были бы очень привлекательны, если бы не надменное выражение лица, говорившее о привычке к неограниченной власти.

Вслед за почётными гостями вошли их слуги, а за ними смиренно вступил в зал проводник, в наружности которого не было ничего примечательного, кроме одежды пилигрима. С ног до головы он был закутан в просторный плащ из чёрной саржи, который напоминал нынешние гусарские плащи с такими же висячими клапанами вместо рукавов и назывался *склавэн* или *славянский*. Грубые сандалии, прикреплённые ремнями к обнажённым ногам, широкополая шляпа, обшитая по краям раковинами, окованный железом длинный посох с привязанной к верхнему концу пальмовой ветвью дополняли костюм паломника. Он скромно вошёл позади всех и, видя, что у нижнего стола едва найдётся место для прислуги Седрика и свиты его гостей, отошёл к очагу и сел на скамейку под его навесом. Там он стал сушить своё платье, терпеливо дожидаясь, когда у стола случайно очистится для него место или дворецкий даст ему чего-нибудь поесть тут же у очага.

Седрик с величавой приветливостью встал навстречу гостям, сошёл с почётного помоста и, ступив три шага им навстречу, остановился.

— Сожалею, — сказал он, — достопочтенный приор, что данный мною обет воспрещает мне двинуться далее навстречу даже таким гостям, как ваше преподобие и этот доблестный рыцарь-храмовник. Но мой дворецкий должен был объяснить вам причину моей кажущейся невежливости. Прошу вас также извинить, что буду говорить с вами на моём родном языке, и вас прошу сделать то же, если вы настолько знакомы с ним, что это вас не затруднит; в противном случае я сам настолько разумею по-норманнски, что разберу то, что вы пожелаете мне сказать.

— Обеты, — сказал аббат, — следует соблюдать, почтенный франклин, или, если позволите так выразиться, почтенный тан, хотя этот титул уже несколько устарел. Обета суть те узы, которые связывают нас с небесами, или те вервии, коими жертва прикрепляется к алтарю; а потому, как я уже сказал, их следует держать и сохранять нерушимо, если только не отменит их святая наша мать-Церковь. Что же касается языка, я очень охотно объяснюсь на том наречии, на котором говорила моя покойная бабушка Хильда Миддлгемская, блаженная кончина которой была весьма сходна с кончиною её достославной тёзки, если позволительно так выразиться, блаженной памяти святой и преподобной Хильды в аббатстве Витби — упокой Боже её душу!

Когда приор кончил эту речь, произнесённую с самыми миролюбивыми намерениями, храмовник сказал отрывисто и внушительно:

— Я всегда говорил по-французски, на языке короля Ричарда и его дворян; но понимаю английский язык настолько, что могу объясниться с уроженцем здешней страны.

Седрик метнул на говорившего один из тех нетерпеливых взоров, которыми почти всегда встречал всякое сравнение между нациями-соперницами; но, вспомнив, к чему его обязывали законы гостеприимства, подавил свой гнев и движением руки пригласил гостей сесть на кресла пониже его собственного, но рядом с собою, после чего велел подавать кушанья.

Прислуга бросилась исполнять приказание, и в это время Седрик увидел свинопаса Гурта и его спутника Вамбу, которые только что вошли в зал.

— Позвать сюда этих бездельников! — нетерпеливо крикнул Седрик.

Когда провинившиеся рабы подошли к помосту, он спросил:

— Это что значит, негодяй? Почему ты, Гурт, сегодня так замешкался? Что ж, пригнал ты своё стадо домой, мошенник, или бросил его на поживу бродягам и разбойникам?

— Стадо всё цело, как угодно вашей милости, — ответил Гурт.

— Но мне вовсе не угодно, мошенник, — сказал Седрик, — целых два часа проводить в тревоге, представлять себе разные несчастия и придумывать месть соседям за те обиды, которых они мне не причиняли! Помни, что в другой раз колодки и тюрьма будут тебе наказанием за подобный проступок.

Зная вспыльчивый нрав хозяина, Гурт и не пытался оправдываться; но шут, которому многое прощалось, мог рассчитывать на бóльшую терпимость со стороны Седрика и поэтому решился ответить за себя и за товарища:

— Поистине, дядюшка Седрик, ты сегодня совсем не дело говоришь.

— Что такое? — отозвался хозяин. — Я тебя пошлю в сторожку и прикажу выдрать, если ты будешь давать волю своему дурацкому языку!

— А ты сперва ответь мне, мудрый человек, — сказал Вамба, — справедливо и разумно ли наказывать одного за провинности другого?

— Конечно нет, дурак.

— Так что же ты грозишься заковать в кандалы бедного Гурта, дядюшка, за грехи его собаки Фангса? Я готов хоть сейчас присягнуть, что мы ни единой минуты не замешкались в дороге, как только собрали стадо, а Фангс еле-еле успел загнать их к тому времени, когда мы услышали звон к вечерне.

— Стало быть, Фангса и повесить, — поспешно объявил Седрик, обращаясь к Гурту, — он виноват. А себе возьми другую собаку.

— Постой, постой, дядюшка, — сказал шут, — ведь и такое решение, выходит, не совсем справедливо: чем же виноват Фангс, коли он хромает и не мог быстро собрать стадо? Это вина того, кто обстриг ему когти на передних

лапах; если б Фангса спросили, так, верно, бедняга не согласился бы на эту операцию.

— Кто же осмелился так изувечить собаку, принадлежащую моему рабу? — спросил Сакс, мигом приходя в ярость.

— Да вот, старый Губерт её изувечил, — отвечал Вамба, — начальник охоты у сэра Филиппа Мальвуазена. Он поймал Фангса в лесу и заявил, будто тот гонялся за оленем. А это, видишь ли, запрещено хозяином. А сам он лесной сторож, так вот...

— Чёрт бы побрал этого Мальвуазена, да и его сторожа! — воскликнул Седрик. — Я им докажу, что этот лес не входит в число охотничьих заповедников, установленных Великой лесной хартией[1]... Но довольно об этом. Ступай, плут, садись на своё место. А ты, Гурт, достань себе другую собаку, и если этот сторож осмелится тронуть её, я его отучу стрелять из лука. Будь я проклят, как трус, если не отрублю ему большого пальца на правой руке! Тогда он перестанет стрелять... Прошу извинить, почтенные гости. Мои соседи — не лучше ваших язычников в Святой Земле, сэр рыцарь. Однако ваша скромная трапеза уже перед вами. Прошу откушать, и пусть добрые пожелания, с какими предлагаются вам эти яства, вознаградят вас за их скромность.

Угощение, расставленное на столах, не нуждалось, однако, в извинениях хозяина дома. На нижний стол было подано свиное мясо, приготовленное различными способами, а также множество кушаний из домашней птицы, оленины, козлятины, зайцев и рыбы, не говоря уже о больших караваях хлеба, печений и всевозможных сластях, варённых из ягод и мёда. Мелкие сорта дичи, которой было также большое количество, подавались не на блюдах, а на деревянных спицах или вертелах. Пажи и прислуга предлагали их каждому из гостей по порядку; гости уже сами брали себе столько, сколько им хотелось. Возле каждого почётного гостя стоял серебряный кубок; на нижнем столе пили из больших рогов.

---

[1] *Вели́кая лесна́я ха́ртия* — завоевав Англию, норманны установили жестокие охотничьи законы, получившие название Великой лесной хартии. Обширные леса были объявлены королевскими заповедниками, где запрещалась охота. Эти законы вызывали возмущение англосаксонского населения.

Только что собрались приняться за еду, как дворецкий поднял жезл и громко произнёс:

— Прошу прощения — место леди Ровене!

Позади почётного стола, в верхнем конце зала, отворилась боковая дверь, и на помост взошла леди Ровена в сопровождении четырёх прислужниц.

Седрик был удивлён и недоволен тем, что его воспитанница по такому случаю появилась на людях, тем не менее он поспешил ей навстречу и, взяв за руку, с почтительной торжественностью подвёл к предназначенному для хозяйки дома креслу на возвышении, по правую руку от своего места. Все встали при её появлении. Ответив безмолвным поклоном на эту любезность, она грациозно проследовала к своему месту за столом. Не успела она сесть, как храмовник шепнул аббату:

— Не носить мне вашей золотой цепи на турнире, а хиосское вино принадлежит вам!

— А что я вам говорил? — ответил аббат. — Но умерьте свои восторги — франклин наблюдает за вами.

Бриан де Буагильбер, привыкший считаться только со своими желаниями, не обратил внимания на это предостережение и впился глазами в саксонскую красавицу, которая, вероятно, тем более поразила его, что ничем не была похожа на восточных султанш...

Ровена была прекрасно сложена и высока ростом, но не настолько высока, однако ж, чтобы это бросалось в глаза. Цвет её кожи отличался ослепительной белизной, а благородные очертания головы и лица были таковы, что исключали мысль о бесцветности, часто сопровождающей красоту слишком белокожих блондинок. Ясные голубые глаза, опушённые длинными ресницами, смотрели из-под тонких бровей каштанового цвета, придававших выразительность её лбу. Казалось, глаза эти были способны как воспламенять, так и умиротворять, как повелевать, так и умолять. Кроткое выражение больше всего шло к её лицу. Однако привычка ко всеобщему поклонению и к власти над окружающими придала этой саксонской девушке особую величавость, дополняя то, что дала ей природа. Густые волосы светло-русого оттенка, завитые изящными локонами, были украшены драгоценными камнями и свободно падали на плечи, что в то время было признаком благородного происхождения. На шее у неё

висела золотая цепочка с подвешенным к ней маленьким золотым ковчегом. На обнажённых руках сверкали браслеты. Поверх её шёлкового платья цвета морской воды было накинуто другое, длинное и просторное, ниспадавшее до самой земли, с очень широкими рукавами, доходившими только до локтей. К этому платью пунцового цвета, сотканному из самой тонкой шерсти, была прикреплена лёгкая шёлковая вуаль с золотым узором. Эту вуаль при желании можно было накинуть на лицо и грудь, на испанский лад, или набросить на плечи.

Когда Ровена заметила устремлённые на неё глаза храмовника с загоревшимися в них, словно искры на углях, огоньками, она с чувством собственного достоинства опустила покрывало на лицо в знак того, что столь пристальный взгляд ей неприятен. Седрик увидел её движение и угадал его причину.

— Сэр рыцарь, — сказал он, — лица наших саксонских девушек видят так мало солнечных лучей, что не могут выдержать пристальный взгляд крестоносца.

— Если я провинился, — отвечал сэр Бриан, — прошу у вас прощения, то есть прошу леди Ровену простить меня; далее этого не может идти моё смирение.

— Леди Ровена, — сказал аббат, — желая покарать смелость моего друга, наказала всех нас. Надеюсь, что она не будет столь жестока к тому блестящему обществу, которое мы встретим на турнире.

— Я ещё не знаю, отправимся ли мы на турнир, — сказал Седрик. — Я не охотник до этих суетных забав, которые были неизвестны моим предкам в ту пору, когда Англия была свободна.

— Тем не менее, — сказал приор, — позвольте нам надеяться, что в сопровождении нашего отряда вы решитесь туда отправиться. Когда дороги так небезопасны, не следует пренебрегать присутствием сэра Бриана де Буагильбера.

— Сэр приор, — отвечал Сакс, — где бы я ни путешествовал в этой стране, до сих пор я не нуждался ни в чьей защите, помимо собственного доброго меча и верных слуг. К тому же, если мы надумаем поехать в Ашби де ла Зуш, нас будет сопровождать мой благородный сосед Ательстан Конингсбургский с такой свитой, что нам не придётся бояться ни разбойников, ни феодалов. Подни-

маю этот бокал за ваше здоровье, сэр приор, — надеюсь, что вино моё вам по вкусу, — и благодарю вас за любезность. Если же вы так строго придерживаетесь монастырского устава, — прибавил он, — что предпочитаете пить кислое молоко, надеюсь, что вы не будете стесняться и не станете пить вино из одной только вежливости.

— Нет, — возразил приор, рассмеявшись, — мы ведь только в стенах монастыря довольствуемся свежим или кислым молоком, в миру же мы поступаем как миряне; поэтому я отвечу на ваш любезный тост, подняв кубок этого честного вина, а менее крепкие напитки предоставляю моему послушнику.

— А я, — сказал храмовник, наполняя свой бокал, — пью за здоровье прекрасной Ровены. С того дня как ваша тёзка вступила в пределы Англии, эта страна не знала женщины, более достойной поклонения. Клянусь небом, я понимаю теперь несчастного Вортигерна! Будь перед ним хотя бы бледное подобие той красоты, которую мы видим, и то этого было бы достаточно, чтобы забыть о своей чести и царстве.

— Я не хотела бы, чтобы вы расточали столько любезностей, сэр рыцарь, — сказала Ровена с достоинством и не поднимая покрывала, — лучше я воспользуюсь вашей учтивостью, чтобы попросить вас сообщить нам последние новости о Палестине, так как это предмет более приятный для нашего английского слуха, нежели все комплименты, внушаемые вам вашим французским воспитанием.

— Не много могу сообщить вам интересного, леди, — отвечал Бриан де Буагильбер. — Могу лишь подтвердить слухи о том, что с Саладином[1] заключено перемирие.

Его речь была прервана Вамбой. Шут пристроился шагах в двух позади кресла хозяина, который время от времени бросал ему подачки со своей тарелки. Впрочем, такой же милостью пользовались и любимые собаки, которых, как мы уже видели, в зале было довольно много.

---

[1] *Салади́н (Сала́х-ад-дин)* — султан Сирии и Египта (1171—1193), выдающийся полководец, воевавший против европейских крестоносцев на Ближнем Востоке. Попытка последних воспрепятствовать успешным действиям Саладина вылилась в Третий крестовый поход (1189—1192).

Вамба сидел перед маленьким столиком на стуле с вырезанными на спинке ослиными ушами. Подсунув пятки под перекладину своего стула, он так втянул щёки, что его челюсти стали похожи на щипцы для орехов, и наполовину зажмурил глаза, что не мешало ему ко всему прислушиваться, чтобы не упустить случая совершить одну из тех проделок, которые ему разрешались.

— Уж эти мне перемирия! — воскликнул он, не обращая внимания на то, что внезапно перебил речь величавого храмовника. — Они меня совсем состарили!

— Как, плут? Что это значит? — сказал Седрик, с явным удовольствием ожидая, какую шутку выкинет шут.

— А то как же, — отвечал Вамба. — На моём веку было уже три таких перемирия, и каждое — на пятьдесят лет. Стало быть, выходит, что мне полтораста лет.

— Ну, я ручаюсь, что ты умрёшь не от старости, — сказал храмовник, узнавший в нём своего лесного знакомца. — Тебе на роду написано умереть насильственной смертью, если ты будешь так показывать дорогу проезжим, как сегодня приору и мне.

— Как так, мошенник? — воскликнул Седрик. — Сбивать с дороги проезжих! Надо будет тебя постегать: ты, значит, такой же плут, как и дурак.

— Сделай милость, дядюшка, — сказал шут, — на этот раз позволь моей глупости заступиться за моё плутовство. Я только тем и провинился, что перепутал, которая у меня правая рука, а которая левая. А тому, кто спрашивает у дурака совета и указания, надо быть поснисходительнее.

Разговор был прерван появлением слуги, которого привратник прислал доложить, что у ворот стоит странник и умоляет впустить его на ночлег.

— Впустить его, — сказал Седрик, — кто бы он ни был, всё равно. В такую ночь, когда гроза бушует на дворе, даже дикие звери жмутся к стадам и ищут покровительства у своего смертельного врага — человека, лишь бы не погибнуть от расходившихся стихий. Дайте ему всё, в чём он нуждается. Освальд, присмотри за этим хорошенько.

Кравчий тотчас вышел из зала и отправился исполнять приказания хозяина.

Перевод Е. Бекетовой

СТАРЫЕ НРАВЫ

Роман «Айвенго» появился в самом конце 1819 года и сразу стал популярнейшим произведением Вальтера Скотта. Этим произведением Вальтер Скотт начал в своём творчестве новую тему — английской истории и определил его особенным образом — как «рыцарский роман». Это означало, что повествование относится ко временам гораздо более отдалённым, чем в его книгах о прошлом Шотландии.

Решив, по совету издателя, всё же сохранить преемственность с романами «шотландскими», Вальтер Скотт на первых страницах новой книги напомнил о своём прежнем персонаже, малозаметном для читателей, но существенном в композиционном отношении. Это доктор Иона Драйездаст, архивариус, литератор, выступающий в «шотландских» книгах в качестве редактора, автора предисловий и т. п. Этот хранитель преданий, чья фамилия по-русски звучала бы как Сухопыльный, в «Айвенго» оказывается адресатом письма-посвящения, присланного ему вместе с рукописью от имени антиквария английского, некоего Лоренса Темплтона из Кемберленда, края холмов и озёр... Иными словами, это ещё один собиратель старины, которой так увлекались в ту эпоху, старины английской. Причём если Драйездаст-Сухопыльный, в соответствии со своим символическим именем, это педант, стоящий на страже документальности и достоверности, то сочинитель-англичанин выговаривает себе право на известную свободу в обращении с материалом прошлого. Это же было выражено и определением жанра повествования — «рыцарский роман», ибо «рыцарский» во времена Вальтера Скотта означало «полусказочный, мифический».

Конечно, это не та сказочность, о которой идёт речь в «Айвенго», когда там упоминаются герои наиболее давних рыцарских повествований — Тристан и Ланселот. Они, как вспоминает один из персонажей романа, искали приключений в заколдованных лесах, сражаясь с драконами и великанами. Эти герои, в особенности Тристан, были сродни ещё эпическим богатырям. В «Айвенго» вызывается к жизни рыцарство гораздо более позднее и вполне реальное. <...>

Как уже сказано, в Англии саксонско-норманнские противоречия за давностью лет сгладились, зарубцевались. Разговоры о том, кто из них больше сакс, а кто — норманн, среди англичан во времена Вальтера Скотта могли вестись уже только в ироническом, шуточном смысле. Но назрели другие внутренние

противоречия, социальные, и на фоне их соответственно читался «Айвенго». В роли побеждённых или побеждаемых выступала старая знать, в роли победителей или наступавших — новое дворянство, а также буржуазия, поэтому картина внутренних раздоров в стране, как бы то ни было, выглядела злободневно.

Необычайно актуальной являлась ситуация, обрисованная Вальтером Скоттом: король в союзе с простолюдинами выступает против своевольных баронов.

Король Ричард I, прозванный Львиным Сердцем, в романе, конечно, идеализирован. Представленный защитником народных интересов, он-то на самом деле и довёл простых англичан до разорения. Бóльшую часть своего царствования Ричард находился вне Англии — в походах, и проявлялась его власть главным образом в установлении всё новых и новых поборов, необходимых для содержания армии. А выкуп, чтобы вызволить короля из заморского плена, совершенно истощил казну и чуть было не привёл к общенациональной катастрофе. Вырвавшись из плена, Ричард вернулся в своё королевство всего на несколько недель, после чего, собрав очередной налог, тут же вновь отправился на континент в очередной поход, из которого уже не вернулся. Войны, свидетельствующие о том, что король заслужил данное ему молвой гордое прозвище — Львиное Сердце, стране и народу ничего, кроме обнищания и смуты, не принесли.

Соответствует истине подчёркнутая в романе любовь короля к стихам и песням. Ричард Львиное Сердце был не только выдающимся воином, но и незаурядным бардом: умело сочинял стихи и сам исполнял их под собственный аккомпанемент. Однако трогательная забота о подданных и союз с простым народом — откровенный и тенденциозный вымысел автора «Айвенго». <...>

С точки зрения достоверности историки могут в «Айвенго» обнаружить (и обнаруживали) немало нарушений, особенно во времени. Та же история Исаака и Ревекки взята Вальтером Скоттом не из отдалённых источников, а была услышана от Вашингтона Ирвинга и относится к гораздо более поздней поре. Что же касается Робина Гуда, то Вальтер Скотт имел известные основания дать ему имя Локсли, потому что собиратели английской старины обнаружили некоего Роберта Фиц-Ута, родом из Локсли в графстве Ноттингем, он будто бы и был благородным разбойником, грабившим только богатых и получившим легендарное прозвище Робин Гуд, т. е. Робин в Капюшоне. Не исключено и союзничество знаменитого разбойника с королём, но только не с Ричардом Львиное Сердце, а с Эдуардом II — по меньшей

мере на сто лет позднее, и в таком случае это уже не Роберт из Локсли, а какой-то другой человек: предания о Робине Гуде складывались длительное время, и при том, что у них могла быть фактическая основа, в них отразились самые различные времена.

Как рассказывает биограф Вальтера Скотта Джон Локхарт, успех «Айвенго» принёс автору и некоторый урон: его другие романы стали пользоваться меньшей популярностью.

Д. Урнов

Размышляем о прочитанном

1. Надеемся, что вы прочитали роман Вальтера Скотта «Айвенго» целиком. Кто его герои? В чём суть романа?
2. Какой исторической эпохе посвящён роман?
3. Какие писатели России изображали историю своей Родины так же широко?
4. Что особенно привлекает вас в романах Скотта?

Творческое задание

1. Статьи каких литературоведов о писателях и их произведениях вам особенно были полезны? Чем? Подготовьте ответ-рассуждение на этот вопрос.
2. Кому из писателей вы хотели бы поставить памятник? Где бы вы его поставили? Каким вы его видите? Опишите его письменно или устно.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ

Историзм литературы

Историзм — литературное понятие, обозначающее способность в живых картинах, конкретных человеческих судьбах и характерах передать облик той или иной исторической эпохи. Термин «историзм» применяется в двух смыслах. В широком смысле историзм присущ всем истинно художественным произведениям независимо от того, изображают ли они современность или далёкое прошлое.

Кроме того, историзм — понятие, сложившееся в литературе XIX века для обозначения нового подхода к изучению прошлого, когда писатель хочет понять и показать своеобразие более отдалённой эпохи, особенности характеров и поступков людей, т. е. подойти к прошлому исторически. Этот подход проявляется в создании таких исторических жанров, как роман, драма, поэма на исторический сюжет.

Высшее художественное воплощение принципы романтического историзма нашли в творчестве В. Скотта, к которому с величайшим уважением относился А. С. Пушкин — основоположник исторического жанра в русской литературе.

?! *Проверьте себя*

1. Назовите художественные произведения, которым присущ историзм в широком смысле слова, и произведения, целиком посвящённые исторической теме из курса 7 и 8 классов.
2. С какими историческими лицами вы познакомились, прочитав произведения русских и зарубежных писателей в этом году? Так ли вы их представляли при изучении истории?
   Расскажите об одном из таких персонажей.

Композиция

Композиция (*лат.* compositio — сложение, состав, compono — слагать, составлять) — построение художественного произведения, организация образов, их связей и отношений, характеризующие жизненный процесс, показанный в произведении.

С чего начать произведение? Чем его закончить? На какие части оно будет делиться? Что надо сообщить читателю сразу, а что потом? О чём рассказать подробно и о чём коротко? От чьего лица строить повествование? Эти и многие другие вопросы стоят перед писателем, и связаны они с построением произведения, с его композицией.

Подобно архитектору, писатель выстраивает план-проект будущего произведения. Композиционный план может меняться (Пушкин неоднократно перестраивал «форму плана» «Евгения Онегина»). Автор иногда даёт предысторию героя сразу («Капитанская дочка»), иногда потом. Самая первая фраза «Ревизора» Гоголя является завязкой комедии, кульминация и развязка даны одновременно в немой сцене.

?! Проверьте себя

1. Что такое композиция? Приведите примеры завязки, развязки, кульминации в прочитанных вами произведениях Пушкина, Гоголя.
2. В «Капитанской дочке» Пушкин показывает сложное историческое событие с помощью рассказа Гринёва. Что этим достигается?

Роды и жанры литературы

Роды литературы		
Эпос эпические произведения	**Лирика** лирические произведения	**Драма** драматические произведения

В пределах каждого рода выделяется множество видов, которые называются жанрами: в эпосе — эпопея, былина, сказка, роман, повесть, поэма, рассказ, очерк, басня; в драматическом роде — трагедия, комедия, драма; в лирике — стихотворение, романс, послание, элегия.

Роман

Роман (*фр.* roman — первоначально: произведение на одном из романских языков) — большая форма эпического жанра литературы. Его наиболее общие черты: изображение человека в сложных формах жизненного процесса, многолинейность сюжета, охватывающего судьбы ряда лиц, отсюда — большой объём

сравнительно с другими жанрами. В отличие от повести в романе основную организующую роль играет не манера изложения повествования, а сюжет, развитие событий, которые относятся к большому периоду времени и позволяют полно показать целую человеческую жизнь, изобразить длительно протекающий процесс или сложное, многостороннее явление («Айвенго» Вальтера Скотта), — сюжеты, воспроизводящие в хроникальной последовательности многообразные события («История одного города» Салтыкова-Щедрина).

Расцвет романа наступает в XIX веке, в XX и XXI веках продолжается его развитие.

?! Проверьте себя

1. Когда впервые вы встретились с жанром романа? Какой роман был прочитан вами впервые?
2. Какой из романов, прочитанных в 8 классе, показался вам особенно интересным? Чем он вас заинтересовал?

Рассказ

Рассказ — малая эпическая форма художественной литературы, небольшое по объёму изображённых явлений жизни, а отсюда и по объёму текста прозаическое произведение.

?! Проверьте себя

1. Какие рассказы вы прочитали за период учёбы в 5—8 классах?
2. Как прочитанные вами рассказы начинались, заканчивались? О каких героях рассказывали? Ответьте на вопросы на примере 1—2 рассказов.

Повесть

Повесть — занимает промежуточное положение между рассказом и романом. «Повесть тот же роман, только в меньшем объёме» (В. Белинский). Повесть эпически полно обрисовывает характер героя, взаимоотношения между личностью и обществом («Выстрел», «Барышня-крестьянка» Пушкина, «Шинель» Гоголя). В повести и рассказе сильнее, чем в романе, выражено отношение автора к изображаемым явлениям.

Старинные значения термина «повесть» восходят и к «вести о каком-то событии», и к «описанию», «разговору», т. е. повесть вбирает в себя бесчисленное множество устных рассказов.

В ходе исторического развития повесть претерпела изменения. Первоначально она существовала в виде рассказов о князьях, сражениях, житий святых. Новое представление о повести возникает в XVII веке: автор наблюдает за поведением героя («Повесть о Фроле Скобееве» и др.). Познавательно-аналитическая основа усиливается в повестях Пушкина («Метель» и др.). В некоторых из них запечатлён открытый им тип «маленького человека» («Станционный смотритель»).

?! Проверьте себя

1. Какие повести вы прочитали в 5—8 классах? Кто их герои? Какие повести характерны для XVII века? Какой тип героя был открыт в повестях Пушкина? Расскажите об этом герое.
2. Чем отличается повесть от рассказа и романа?

Комедия

Комедия (*гр.* comoidia — весёлая толпа и песня) — один из основных видов драмы, в котором действие и характеры представлены в формах смешного. «В основании истинно художественной комедии лежит глубочайший юмор» (В. Белинский).

Комедия изображает порочное и безобразное прежде всего как выражение внутренней человеческой неполноценности. Комические персонажи стоят как бы ниже окружающей действительности, лишаются разумной формы существования и действия. Отсюда гротеск, гипербола, карикатура как средства комедийной характеристики. В комедии постоянно живёт положительный «герой» — смех, ниспровергающий безобразное и поднимающий над ним читателя.

Различаются комедии положений, когда предпочтение отдаётся событиям, интриге («Комедия ошибок» Шекспира), и комедии характеров, когда источником смешного являются прежде всего характеры («Укрощение строптивой» Шекспира). Среди шедевров комедии преобладают пьесы, сочетающие в себе оба компонента.

В русской комедии разоблачающий смех пробуждал и трагические предчувствия, поскольку в ней изображались глубинные социальные и национально-общественные явления. Белинский называл «Ревизора» Гоголя одновременно и комедией, и трагедией.

Для комедий характерно несоответствие, на основе которого вырастают такие приёмы, как гипербола, гротеск, абсурд.

Например, в незавершённой пьесе Гоголя «Владимир третьей степени» чиновник в конце концов воображал себя орденом, в «Женитьбе» герой перед самой свадьбой выпрыгивает в окно, в «Ревизоре» ничтожного чиновника принимают за важную особу.

?! Проверьте себя

1. Что такое комедия? Какие комедии вам известны и какие из них вы смотрели в театре?
2. Как бы вы определили пьесу «Ревизор»: комедией положений, комедией характеров или пьесой, сочетающей в себе оба компонента?
3. Кто является положительным героем комедии «Ревизор»? Согласны ли вы с оценкой В. Белинского, что комедия «Ревизор» одновременно и трагедия? В чём смысл этого высказывания?

Трагедия

Трагедия (*гр.* tragos — козёл, ode — песня) — один из видов драмы, в основе которого лежит напряжённый, непримиримый конфликт, чаще всего оканчивающийся гибелью героя. В трагедии ставятся проблемы человеческого бытия, движения истории («Борис Годунов» А. С. Пушкина), неодолимости рока, земной любви («Ромео и Джульетта» У. Шекспира).

Трагедия одновременно заключает в себе и оптимизм: например, «Ромео и Джульетта» освещена оптимизмом гуманистической позиции самого автора — У. Шекспира.

Литература и другие виды искусства

1. Какие трагедии вы читали, какие видели в театре? Каковы ваши впечатления?
2. Смотрели ли вы и в каком театре трагедию «Ромео и Джульетта»? Понравилась ли вам игра актёров? Какие чувства вызвала у вас эта пьеса?

Песня

Песня — форма словесного искусства. Следует различать песню фольклорную и песню как жанр письменной поэзии. В традиционном фольклоре текст песни и её мелодия созда-

вались одновременно; литературная песня служила лишь основой для последующих, часто различных словесно-музыкальных произведений.

С. Лазутин

Романс

Романс — стихотворение, положенное на музыку или рассчитанное на такое переложение; обычно — небольшое лирическое произведение, строфическое, со стихами средней длины, с характерной напевной интонацией без отчётливых жанровых признаков. В западноевропейской поэзии были популярны романсы Ш. Мильвуа, Э. Парни. «Романсы без слов» — так озаглавил свой сборник П. Верлен. Подзаголовок «романс» имеют стихотворения А. Пушкина «Под вечер, осенью ненастной...», В. Жуковского «Желание», Е. Баратынского «Разуверение» и многие другие.

М. Гаспаров

Элегия

Элегия — лирический жанр, стихотворение средней длины, чаще всего от первого лица, без отчётливой композиции, обычно печального содержания, преобладающая тематика — любовная. В русской литературе элегия появляется в XVIII веке у В. Тредиаковского, А. Сумарокова и расцветает в XIX веке у В. Жуковского и К. Батюшкова, А. Пушкина и Е. Баратынского и др.

М. Гаспаров

?! Проверьте себя

Назовите знакомые вам песни, романсы и элегии. Какие из них вам нравятся? Кто их авторы?

СЛОВАРЬ ИМЁН
известных писателей, литературоведов, художников, которые упоминаются на страницах учебника

Аникин Владимир Прокопьевич (род. в 1924 г.) — фольклорист, доктор филологических наук, профессор Московского государственного университета, автор многочисленных научных исследований о русском фольклоре, учебников для студентов, книг для учителей и школьников.

Анненский Иннокентий Фёдорович (1855—1909) — поэт, педагог. Сборники стихотворений поэта «Кипарисовый ларец» (1910) и «Посмертные стихи» (1923) оказали сильное влияние на русскую поэзию начала XX века.

Боклевский Пётр Михайлович (1816—1897) — художник, график, автор иллюстраций ко многим произведениям русских писателей. Широко известны его иллюстрации к произведениям Н. В. Гоголя, А. Н. Островского.

Вяземский Пётр Андреевич (1792—1878) — князь, русский поэт и литературный критик. Друг А. С. Пушкина. Для раннего творчества поэта характерно сочетание гражданских мотивов и «лёгкой поэзии», начиная с 40-х годов в поэзии Вяземского преобладают темы воспоминаний, трагических утрат. Автор воспоминаний «Старая записная книжка».

Гаспаров Михаил Леонович (1935—2006) — литературовед, переводчик, академик Российской академии наук, основные труды учёного посвящены античной литературе и стиховедению. Лауреат Государственной премии Российской Федерации.

Гиппиус Зинаида Николаевна (1869—1945) — поэт, прозаик, литературный критик. Хозяйка известного литературного салона в Петербурге. С 1920 года в эмиграции сначала в Польше, а вскоре и до конца жизни во Франции.

Даль Владимир Иванович (1801—1872) — писатель, языковед. Автор «Словаря живого великорусского языка» в четырёх томах. В словаре дано толкование более двухсот тысяч слов. Даль составил фундаментальный сборник «Пословицы русского народа», включавший более тридцати тысяч пословиц, поговорок, загадок, прибауток. Литературную известность В. И. Далю принесли «Русские сказки, из предания народного изустного на

грамоту гражданскую переложенные, к быту житейскому приноровленные и поговорками ходячими разукрашенные казаком Владимиром Луганским» (1832).

Даля связывала долгая творческая дружба с А. С. Пушкиным.

Дон Аминадо (1888—1957) — псевдоним Аминада Петровича Шполянского, поэта, фельетониста, рассказчика. Первый сборник стихотворений поэта вышел в 1914 году. С 1920 года находился в эмиграции.

Заболоцкий Николай Алексеевич (1903—1958) — поэт. Для поэзии Заболоцкого характерны философское осмысление темы преобразования природы, размышления о месте человека в мироздании. Перу поэта принадлежит стихотворный перевод «Слова о полку Игореве».

Исаковский Михаил Васильевич (1900—1973) — поэт, литературный критик, автор книг воспоминаний, на стихи поэта создано большое количество песен, которые не теряют своей популярности на протяжении многих десятилетий. Ещё в 30-е годы прошлого столетия над страной зазвучала знаменитая «Катюша».

В годы Великой Отечественной войны были созданы «В лесу прифронтовом», «Огонёк», «Лучше нету того цвету...», «Не тревожь ты себя, не тревожь...», «Снова замерло всё до рассвета...», «Услышь меня, хорошая...». В 1945 году написано стихотворение о трагедии солдата-победителя «Враги сожгли родную хату...», также ставшее любимой народом песней.

Корин Павел Дмитриевич (1892—1967) — живописец. Тематическим картинам художника («Русь уходящая», «Александр Невский») свойственна одухотворённость и волевая собранность образов, монументальная строгость композиции.

Коровин Валентин Иванович (род. в 1932 г.) — литературовед, доктор филологических наук, профессор, заслуженный деятель науки, автор книг о творчестве русских писателей XVIII—XX веков, многих учебников для школьников и студентов.

Лансере Евгений Евгеньевич (1875—1946) — график и живописец. Народный художник РСФСР. Работал в области книжной графики (известность получили его иллюстрации к произведениям Л. Н. Толстого), исторической живописи (серия «Трофеи русского оружия»), монументально-декоративной росписи.

Левитан Исаак Ильич (1860—1900) — русский живописец-пейзажист. Его поэтические пейзажи особенно близки лирической

поэзии, мастерски передают оттенки чувств и настроений — грусти, тревоги, радости («Золотая осень», «У омута», «Март»), размышления о жизни человека («Над вечным покоем»).

Лихачёв Дмитрий Сергеевич (1906—1999) — литературовед и общественный деятель, академик Российской академии наук, крупнейший исследователь древней русской литературы, автор работ по истории русской культуры. Возглавлял правление Российского фонда культуры.

Манн Юрий Владимирович (род. в 1929 г.) — литературовед, доктор филологических наук, профессор, автор книг о жизни и творчестве Н. В. Гоголя, русских писателей-романтиков, о философской поэзии начала XIX века.

Мережковский Дмитрий Сергеевич (1865—1941) — поэт, прозаик, драматург, переводчик, литературный критик. Муж З. Н. Гиппиус. Широко известны исторические романы и пьесы писателя, литературоведческое исследование «Л. Толстой и Достоевский». С 1920 года жил в эмиграции.

Михайлов Олег Николаевич (род. в 1932 г.) — писатель, литературный критик, литературовед, доктор филологических наук, главный научный сотрудник Института мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук. Автор книг о жизни и творчестве И. Бунина, А. Куприна. Активно работает в жанре исторического романа. Автор романов о поэте Г. Р. Державине, полководцах Кутузове и Ермолове, об императоре Александре III.

Михальская Нина Павловна (1925—2009) — литературовед, доктор филологических наук, профессор, автор книг о зарубежной литературе, в том числе популярной книги для школьников «В странствие к далёким берегам».

Никулин Лев Вениаминович (1891—1967) — писатель. Автор нескольких романов, из которых наиболее известен исторический роман «России верные сыны». Автор книг об известных писателях, деятелях искусства и культуры.

Окуджава Булат Шалвович (1924—1997) — поэт, прозаик, драматург, участник Великой Отечественной войны. Наибольшую известность поэту принесли ставшие широко популярными авторские песни («Ах, Арбат мой, Арбат!», «До свидания, мальчики», «Ваше благородие, госпожа разлука...», «Пожелание друзьям», «Песенка кавалергарда» и многие другие).

Оцуп Николай Авдеевич (1894—1958) — поэт, литературовед. Первый сборник стихотворений поэта «Град» опубликован в

Петрограде. Вскоре он вынужден был эмигрировать. Боролся с фашистами в рядах французского сопротивления, в итальянских партизанских отрядах. Оцуп ввёл в употребление термин «Серебряный век» применительно к русской поэзии начала XX столетия.

Ошанин Лев Иванович (1912—1996) — поэт, автор популярных патриотических и лирических песен. В годы Великой Отечественной войны поэтом созданы песни «Дороги» («Эх, дороги, пыль да туман...»), «Ехал я из Берлина...», «Возвращение». В послевоенные годы были написаны такие известные песни, как «Песня о тревожной молодости», «Течёт Волга». На стихи Л. Ошанина писали музыку выдающиеся композиторы — И. Дунаевский, В. Соловьёв-Седой, А. Пахмутова, Р. Паулс, Н. Богословский, Д. Тухманов и многие другие.

Павловский Алексей Ильич (1926—2004) — литературовед, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинский дом) Российской академии наук. Автор исследований о русской поэзии XX века («Русская советская поэзия в годы Великой Отечественной войны», «Советская философская поэзия»). А. И. Павловским написаны книги о жизни и творчестве Анны Ахматовой, Марины Цветаевой, Ольги Берггольц.

Пластов Аркадий Александрович (1893—1972) — живописец, автор жанровых и пейзажных картин, изображающих русскую деревню («Летом», «Полдень»), труд земледельцев («Завтрак тракториста», «Жатва», «Сенокос»), трагические страницы истории родной страны («Фашист пролетел»), содержащие философские размышления о жизни («Юность»).

Рубцов Николай Михайлович (1936—1971) — поэт. Стихи Рубцова отличает жгучая, «смертная связь» с русской деревней, родной природой, малой родиной. Для его поэзии характерны проникновенный лиризм, напевность интонаций.

Саврасов Алексей Кондратьевич (1830—1897) — живописец, один из родоначальников русского реалистического пейзажа, чьи полотна передают неброскую красоту и значительность обыденных городских и сельских мотивов («Просёлок», «Грачи прилетели»).

Семирадский Генрих Ипполитович (1843—1902) — живописец, работал в Польше и в России. Значительное место в творческом наследии художника занимают картины на исторические темы. Технике живописца присуще мастерство композиции, передача эффектов освещения, театральность.

Серов Валентин Александрович (1865—1911) — живописец и график. Жизненной свежестью, богатством колорита отличаются ранние произведения художника («Девочка с персиками»). Портретам зрелого периода присуща отточенная выразительность. Обращался к темам русской истории («Пётр I»).

Соловьёв Владимир Сергеевич (1853—1900) — религиозный философ, поэт, публицист. Учение Соловьёва о Софии — премудрости Божьей оказало значительное влияние на поэзию русских символистов, в том числе на раннюю поэзию А. Блока.

Суриков Василий Иванович (1848—1916) — живописец. Художник запечатлел на своих полотнах переломные моменты русской истории («Утро стрелецкой казни», «Покорение Сибири Ермаком»), судьбы ярких представителей отечественной истории («Боярыня Морозова», «Меншиков в Берёзове»).

Творогов Олег Викторович (род. в 1928 г.) — литературовед, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинский дом) Российской академии наук. Научные труды литературоведа посвящены древней русской литературе, культуре Древней Руси. Лауреат Государственной премии Российской Федерации.

Фатьянов Алексей Иванович (1919—1959) — поэт-песенник. На стихи поэта написано свыше двухсот песен известными композиторами — В. Соловьёвым-Седым, Б. Мокроусовым, А. Новиковым, М. Блантером и др. Широкой популярностью пользовались песни Фатьянова «На солнечной поляночке», «Соловьи», «Где же вы теперь, друзья-однополчане?..», «В городском саду», «Потому что мы пилоты...», «Хвастать, милая, не стану...», «Когда весна придёт, не знаю...», которые и до сих пор звучат по радио, телевидению, на встречах с друзьями...

Шмаринов Дементий Алексеевич (1907—1990) — художник-график, широко известны его иллюстрации к произведениям русских писателей — А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, М. Ю. Лермонтова и др. Художник иллюстрировал и произведения классиков мировой литературы; в числе его работ наиболее интересны иллюстрации к трагедиям У. Шекспира.

?! Проверьте себя

С какими писателями, художниками вас познакомил учебник, помог ли в этом «Словарь имён...»?

Иван Алексеевич БУНИН

Город Орёл

Профессиональная литературная деятельность лауреата Нобелевской премии Ивана Алексеевича Бунина началась в губернском городе Орле. Почти в каждом номере газеты «Орловский вестник» с осени 1889 года печатались статьи, репортажи, стихи, очерки, рассказы начинающего писателя. В Орле в 1891 году вышла первая книга Бунина «Стихотворения. 1887—1891». Знаменитый перевод поэмы классика американской литературы Генри Лонгфелло «Песнь о Гайавате» также впервые был опубликован на страницах «Орловского вестника», здесь же, в Орле, он вышел отдельной книгой в 1896 году.

В одном из старинных дворянских особняков в центре Орла в декабре 1991 года был открыт литературно-мемориальный музей И. А. Бунина.

Литературно-мемориальный музей И. А. Бунина

Кабинет писателя

В экспозиции музея представлены старинные грамоты и более поздние документы, рассказывающие историю древнего дворянского рода Буниных, к которому принадлежали и известная поэтесса XVIII века Анна Петровна Бунина, и один из литературных учителей А. С. Пушкина Василий Андреевич Жуковский.

Посетители музея увидят на стендах рукописи писателя, прижизненные издания его произведений. Особая гордость музея — воссозданный на основе подлинных мемориальных вещей И. А. Бунина парижский кабинет писателя. Тщательно восстановленный интерьер парижского кабинета оживляют, придают ему ощущение присутствия писателя подлинные вещи Бунина — письменный стол, кресло, небольшой столик с пишущей машинкой, книги, находившиеся когда-то в бунинском кабинете.

В зале, завершающем знакомство с экспозицией музея, можно увидеть видеофильмы, посвящённые И. А. Бунину, в том числе кадры, запечатлевшие вручение писателю Нобелевской премии в 1933 году «За строгий артистический талант, с которым он воссоздал в литературной прозе типичный русский характер».

Сайт музея: bunin.niv.ru/bunin/museum/museum-orel.htm

Александр Трифонович ТВАРДОВСКИЙ

Город Смоленск

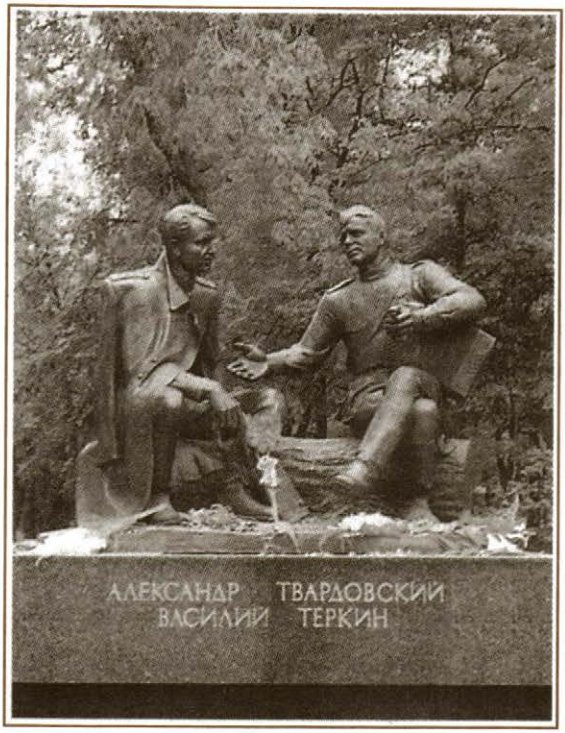
В 1995 году к пятидесятилетию победы в Великой Отечественной войне в Смоленске был открыт памятник. Скульптурная композиция запечатлела поэта А. Т. Твардовского и воспетого им солдата, неунывающего Василия Тёркина, на привале за дружеской беседой. Почему памятник Василию Тёркину установлен в Смоленске? Конечно же, потому, что это литературный герой и всенародный любимец смоленского происхождения.

«Не иной какой, не энский,
Безымянный корешок,
А действительно смоленский,
Как дразнили нас, рожок.

Не кичусь родным я краем,
Но пройди весь белый свет —
Кто в рожки тебе сыграет
Так, как наш смоленский дед...» —

не без гордости заявляет сослуживцам Тёркин. А главное — со Смоленском тесно связана судьба создателя «Василия Тёркина».

В смоленские газеты присылал свои первые стихи Саша Твардовский из родного Загорья. В Смоленск он переехал, твёрдо решив стать поэтом. С начала 1928 года его стихи регулярно появляются на страницах смоленской молодёжной газеты «Юный товарищ». Молодого литератора поддержал живший тогда в Смоленске поэт Михаил Васильевич Исаковский. Когда несколько стихотворений Твардовского было опубликовано в московских изданиях, окрылённый таким успехом, поэт поспешил уехать в Москву. Но вскоре он понял, что ему пока не хватает образования, знаний, общей культуры. Он возвращается в Смоленск и поступает на отделение языка и литературы педагогического института. Напряжённо учится, очень много читает, тщательно изучает все учебные пособия по истории и теории литературы, которые может найти в Смоленске. В то же время продолжает много писать, его стихи всё чаще появляются в центральной печати. В эти годы он создаёт свои первые поэмы, в том числе принёсшую ему всероссийскую известность «Страну Муравию». Проучившись в Смоленске два года, Твардовский перевёлся в Московский инсти-

Памятник А. Т. Твардовскому и Василию Тёркину в г. Смоленске.

тут философии, литературы и истории и окончательно переехал в Москву.

В Смоленске одна из улиц носит имя Твардовского. В 1990 году был открыт музей «А. Т. Твардовский в Смоленске» (Запольный переулок, 4).

Сайт музея: museum.ru/M2319

КРАТКИЙ СЛОВАРЬ ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ

Автобиогра́фия (*гр.* autos — сам, bios — жизнь, graphō — пишу) — литературно-прозаический жанр, описание автором собственной жизни. Литературная автобиография — попытка вернуться в собственное детство, юность, воскресить и осмыслить наиболее значительные отрезки жизни и жизнь как единое целое.

Аллего́рия (*гр.* allēgoria — иносказание) — иносказательное изображение предмета, явления с целью наиболее наглядно показать его существенные черты.

Аллитера́ция (*лат.* ad — со, littera — буква, т. е. собуквие) — повторение однородных согласных звуков, придающее литературному тексту особую звуковую и интонационную выразительность (например: «В сто сорок солнц закат пылал...» — В. В. Маяковский).

Амфибра́хий (*гр.* amphi — кругом, brachys — краткий) — трёхсложный размер стиха с ударением на втором слоге (— ⏑́ —).

Ана́лиз произведения в литературоведении (*гр.* analysis — разложение, расчленение) — исследовательское прочтение художественного текста.

Ана́пест (*гр.* anápaistos — отражённый назад, обратный дактилю) — трёхсложный размер стиха с ударением на третьем слоге (— — ⏑́).

Аннота́ция — краткое изложение содержания книги, рукописи, статьи.

Антите́за (*гр.* antithesis — противоположение) — противопоставление образов, картин, слов, понятий.

Архаи́зм (*гр.* archâios — древний) — устаревшее слово или словосочетание, грамматическая или синтаксическая форма.

Афори́зм (*гр.* aphorismos — изречение) — обобщённая глубокая мысль, выраженная в лаконичной, краткой, художественно заостренной форме. Афоризм сродни пословице, но в отличие от неё принадлежит определённому лицу (писателю, учёному и т. д.).

Балла́да (*прованс.* ballar — плясать) — стихотворение, в основе которого чаще всего лежит историческое событие, предание с острым, напряжённым сюжетом.

Ба́сня — краткий нравоучительный стихотворный или прозаический рассказ, в котором есть аллегория, иносказание. Дей-

ствующими лицами в басне чаще всего выступают животные, растения, вещи, в которых проявляются, угадываются человеческие качества и взаимоотношения (басни Эзопа, Лафонтена, А. Сумарокова, И. Дмитриева, И. Крылова, пародийные басни Козьмы Пруткова, С. Михалкова и др.).

Беллетри́стика (*фр.* belles lettres — изящная словесность) — в широком смысле слова — художественная литература, в более узком — художественная проза, в отличие от поэзии и драматургии.

Бе́лый стих — нерифмованный стих, появился в XVI веке (например, так написан «Борис Годунов» А. С. Пушкина).

Бестсе́ллер (*англ.* best — лучший и sell — продаваться) — книга, имеющая особый коммерческий успех, пользующаяся читательским спросом.

Библиоте́ка поэ́та — серия книг, посвящённая творчеству крупнейших поэтов, отдельным поэтическим жанрам («Русская баллада», «Русские былины» и др.). Основана серия М. Горьким в 1931 году.

Би́блия (*гр.* biblia — буквально «книги») — собрание древних текстов религиозного содержания.

Были́на — жанр русского фольклора, героико-патриотическая песня о богатырях и исторических событиях. (См. статью в разделе, посвящённом этой теме.)

Во́пленицы (плакальщицы) — исполнительницы причитаний (И. Федосова, М. Крюкова и др.).

Геро́й литерату́рного произведе́ния, литерату́рный геро́й — действующее лицо, персонаж литературного произведения.

Гипе́рбола (*гр.* hyperbolé — преувеличение) — чрезмерное преувеличение свойств изображаемого предмета. Вводится в ткань произведения для большей выразительности, характерно для фольклора, поэзии романтизма и жанра сатиры (Н. Гоголь, М. Салтыков-Щедрин, В. Маяковский).

Гроте́ск (*фр.* grotesque, *ит.* grottesco — причудливый, от grotta — грот) — предельное преувеличение, основанное на фантастике, на причудливом сочетании фантастического и реального.

Да́ктиль (*гр.* dactylos — палец) — трёхсложный размер стиха с ударением на первом слоге (́ — —).

Двусло́жные разме́ры — ямб (— ́), хорей (́ —).

Детáль (*фр.* détail — подробность) — выразительная подробность в произведении. Деталь помогает острее и глубже представить читателю, зрителю время, место действия, внешний облик персонажа, характер его мыслей, почувствовать и понять авторское отношение к изображаемому.

Диалóг (*гр.* dialogos — разговор, беседа) — разговор двух или нескольких лиц. Диалог — основная форма раскрытия человеческих характеров в драматургических произведениях (пьесах, киносценариях).

Дрáма (*гр.* drama — действие) — произведение, предназначенное для постановки на сцене.

Жанр (*фр.* genre — род, вид) — вид художественного произведения, например басня, лирическое стихотворение, повесть.

Завя́зка — событие, знаменующее начало развития действия в эпических и драматических произведениях.

Звýкопись в стихосложéнии — то же, что система звуковых повторов, подобранных с расчётом на звукоподражание.

Идéя (*гр.* idea — идея) — основная мысль художественного произведения.

Инвéрсия (*лат.* inversio — перестановка) — необычный порядок слов. Инверсия придаёт фразе особую выразительность.

Интервью́ (*англ.* interview) — предназначенная для печати беседа (журналист и писатель, учёный и студент и пр.).

Интерпретáция (*лат.* interpretatio — объяснение) — истолкование литературного произведения, постижение его смысла, идеи.

Интонáция (*лат.* intonare — громко произношу) — выразительное средство звучащей речи. Интонация даёт возможность передать отношение говорящего к тому, что он говорит.

Ирóния (*гр.* eirōnéia — притворство, насмешка) — скрытая, неявная насмешка.

Композúция (*лат.* compositio — составление, соединение) — расположение, т. е. построение, произведения.

Крылáтые словá — широко употребительные меткие слова, образные выражения, известные изречения исторических лиц.

Кульминáция (*лат.* culmen (culminis) — вершина) — момент наивысшего действия в художественном произведении.

Культýра рéчи — уровень речевого развития, степень владения нормами языка.

Леге́нда (*лат.* legenda — буквально «то, что следует прочесть») — произведения, созданные народной фантазией, где сочетается реальное и фантастическое.

Ле́топись — памятники исторической прозы Древней Руси, один из основных жанров древнерусской литературы.

Литературове́д — специалист, изучающий закономерности историко-литературного процесса, анализирующий творчество одного или нескольких писателей.

Литературове́дение — наука о сущности и специфике художественной литературы, о закономерностях литературного процесса.

Мета́фора (*гр.* metaphora — перенос) — переносное значение слова, основанное на сходстве или противопоставлении одного предмета или явления другому.

Моноло́г (*гр.* monos — один и logos — речь, слово) — речь одного человека в художественном произведении.

Неологи́змы (*гр.* neos — новый и logos — слово) — слова или словосочетания слов, созданные для обозначения нового предмета или явления, или индивидуальные новообразования слов.

О́да (*гр.* ode — песня) — торжественное стихотворение-песнь, посвящённое какому-то историческому событию или герою.

Олицетворе́ние — перенесение человеческих черт на неодушевлённые предметы или явления.

Описа́ние — вид повествования, в котором изображается картина (портрет героя, пейзаж, вид комнаты — интерьер и пр.).

Пейза́ж (*фр.* paysage, от pays — местность) — картина природы в художественном произведении.

По́весть — один из видов эпического произведения. Повесть больше по объёму и по охвату жизненных явлений, чем рассказ, и меньше, чем роман.

Подте́кст — подспудный, неявный смысл, не совпадающий с прямым смыслом текста.

Портре́т (*фр.* portrait — изображение) — изображение внешности героя в произведении.

Посло́вица — краткое, крылатое, образное народное изречение, имеющее поучительный смысл.

По́эма (*гр.* poiēma — творение) — один из видов лироэпических произведений, для которых характерны сюжетность, событийность и выражение автором или лирическим героем своих чувств.

Прито́ча — небольшой рассказ, иносказание, в котором заключено религиозное или моральное поучение.

Про́за (*лат.* proza (oratio) — целеустремлённая речь) — прямая, свободно движущаяся речь, литературное нестихотворное произведение.

Псевдони́м (*гр.* pseudos — вымысел, ложь и onyma — имя) — подпись, которой автор заменяет своё настоящее имя. Некоторые псевдонимы быстро исчезали (В. Алов — Н. В. Гоголь), другие вытеснили настоящую фамилию (Максим Горький вместо А. М. Пешков) и даже передавались наследникам (Т. Гайдар — сын А. П. Гайдара); иногда псевдоним присоединяется к настоящей фамилии (М. Е. Салтыков-Щедрин).

Публици́стика (*лат.* publicus — общественный) — род литературы и журналистики, рассматривает актуальные политические и экономические проблемы.

Развя́зка — один из элементов сюжета, заключительный момент в развитии действия в художественном произведении.

Расска́з — небольшое эпическое произведение, повествующее об одном или нескольких событиях в жизни человека.

Реце́нзия — один из жанров критики, отзыв на художественное произведение с целью его оценки и разбора. Отзыв содержит некоторые сведения об авторе произведения, формулировку темы и главной мысли книги, рассказ о её героях с рассуждениями об их поступках, характерах, взаимоотношениях с другими лицами. В отзыве отмечаются и самые интересные страницы книги. Важно раскрыть и позицию автора книги, его отношение к героям, их поступкам.

Ритм (*гр.* rhythmos — такт, соразмерность) — повторение каких-либо однозначных явлений через равные промежутки времени (например, чередование ударных и безударных слогов в стихе).

Рито́рика (*гр.* rhitorike) — наука об ораторском искусстве.

Ри́фма (*гр.* rhythmos — соразмерность) — созвучие окончаний стихотворных строк.

Романти́зм, *романти́ческий* — направление в литературе, проникнутое стремлением показать в ярких образах высокое назначение человека (например, «Старуха Изергиль» М. Горького).

Сати́ра (*лат.* satira, < satura (lanx) — буквально «смесь, всякая всячина») — беспощадное, уничтожающее осмеяние, критика действительности, человека, явления (сатира М. Е. Салтыкова-Щедрина).

Сравне́ние — изображение одного явления с помощью сопоставления его с другим.

Сре́дства худо́жественной выразительности, или художественные средства (например, аллегория, метафора, гипербола, гротеск, сравнение, эпитет и др.), помогающие нарисовать человека, событие или предмет ярко, конкретно, наглядно.

Стихотворе́ние — написанное стихами произведение, преимущественно небольшого объёма, часто лирическое, выражающее душевные переживания.

Стихотворе́ние в про́зе — один из видов лирических произведений в прозаической форме. Обладает такими признаками лирического стихотворения, как небольшой объём, эмоциональность, бессюжетная композиция (например, стихотворения в прозе И. С. Тургенева).

Строфа́ (*гр.* strophē — поворот) — группа стихов (строк), составляющих единство. Стихи в строфе связаны определённым расположением рифм.

Сюже́т (*фр.* sujet — предмет, содержание, событие) — ряд событий, описанных в художественном произведении и положенных в его основу.

Те́ма (*гр.* thema) — круг жизненных явлений, изображённых в произведении; круг событий, образующих жизненную основу произведения.

Траге́дия (*гр.* tragōdia — буквально «козлиная песнь») — вид драмы, противоположный комедии, произведение, изображающее борьбу, личную или общественную катастрофу, обычно оканчивающуюся гибелью героя.

Трёхсло́жные стихотво́рные разме́ры — дактиль (́ — —), амфибрахий (— ́ —), анапест (— — ́).

У́стное наро́дное тво́рчество, или *фолькло́р*, — искусство устного слова, создаваемое народом и бытующее в широких массах. Наиболее распространённые виды фольклора — пословица, поговорка, сказка, песня, загадка, былина.

Фанта́стика (*гр.* phantastikē — способность воображать) — разновидность художественной литературы, в которой авторский вымысел простирается до создания вымышленного, нереального, «чудесного» мира.

Хоре́й (*гр.* choreios < choros — хор) — двусложный размер стиха с ударением на первом слоге (́ —).

Худóжественное произведéние — произведение искусства, изображает события и явления, людей, их чувства в яркой образной форме.

Цитáта — дословная выдержка из какого-либо текста или дословно приводимые чьи-то слова.

Эзóпов язы́к (от имени древнегреческого баснописца Эзопа) — особый вид письма, иносказание (например, эзопов язык произведений Салтыкова-Щедрина).

Экспози́ция (*лат.* expositio — изложение, объяснение) — обрисовка положения действующих лиц, в котором они находятся до начала действия.

Элéгия (*гр.* elegeia, от elegos — жалобная песня) — стихотворение средней длины, обычно печального содержания, проникнутое грустью.

Эпиграмма — короткое сатирическое стихотворение, зло высмеивающее какое-либо лицо или общественное явление.

Эпи́граф (*гр.* epigraphē — надпись) — короткий текст, помещаемый автором перед текстом сочинения и выражающий тему, идею, настроение произведения.

Эпизóд (*гр.* epeisódion — буквально «вставка») — относительно самостоятельная единица действия произведения, отрывок (фрагмент), в котором говорится о законченном событии, происшествии.

Эпи́тет (*гр.* epitheton — буквально «приложенное») — образное определение предмета, выраженное преимущественно прилагательным.

Эссé (*фр.* essai — попытка, проба, очерк) — прозаическое сочинение небольшого объёма и свободной композиции, выражающее индивидуальные впечатления и соображения по конкретному поводу.

Ю́мор (*англ.* humour — нрав, настроение) — изображение героев в смешном виде. Юмор — смех весёлый и доброжелательный.

Я́мб (*гр.* iambos) — двусложный размер с ударением на втором слоге (— ⏑́).

СОДЕРЖАНИЕ

ИЗ ЛИТЕРАТУРЫ XIX ВЕКА (ПРОДОЛЖЕНИЕ) 3
М. Е. Салтыков-Щедрин ..... —
Проверьте себя 5
История одного города *(Отрывок)* ..... —
Размышляем о прочитанном 14
Учимся читать выразительно ..... —
Творческое задание ..... —
Обогащаем свою речь 15
Фонохрестоматия ..... —
Н. С. Лесков 16
Проверьте себя 17
Старый гений ..... —
Н. С. Лесков и его герои, его отношение к России 25
Размышляем о прочитанном 26
Развиваем дар слова ..... —
Литература и другие виды искусства ..... —
Фонохрестоматия ..... —
Л. Н. Толстой 28
Проверьте себя 30
После бала ..... —
Размышляем о прочитанном 40
Опыт литературоведческого исследования 41
Творческое задание ..... —
Литература и другие виды искусства 42
Развиваем дар слова ..... —
Фонохрестоматия ..... —
Поэзия родной природы 43
А. С. Пушкин. «Цветы последние милей...» 44
М. Ю. Лермонтов. Осень ..... —
Фонохрестоматия ..... —
Ф. И. Тютчев. Осенний вечер 45
Фонохрестоматия ..... —
А. А. Фет. Первый ландыш 46
Фонохрестоматия ..... —
А. Н. Майков. «Поле зыблется цветами...» ..... —
Развиваем дар слова 47
Учимся читать выразительно ..... —
Проект ..... —
А. П. Чехов 48
Проверьте себя 50
О любви ..... —
О героях рассказа А. П. Чехова «О любви» 60
Размышляем о прочитанном 61
А. П. Чехов и его понимание историзма ..... —
Опыт литературоведческого исследования ..... —
Фонохрестоматия 62
Развиваем дар слова ..... —

ИЗ ЛИТЕРАТУРЫ XX ВЕКА 63
И. А. Бунин ..... —
Проверьте себя 64
Кавказ ..... —
Историзм И. А. Бунина 69
Размышляем о прочитанном 70
Развиваем дар слова ..... —
Учимся читать выразительно ..... —
Творческое задание ..... —
Фонохрестоматия 71
А. И. Куприн 72
Проверьте себя 73
Творческое задание ..... —
Куст сирени ..... —
Размышляем о прочитанном 80
Творческое задание ..... —
Развиваем дар слова ..... —
Проект ..... —
Фонохрестоматия 81
А. А. Блок 82
Проверьте себя 83
Мир на Куликовом поле ..... —
Размышляем о прочитанном 87
На поле Куликовом ..... —
Россия 91
Фонохрестоматия 92
Размышляем о прочитанном ..... —
Учимся читать выразительно 93
Опыт литературоведческого исследования ..... —
Развиваем дар слова ..... —
С. А. Есенин 94
Проверьте себя 95
Учимся читать выразительно ..... —
Литература и другие виды искусства ..... —
Пугачёв *(Отрывки)* 96
Размышляем о прочитанном 101
Опыт литературоведческого исследования ..... —
Учимся читать выразительно 102
Развиваем дар слова ..... —
Фонохрестоматия ..... —
И. С. Шмелёв 103
Проверьте себя 104
Как я стал писателем *(С сокращениями)* ..... —
Размышляем о прочитанном 112
Развиваем дар слова 113
Творческое задание ..... —
Московский говор ..... —
Проверьте себя 114
Творческое задание ..... —
Фонохрестоматия ..... —
М. А. Осоргин 115
Проверьте себя 116
Пенсне ..... —

Размышляем о прочитанном ... 121
Развиваем дар слова ... —
Фонохрестоматия ... 122

ПИСАТЕЛИ УЛЫБАЮТСЯ ... 123
Журнал «Сатирикон» ... —
Древняя история ... 124
Учимся воспринимать юмористическое произведение ... 127
Средние века ... 128
Проверьте себя ... 129
Новая история ... 130
Эпоха изобретений, открытий и завоеваний ... —
Размышляем о прочитанном ... 133
Учимся читать выразительно ... —
Творческое задание ... —
Обогащаем свою речь ... 133
Фонохрестоматия ... 134
Тэффи ... —
Проверьте себя ... 135
Жизнь и воротник ... —
Размышляем о прочитанном ... 138
Творческое задание ... 139
Фонохрестоматия ... —
М. М. Зощенко ... —
Творческое задание ... 140
История болезни ... —
Размышляем о прочитанном ... 144
Творческое задание ... 145
Обогащаем свою речь ... —
Фонохрестоматия ... —
А. Т. Твардовский ... 146
Проверьте себя ... 147
Василий Тёркин *(Главы из поэмы)* ... 148
Размышляем о прочитанном ... 172
Творческое задание ... 173
Учимся читать выразительно ... 174
Фонохрестоматия ... —

СТИХИ И ПЕСНИ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ 1941—1945 ГОДОВ ... 175
М. Исаковский. Катюша ... 177
Фонохрестоматия ... —
Враги сожгли родную хату ... 178
Фонохрестоматия ... 179
Б. Окуджава. Песенка о пехоте ... —
«Здесь птицы не поют...» ... 180
Фонохрестоматия ... 181
Л. Ошанин. Дороги ... 182
Фонохрестоматия ... 183
А. Фатьянов. Соловьи ... —
Фонохрестоматия ... 184
Фронтовая судьба «Катюши» ... —
Размышляем о прочитанном ... 187

Творческое задание ..... —
Совершенствуем свою речь ..... —
В. П. Астафьев 188
Проверьте себя 189
Фотография, на которой меня нет ..... —
Размышляем о прочитанном 206
Творческое задание ..... —
Обогащаем свою речь ..... —

РУССКИЕ ПОЭТЫ XX ВЕКА О РОДИНЕ, РОДНОЙ ПРИРОДЕ И О СЕБЕ 207
И. Анненский. Снег ..... —
Фонохрестоматия ..... —
Д. Мережковский. Родное 208
Фонохрестоматия ..... —
Не надо звуков 209
Фонохрестоматия ..... —
Будьте внимательны к слову 210
Учимся читать выразительно ..... —
Н. Заболоцкий. Вечер на Оке ..... —
Фонохрестоматия 211
Уступи мне, скворец, уголок 212
Фонохрестоматия 213
Размышляем о прочитанном 214
Учимся читать выразительно ..... —
Н. Рубцов. По вечерам ..... —
Встреча 215
Привет, Россия ..... —
Фонохрестоматия 216
Будьте внимательны к слову ..... —

«МНЕ ТРУДНО БЕЗ РОССИИ» 217
Поэты русского зарубежья о Родине ..... —
Н. Оцуп. Мне трудно без России... *(Отрывок)* ..... —
З. Гиппиус. Знайте! 218
Фонохрестоматия ..... —
Так и есть ..... —
Фонохрестоматия ..... —
Дон Аминадо. Бабье лето 219
Фонохрестоматия ..... —
И. Бунин. «У птицы есть гнездо...» 220
Фонохрестоматия ..... —
Размышляем о прочитанном ..... —
Учимся читать выразительно 221
Обогащаем свою речь ..... —
Литература и история ..... —
Проверьте себя 225
Обогащаем свою речь ..... —

ИЗ ЗАРУБЕЖНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ 226
У. Шекспир ..... —
Проверьте себя 229
Творческое задание ..... —
Литература и другие виды искусства ..... —
Ромео и Джульетта *(Сцены).* Перевод *Б. Пастернака* 230

Фонохрестоматия 240
Проверьте себя ..... —
Учимся читать выразительно 241
Сонеты ..... —
Размышляем о прочитанном ..... —
Обогащаем свою речь 242
Учимся читать выразительно ..... —
Ж.-Б. Мольер 243
Творческое задание 245
Мещанин во дворянстве *(В сокращении)*. Перевод *Н. Любимова* ..... —
Размышляем о прочитанном 295
Учимся читать выразительно ..... —
Опыт литературоведческого исследования ..... —
Творческое задание ..... —
Проект ..... —
В. Скотт 296
Проверьте себя 298
Айвенго *(Главы из романа)*. Перевод *Е. Бекетовой* 299
Старые нравы 339
Размышляем о прочитанном 341
Творческое задание ..... —

СПРАВОЧНЫЙ РАЗДЕЛ 342
Теоретические материалы ..... —
Историзм литературы ..... —
Проверьте себя ..... —
Композиция ..... —
Проверьте себя 343
Роды и жанры литературы ..... —
Роман ..... —
Проверьте себя 344
Рассказ ..... —
Проверьте себя ..... —
Повесть ..... —
Проверьте себя 345
Комедия ..... —
Проверьте себя 346
Трагедия ..... —
Литература и другие виды искусства ..... —
Песня ..... —
Романс 347
Элегия ..... —
Проверьте себя ..... —

Словарь имён известных писателей, литературоведов, художников, которые упоминаются на страницах учебника 348
Проверьте себя 352
Литературные места России 353
И. А. Бунин. Город Орёл ..... —
А. Т. Твардовский. Город Смоленск 355
Краткий словарь литературоведческих терминов 357

Учебное издание

Коровина Вера Яновна, **Журавлев** Виктор Петрович,
Коровин Валентин Иванович

ЛИТЕРАТУРА
8 класс

Учебник для общеобразовательных организаций

В двух частях

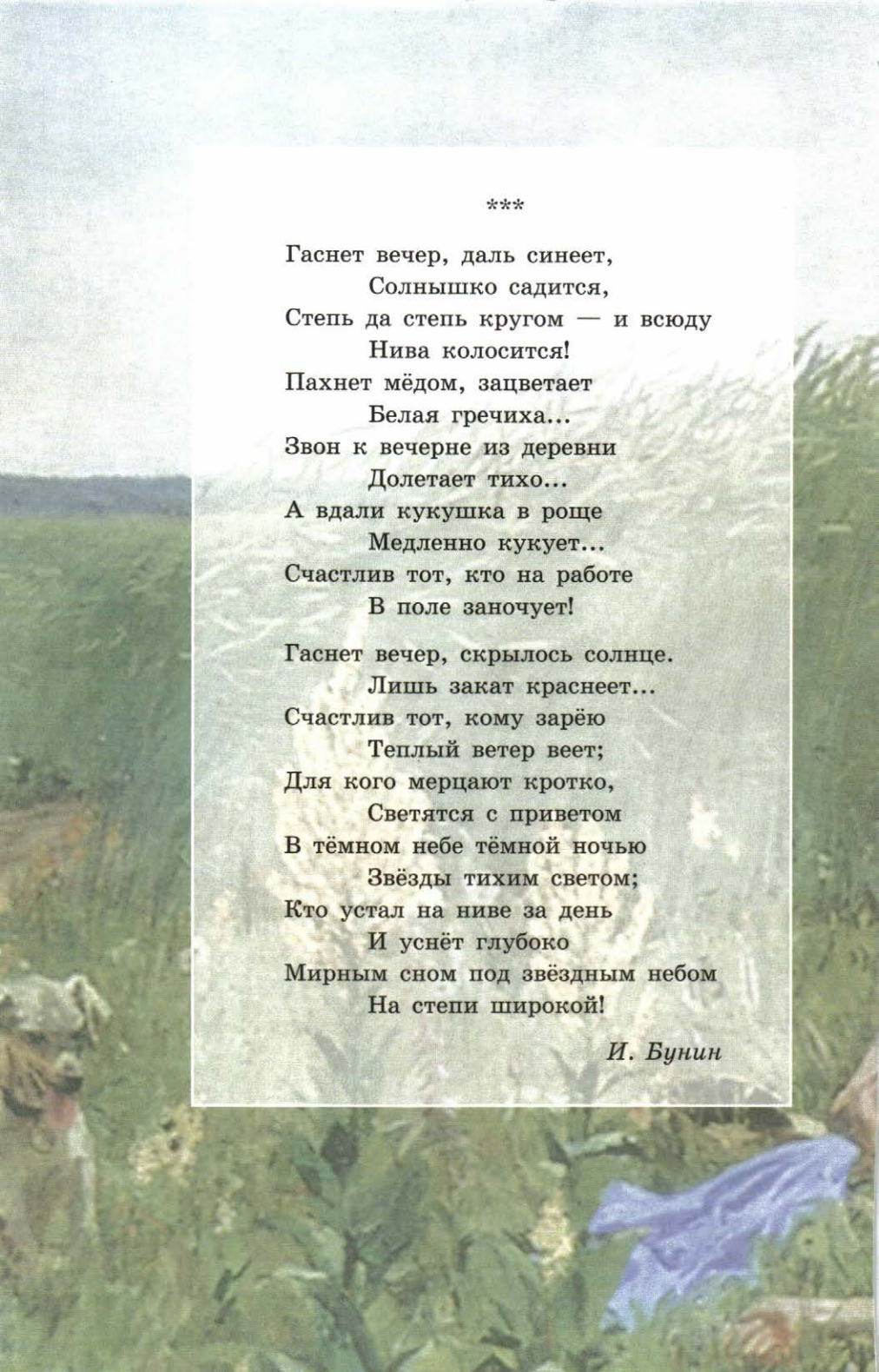
ЧАСТЬ 2

Центр гуманитарного образования
Редакция русского языка и литературы
Зав. редакцией *С. И. Красовская*
Ответственный за выпуск *Т. А. Неретина*
Редакторы *Е. И. Правоторова*, *Е. П. Пронина*
Художественный редактор *А. П. Присекина*
Художники *Ю. В. Христич*, *И. И. Пчелко*
Техническое редактирование
и компьютерная вёрстка *Н. В. Лукиной*
Корректор *М. А. Терентьева*

Налоговая льгота — Общероссийский классификатор продукции ОК 005-93—953000. Изд. лиц. Серия ИД № 05824 от 12.09.01. Подписано в печать 31.08.16. Формат $60 \times 90^1/_{16}$. Бумага офсетная. Гарнитура Школьная. Печать офсетная. Уч.-изд.л.18,81+0,40 форз. Доп.тираж 50000 экз. Заказ № 3036.

Акционерное общество «Издательство «Просвещение».
127521, Москва, 3-й проезд Марьиной рощи, 41.

Отпечатано по заказу АО «ПолиграфТрейд»
в филиале «Тверской полиграфический комбинат детской литературы»
ОАО «Издательство «Высшая школа».
170040, г. Тверь, проспект 50 лет Октября, 46.
Тел.: +7(4822) 44-85-98. Факс: +7(4822) 44-61-51.

***

Гаснет вечер, даль синеет,
Солнышко садится,
Степь да степь кругом — и всюду
Нива колосится!
Пахнет мёдом, зацветает
Белая гречиха...
Звон к вечерне из деревни
Долетает тихо...
А вдали кукушка в роще
Медленно кукует...
Счастлив тот, кто на работе
В поле заночует!

Гаснет вечер, скрылось солнце.
Лишь закат краснеет...
Счастлив тот, кому зарёю
Теплый ветер веет;
Для кого мерцают кротко,
Светятся с приветом
В тёмном небе тёмной ночью
Звёзды тихим светом;
Кто устал на ниве за день
И уснёт глубоко
Мирным сном под звёздным небом
На степи широкой!

И. Бунин

Россія.

Опять, какъ въ годы золотые
Три стёртыхъ треплются шлеи,
И вязнутъ спицы расписныя
Въ расхлябанныя колеи.

Россія, нищая Россія,
Мнѣ избы сѣрыя твои,
Твои мнѣ пѣсни вѣтровыя, —
Какъ слёзы первыя любви!

Тебя жалѣть я не умѣю,
И крестъ свой бережно несу...
Какому хочешь чародѣю
Отдай разбойную красу!

Пускай заманитъ и обманетъ, —
Не пропадёшь, не сгинешь ты,
И лишь забота затуманитъ
Твои прекрасныя черты.

Ну что жъ? Одной заботой болѣ —
Одной слезой рѣка шумнѣй,
А ты всё та же — лѣсъ, да поле
Да платъ узорный до бровей.

И невозможное возможно,
Дорога долгая легка,
Когда блеснетъ въ дали дорожной
Мгновенный взоръ изъ подъ платка,
Когда звенятъ тоской острожной
Глухія пѣсни ямщика.

А. Блок